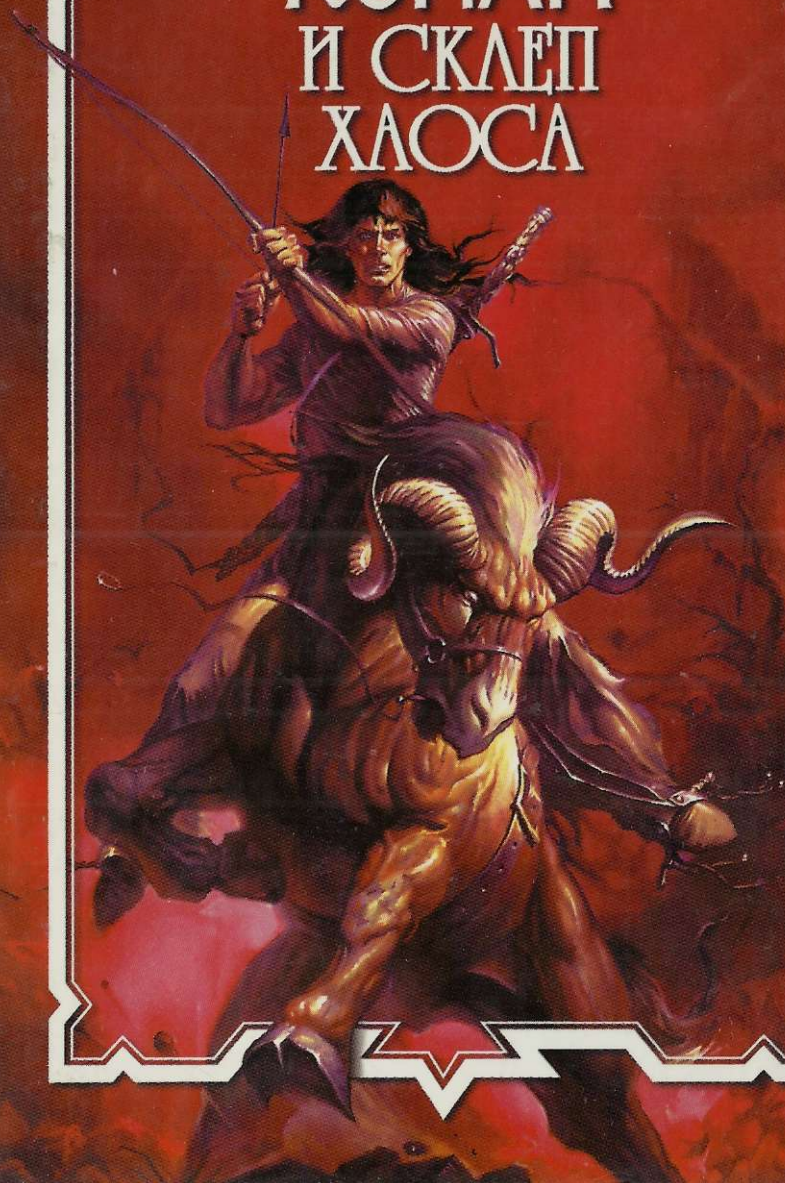

В. Д. МИХАИЛЕНКО
КОНАН

КОНАН И СКЛЕП ХЛОСА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И ЧЕТЫРЕ
СТИХИИ

1

КОНАН
И БОГИ
ТЬМЫ

2

КОНАН
И МЕЧ
КОЛДУНА

3

КОНАН
БРОСАЕТ
ВЫЗОВ

4

КОНАН
И ПОВЕЛИТЕЛЬ
ПЕЩЕР

5

КОНАН
И ПЕСНЯ
СНЕГОВ

6

КОНАН
И НЕБЕСНАЯ
СЕКИРА

7

КОНАН
НА ДОРОГЕ
КОРОЛЕЙ

8

КОНАН
ПРИНИМАЕТ
БОЙ

9

КОНАН
И КАРУСЕЛЬ
БОГОВ

10

КОНАН
И ДАР
МИТРЫ

11

КОНАН
И НОЧНЫЕ
КЛИНКИ

12

КОНАН
И ГРОТ
ДАЙОМЫ

13

КОНАН
И ЗЕРКАЛО
ГРЯДУЩЕГО

14

КОНАН
И ВРЕМЯ
ЖАЛЯЩИХ
СТРЕЛ

15

КОНАН
И ПЬСЫ
ВОЙНЫ
(НЕ ИЗДАНО)

16

КОНАН
И ТАЛИСМАН
ЗЛА
(НЕ ИЗДАНО)

17

КОНАН
И БИЧ
НЕРТАЛА

18

КОНАН
И ГОРОД
ПЛАЧЕНЫХ
ДУШ

19

КОНАН
И ИСТОЧНИК
СУДЕБ

20

КОНАН
И СЕРАДЖЕ
АРИМАНА

21

КОНАН
И БАГРОВОЕ
ОКО

22

КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО

23

КОНАН
И ВОИНСТВО
МРАКА

24

КОНАН
ВАРВАР ИЗ
КИММЕРИИ

25

КОНАН
И РЫЖИЙ
ЯСТРЕБ

26

КОНАН
И ПЛАЧЕЛЬНИКИ
БЕЗДНЫ

27

КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ

28

«Реаним»

КОНАН

КОНАН И СКЛЕП ХЛОСА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Санкт-Петербург • Москва • 2001

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)
К 64

*Серия основана в 1993 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К64 Конан и склеп Хаоса: Роман. — М.: СПб.: «Северо-
Запад Пресс», ООО «Издательство АСТ» 2001, — 528 с.

ISBN 5-93698-006-5 («Северо-Запад Пресс»)
ISBN 5-17-001011-7 (ООО «Издательство АСТ»)

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)

© Ken Kelly, обложка, 1992
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С.Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2000

Глава первая

Утро вступало в свои права. Легкий туман медленно рассеивался, сползая по кривым улочкам к морю. Город подобно только что проснувшемуся человеку протирает глаза, оглядывается и вспоминает, что происходило вчера. Он зевал, лениво шлепал босиком по дому, потягивался и зевал, выглядывал во двор и окликал соседей. Хлопал дверьми, распахивал ставни. Прищурясь, смотрел на небо и встречал новый день.

Город на морском берегу был очень стар. Имя ему — Кордава.

Заезжие гости столицы изощрялись, сочиняя пышные титулы, наперебой твердя о роскоши ее дворцов, живописности гавани и неприступности городских стен.

Они восхищались строгостью и надменностью древней крепости, разноцветьем и многообразием кораблей в порту, пестротой и шумом торговой площади.

Горожане втихомолку посмеивались над впечатлительными путешественниками. Они-то прекрасно знали, каково жить в столице, но, разумеется, предпочитали не болтать об этом. Пусть лучше чужаки, раскрыв рты, глазек по сторонам, лазают по развалинам знаменитых дворцов и внимают рассказам добровольных проводников. И вовсе незачем поднимать крик, обнаружив аккуратно срезанный кошелек. Рассказчику тоже надо жить. Одной благодарностью сыт не будешь.

Солнце карабкалось по небосводу выше и выше, оживающий город шумел все громче. Туман окончательно растаял, открыв любопытным взглядам всю столицу — от дальних предместий и Старой гавани до Коронного замка и торговых кварталов. Правда, никому еще не удавалось увидеть Кордаву целиком, разве что зрителям маяков да стаям крикливых морских птиц.

С высоты город напоминал драгоценную многоцветную застежку-фибулу, соединявшую зелень и золото побережья с беспредельной синей гладью океана. Вместо витого кольца — крепостные стены, вместо острой иглы — блестящая лента Черной реки...

...Словно высокая мутная волна, на город нахлынул день, улицы заполнились людьми, загудел множеством голосов Морской рынок:

— Рыба, рыба, свежая рыба! Да не тычь пальцем, недотепа, — укусит же! Рыба, рыба, прямо со дна морского!

— Только между нами... У Лодочной пристани швартуется галера из Шема с грузом шелковых

тканей, я свожу тебя с купцом Саалом, ты платишь мне двойные посреднические... По рукам?

— Держи вора! Люди добрые, обокрали!

— Амулеты, дешевые амулеты! От сглаза, от порчи, от желудочных корчей! Один возьмешь — сотню лет проживешь! Кому амулеты от всех напастей?

— Подайте на восстановление храма Митры Светозарного, порушенного в начале года нынешнего страшным природным бедствием...

Пусть столичные гости разносят слухи о базарах в шемском Асгалуне, где поистине можно купить все. Пусть заезжие купцы с восхищением повествуют о раскинувшихся на многие лиги торжищах в Султанапуре и Хоарезме. В Кордаве не будут завидовать или восхищенно качать головой. Здесь есть Морской рынок, многоязычный, неумолчный, продающий и покупающий от рассвета до заката и рьяно торгующийся за каждый медяк.

Ни на миг не затихала жизнь в древней Кордаве, столице Зингары, хозяйке Закатного океана и морских дорог. Опасность угрожала ей только с моря, но давно уже перевелись смельчаки, рисковавшие напасть на нее: Коронный замок, вырвавшийся прямо из бушующих волн, стоял на скалистом утесе, и стражники на грозных бастиях серого и темно-красного гранита пристально вглядывались в обманчиво спокойный горизонт. Под столь надежной защитой расцветал не только город, но и Новый замок, выстроенный для нынешнего короля Зингары.

Левое крыло замка — уступами спускавшееся к морю скопление причудливых островерхих башенок и маленьких флигелей бело-розового мрамора, утопающее в яркой зелени — принадлежало молодой наследнице трона, принцессе Чабеле. Сюда собиралось все лучшее, что есть в стране, тут правило бал остроумное легкомыслие, а слово монарха здесь почти не имело силы. Владения Чабелы — маленькое государство в государстве, в котором властвовала юная наследница.

На открытой террасе, с которой открывался вид на пеструю суматуху кордавской гавани, ровно в полдень принцесса встречала гостя, который, презрев все установленные церемониалы, пришел один. Но это ничуть не смутило девушку: наоборот, она была счастлива остаться с ним с глазу на глаз, чтобы никто не мешал их беседе.

* * *

Придворные старого зингарского короля Фердрото в один голос утверждали: принцесса Чабела по молодости и наивности крайне неосторожна в выборе друзей и знакомых, чем нарушает все правила приличия и рискует навсегда опорочить доброе имя правящей династии. Но никто из пламенных защитников чести государства пока не решился самолично доложить королю о недостойном поведении его дочери, не говоря уж о том, чтобы помешать странным приятелям наследницы беспрепятственно являться в замок.

Придворные — они ведь тоже люди и дорожат своей сытой и в общем-то спокойной жизнью. Гости же принцессы с неожиданными препятствиями справлялись простым, но надежным способом — уничтожали их. И неважно, что это было — запертая крепкая дверь или десяток хорошо вооруженных людей. Поэтому большинство обитателей Нового замка предпочитали благоразумно помалкивать и старательно делали вид, что не замечают посетителей наследницы трона.

Обыватели же здраво полагали, что принцесса Чабела сама сообразит, кому стоит доверять, а от кого надо держаться подальше. Кроме того, всем прекрасно известно, чьими стараниями пополняется королевская казна и кто поддерживает влияние Зингары на просторах Закатного океана. А то, что многие за глаза именовали этих людей пиратами, разбойниками и грабителями, пусть остается на их совести: очернить можно ведь кого угодно.

Обычно гости принцессы не предупреждали о своем приходе. Они просто заявлялись (разумеется, не через парадные входы) и после кратких, но содержательных бесед столь же незаметно исчезали, однако в этот день принцесса утром сама отправила в Новую гавань гонца с устным приглашением. Послание было кратким и незамысловатым: «Приходи немедленно».

Принцесса отлично знала, что никакое «немедленно» (ни ее, ни чье-либо еще) не подействует. Ее гость не подчинялся никому и делал

только то, что считал нужным. В этом девушка убеждалась уже не раз. Она посылала в гавань весточку с категорическим требованием сей же миг быть в замке, а возвращавшийся гонец дрожащим не то от испуга, не то от сдерживаемого возмущения голосом докладывал: «Велели ответить — некогда...»

И наследница кордавской короны, никому не прощавшая ни малейшей обиды, устав метать громы и молнии, смирилась. В конце концов, если речь заходила о чем-то действительно важном, ей приходилось ждать ровно столько, сколько требовалось посыльному на то, чтобы добежать до гавани, передать известие, а затем вернуться. Ну или немного больше — если гонцу приходилось обшаривать пристани и окрестные таверны, разыскивая нужного принцессе человека.

Сегодня ожидание затянулось. Мальчишка-вестник ушел рано утром, а сейчас был уже полдень. С высоты открытой террасы Чабела видела просторную гавань и стоявшие в ней корабли, но не могла разглядеть нужное судно. Впрочем, принцесса с величайшим удовольствием выслушала бы от своего посланника слова: «Их нет в Кордаве». Тогда все разрешилось бы само собой: нет так нет. Однако гость, оказывается, просто изволил задержаться по дороге. Разумеется, ему и в голову не пришло извиниться за опоздание, и Чабела в очередной раз задала себе вопрос, на который не могла найти ответа: почему она принимает этого человека в своем доме и даже

по мере сил заботится о его благополучии? Только потому, что он однажды помог ей? Или потому, что в многолюдном замке и огромном городе он был единственным, кому она могла доверять?

Принцесса с детства накрепко усвоила наставления отца: «Доверять нельзя вообще никому. Однако если уж ты вынуждена поделиться своими секретами, то сперва убедись, что твои тайны будут проданы только в случае крайней необходимости и по достойной цене». Чабела так и поступила и с радостью удостоверялась, что не ошиблась в выборе.

О чем шептались во дворце за ее спиной, не имело значения. В конце концов, пройдет еще лет пять или шесть (если, разумеется, на то будет воля богов и не случится ничего непредвиденного), и она займет трон Зингары. Принцесса не забывала время от времени напоминать об этом самым отъявленным болтунам. Любители сплетен либо (если были достаточно разумны) выбирали для бесед другую тему, либо (если ума не хватало) куда-то исчезали. Что поделать? Такова жизнь в Кордаве — никогда не знаешь, что произойдет завтра.

Единственное, в чем Чабела была согласна с обитателями Коронного замка, так это в том, что трудно отыскать человека, менее подходящего на звание доверенного лица принцессы. Ну что могло быть общего у наследницы престола и прирожденного авантюриста? Тем не менее в Новом замке его всякий раз встречали с почетом, какого

не устаивались порой влиятельнейшие посланники из сопредельных стран, и непременно приглашали снова и снова...

Принцесса вздохнула и оглянулась: чем там занят ее гость?

Гость сидел на низенькой мраморной балюстраде, ограждавшей террасу, и смотрел на сиявший под полуденным солнцем залив. Принцесса вздохнула еще раз: как ни жаль, сейчас придется заводить речь о том, ради чего она и позвала своего друга. Разговор обещал быть весьма неприятным, и начинать его Чабеле совершенно не хотелось.

— Что ты там высмотрел? — осведомилась Чабела.

Гость, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Иди полюбуйся, сейчас начнется веселье.

Принцесса встала из-за изящного одноногого столика, заставленного тарелками драгоценного кхитайского фарфора со следами довольно обильного завтрака, и подошла к краю террасы.

— Так что здесь забавного?

Вместо ответа гость показал рукой на дальнюю часть гавани, в устье Черной реки: тяжело груженная и низко сидевшая галера по невнимательности рулевого заползла на отмель. Издалека длинный корпус судна напоминал увязшего в густой смоле жука-водомерку, который пытался тронуться с места, лихорадочно молотя лапками-веслами. Сходство усиливали несколько метавшихся вокруг баркасов, что пытались вытянуть застрявший в песке корабль на более глубокое место.

— Не повезло беднягам, — усмехнулась Чабела. — Провозятся до вечера. Кто это?

— «Каракатица» из Мерано, аргосские купцы, — кратко пояснил гость. — Крепко завязли. Интересно, кто у них на руле стоял? Я бы такого не то что к кораблю — к гавани близко не подпустил...

— Можно подумать, у тебя никогда не было неприятностей, — съязвила принцесса.

— Таких не было, — пожал плечами гость, тряхнув нечесаной черной гривой. — Хочешь — пойдем с нами, сама убедишься.

— Благодарю покорно! — Чабела даже вздрогнула. — Когда я в последний раз согласилась на это безумное предложение, вас угораздило ввязаться в бой с тремя или четырьмя кораблями сразу, а меня, — она смущенно хихикнула, — стыдно признаться, но меня укачало. Кроме того, стоило мне отвернуться, как твоя злая подружка начинала шипеть, как кошка с прищемленным хвостом, а команда ворчала, что две женщины на борту — это перебор. Вдобавок во дворце на меня обрушилось столько презрительных взглядов и многозначительных намеков, что я устала придумывать достойные ответы! Хватит, хватит, больше ты меня не уговоришь! Я лучше помашу вам с причала. Гораздо безопаснее, а горожане останутся довольны: такое великолепное представление и совершенно бесплатно!

— Как хочешь, — невозмутимо сказал гость. — Кстати, зачем я тебе понадобился? Если тебе не с кем поболтать, то извини — у меня дел полно...

— Есть новости.

Принцесса прыгнула с мраморной ограды и прошла по террасе. Молодая наследница престола была весьма привлекательна и отлично знала это, но сейчас могла позволить себе редкое удовольствие — побыть собой. То есть слегка встревоженной, слегка злой и слегка испуганной девушкой, которая беспокоится за судьбу своего давнего и куда более опытного в жизненных передрягах друга.

— Судя по твоему лицу, плохие, — безмятежно заметил гость, так и не покинувший облюбованного места. — Слушай, перестань темнить и объясни все толком.

— Объясняю. — Чабела подобрала виноградный листок, заброшенный на террасу ветром, и принялась безжалостно рвать его на кусочки. Голос ее при этом звучал ровно, как будто она говорила о чем-то обыденном и очень скучном. — Тебе необходимо покинуть столицу. Как можно скорее, лучше всего — сегодня.

— С какой радости? — нахмурился гость. — Ты полагаешь, все так просто? Собрались и ушли? Мы только что вернулись, команда гуляет в городе, в трюмах хоть шаром покати... Да посмотри вокруг! Уже две седмицы стоит мертвый штиль, а это значит, что не сегодня завтра начнется буря. Я предпочел бы переждать ее в гавани, а не болтаться на хлипкой посудине посредине океана. К чему такая спешка?

— Конан, я когда-нибудь давала тебе плохие советы? — рассердилась принцесса и, не дожидаясь

ясь ответа, продолжила: — Ты хоть раз можешь не задавать вопросов, а делать, что тебе говорят?

— Не могу, — отрезал капитан пиратского судна. — Признайся, наследница короны, кому мы отдавали мозоль на этот раз?

— Отцу, — грустно вздохнула Чабела, рассудив, что будет лучше сразу высказать все. — Он по-настоящему разозлился. Не надо было убивать дядю Гильермо... Только не говори, что это случайность, я сама прекрасно знаю. Я молчала, как мы договаривались, но кто-то доложил королю о твоих проделках. Теперь отец утверждает, что ты во всем виноват, и ему ничего не доказать. Если ему сообщат — а я предполагаю, что уже донесли, доброжелателей у нас тут хватает, — что твой корабль в Кордаве, он потребует, чтобы ты явился к нему. Судно у тебя отберут, команду разгонят, и это будет меньшей из всех бед. Кроме того, есть еще кое-что... — Принцесса замолчала и уставилась на то, что осталось от листка.

— Договаривай, чего уж там, — махнул рукой гость.

— Ходит слух, что ты нарушаешь присягу и уже несколько раз нападал на корабли под зингарским флагом, — неохотно продолжила Чабела.

— И кто это говорит? — зло прищурился Конан.

— Как обычно. Все и никто, — отозвалась принцесса. — Ты же сам знаешь, о чем шепчутся во дворце, о том вскоре начнут кричать на улицах. — Она неожиданно резко вскинула голову, отчего

дрогнули украшавшие ее сложную прическу белые розы, и отчеканила: — Я этому не верю. Полагаю, если бы ты захотел порвать отношения с тронем Зингары, то, скорее всего, просто высказал бы все отцу, потом хлопнул дверью и ушел. Я права?

Гость молча кивнул.

— Ни для кого не секрет, что многие тебе завидуют,— уже спокойнее заговорила Чабела.— Может, кто-то распускает сплетни, а может, кто-то и правда нападает на корабли, прикрываясь твоим именем. Кстати, последний раз судно ограбили неподалеку от устья Фламмы, Громовой реки, как ее называют в Аквилонии. Где-то рядом с городом Карташеной. В общем, я сказала все, что хотела. И повторю еще раз: тебе надо исчезнуть не меньше чем на луну. За это время я сумею убедить отца, что он глубоко заблуждается. Покрутитесь возле Шема, лишний разок припугните толстосумов из Асгалуна и возвращайтесь. Согласен?

— Твоему грозному папочке вожжа под хвост попала, а я должен удирать без оглядки? — медленно проговорил Конан.

Принцесса в отчаянии всплеснула руками:

— Да почему ты такой упрямый? Что ты пытаешься доказать? Что твоя команда — лучшая на всем океане? С этим уже давно никто не спорит — от мерзавцев с Барахских островов до почтенных купцов. Неужели ты хочешь все сгубить из-за собственного упрямства? Я-то считала тебя благоразумным человеком...

— Я разумный человек,— поправил ее гость.— И потому не хочу срываться с места в самом начале сезона штормов.

— Ни за что не поверю, что у тебя на примете нет какой-нибудь маленькой незаметной гавани, где можно укрыться,— недоверчиво взглянула на него Чабела.— Ведь есть?

— Допустим,— отозвался Конан и нахмурился.— Нечего сказать, удружила! Мне же сейчас придется по всей Кордаве собирать команду! Ты знаешь, сколько таверн надо обойти? Если ребята взбунтуются, я скажу, что ты во всем виновата. Ты и твой папаша-кровопийца.

— Оставь в покое моего отца. С вами по-другому нельзя,— огрызнулась принцесса.— Время от времени кого-то из вашей вольной шайки необходимо примерно наказывать, а то соседи начинают ворчать. Мол, кордавские корсары совсем отбились от рук, даже собственного короля не уважают. Придется тебе и твоим людям немного поскучать вдали от наших гостеприимных берегов. И не вздумайте бунтовать! Тогда даже мое заступничество и прежние заслуги не спасут... Так я могу надеяться, что к завтрашнему утру тебя здесь не будет?

— Уговорила,— неохотно согласился гость.— Сама отлично знаешь, нет у меня никакого желания ссориться с Фердруго. Так и быть, сегодня вечером или ночью мы уйдем.

Чабела улыбнулась:

— Я не сомневалась, что ты правильно поймешь меня,— и крадчиво добавила: — Впрочем,

тебе вовсе не обязательно прямо сейчас мчаться в гавань.

* * *

Приятеля принцессы, не желавшие привлекать к себе излишнего внимания, обычно покидали Новый замок через неприметные Торговые ворота, которые предназначались для поставщиков двора и прислуги. Конечно, здесь тоже стояла стража, но многоопытные караульные давно усвоили, что иногда лучше становиться ненадолго подслеповатым и тугоухим. У стражника справа при виде корсарского капитана немедленно что-то случилось с завязками надраенного до нестерпимого блеска панциря, а гвардеец слева решил, что самое время прикрикнуть на возницу медленно вползающей в ворота тяжело груженной повозки. Возчик счел своим долгом подробно объяснить караульному, кому тот должен приказывать и что именно. К оживленной перебранке тут же присоединились все, кому было что добавить... В общем, никто даже не попытался задержать человека, вышедшего из дворца, и поинтересоваться, кто он такой и что здесь делает.

Узкая улочка, мощенная гранитными булыжниками, вела от Торговых ворот напрямик в Приморский квартал, к гавани. Гость наследницы короны неспешно прошел вдоль наружной стены замка, свернул налево, на миг задержался возле лотка уличного торговца фруктами, невозмутимо прихватил особо приглянувшуюся ему

кисть винограда и отправился дальше. Слегка растерявшийся от такой дерзости торговец открыл было рот, потом пристально посмотрел вслед уходящему грабителю, сплюнул и рассудил, что от потери одной виноградной кисти он не обеднеет. Затевать ссору, звать городскую стражу — себе дороже!

Улица вильнула в последний раз и оборвалась у начала городской достопримечательности — широченной лестницы под названием Корабельная, длиной едва ли не в тысячу ступенек, несколькими пролетами спускавшейся к морю. Отсюда были видны почти весь полукруглый залив, далеко вытянувшиеся в море причалы и поблескивающее на солнце тускловатой старой бронзой Чудо Морское. Конан, обитавший в Кордаве уже почти год, все равно задержался у начала лестницы, в очередной раз с удивлением подумав, как можно украсить свой город таким чудовищем да еще и искренне восхищаться им и даже водить сюда приезжих.

Чудо Морское было статуей, монументом, воздвигнутым в честь морской славы Зингары. Задумывалось оно как памятник морякам, погибшим около ста лет назад, во времена ожесточенных сражений Зингары и Аргоса. Победившая Зингара решила не жалеть денег и заставить все страны Полуденного Побережья трепетать от восторга.

Памятник, по мнению Конана на редкость уродливый, имел по меньшей мере две сотни локтей высоты, а чтобы установить его посреди-

не гавани, пришлось ради этого затопить несколько десятков барж с камнями и землей. По замыслу создателя, он должен был напоминать горожанам о подвиге нефа «Ястреб», который сумел в одиночку прорваться в устье Хорота и высадить войско возле Мессантии, что в корне изменило ход какого-то знаменитого сражения. На деле же Чудо Морское больше походило на огромную бронзовую скалу, из которой то здесь, то там торчали причудливые носовые украшения доброго десятка кораблей, так или иначе отличившихся в те бурные времена. Венчалось огромное сооружение слегка уменьшенной копией знаменитого «Ястреба» под всеми парусами. Знатоки со смешками уверяли, что прославленный неф выглядит в точности как перегруженная галера, с размаху налетевшая на подводные камни.

Монумент, правда, приносил пользу, и немалую: по ночам на его верхушке зажигали огонь, ясно видимый за несколько десятков лиг даже в самом густом тумане.

Но днем смотреть на статую без содрогания было невозможно. Слишком уж она была огромной, пышной и безвкусной. Чудом Морским ее прозвали острословы, и это название стойко держалось уже почти сто лет, даже войдя в списки лопий.

Статуя также полюбилась разнообразным морским птицам, которые немедленно обосновались в ее многочисленных нишах и выемках и быстро обляпали белым пометом все выступающие час-

ти. Памятник время от времени чистили, но толку от этого было чуть больше, чем никакого.

«Не чудо, а чудовище,— решил про себя Конан, быстро спускаясь по широким ступеням Корабельной лестницы мимо пестрых лотков и шумных торговцев.— Скорее бы оно рухнуло... И хорошо бы на голову той скотине, что напела Фердугу про наши темные делишки. Вот не повезло так не повезло!»

С тех давних времен, когда кому-то из зингарских королей пришла в голову блистательная мысль привлечь на свою сторону пиратскую вольницу, отношения между правителями страны и корсарами были не слишком доброжелательными. Короли частенько жертвовали пиратскими кораблями во имя своих собственных или государственных интересов. Корсары не оставались в долгу, удирая на Барахские острова или переходя на службу к Аргосу, вечному сопернику Зингары. Впрочем, надо отдать должное и тем, и другим — большинство честно соблюдало условия заключенного договора.

Около года назад в гавани Кордавы отдало якоря ничем не примечательное судно под названием «Вестрел», а его капитан по общему решению команды попросил дозволения поднять на корабле флаг Зингары, за что пообещал внести в казну государства требуемую мзду и расплачиваться установленной долей с возможной добычи.

И все бы было ничего — таких прошений в Коронный дворец иногда поступало по десятку за

луну,— да только имя у этого капитана было примечательное. Звали его Конан (или, как именовало его большинство друзей и врагов, Конан Киммериец), а разнообразных сплетен и слухов за ним волочилося не меньше, чем водорослей за старым кораблем, уже полсотни лет не покидавшим причал. Кто-то называл его «дикарем без всякого понятия о чести», кто-то «бездушным убийцей и грабителем». Нашлись также, к немалому удивлению короля, достойные всяческого уважения люди, всерьез утверждавшие, что поверят единственному слову в мире, при условии, что оно будет дано тем самым Конаном...

Наконец из Коронного замка в гавань прибыл долгожданный гонец. Он привез с собой связку подписанных королем бумаг, из коих следовало: «Вестрел», находящийся под командованием некоего Конана Киммерийца, с экипажем в два с половиной десятка человек отныне входит в состав флота короны Зингары. Команду подбирать капитан будет сам, место стоянки назначит начальник порта, привозимые ценности отныне подлежат досмотру особых служб... В общем, добро пожаловать на королевскую службу!

С того памятного дня миновало почти десять лун. В гавани привыкли к неожиданным появлениям и исчезновениям «Вестрела», во дворце смирились с тем, что принцесса Чабела благоволит столь подозрительной личности, как корсарский капитан. Жизнь была не то чтобы чрезмерно насыщенной событиями, однако скучать не приходилось.

И как водится, в одно прекрасное утро все пошло наперекосяк.

Собственно, утро было самым обыкновенным. Едва брезжил серенький рассвет неподалеку от побережья Шема. Застилевший «Вестрел» покачивался на тихих волнах в ожидании, когда ветер разгонит туман и можно будет определиться, куда идти дальше.

Показавшуюся из-за непроглядной пелены торговую галеру команда восприняла как неожиданный подарок судьбы. Бывалым пиратам ни к чему объяснять, что делать. На галере никто даже пикнуть не успел, как она поменяла хозяина. И лишь какой-то полоумный смельчак выскочил на палубу и начал увлеченно размахивать тоненькой сабелькой направо и налево. Однако удар веслом по голове убедил единственного защитника судна, что лучше не лезть не в свое дело, и он затих. Навсегда.

К тому времени окончательно рассвело и выяснилась еще одна интересная подробность. Над галерой развевалось знамя Зингары. Свои ограбили своих. И не такое случается...

С того дня для «Вестрела» начались неприятности. Сначала выяснилось, что не обошлось без свидетелей (хотя любой из команды мог поклясться, что в то утро на десяток лиг в округе не маячил ни один парус). Свидетель оказался достаточно умен, чтобы не мчаться с доносом в Коронный замок, а попробовать извлечь из этого пользу для себя. Заодно стало известно, кто так неосторожно полез в драку с пиратами. Убитый

оказался дальним родственником короля, направлявшимся по делам короны в Шем.

Вопрос был поставлен предельно ясно: или капитан «Вестрела» соглашается выполнить некое довольно опасное поручение, или Фердруго узнает, кто послужил причиной смерти его родича.

К сожалению нанимателя, его далеко идущим планам не суждено было осуществиться, хотя Конан и не собирался его обманывать. В игру вмешались новые участники, и события приняли иной, совершенно непредсказуемый оборот. В итоге кое-кто отправился на встречу со своими предками, команда «Вестрела» слегка разбогатела, но, к общему огорчению, лишилась своего любимца — юнга Вайда по прозвищу Крысенок. Вайд предпочел остаться на далеком дарфарском побережье, вбив себе в голову, что его судьба отныне связана с древним и непонятным сооружением, затерянным в джунглях.

«Вестрел» вернулся в гавань Кордавы. Все было глубоко уверено, что их злоключения на этом закончились, но, как только что выяснилось, заблуждались. Кто-то все же доложил королю о том, что произошло в то далекое туманное утро. Принцесса совершенно права: надо срочно сматываться. Фердруго не простит смерти родственника, к тому же в последнее время между королевскими корсарами и правителем страны сложились не самые лучшие отношения. Команды нескольких кораблей, недовольные порядками в городе, взбунтовались и ушли на Барахские острова, на

остальных власти Кордавы начали поглядывать с плохо скрываемым подозрением. Проще будет в самом деле не мозолить глаза обитателям Коронного замка, затаиться и подождать, чем все закончится.

Конан никогда не считал себя совершенно честным человеком, но раз уж он пообещал служить короне Зингары — он сдержит свое слово. И ни одному болтуну не позволит безнаказанно трепаться у него за спиной! Чабела сказала, что последнее нападение произошло возле устья Громовой? Отлично, вот туда они и отправятся! И если этому недоумку не посчастливится и он попадется на дороге «Вестрела» — пусть пеняет на себя и на свой чересчур длинный язык!

Погрузившись в размышления, Конан не заметил, что преодолел Корабельную лестницу и теперь идет по набережной. С одной стороны толпились, тесня друг друга и споря пестротой вывесок, всевозможные лавки, трактиры, гостиницы, торговые дома и склады, с другой тянулись ровные каменные причалы. Под деревянными настилами тихо плескалась зеленоватая вода, в которой, несмотря на строжайшее предупреждение начальника порта, плавали выплеснутые за борт объедки. Слышалось поскрипывание и шуршание — это терлись о плетеные кранцы борта кораблей. Пронзительно орали птицы, переругивались носильщики, торговцы зазывали покупателей, дрожал над заливом нагретый воздух — словом, в гавани Кордавы все было как всегда.

* * *

«Вестрел» — небольшой, изрядно потрепанный волнами и ветрами двухмачтовик с высоко поднятой кормой — стоял почти в самом конце набережной. Место было выбрано не случайно: во-первых, отсюда легко заметить приближающихся нежеланных гостей; во-вторых, можно быстро и незаметно поднять паруса и уйти вдоль берега, не пересекая гавань.

Издалека корабль с убранными парусами и поднятыми сходнями выглядел на удивление тихим и заброшенным. Однако Конан надеялся застать на борту кого-нибудь из команды, чтобы послать его разыскивать загулявший экипаж. Большинство наверняка торчит в маленьких кабачках на набережной, а любители основательно выпить и закусить, скорее всего, обосновались в таверне «Девять стрел». Неохота, конечно, выдергивать людей из-за столов и разлучать их с только что найденными подружками, но ничего не поделаешь. Для их же блага.

Вахтенный, которому вроде как полагалось наблюдать за берегом и встречать приходящих, разумеется, клевал носом. Так что вернушемуся из города капитану пришлось, ворча, перелезть через высокий фальшборт и прыгать на нижнюю палубу.

Там царил настоящая идиллия. Поверх свежeweмытых досок лежала слегка облезлая шкура, на которой расположились двое мужчин, девушка в ярко-красном платье, вместительная корзина с бутылками и игральная доска. Судя

по расстановке фишек, партия была в самом разгаре.

Востроносая девица бодро откупоривала бутылки и шепотом давала советы играющим. Игроки — неизменный рулевой судна, рыжий ванир Сигурд и первый помощник капитана Асторга — раздраженно отмахивались от нее и вполголоса переругивались.

Девчонку Конан тоже знал. Она была уличной торговкой и очередной подружкой Асторги (именно поэтому ей разрешалось иногда подниматься на корабль). Звали ее Эболи Колючка.

Она-то и заметила капитана и, наклонившись, подтолкнула увлекшихся игроков, быстро что-то прошептав. Сигурд и Асторга неохотно оглянулись.

— Смотрите, кого принесло... — протянул Асторга, приветственно помахав наполовину опустевшей бутылкой. — Что новенького в замке? Как поживает наша очаровательная Чабела?

— Ты чего так быстро? — осведомился Сигурд. — Не пустили, что ли? Кстати, тут по твою душу заявлялся какой-то расфуфыренный молодой человек, сказал, что у него есть для нас предложение...

— ...И что он будет ждать до четвертого колокола на набережной, в «Золотой миноге», — договорила за него Колючка, вставая и оправляя платье. — Ну, я пойду, что ли? Работать пора. Не хочется, конечно, но жить-то надо... Всего хорошего, дорогой. Сигурд, отвяжись! До свиданья, месье-ор капитан...

— Подожди,— остановил ее Конан.— А вы оба поднимайтесь и марш на берег — собирать команду!

— Он, должны быть, перегрелся,— меланхолично предположил Асторга, даже не пытаясь встать.— Капитан, что это с тобой? Да прощайте наше Морское Чудо своротить, чем затащить ребят на борт!

— Мы что, уходим? — взвыл Сигурд.— Не, Конан, ты точно свихнулся! Или кому-то понадобились наши головы?

— Вот именно.— Капитан «Вестрела», дабы подтвердить свои слова, наградил обленившихся подчиненных парой легких, но чувствительных пинков.— Шевелитесь! К вечеру нас уже не должно здесь быть. Об остальном поговорим в море, сейчас главное — убраться из гавани. Мне повторить?

— Лучше не надо.— Асторга с кряхтением поднялся на ноги.— Ладно, раз уж такое дело... Ты сейчас куда?

— Пойду узнаю, что за тип к нам наведывался и что ему нужно,— отозвался Конан.— Заодно прогуляюсь по набережной, разыщу наших и пригоню сюда. Сигурд, ты не знаешь, где Зелтран?

— Боцман? — хмыкнул ванир.— Как не знать? С раннего утра бросил якорь в «Стрелах» и хлещет за троих. Сходить за ним?

— Еще спрашиваешь! — рявкнул капитан и повернулся к терпеливо ожидавшей девушке: — Эболи, покажешь, где эта самая «Минога»?

Понятливая Колючка с готовностью закивала и вкрадчивым тоном заправской доносчицы сообщила:

— А я знаю того парня, что к вам приходил! Это Плоскомордый из Карташены.

— Да? — удивленно переспросил Асторга.— Что ж ты сразу не сказала? Мы б тогда его здесь оставили...

— Вы не спрашивали.— Голосок Эболи был настолько ядовит, что любому становилось ясно, за что ее прозвали Колючкой.

— Если он из Карташены, то что ему понадобилось в Кордаве? — задал вполне резонный вопрос Сигурд, убиравший остатки столь внезапно прерванного завтрака.

— Почему мне знать? — фыркнула Эболи.— Может, рассчитывает, что вы для него кого-нибудь прирежете. Хотя говорят, он сам кого хочешь прикончит и не поморщится.

Вовремя проснувшийся вахтенный догадался опустить сходни, так что не пришлось прыгать второй раз — с борта на причал. Колючка, донельзя гордая тем, что ей посчастливилось пройти рядом с самим капитаном Конаном, окликала всех знакомых и усиленно стреляла глазками по сторонам. К ее глубочайшему разочарованию, возле «Золотой миноги» капитан твердо пожелал ей счастливого пути. И даже слегка подтолкнул в спину.

Из-за обрушившейся на Кордаву летней жары содержатели почти всех таверн на набережной вытащили столы на улицу, натянув над ними

разноцветные холщовые тенты: иначе никто не соглашался заглянуть в душное и продымленное помещение.

«Минога» не была исключением — все ее десять столиков выстроились в круг под ярко-желтым шатром с изображением рыбы, давшей наименование трактиру.

Несмотря на разгар дня и суету в гавани, в таверне сидел только один посетитель. Удобно развалившись на скамье, он прихлебывал вино со льдом и, прищурясь, рассматривал корабли в заливе.

Никто в точности не знал, за что Эвана из Карташены прозвали Плоскомордым. Он ничуть не походил ни на гирканца, ни на жителя далекого Кхитая, однако прозвище оказалось на редкость прилипчивым, и Эван предпочел просто присоединить его к своему имени.

Ремесло Эвана, как и большинства жителей Зингары, было связано с морем: он владел одномачтовиком с командой в десяток человек и был контрабандистом. Причем довольно дерзким и удачливым: ни власти, ни соперники, как ни старались, не могли подловить его ни на чем.

Около года назад Эван Плоскомордый заставил говорить о себе почти все Побережье. Он рискнул перейти дорогу печально известному Зуге Молчальнику — главарю карташенского Прибрежного Союза, сборища контрабандистов. Рассказни о поединке старого Зуги и молодого Эвана прямо на городской площади не утихали до сих пор.

После смерти Зуги Прибрежный Союз Карташены перешел под руку Плоскомордого. Как поговаривали, власть в городе теперь тоже принадлежала ему. Во всяком случае, сплетники называли Плоскомордого именно тем человеком, что дергает за скрытые ниточки и принимает решения. Эван оказался достаточно умен, чтобы не поссориться ни с друзьями Зуги, ни с законным главой Карташены, и его дела уверенно шли в гору.

Это знали о Плоскомордом все, кто умел слушать, в том числе и Конан. И он не видел никаких причин для того, чтобы процветающему контрабандисту из богатого провинциального городка приезжать в столицу, да еще и искать встречи с капитаном королевских корсаров...

«Слишком много о себе воображает,— решил Конан, входя под шелестящий на ветру навес «Миноги» и усаживаясь напротив своего возможного работодателя.— Ну и зачем мы ему понадобились?»

Эван Плоскомордый отвлекся от созерцания чуть колыхавшегося сонного моря и, кажется, даже слегка вздрогнул, обнаружив за своим столом неизвестно откуда взявшегося постороннего человека. Физиономия у него оказалась несколько глумливой, темные, чуть раскосые глаза смотрели не то с насмешкой, не то с вызовом. Ростом он был невелик — от силы три с половиной локтя, однако выглядел сильным.

Впрочем, выдержка Эвана заслуживала уважения: больше он ничем не выдал, насколько изум-

лен. Слегка наклонив голову, он невозмутимо осведомился:

— Надо полагать, я имею честь беседовать с...— Он на миг замялся, подбирая слова, затем продолжил: — ...С известным капитаном Конаном Киммерийцем?

«Известный капитан» ограничился коротким кивком, еле слышно хмыкнув при этом. Плоскомордый безошибочно понял намек и перешел к делу:

— Мне сказали, что ты иногда берешься за выполнение поручений, которые можно назвать необычными. Если у тебя сейчас нет неотложных дел, то как бы ты и твои люди посмотрели на предложение провести несколько дней в Карташине? У нас там происходят... всякие странности.

— Какие именно? — уточнил Конан, жестом подзывая пробежавшего мимо слугу.

Эван уставился сначала на далекий горизонт, затем на носки своих вычищенных до зеркального блеска сапог, а потом неторопливо заговорил:

— С недавних пор начали пропадать корабли. Причем в такие дни, когда нет и не могло быть никакого шторма. В краях, где не утонет даже ребенок, и недалеко от побережья. Без всяких следов: обломков, выброшенных на берег тел и прочего. Мне продолжать?

— А какой груз? — поинтересовался Конан. Обычно причина любого таинственного исчезновения судна таилась в его трюмах. — Законный или?..

— Не без того, — с еле заметной полуулыбкой ответил Плоскомордый. — Однако не настолько ценный, чтобы ради него топить или захватывать корабль. Мы порядки Побережья знаем, а если это был кто-то из Союза, я бы с ним сам справился.

Эван произнес эти слова почти равнодушно, однако в них прозвучала отчетливо различимая нотка угрозы, и Конан подумал, что вряд ли кто в Прибрежном Союзе Карташены осмеливается возражать своему молодому предводителю.

— Может, у вас под боком обосновался какой-нибудь бездельник с Барахских островов? — поразмыслив над услышанным, предположил Конан.

Сказанное Плоскомордым было весьма любопытным и, если честно, непонятным. Раз он утверждает, что на пропавших кораблях не было ничего особенного, значит, так оно и есть. Тогда зачем понадобилось уничтожать корабли? Это делается только в одном случае — когда ты натворил нечто из ряда вон выходящее и не хочешь оставлять свидетелей.

— Возможно, — согласился карташинец. — Да только он рано или поздно чем-нибудь себя выдал бы. Например, зашел в деревню за провиантом или водой. Мои люди обшарили все побережье — никто ничего не видел. Да и сами корабли должны куда-то деваться! Если суда крадут и перепродают, они непременно бы появились в гаванях Аргоса или Шема! Но их нет, как морской змей сожрал!..

Плоскомордый внезапно замолчал, точно сболтнул лишнего, и уткнулся в кружку.

— Ну хорошо,— задумчиво протянул Конан.— Значит, пропадают корабли. А тебе-то до этого какое дело, если честно?

— В числе прочих исчезли суда, принадлежащие мне и моим друзьям,— помолчав, отозвался Эван.— Мне это не нравится. А еще...— Он рассеянно побарабанил пальцами по столу и наконец решил:— Я знаю, что прозвучит это нелепо, однако рыбаки и жители прибрежных поселков в один голос уверяют, что вот уже две луны, как возле устья Флеммы поселился какой-то жуткий водяной зверь, похожий на дракона...

— Чего?— от неожиданности Конан чуть не подавился.— Кто, кто у вас завелся?

— Морской дракон,— повторил Плоскомордый и встал.— Ладно, я все понял. Прошу прощения, что отнял твое время. Поищу кого-нибудь другого.

— погоди, не горячись,— остановил его киммериец, с трудом сдерживая смех.— Во-первых, я еще ничего не решил. Во-вторых, драконов не существует!

— Я знаю,— согласно кивнул Эван.— Но коли мне описывают зверя длиной в два десятка шагов, с парой крыльев и с огромной пастью, полной зубов, я за неимением другого слова называю его драконом. Людям, которые мне рассказывали об этом существе, я доверяю. Скорее всего, они в самом деле видели нечто похожее... В общем, я все сказал.

— Ты хочешь, чтобы мы попытались изловить или убить какую-то тварь, которая обитает неподалеку от вашего городишки и якобы топит корабли?— уточнил Конан.— А сколько времени это займет? И как мы будем искать этого вашего морского дракона?..

— Именно поэтому я решил обратиться к тебе,— заявил Плоскомордый.— Говорят, ты везучий. Давай договоримся так. Сейчас начало луны. Если к ее исходу вы никого и ничего не разыщете, значит, не судьба. Вдобавок может оказаться, что никакого дракона действительно нет и не было. Ты ведь попробуешь с этим разобраться? В любом случае я оплачиваю все ваши расходы и плачу сверху ту сумму, которую ты и твоя команда сочтете подходящей.

«Вот только охоты на дракона мне еще не доставало!— Конан сделал вид, что погружен в размышления, хотя на самом деле ему отчаянно хотелось расхохотаться.— Это ж какой крик поднимется на борту, когда ребята узнают, куда и зачем мы идем! Но с другой стороны— вдруг получится? Когда в последний раз кому-то из людей удалось прикончить дракона, настоящего дракона? Двести лет назад, триста? Все равно из Кордавы надо уходить, а тут такой подходящий случай... Соглашусь! Там посмотрим, что из этого выйдет».

— Идет.— Конан пристукнул по столешнице кружкой.— Мы выходим из гавани сегодня вечером, к вашей Карташене доберемся дней через пять-шесть.

— Я еще задержусь в столице.— Плоскомордый старался говорить спокойно, но было ясно, что он одновременно и рад, и не верит тому, что корсар согласился на его невероятное предложение.— Постараюсь закончить свои дела как можно скорее. Встретимся через седмицу в Карташине.

Глава вторая

транствующий поэт и певец Блайн пребывал в глубокой тоске. И чему было радоваться, если пришлось расстаться и со всем, что он успел нажить, бродя по городам и странам, и с компанией, в которой он чувствовал себя легко и приятно. Теперь у него был лишь старый инструмент из черного дерева, пара золотых монет да несколько медяков, завалявшихся в карманах.

Все остальное находилось в уютном доме в паре кварталов отсюда. И самое ужасное, что среди всяческого хлама, таскаемого с собой больше по привычке, чем из насущной необходимости, был кошелек.

Красивый такой кошелечек, черного бархата, расшитый серебром. И два десятка золотых офирской чеканки. Для кого-то такая сумма была мелочью на карманные расходы, но для него — целым состоянием.

А ведь поначалу все так хорошо складывалось!

...В конце нынешней весны Блаи понял, что по горло сыт Иантой Офирской и его творческая натура жаждет новых впечатлений. Ианта, конечно, была прекрасным и богатым городом, но со многими ее обитателями у Блаи сложились не те отношения, которые ему хотелось бы поддерживать.

Все тщательно обдумав и подсчитав свои средства, Блаи решил, что провести лето на Полуденном Побережье — не такая уж и плохая мысль. К тому же он еще там не бывал, если не считать короткой поездки в Мессантию. Устроив на прощание шумный кутеж в «Бутоне лотоса», он через пару дней без особого сожаления простился с Иантой.

Настоящее имя бродячего музыканта, родившегося два с половиной десятка лет назад в маленьком пуантенском городке Блаи, вообще-то было Тейраз. С течением времени, однако, название родного городка, по традиции присоединяемое к собственному имени, почти полностью его заменило.

Родители Тейраза, принадлежавшие к небогату, но благородному семейству, пришли в ужас, узнав, чему собирается посвятить свою жизнь их горячо любимый первенец. Неизвестно, что повлияло на его решение. То ли сказки, выслушанные чрезмерно впечатлительным дитятей, то ли стремление любой ценой вырваться из-под опеки родных.

— Вон из дома! — ревел отец и тут же противоречил сам себе: — Ты выйдешь отсюда только через мой труп!

Матушка, разумеется, рыдала в три ручья и пыталась примирить не в меру вспыльчивых отца и сына. К сожалению — а может, и к счастью, — у нее ничего не получилось. Упрямый отпрыск все-таки покинул загородное поместье и, помахав всем на прощание, двинулся в Гайард — ближайший крупный город. Вернулся он лет через пять, немного поумневший, набравшийся опыта и изрядно призадумавшийся, пожил в поместье около полугода, а затем снова ушел, не потрудившись сообщить, когда изволит вернуться.

Так и повелось. Раз в год Тейраз навещался домой, отдыхал, по привычке переругивался с отцом и младшим братом, который стал законным наследником имения, доводил всех домашних до бешенства и исчезал. Иногда до семьи докатывались не совсем правдоподобные слухи о его похождениях, и отец, окончательно смирившись с тем, что его старший сынок сошел с ума, махнул на него рукой. Пусть творит что хочет.

Блаи здраво оценивал собственные силы. Конечно, ему никогда не тягаться с Ринальдо Аквилонским или туранцем Муттаби, но и посредственностью он себя не считал. Надо сказать, не без оснований. Весомым подтверждением его притязаний были звенящие в кошельке монеты и предложения задержаться на годик-другой при чем-нибудь дворе. Однако он твердо решил осесть на одном месте только после того, как увидит все достойное внимания в странах Заката. И не торопясь перебирался из города в город, из

страны в страну, следуя лишь собственным желаниям и любопытству.

Была в жизни Блайи еще одна неутолимая страсть — он любил женское общество. По мнению некоторых, даже слишком. Скорее всего, клеветники завидовали тому, что дамы всех сословий отвечали менестрелю взаимностью. Только вот их мужья и приятели совсем не понимали и не разделяли нежных чувств своих подруг.

Как и большинство уроженцев знаменитой полуденной аквилонской провинции Пуантен, Блайи обладал привлекательной внешностью. «Просто красавчик» (как утверждали женщины), «смазливый до отвращения» (по мнению мужчин). Истина, как водится, лежала где-то посредине.

К началу лета Блайи добрался до места слияния Алиманы и Хорота. Дальше перед ним открывались два возможных пути: вниз по течению Хорота в Мессантию Аргосскую — либо с торговым кораблем, либо пешком по Дороге Королей, или через Рабирийские горы в Зингару. Первый путь привлекал своей легкостью, второй — загадочностью. Тракт через пользовавшиеся дурной славой Рабиры проложили совсем недавно, и ездить по нему отваживались только большими караванами.

Один такой как раз пересек реку и ожидал, не примкнет ли к нему еще кто-нибудь из местных торговцев. Золота Блайи вполне хватило на то, чтобы оплатить место в караване, и дней через пять он пересек невидимую черту между двумя

соседями и извечными соперниками — Аргосом и Зингарой.

Купцы направлялись напрямиком в Кордаву, однако Блайи решил, что наведаться в столицу он еще успеет (и, наверное, останется там зимовать), а пока стоит прогуляться по окрестностям. Недаром же столько народу расхваливало ему красоты Полуденного Побережья!

Восхищенные рассказчики не обманули. Свернув с большого тракта, Блайи шел вдоль извилистой береговой линии, ночевал в маленьких рыбацких деревушках и пребывал в состоянии необъяснимого восторга. Вроде ничего особенного ему по пути не встречалось — скалистые обрывы белого известняка, рощи темно-зеленых кипарисов, поля, луга, деревеньки и небольшие городки, — однако все здесь было настолько ярким, радующим глаз и каким-то праздничным, что привыкший с легкостью облекать все увиденное в слова Блайи внезапно замолчал и лишь бездумно глазел по сторонам.

В какой-то из дней этого безмятежного путешествия он выбрался на дорогу, мощенную красно-коричневым камнем, которая, то взбираясь на пригорки, то перепрыгивая через узкие бурные речки, вывела Блайи на высокий холм. Внизу, вытянувшись вдоль закругленной пенной кромки неправдоподобно синего залива, лежал городок из белого и желтого камня, утопавший в зелени и казавшийся необыкновенно нарядным и ухоженным. С вершины холма Блайи видел узкие улочки, стоявший отдельно большой дом в окру-

жении пышного сада и собравшиеся в здешней гавани корабли. За закатной окраиной города извивалась серебряная лента широкой реки, которая впадала в море.

— Хорошо бы здесь пожить,— вслух сказал сам себе Блайи.— Знать бы еще, куда меня занесло...

Издали донесся негромкий перестук копыт, и Блайи на всякий случай отошел на обочину. На дороге появилась легкая прогулочная повозка, запряженная парой серых лошадок местной породы. Путник окликнул возницу:

— Эй, любезнейший, как называется вон тот городок внизу?

— Карташена, приятель,— отозвался тот, натягивая вожжи.— Это тебе не просто городок, а столица провинции Антабрия, понял?

— Да,— кивнул Блайи.— А что это за река?

Возница охотно пояснил, что река называется Громовой или рекой Молний, но здесь ее предпочитают называть Фламмой, что, в сущности, означает одно и то же, и еще добавил, что коли месьор менестрель пришел в поисках заработка, то сделал он это на редкость вовремя. Почему? Да просто через седмицу в Карташене будет ярмарка, а какая ж ярмарка в Зингаре обходится без боя быков, доброй драки и хороших песен?

Блайи, шагавший рядом с медленно катившейся повозкой, мысленно поздравил себя с удачей. Ярмарка! Лучшего даже представить невозможно! Верный заработок и развлечения на лю-

бой вкус — что еще нужно человеку для полного счастья?

Он увлеченно болтал с возницей, который оказался удивительно разговорчивым, когда плотно затягивавшая окошко повозки светлая занавеска дрогнула и из-за нее выглянула весьма миловидная и юная дама. Блайи незамедлительно вспомнил о хороших манерах, возница язвительно хмыкнул и занялся лошадьми, а дама кокетливо спряталась за огромным черным веером.

Звали ее Аниса, длинного и труднопроизносимого фамильного имени Блайи не запомнил. Она была женой здешнего торговца шерстью и сейчас ехала домой от живших за городом родственников. Ее муж отбыл на дальние пастбища, проверить, как идет подготовка к ярмарке, и должен был вернуться через три-четыре дня...

Еще она злоупотребляла духами с резким запахом и питала неумеренное пристрастие к шемским сладостям, но Блайи предпочел закрыть глаза на эти маленькие недостатки. В конце концов, он был умным молодым человеком и прекрасно усвоил, о чем с женщинами можно и нужно говорить, а о чем стоит промолчать.

Повозка оказалась очень удобной, а до Карташены было не так уж далеко.

Дом мужа госпожи Анисы, расположенный на окраине городка, Блайи нашел обставленным чересчур скромно, но вполне пригодным для жизни. Сама Аниса при ближайшем знакомстве оказалась глуповатой, наивной и совершенно непредусмотрительной, из-за чего ее гость потерял

двадцать золотых и весь свой скарб, да еще и изрядно перепугался. Малышке Анисе даже не пришлось в голову поставить кого-нибудь из доверенных слуг следить за подъезжающими к дому повозками, и возвращение мужа ранее назначенного срока застало ее врасплох.

Наслышанный о чрезмерно строгих семейных порядках Зингары, Блайи мгновенно принял единственно верное решение — удирать. Что немедленно и сделал, захватив с собой те из вещей, что попались на глаза, и сиганув в ближайшее распахнутое окно.

Как выяснилось позже, спасти удалось его собственную одежду и музыкальный инструмент, с которым менестрель не расстался бы ни за что на свете.

Под окнами рос на редкость колючий кустарник, из которого пришлось выпутываться под разносившиеся в ночной тишине замысловатые проклятия, обещания мучительной смерти и хныканье Анисы.

Ночь Блайи провел в чьем-то саду, а утром, злой и невыспавшийся, отправился на поиски гостиницы, постоялого двора или хоть какой-нибудь крыши над головой. Карташена теперь казалась ему мерзким и жалким городишком. Однако уходить отсюда с пустыми карманами накануне ярмарки было просто глупо, и Блайи остался. Его денег хватило, чтобы снять на пару дней комнату в маленькой таверне под названием «Островок блаженства», которая стояла неподалеку от гавани.

Что будет, когда эти два дня пройдут и деньги кончатся, он решил не задумываться: выход обязательно найдется.

А пока Тейраз Блайи, странствующий менестрель, сидел в пустующем нижнем зале таверны и злился неизвестно на кого. Чего, спрашивается, он нашел в этой провинциальной дурочке? Да ничего, просто хотел пару дней отдохнуть как человек! Вот и отдохнул...

* * *

Блайи никогда не мог заставить себя долго думать об одном и том же, и потому многие считали его легкомысленным и зловеще предрекали, что рано или поздно он поплатится за это. Блайи обычно светло улыбался в ответ или проникновенным голосом исполнял какую-нибудь песню о мимолетности времени. Какой смысл в том, чтобы тратить лучшие годы на бесцельную злость по поводу неудачных поступков? Да и кто, собственно, виноват в случившемся? Никто. Вот и нечего травить душу. Скажи спасибо, что смог благополучно удрать, и посочувствуй бедной Анисе: Каково ей-то пришлось? Ничего, в следующий раз будет умнее...

И Блайи, тут же забыв о своем маленьком приключении, с интересом огляделся по сторонам. Была середина дня, таверна почти пустовала, а с улицы доносился непонятный шум. Приглушенно ржала лошадь, то и дело что-то звякало и падало, а недовольный голос убеждал коня хоть миг спокойно постоять на месте. Сначала Блайи

подумал, что во дворе разгружается обоз, но сразу сообразил, что голос-то всего один и лошадь, похоже, тоже одна. Значит, кто-то приехал и собирается остановиться здесь.

Из-за жары дверь в таверну не закрывали, а в проеме висело хитроумное сооружение из старой рыболовной сети и привязанных к ней пестрых ленточек, призванное не пропускать досаждавших посетителям мух и слепней. Незнакомый отодвинул сетку, шагнул внутрь, скрипя подошвами по насыпанному на пол светлому песку, огляделся и слегка раздраженно крикнул:

— Есть кто живой?

«Я,— мысленно отозвался сидевший в дальнем углу Блайи.— Ну-ка, кто это к нам пожаловал?»

Вошедший оказался молодым (года на два-три моложе самого менестреля), крепко сбитым, темноволосям и темноглазым парнем.

«Не торговец.— От скуки Блайи попытался угадать, чем занимается новый посетитель «Островка блаженства».— И вроде не наемник, хотя с военным делом явно знаком. Просто путешественник? Ага, вон что-то вроде герба... Из благородного сословия? Может, на ярмарку приехал? И явно не местный — выговор другой...»

На изрядно пропыленном красном плаще незнакомца и в самом деле красовался герб — загадочный предмет, смахивавший на двуручный меч или жезл, из рукояти которого проросла пара крылышек. Выглядел молодой человек слегка замученным и потрепанным, да и неудивительно:

ехать по такому солнцу через окрестные холмы — мало приятного.

На повторный — и уже гораздо более сердитый — окрик гостя наконец-то отозвалась выглянувшая из кухни служанка и привычно осведомилась:

— Чего прикажешь?

— Поесть! — решительно потребовал молодой человек, усаживаясь за стол и звякая ножнами длинного меча о скамью.— Много!

«Еда — это замечательно.— Блайи на редкость не вовремя вспомнил, что сам ел последний раз вчера утром.— Еда — это здорово... Особенно когда есть чем за нее заплатить».

— Что именно угодно месьору?

— А что у вас есть?

— Ну-у...— Девушка на мгновение задумалась, а затем начала перечислять блюда местной кухни. Блайи непроизвольно глотнул и сделал вид, что пристально рассматривает видневшийся в распахнутом окне кусочек залива и множество стоящих в заливе кораблей.— Значит, так. Сегодня у нас есть морской угорь с мидиями в винном соусе. Соленые бычьи хвосты с тушеным рубцом. Бараний ливер в сальнике. Цыпленок на вертеле с сушеным виноградом и маслинами. Свиная корейка со сливами и...

— Всего, и по две порции,— перебил ее гость. Служанка осеклась, но переспрашивать не решилась. Донельзя удивленный Блайи покосился на посетителя. Тот выглядел довольно поджарым и совершенно не способным поглотить столько

еды.— Еще вина. Как там его... «Золотая лоза», желательно трехлетней выдержки.

— С-сейчас,— слегка дрогнувшим голосом проговорила служанка и осторожно попятилась к кухонной двери.— Сейчас принесу...

Она подозрительно быстро скрылась в кухне, и оттуда донеслись приглушенные, яростно спорящие голоса. Загрохотали переставляемые тарелки и кастрюли, что-то зашипело, распространяя головокружительный аромат, а Блайи подумал, не пойти ли ему прогуляться по морскому берегу. Смотреть на то, чего ему хотелось больше всего на свете, и не иметь возможности это получить было для него настоящим мучением. Однако и шататься на солнцепеке тоже было противно. Поэтому он снова плюхнулся на скамью и уставился в окно.

Боясь, видимо, чтобы гость не передумал, служанка, чуть ли не летая из кухни в зал и обратно, быстро накрыла на стол. Молодой человек довольно хмыкнул, вооружился коротким кинжалом и слегка погнутой двузубой вилкой и начал поглощать обед. Получалось у него все быстро и умело — любой бы смекнул, что перед ним знаток своего дела. Блайи с тоской вздохнул и напомнил себе, что на две монеты, которые у него остались, надо дотянуть хотя бы до начала ярмарки.

— Некоторые от душевных терзаний напиваются,— обращаясь вроде бы к распахнутой двери, заметил молодой человек.— А я вот ем. И совершенно не могу этого делать, когда на меня пялят-

ся такими голодными и разнесчастными глазами. Эй, там, в углу!

— Кто, я? — с опаской уточнил Блайи.

Прожорливый посетитель, справившийся уже с половиной обеда, кивнул:

— Кто же еще? Я, кажется, не рассчитал свои силы. Если ничего не имеешь против угощения за чужой счет, можешь присоединяться... Ты что, менестрель без работы и без покровителя?

— И без денег,— дополнил список своих бед Блайи.— Хотя такое со мной редко случается. А от приглашений я никогда не отказываюсь. Особенно от выгодных.

Он быстро перебрался за стол незнакомца. Некоторое время в таверне раздавалось сосредоточенное и самозабвенное чавканье. Наконец молодой человек тщательно очистил последнюю тарелку, удовлетворенно рыгнул и не без ехидства поинтересовался:

— Можно узнать, кого спасаю от голодной смерти? Добрый поступок, конечно, всегда добрый поступок, но все-таки...

Блайи собрался было рассыпаться в извинениях, потом подумал и решил, что с новым знакомым можно говорить по-человечески, а цветистые речи приберечь на потом.

— Меня зовут Тейраз Блайи,— представился он.— Твой слуга и вечный должник...

— Влезать в неоплатный долг за одного цыпленка? — хмыкнул незнакомец.— Здорово! Если бы такое происходило на каждом постоялом дворе — за мной тащилась бы целая куча слуг... А я

Маэль из рода Монбронов Танасульских. Танасул — это такой город в Аквилонии, — на всякий случай пояснил он и с неожиданной злостью добавил: — Таскаюсь тут по жаре как проклятый... Из-за семейных обычаев, будь они неладны!

Блайи только открыл рот, чтобы спросить, что плохого в соблюдении фамильных традиций, когда его новый знакомый подозрительно прищурился:

— Блайи, Блайи... Что-то я о тебе слышал... «Баллада о графе Эглете и двух его супругах» — не твое?

— Мое, — с гордостью признал Блайи.

Эту балладу он действительно считал одной из лучших, хотя никому бы не признался, что первоначальную историю услышал на захудалом постоялом дворе от пьяного возчика, после чего навсегда утвердился в мысли держать уши открытыми и быть готовым подхватить любой разговор. Хорошая баллада — она ведь не из воздуха берется, что бы там ни твердили о вдохновении.

— Замечательная песня, — очень искренне сказал Маэль и вдруг как бы между прочим спросил: — А как поживает прекрасная Маргрета? Ну та, из Трипаиса...

Блайи застонал. Эта совершенно нелепая история, в которую он ввязался по молодости и глупости, грозила раньше времени свести его в могилу. Она преследовала его с упорством идущей по свежему следу гиены.

Все началось с того, что два или три года назад странствующий менестрель согласился за при-

личное вознаграждение написать несколько лирических баллад, посвященных некой графине Маргрете. Что довольно быстро выполнил — дело нехитрое и давно освоенное до мелочей. Довольный заказчик расплатился и пошел очаровывать даму своего сердца, ту самую прекрасную Маргрету, но дама, до которой дошли некоторые слухи, прониклась нежными чувствами к подлинному сочинителю. Обозленный воздыхатель и родня дамы решили, что за их поруганную честь поэт должен заплатить жизнью, и ему пришлось спешно исчезнуть из города.

Людская же молва прочно связала имена Маргреты и Блайи. Знатной даме, кажется, такие слухи даже нравились, а вот менестрелю было чрезвычайно обидно, что его считают коварным соблазнителем женщины, которую он и в глаза-то не видел! Как-то невесело отвечать за преступление, совершенное не тобой.

— Не было никакой Маргреты, — отчеканил Блайи. — Все это злобная клевета и домыслы завистников!

— А-а... — понимающе протянул Монброн. — Я так и думал.

Правда, выражение лица у него было при этом хитрое — дескать, мы-то отлично знаем, что дыма без огня не бывает и, коли ходят такие слухи, значит, что-то за ними наверняка стоит.

— Так что ты здесь делаешь? — Маэль смекнул, что лучше будет сменить тему разговора.

— Жду начала ярмарки, — кратко ответил Блайи.

— Ярмарка — это хорошо, — горестно вздохнул Маэль и потянулся за еще непечатым кувшином. — Все люди как люди — на ярмарки ездят, за девушками ухаживают... Только я должен метаться туда-сюда, как безголовая курица!

— А зачем тебе метаться? — не понял Блайи.

— Долгая и дурацкая история. — Монброн ножом подковырнул залитую черной смолой пробку. — И самый большой дурак в ней — я. Вдобавок еще и честный дурак, который пытается защищать честь давно умерших предков. Пить будешь?

Вместительные кружки быстро опустели, после чего заинтригованный Блайи осторожно поинтересовался:

— Что же это за история такая? Или это тайна?

— Тоже мне тайна! — презрительно хмыкнул Маэль. — Таких тайн в любом приличном семействе двенадцать на дюжину!

Он обвел таверну слегка осоловелым взглядом. На улице быстро темнело, и в «Островок блаженства» начали собираться посетители. Служанки теперь то и дело бегали в кухню, торопливо разнося еду и выпивку, а в общем зале стоял пока еще негромкий шум голосов. Блайи тоже огляделся, по привычке решая: подходящий ли собрался народ, чтобы устроить небольшое выступление?

Несколько почтенных горожан с женами или подружками. Две уличные красавицы в пестрых шуршащих платьях. Небольшая, но на редкость

шумная компания моряков (прислушавшись к их разговору, Блайи понял, что они только-только бросили якорь в гавани Карташены). Местные рыбаки, которые уже успели изрядно набраться и теперь заигрывали с заглянувшими на огонек красотками. Парень с собакой.

Этих двоих, похоже, здесь хорошо знали. Стоило им появиться на пороге, как к ним сразу же подбежала служанка, провела к пустовавшему столу, на котором точно по волшебству возникли фаянсовый кувшин и серебряный кубок. Под столом же неизвестно откуда взялось огромное медное блюдо, наполненное костями и мясными обрезками.

Блайи с уважением посмотрел на собаку — крупного светло-рыжего зверя с тяжелой челюстью и мрачным взглядом маленьких красноватых глаз. На толстой шее псины красовался широкий ошейник с острыми бронзовыми шипами. Такую породу раньше разводили в Кофе для охоты на кабанов, а порой использовали в войнах...

Потомок бойцовых псов тяжело вздохнул, улегся под столом и начал грызть приглянувшуюся кость. Его хозяин вроде бы увлекся содержимым своего кубка, но Блайи показалось, что молодой человек исподтишка внимательно озирает зал таверны, отыскивая кого-то.

«Не лезь в местные темные делишки, — в очередной раз предостерег сам себя Блайи. — Ничего хорошего из этого, как правило, не выходит. Лучше попробуем расспросить этого Маэля из рода Монбронов, почему он такой мрачный и что у

них за странные традиции? Глядишь, узнаю чего интересного...»

Маэль с сожалением бросил взгляд на опустевший стол, на котором остались только пара кувшинов с вином, и негромко осведомился:

— Ну что, рассказать, почему я вынужден носиться по дорогам, как последний бродяга?

Голос у него был совершенно трезвый и слегка несчастный. Блайи утвердительно кивнул и приготовился слушать, подумав, что, как ни странно, шумная и многолюдная таверна — самое подходящее место для того, чтобы излить душу первому попавшемуся человеку. Именно там можно услышать самые невероятные истории. Наутро рассказчик пойдет своей дорогой, слушатель — своей, а их сменят новые, и все повторится...

* * *

— Это случилось очень давно, — голосом поднаревшего в своем ремесле сказителя начал Маэль, но тут же сбился и пояснил: — Точнее, лет пятьсот назад. Может, немного позже. Это вроде как семейная легенда. Записали ее лет через двести после случившегося, и потому в ней не все понятно.

— Легенда с четким указанием места и времени походит на летопись, — улыбнулся Блайи. — Поэтично, но на редкость скучно. В хорошем предании должно быть как можно больше туманных мест и недосказанностей.

— Чего-чего, а этого добра тут хватает, даже с избытком, — кивнул Монброн и продолжил: — Так

вот, в те давние времена Монброны, мои предки, правили молодым тогда городом Танасулом. Не знаю, какие из них были правители, да это и неважно. Главное в том, что однажды в семействе родился мальчик, которого назвали Раэном. Тут первое разногласие: где-то в хрониках сказано, что он был старшим сыном, где-то — младшим...

— Думаю, это вряд ли что-нибудь меняет, — высказал свое мнение Блайи. — Наверное, у этого ребенка была какая-то необычная судьба?

— Необычная, — грустно хмыкнул Маэль. — Мягко сказано! От него и пошли все бедствия нашего рода. Дело в том, что Раэн мечтал стать магом.

— Странное желание, — заметил Блайи.

— Более чем, — согласился потомок Монброн, но все же заступился за далекого предка: — Однако какое тогда было время? Если не война между соседями или с пиктами, то восстание против королевской власти или еще какие неприятности. Надо было защищать свои владения и город, а не со всякой напастью можно справиться с помощью войска. В общем, Раэн вбил себе в голову, что непременно добьется своего, а он был очень упрямым. И сообразительным. Ну-ка скажи: как можно обучиться волшебству?

— Найти учителя, разумеется, — неуверенно начал Блайи. — Правда, многое зависит от того, какому богу служит твой наставник. Еще можно стать послушником в храме Митры, но это долго и, честно говоря, мучительно. Что еще? Поехать в Стигию...

— Исключено,— помотал головой Монброн.— Времена были не те. Короче, все, что было доступно Разну, требовало много времени и много усилий. Да к тому же, чтобы достичь цели, нужно было отказаться от большей части мирских радостей. Ну, ты, наверное, знаешь: посты, бдения, никакого вина и вкусной еды, никаких женщин... Тошно, правда?

— Правда,— тоном знатока подтвердил кто-то за спиной Блайи, но увлеченный повествованием менестрель даже не оглянулся.

— Ну вот,— торжественно изрек Маэль,— Разэн все-таки нашел выход! Когда он рассказал о своем решении отцу, тот назвал его сумасшедшим и велел посадить под замок — пусть посидит и образумится.

— И что же он придумал? — задал вполне понятный вопрос Блайи.

Монброн помолчал, отхлебнул из почти опустевшей кружки, глубоко вздохнул и еле слышно сказал:

— Он пошел к драконам.

— К кому? — переспросил Блайи, уверенный, что ослышался.

— К драконам,— сердито повторили сзади.— Ты что, бард, глухой? А где он их отыскал? К тому времени ихнее змеиное племя ведь почти под корень извели...

Блайи покосился через плечо и с удивлением обнаружил, что у них появились слушатели. Впервые, несколько сидевших поблизости горожан, во-вторых, ярко-рыжий здоровенный парень вар-

варского обличья, который пришел в таверну вместе с шумной компанией морских волков. Теперь он перебрался за стол, где сидели Монброн и менестрель, и с интересом слушал семейное предание, время от времени вмешиваясь в рассказ.

— Извели,— согласился Маэль, видимо не возмущавшийся против общества непрошеного собеседника.— Но не всех и не везде. Гивров перебили без остатка, это да. Линдвортов тоже...

— Кого-кого? — снова переспросил Блайи, для которого драконы были не более чем жутким преданием, дошедшим из глубины минувших лет.

— Это разновидности,— со знанием дела пояснил Монброн.— Гивр — водяной дракон, без крыльев и лап. Просто очень большая змея. Линдворт тоже бескрылый, но у него есть пара передних лап. Они обычно водятся в болотах или заросших озерах, воруют скот...

— Всегда думал, что все драконы на один лад,— задумчиво протянул рыжий, тряхнув давно нечесанными длинными волосами.— Слышь, почтенный, а какие они еще бывают?

— Амфинтеры,— назвал Маэль.— Горные драконы. Эти крылатые. Правда, ноги у них не растут. Любят собирать драгоценные камни или золотые предметы и лежать на них...

«Интересно, зачем дракону золото? — спросил сам у себя Блайи.— Этот мотив навязчиво повторяется в любой легенде... Зверю ведь не нужны ценности. Может, они ими любят? Или едят? Или им просто важно, что они владеют сокровищами?»

— Потом еще есть виверны, не самые крупные, но наиболее опасные.— Видимо, Маэль знал о давно исчезнувших драконах все.— Имеют пару крыльев, длинный хвост, обычно свитый в спираль, и переднюю пару лап. Нападая, плюются огнем или ядом. Большинство легенд о сражениях с драконами повествуют именно о них. И наконец, герольм! Огнедышащий, с крыльями, четырьмя лапами, огромный. Их всегда было мало, и, судя по всему, они были старейшими в роде драконов. Во всяком случае, все остальные беспрекословно подчинялись им. Говорят, герольмы были не просто древними и разумными животными, владеющими искусством волшбы...

— Ты лучше историю доскажи,— напомнил рыжий.— Между прочим, меня называют Сигурдом из Ванахейма. Это так, к слову. Тебя я знаю.— Он кивнул в сторону Блайи.— Ты Блайи, бродячий бард из Пуантена. Кстати, как здоровье твоей подружки, этой самой... Маргреты?

— Она не моя подружка! — взвыл доведенный до отчаяния Блайи.— Я ее вообще не знаю! Не видел ни разу!

— Тогда чего орешь? — вполне разумно заметил Сигурд.— Я же просто спросил. Все вы, барды, какие-то чокнутые...

— Если тебе в каждом городе будут задавать один и тот же вопрос, то посмотрю, каким ты станешь,— сердито пробурчал под нос Блайи.

— Маэль из Танасула,— назвал рассказчик и выразительно посмотрел на свою пустую кружку.

Ее немедленно наполнили.— Так на чем я остановился?

— На том, что Раэн решил пойти к драконам,— напомнил Блайи.— Только где он их нашел? И каких именно?

— Герольмов. Они всегда — во всяком случае, так сказано в летописях — жили неподалеку от земель Монброн. Их было целое семейство или стая — в общем, несколько штук. Пятеро или шестеро. Вожак, его подруга и их детеныши. Они обитали на лесистых холмах и старались держаться подальше от людей. Конечно, охотились на дичь и на домашний скот, но никогда не брали больше, чем требовалось, чтобы насытиться. Иногда в замке и в городе видели, как они кружат в небе над лесами...— В карих глазах Маэля блеснул восторг.— Наверное, это было очень красиво.

Блайи тоже подумал, что интересно было бы на это взглянуть. Издалека.

— Конечно, Раэна уговаривали,— продолжил свое повествование Монброн.— Твердили, что драконы растерзают его, как только он приблизится к их гнездовью. Или заколдуют. Или просто прогонят. Мол, они Первые, а на смертных им плевать. Тем не менее он отправился в леса. Его родные не верили в удачу и заранее приготовились к худшему...

Маэль прервался, чтобы сделать еще глоток. Слушатели терпеливо ждали.

— Прошла луна или две, и Раэн вернулся. Живой-здоровый и с приятелем. В приятеле было

шагов десять длины. А еще у него имелась пасть, утыканная зубами длиной с хороший кинжал, хвост толщиной с доброе полено и пара крыльев, поднимавших небольшую бурю, когда он разворачивал их, чтобы погреть на солнышке. Это был младший из драконьего семейства. То есть он называл себя младшим, а на самом деле мог родиться в день гибели Атлантиды. Неизвестно, как Раэн смог с ним договориться, но тут все легенды единодушны: человек и дракон подружились. Дракона называли Геллир — Золотистый. Он был то ли желтого, то ли бронзового цвета...

— И что, твои предки согласились жить рядом с эдакой тварью? — недоверчиво спросил Сигурд.

— А что им оставалось? — ответил вопросом на вопрос Монброн. — Кроме того, дракон был незлобным и приносил очевидную пользу.

— Значит, Раэн стал магом? — поинтересовался Блайи.

— Да, — кивнул Маэль. — Дракон поделился с ним своей Силой, или как она там называется. В общем, Раэн добился своего, и какое-то время все были довольны. Геллир жил в замке Монбронов, соседи, услышав о таком защитнике, присмирели, Танасул разрастался и богател... А все сгубило людское честолюбие. И стечение обстоятельств.

— Раэн захотел большего, — догадался Блайи. Привычное дело: об этот подводный камень разбиваются все благие начинания. — Видимо, обладая властью над людьми, он пожелал власти над драконом?

— Не только пожелал, но и почти получил, — подтвердил догадку менестреля Монброн. — Дело в том, что у драконов начались неприятности. Людей стало слишком много, они выживали зверей с исконных гнездовий, тем приходилось переселяться, а все подходящие для проживания земли, конечно, были уже заняты. И Геллир, опасаясь враждебно настроенных сородичей, отдал на сохранение своему другу-человеку какую-то вещь, очень ценную для драконов. От нее как-то зависело продолжение их рода. Легенды не объясняют, что это было, — словно извиняясь, добавил Монброн. — Раэн поклялся, что, как только понадобится, вернет этот предмет законным владельцам. И время настало. Семью Геллира изгнали с холмов. Кто-то из них погиб — то ли чужие драконы убили, то ли люди. Дракон потребовал возвратить сокровище их рода, а Раэн, разумеется, не вернул.

— Опасно, — высказался Сигурд. — Смело, но опасно.

— И что дракон? — поинтересовался Блайи.

— Насколько я понимаю, дело обстояло так: или дракон соглашается стать слугой Раэна, или может убираться на все четыре стороны, — медленно проговорил Маэль. — Старая дружба была позабыта. И о том, что свое могущество Раэн получил именно благодаря дракону, тоже никто не вспоминал.

— Я бы на месте дракона обиделся, — заявил ванир. — Очень обиделся.

— А дракон улетел. Ничего не сказал, развернулся и улетел в холмы, — внушительно сказал

Монброн и потянулся за кружкой.— Разн стал правителем Танасула и, кстати, сумел осуществить свою мечту. Он всегда хотел создать оружие, которое может противостоять любой магии. Если верить легендам, у него получилось. Только не спрашивайте, где это оружие сейчас и что это было. Где-то затерялось... Разна с тех пор прозвали Разном Танасульским. Говорили, что для своего времени он был величайшим магом. Так вот, прошло пять долгих лет...

— Геллир вернулся?

Теперь Блайи точно знал: он сделает из фамильной легенды балладу. Таковую, что завистники ахнут, чувствительные девицы зальются слезами, а все остальные замрут от восторга. Остается только узнать, чем все закончилось. Впрочем, он волен придумать любую концовку. Все зависит от его вкуса и от того, что больше понравится слушателям. Остается прибавить парутройку персонажей, сочинить несколько ярких черт характеров мага и дракона, разбавить сухое изложение давних событий лирической историей — и готово!

— Вернулся,— кратко подтвердил Маэль.

— И уж наверняка не затем, чтобы пожелать старому другу доброго утра,— язвительно предположил Сигурд.— От города хоть что-нибудь осталось?

— Город почти не пострадал, зато в нашем древнем поместье сторело все, что могло гореть, а что не могло — расплавилось или испарилось,— сухо сказал наследник Монбронов.— Погибли все,

кто в то время был в замке: слуги, стражники, родственники, гости...

— А маг и дракон? — нетерпеливо спросил Сигурд.— Что стало с ними? Кто победил?

— Их не нашли,— после долгой паузы сказал Маэль.— Ни тел, ни каких-либо останков, ничего! И предмета, из-за которого заварилась вся каша, тоже не нашли!

— Как — не нашли? — не понял Блайи.— Даже после такого пожара хоть что-то должно было остаться!

— Осталось множество обгоревших трупов и хорошо прокопченный замок, который было невозможно восстановить,— невозмутимо уточнил Монброн.— А Разн и Геллир исчезли.

— У-у...— разочарованно протянули слушатели.

Общее мнение высказал Сигурд:

— Хорошая легенда, но... без конца. Кто-то должен был погибнуть, а кто-то победить. Либо дракон, либо волшебник. Иначе не бывает.

— Не бывает,— очень серьезно сказал Маэль.— Но я еще не договорил. Дело в том, что после исчезновения Разна уцелевшие Монброны дали клятву мести — уничтожить всех драконов. И старательно исполняли ее в течение почти пятисот лет. Потом драконы перевелись. А теперь, по слухам, объявились снова.

— И что? — Блайи уже догадывался, что услышит в ответ.

— А то, что я Монброн,— вздохнул молодой человек.— Значит, эта дурацкая клятва пятисот-

летней давности распространяется и на меня. И то, что на Полуденном Побережье уже несколько раз видели огромное крылатое животное, которое может быть только драконом. И еще то, что мне предстоит эту подлую тварь отыскать и как-то прикончить! Понятно?

— Вот это я и называю «не повезло», — сочувственно протянул Сигурд. — Влип ты, почтенный, по самые уши. Не спорю, клятва предков — святое дело, но ты хоть представляешь, с какого конца начинать?

— Нет, — уныло признал Маэль. — Но, во всяком случае, я попытаюсь. Скорее всего, все закончится тем, что я выставлю себя полнейшим болваном. Но это я уж как-нибудь переживу. Будет что рассказать детям: «Представляете, ваш папочка был настолько глуп, что поверил слухам и отправился к берегам Закатного океана ловить несуществующего дракона!»

— Можешь не горевать. На Побережье есть еще несколько таких же дураков, — неожиданно зло буркнул Сигурд и встал: — Спасибо за рассказ. Захотите повеселиться — пересаживайтесь к нам. — Он махнул рукой в сторону шумной компании моряков.

— О чем это он? — недоуменно спросил Блайи. — Объявлен сезон охоты на драконов? Почему я ничего не слышал?

— Понятия не имею. — Монброн, похоже, впал в черную тоску, развеять которую были не в состоянии ни обильная еда, ни выпивка. — Ерунда все это. Вот плюну и поеду домой...

Блайи неторопливо расчехлил свой музыкальный инструмент, взял для пробы несколько аккордов, но в общем гаме таверны их почти не было слышно. Ему очень понравилась история Маэля. Однако менестрель был полностью согласен с рыжим ваниром: у сказания семейства Монброн не было достойного завершения. И Блайи, который твердо решил превратить случайно услышанный рассказ в балладу, пока не приходило в голову ничего подходящего. Развязка, при которой погибали все действующие лица, его совершенно не устраивала.

...За шумом разговоров никто не заметил, как просидевший весь вечер в углу молодой человек, чьим единственным спутником и собеседником была мрачная бойцовая собака, поднялся. Оставив на столешнице горсть серебряной мелочи, он прошел к двери и выскользнул во двор.

Стояла душная черная ночь, наполненная далеким шорохом прибоя и мельтешением крупных зеленоватых светлячков. Из таверны доносились тихая мелодия и бархатистый голос менестреля: похоже, Блайи все же решил блеснуть своим искусством. Или его уговорили.

— Драконы, — задумчиво проговорил молодой человек. — А также василиски, оборотни и прочая дрянь. И вдобавок герои, доблестно изводящие все это. Чинка, тебе не кажется, что в нашем милом городке скоро произойдет нечто весьма любопытное?

Собака уселась, почесала лапой бок и громко фыркнула, сморщив маленький курносый нос.

— Рад, что ты согласна со мной,— усмехнулся молодой человек.— А как полагаешь, кое-кому было бы интересно узнать об этом?

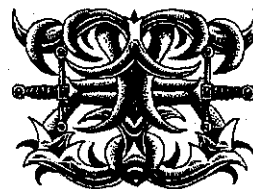
Пес дернул обрезанными ушами и вскочил, старательно завивая обрубком коротенького хвоста.

— Надо понимать, что ты готова немедленно мчаться и докладывать хозяйке? — уточнил владелец пса.— Ну что ж, пошли прогуляемся...

Он оглянулся на распахнутую дверь «Островка блаженства», из которой падали косые оранжевые отсветы факелов, и уверенно направился вверх по темной улице. Пес тяжелой трусцой бежал чуть впереди.

Глава третья

Как известно, в море, особенно вдали от берегов, трудно найти какой-либо зримый ориентир. Однако все, кто бороздил волны Закатного океана, давно уже изобрели множество хитроумных средств определять как местонахождение, так и примерную скорость корабля. Установить направление было несложно: достаточно поднять голову к ночному небу и отыскать несколько всем известных созвездий, а днем помогут солнце, облака, ветер, цвет воды за бортом, форма волн... Да почти все, что угодно,— только умей смотреть по сторонам.

Этим утром на галере под названием «Джелико», которая, судя по изрядно вылинявшему флагу на корме, принадлежала Зингаре, занимались именно тем, что пытались высчитать, как быстро идет судно. Десять пар равномерно поднимавшихся и опускавшихся весел толкали галеру по еле заметно волнующемуся морю в обычном походном темпе. Мерно и гулко стучал барабан, задававший

ритм движения: на каждые шесть ударов обмотанных войлоком палочек по выдубленной овечьей коже — один неторопливый взмах длинных весел. Под изогнутым форштевнем галеры то и дело вырастал небольшой пенный бурун, который с еле слышным журчанием разваливался пополам.

Над блестящей водной рябью с пронзительным свистом пронеслась тяжелая стрела, увлекая за собой быстро разматывавшуюся тонкую бечевку, длиной в половину скадия. Через равные промежутки — около локтя — на бечевке раскачивались выкрашенные в красный и желтый цвет рыбы пузыри.

Стрела с плеском ушла в воду, нос галеры поравнялся с началом закачавшейся на волнах бечевы. На палубе звонко забулькали капли перевернутой клепсидры, перетекая из верхнего резервуара в нижний. Унылый и сонный голос начал неспешный отсчет:

— Один... Два... Три...

На числе «тридцать» галера полностью миновала вытянувшуюся почти по прямой веревку, и кто-то из команды «Джелико», перегнувшись через борт, зацепил ее багром и втянул обратно. После недолгих расчетов было достоверно установлено: галера делает три узла. Не такая уж и плохая скорость для изрядно нагруженной и низко сидевшей посудины, чьи лучшие дни остались в далеком прошлом.

Судя по всему, галера совершала обычный в здешних краях переход. Выйдя рано утром из удобной Карташенской гавани, она к полудню

должна была миновать россыпь крохотных необитаемых островков, обозначенных на лоции прибрежных вод под общим именем Черные Камни, а с наступлением сумерек войти в порт Сеуты. Это был давно освоенный и привычный всем торговым судам путь, позволявший обойти приморские города и поселки Зингары либо добраться до устья Хорота — к Мессантии.

Единственное, что отличало «Джелико» от подобных ей кораблей и наверняка заставило бы постороннего наблюдателя призадуматься над действиями капитана и рулевого — странное рысканье галеры. Она точно не спешила доставить заказчику лежавший в ее трюмах груз: то и дело останавливалась, порой приближалась к берегу, порой удалялась, а однажды вернулась к уже пройденному месту и немного покружила над ним. Создавалось впечатление, что находившиеся на галере люди что-то разыскивали то ли на морской поверхности, то ли в глубинах. Только что можно искать на давно известном и вымеренном вдоль и поперек мелководье, вдали от жемчужных отмелей и рыбных банок?

— ...Это не корабль.— Вернувшийся с юта Сигурд едва сдерживался, чтобы не нарушить все неписанные морские законы и приметы и не плюнуть за борт.— Это... Это лоханка с дерьмом, вот что!

— С поросычьим,— уточнил ехидный юношеский голос, раздавшийся откуда-то сверху, с плоской кормовой надстройки.

На этой довольно обширной площадке, частично закрытой холщовым тентом, размещались

келевст с его барабаном и рулевой, а также громоздилось непонятное угловатое сооружение высотой в половину человеческого роста, тщательно укутанное мешковиной. Еще там околачивался Пако, юнга с «Вестрела», которому полагалось наблюдать за горизонтом и вообще за всем, что творится вокруг, и который, разумеется, старался ничего не делать.

Надстройку и верхнюю палубу соединял короткий узкий трап. На его нижней ступеньке сидел Конан и то ли дремал, то ли делал вид, что дремлет. Во всяком случае, он ничем не показал, что слышит высказывания своего рулевого.

— Я с самого начала твердил, что это дурацкая затея! — Сигурд плюхнулся на нагретые доски нижней палубы неподалеку от капитана. — Ты бы еще предложил пойти к Антилии и половить крагена!

— Зачем обязательно крагена? — Пако, всегда готовый поболтать, свесился через ограждение надстройки. — Он кусачий. И большой слишком. Как бы мы его в Кордаву тащили? На веревке? А вот в прошлом году на Морском базаре показывали девицу с рыбьим хвостом. Правда, ужедохую — ее в тесной бочке держали, вот она и померла. Я у хозяина спрашивал, он сказал, что она попала в рыбацкую сеть возле Мерафо. Вот бы нам изловить такую же! Представляешь, сколько бы за нее заплатили?.. Или мы бы ее подарили Фердруго — пускай в пруду плавает.

— Еще можно на белого морского демона поохотиться, — немедленно подхватил Сигурд. — Есть та-

кой — одноглазый, огромный, уже три десятка кораблей утопил...

— Не, такие сюда не заплывают, — очень серьезно возразил Пако. — Слишком тепло. Зато на отмелях рядом с Сиптахой видели морского змея. Его тоже можно попробовать выудить, только для наживки нужен целый бык. Лучше еще живой, чтобы дергался и мычал.

— Ага, — поддержал его ванир. — Купим по дешевке старую корову, запишем в сеть, выбросим за борт и будем тянуть за собой. Обязательно клюнет!

— Сигурд, — не открывая глаз, лениво проговорил Конан. — Если ты сейчас же не заткнешься, я сделаю наживку из тебя. Кто-нибудь наверняка польстится — если не морской змей, так акулы.

Рулевой «Вестрела» и Пако послушно замолчали. Впрочем, их терпения хватило ненадолго — стоявшая на юте галеры клепсидра вряд ли успела уронить больше десятка капель.

Теперь Сигурд решил сменить тактику и перейти от насмешек к разумным, как ему казалось, доводам. Для начала он прикрикнул на Пако, велел юнге заниматься своим делом, а не валять дурака. Затем прогулялся на ют и лично обозрел горизонт, на котором не увидел ничего, кроме парочки белесых облаков и нескольких темных пятен по левому борту — вершушек приближающихся Черных Камней, после чего с чувством полноты выполненного долга снова уселся и заговорил, обращаясь вроде бы к самому себе:

— Ну хорошо, ввязались в дурацкое дело — так ввязались. В конце концов, не в первый раз.

Но с чего мы решили, что этот Плоскомордый не врет? Или что ему не наврали? Кто вообще слышал про эти самые пропавшие корабли? Кто видел, как они из гавани выходили? Может, Плоскомордый их сам утопил, а мы теперь, как дураки, ловим ветер в море. Во в Кордаве-то посмеются, когда мы вернемся!.. Скажут: на «Вестреле» совсем сдурели, за драконами пошли гоняться! Каждый встречный-поперечный ведь поинтересуется, как, мол, поохотились? А мы будем сидеть смиреннько и помалкивать. Потому что, видите ли, нашему капитану приспичило прославиться — не кого-нибудь, дракона ухлопать! Вот прославимся так уж прославимся... На всю оставшуюся жизнь. Тьфу!

И Сигурд все-таки не удержался — смачно плюнул за борт, в зеленоватые невысокие волны.

— Не плюйся, — по-прежнему не открывая глаз, сказал Конан. — И вообще, коли ты такой умный, чего ж тогда молчал?

— Потому что, как помнится, ты у нас капитаном, а не я, — язвительно парировал ванир. — Так что решения принимать тебе, и отдуваться тоже тебе. Откуда мне знать, что вы там с этим Эваном Плоской Рожей напридумывали?

— Конечно, неоткуда. — Конан решил, что прикидываться спящим и дальше не имеет смысла. Все равно никто не поверит, что можно спать и одновременно переругиваться. — Ты ж полный вечер протрепался с этим... Как его, ну, пел который. И с его приятелем.

— Все лучше, чем слушать ваши бредни, — огрызнулся Сигурд и без всякого перехода сооб-

шил: — Кстати, этот парень, дружок барда, тоже чокнутый, как и вы с Плоскомордым. Знаешь, зачем он сюда приехал? В жизни не догадаешься! Дракона убивать! Его предки поклялись, что будут изничтожать этих гадов, вот он и хочет исполнить клятву...

— Ну и пусть убивает на здоровье, — зевнул киммериец. — Чего ты ко мне-то привязался? Посидеть спокойно не даешь...

Сигурд помолчал, глядя на все увеличивающиеся очертания Черных Камней — теперь стали отчетливо видны два пустынных островка и узкая щель пролива между ними, — а затем негромко сказал:

— Торчим на дурацкой плоскодонной лоханке, ловим какое-то чудище... Мы ж задатка не получали, а с Плоскомордым договоримся как-нибудь, он вроде человек свой и с понятием. Давай бросим эту затею, а? Вернемся, заберем «Вестрел» и уйдем к Шему, купчишек пугать... Ну не нравится мне эта ваша придумка! Хотя ты тресни, а не нравится! И Асторга тоже хорош — советчик выискался!

В чем-то Сигурд был, безусловно, прав.

...Как и было оговорено в Кордаве, «Вестрел» спустя седмицу прибыл в зажиточную, цветущую Карташену, столицу богатой провинции Антабрия. Эван, ехавший берегом, добрался до родного города ненамного раньше и встречал судно на берегу. Гавань почти пустовала: несколько рыбацких лодок и торговых плоскодонок, вездесущие шемитские торговцы, неудачно попытавшиеся

скрыть принадлежность своего судна, вывесив флаг Куша, да приткнувшись к самому берегу небольшая военная галера, нуждавшаяся в серьезной починке.

Часть команды «Вестрела» осталась на борту, кто-то решил прогуляться в город, а Плоскомордый потащил Конана с приятелями знакомиться с местной кухней и заодно — с подробностями обрушившихся на мирную Карташену неприятностей.

Как выяснилось, пока Эвана не было в городе, произошло еще одно печальное событие. Неведомо куда подевалась тридцативесельная аргосская галера с грузом вин, тканей и пшеницы на борту. Она покинула Карташену при полном безветрии, капитан намеревался пройти вдоль берега, задержаться на пару дней в Сеуте, а оттуда направиться напрямик в Мессантию.

Из Карташены-то галера вышла, но в Сеуту не пришла. И вообще ее больше не видели.

Предусмотрительный Эван притащил с собой довольно подробную и хорошо выполненную карту побережья, изображавшую участок от устья Фламмы до устья Хорота. На карте были обозначены и примерные места исчезновения судов — несколько точек неподалеку от слияния Фламмы и океана, еще две — лигах в трех от берега, и штуки четыре или пять — возле группы островов под названием Черные Камни.

Асторга долго и вдумчиво разглядывал карту, а затем высказал предположение: не мог ли кто-нибудь скрываться на Камнях и совершать оттуда вылазки?

Плоскомордый отрицательно покрутил головой: на Черных Камнях нет пресной воды, они слишком маленькие, чтобы за ними укрыть корабль, и, наконец, местные рыбаки недавно обшарили острова и ничего не обнаружили. Да и вообще это не острова, а одно название. Так, горки валунов, торчавшие посредине моря.

Конан, успевший прикончить один кувшин с аргосским и принявшийся за второй, буркнул, что если возле берегов действительно поселился какой-то хищный морской зверь, то не нужна ему пресная вода и он легко мог спрятаться от людей. Нырнул — и привет!

Плоскомордый сказал, что для животного, достаточно крупного и сообразительного, острова как раз подходят. Вокруг них прогреваемое солнцем мелководье, много рыбы и есть где укрыться...

Асторга рассмеялся и предложил отправиться к Черным Камням и устроить подобие рыбной ловли на живца. Скажем, зарезать несколько овец и тащить их на веревке за кораблем. Так ловят досаждающих искателям жемчуга и рыбакам акул. Животное, если оно есть, конечно, наверняка почувствует запах крови и приплывет. Тогда можно будет попробовать его убить.

Эван надолго задумался. Окончательно потерявший интерес к разговору Сигурд обозвал будущих охотников за драконами «ударенными Имиром», выбрался из-за стола и отправился искать более жизнерадостных собеседников (точнее, собутыльников). Конан заявил, что чудовище может догадаться, что его ловят, и не приплыть.

В глазах Плоскомордого неожиданно вспыхнул азартный огонек, и он предложил иное решение. Кажется, неведомый зверь за что-то невзлюбил торговые корабли? Отлично! Почему бы не сыграть на этом? Надо снарядить галеру, спрятать на ней привыкшую к различным передрягам команду «Вестрела», распустить в городе слухи о ценности перевозимого груза (на тот случай, если никакого дракона нет, а орудуют обыкновенные морские грабители) и отправить приманку в море. Пускай пройдет по всем местам, где вроде бы видели чудовище.

Асторга заявил, что это чистой воды безумие, но как-то неуверенно, точно хотел, чтобы его переубедили.

Конан поинтересовался, можно ли в Карташине раздобыть необходимое судно. Эван сказал, что берет все на себя и к завтрашнему вечеру галера будет готова к выходу в море. На следующий день у причала появилась старая, но все еще крепкая «Джелико», а носильщики лихорадочно перетаскивали на нее тяжелые тюки и вкатывали вместительные бочки. Экипаж «Вестрела» с достоинством прогуливался по гавани и объяснял всем желающим, что завтра утром галера отходит в Сеуту и далее, а везут на ней такое... В общем, «приятель, видишь вон то судно? Ага, это «Вестрел». Тот самый. Да, специально пришли, чтобы охранять груз этого корыта. В Сеуту, в Сеуту, забрать недостающий товар, а потом в Мессантию. Видали мы этих ваших драконов знаешь где? Не умеете по морю ходить — сидите дома, а не

выдумывайте каких-то морских чудовищ в лигу длиной!..»

Тогда, в таверне, особенно под местное молодое вино и жареную рыбу, замысел казался замечательным. Сейчас же Конан начал подумывать о том, что его рулевой может оказаться прав. Вдруг Плоскомордый ведет какую-то свою, никому не понятную игру, и плавание «Джелико» — часть его задумки? Ведь «Вестрел» остался в порту, а на нем всего десять человек под командой Зелтрана! А что, если карташенец задумал украсть их судно? Или еще чего похуже — скажем, сдать их аргосцам, которые давно мечтают украсить главную площадь Мессантии виселицей с телами команды «Вестрела»?..

«Кончай думать о всякой ерунде, — оборвал сам себя Конан. — Плоскомордый не настолько безумен, чтобы прибрать к рукам «Вестрел». Да и зачем он ему? Кроме того, он должен отлично понимать, что так объявляет нам войну. Он же не враг себе!..»

— Парус! — пронзительно завопил с кормы Пакко, заставив почти всех на корабле — и наемных гребцов, и дремавшую на нижней палубе и в трюме команду «Вестрела» — вздрогнуть. — Парус слева по борту! К нам идет!

* * *

Собственно, появлению в здешних водах еще одного корабля нечего было удивляться: Полуденное Побережье — самое оживленное место в океане, настоящий морской тракт, по которому

всегда кто-то спешил по своим делам. Но если вы исполняете роль приманки неизвестно для кого, то внезапно возникшее судно поневоле заставит вас насторожиться. Тем более когда неведомый корабль начинает преследовать ваше судно.

Незнакомец шел под парусами, умело захватив приглушаемый высокими обрывами берега ветер. Это была сазта — корабль, обычный для мореходов Аргоса, Шема, а также обитателей Барахских островов, — хищно вытянутая, с плавными обводами и низкой осадкой. Корпус сазты был черным, паруса, как и на «Вестреле», серо-зеленоватые, издавна сливавшиеся с морской водой. Намерения капитана сазты вскоре перестали вызывать сомнения: он явно догонял медлительную «Джелико».

— Как думаешь, это кто? — поинтересовался Сигурд, глядя на приближавшийся парусник. — Что-то я их флага не вижу.

— Я тоже, — кивнул Конан и, обернувшись, крикнул на корму: — Скорость не менять!

— А вдруг это и есть наш дракон? — предположил ванир и слегка завистливо пробормотал вполголоса: — Хорошо идут...

— Поднимай наших, — решил Конан. — Но пусть пока не высовываются. Мы тихие и мирные, ползем себе не спеша. А если это «дракон», значит, будем его отлавливать.

— Да, — понимающе хмыкнул Сигурд и скатился по трапу на нижнюю палубу.

Вскоре оттуда донесся приглушенный шум голосов, но вскоре стих, а рулевой «Вестрела» выбрался обратно и доложил:

— Все готовы.

Он негромко фыркнул, видимо представив себе, как будет выглядеть превращение безобидной купеческой галеры в корсарское судно. Охотник сам оказался добычей.

— Капитан, — окликнул приплясывавший от нетерпения на корме Пако. — Они идут под зингарским флагом!

— Точно? — недоверчиво переспросил Конан, и юнга даже слегка обиделся:

— Конечно, точно! Я что, нашу золотую башню не узнаю?

— Чего ж они тогда несутся, будто за ними морской змей гонится? — не понял Сигурд. — Или это Береговая Стража? Так им вроде выпел какой-то особенный полагается...

Береговую Стражу — флотилию из легких и стремительных судов, предназначенную для перехвата контрабандных товаров и охраны берегов, — создали не так давно, лет пять назад. Подразумевалось, что такие отряды будут размещены в каждом городе, но пока сторожевых судов было мало. Они действительно должны были нести на грот-мачте издали заметный выпел ярко-зеленого цвета, но, как ни вглядывались на «Джелико», ничего похожего не заметили.

Галера все так же продолжала ритмично шлепать веслами. Наемную команду гребцов, наскоро собранную за два дня Плоскомордым в порту Карташены, нисколько не интересовало настигавшее их судно. Их наняли грести, а не драться. Защищать корабль (а значит, и жизни гребцов)

взялись корсары «Вестрела», а дело гребцов — вести корабль из гавани в гавань.

Саэта тем временем заметно приблизилась. Пако не ошибся: на ее флагштоке и в самом деле развевался флаг Зингары. Стало видно и название судна, выведенное облупившейся белой краской поверх темных досок: «Инеста». На борту суежилась команда. Вот корабль слегка наклонился, звонко хлопнули паруса, перекидываясь на другой галс, и саэта вроде бы начала удаляться, но это впечатление было обманчивым — «Инеста» просто описывала круг, собираясь обогнать галеру и пересечь ее курс.

Сигурд снова заговорил:

— А они ведь нас обходят, капитан. И между прочим, не предлагая нам остановиться. Или я не расслышал?

— Не было предупреждения, — с готовностью подтвердил с кормы Пако и выразительно покопился на капитана, ожидая распоряжений.

— Ну и пусть обходят, — равнодушно отозвался Конан. — Сколько их там может быть? Два десятка? Нас все равно больше... Сигурд, тебе их название ни о чем не говорит? Все-таки ты здесь дольше болтаешься, чем я.

— Нет, — мотнул головой ванир. — Первый раз вижу. Хотя по обводу смахивают на Гуэсову «Стрелу». Только Гуэса с Барахских островов давным-давно кормит рыб вместе со всей командой. Их аргосцы года три назад потопили.

Черная саэта завершила плавный разворот и резво устремилась наперерез галере, постепенно

замедляя ход. Команда «Инесты» буквально летала по мачтам, зарифливая паруса, однако никаких приготовлений к битве не замечалось. Конан прикинул расстояние между кораблями и решил, что саэта собирается подойти вплотную к боку торговой галеры. Так кто же командует там, на «Инесте», и чего им понадобилось от мирного судна?

Несмотря на убежденность Плоскомордого и свидетельства вроде бы заслуживающих доверия людей, Конан так и не поверил в существование неведомой морской твари, которая повадилась топить корабли. Слишком уж разумно для бесполового создания поступал этот зверь: умело прятался, выбирал суда, команды которых не могли всерьез сопротивляться, и не оставлял следов. Так мог действовать человек, владеющий достаточно небольшим (чтобы было легко укрыться), но стремительным кораблем с головорезами на борту. А расправиться с захваченными судами не так уж и сложно. Затопить или сжечь — вот и не будет никаких плывущих по волнам обломков и болтливых очевидцев.

Выходя утром из гавани Карташены, Конан ожидал чего-то подобного — скажем, внезапного появления атакующего корабля. И собирался до конца разыгрывать роль беззащитного торгового судна. Если хотят — пускай даже нападут. Команда «Вестрела» успешно выходила из схваток с противником, даже когда тех было в три-четыре раза больше, так что здесь даже до настоящего боя не дойдет. Людей с саэты, скорее всего, быстренько перебьют, а главаря надо будет постараться взять

живым и доставить в Карташену, Плоскомордому — пускай разбирается, с какой стати тому приспичило изображать морское чудовище.

Даже как-то обидно, что все так быстро закончилось и оказалось настолько просто. Один изобретательный мерзавец сумел навести такого страха на побережье! Наверное, и слухи о драконе тоже он распустил. Предусмотрительный... Могло бы сработать. А Сигурд прав: глупо было бы рассчитывать на то, что в Закатном океане обитает неведомо откуда взявшийся дракон. Нет на свете драконов. Если когда-то и были, то давно сгинули. Ладно, расправимся с этой мелочью, получим с Плоскомордого деньги за работу и пойдем к Шему. Чабела сказала, что на усмирение папочки ей понадобится не больше пары лун, значит, проведем это время с наибольшей для себя выгодой. Хорошее начало уже положено. Или будет положено, как только черная саэта окончательно замрет неподалеку от «Джелико». Никак оттуда кричат что-то?

— Требуют, чтобы мы ложились в дрейф,— пояснил Сигурд.— Подчинимся?

— А почему бы и нет? Мы же всего-навсего торговое судно и всех боимся,— фыркнул Конан.

Ванир понимающе кивнул и заорал гребцам:

— Табань помалу!

Барабан келевста, безостановочно стучавший с самого раннего утра, внезапно замолчал. В наступившей тишине раздалось нагсадное пыхтение и сопение гребцов, которые удерживали тяжелые весла по лопасть в воде. Галера ощутимо вздрог-

нула, неохотно теряя с таким трудом набранную скорость, рыскнула вправо-влево и наконец остановилась. Весла поднялись вверх, с них с плеском стекала вода.

Саэта тоже остановилась, закачавшись на мелких волнах. Теперь положение галеры стало почти безнадежным: саэта в любой миг могла распустить паруса и сорваться с места, а тихоходное гребное судно еще сколько будет разгоняться...

— Сейчас нас будут обижать,— громко сказал Пако и расплылся в довольной улыбке. Ему еще не привелось участвовать ни в одной из стычек «Вестрела», зато баек он наслушался предостаточно и теперь горел желанием увидеть рукопашную схватку с лязгом клинков, потоками крови и вышвыриванием противника за борт. И само собой, тоже подражаться.

Однако на «Инесте» не рвались в бой. С борта саэты донесся требовательный оклик:

— Назовитесь!

— Не понял...— удивился Сигурд.— Теперь перед тем как обогреть, интересуются, кого именно грабят? Надо же, какие стали порядки, а я и не знал...

— Скажи им, кто мы,— подтолкнул рулевого Конан.— Может, они сразу твою морду и не признают.

На Полуденном Побережье многие знали почти всю команду «Вестрела» в лицо, а уж капитана и рулевого было трудно с кем-нибудь спутать.

— Чем тебе не нравится моя рожа? — огрызнулся Сигурд, взобрался на корму, перевесился

через борт и вдохновенно проорал заранее сочиненную легенду: — Это «Джелико» из Карташены, собственность торгового дома Альмонте! Идем с грузом в Сеуту! А вы кто?

Конан с досадой скривился: порой голос рулевого уподоблялся реву боевого рога, заставляя окружающих на некоторое время оглохнуть. Странно... Получается, вынырнувшая из-за Черных Камней сазта — вовсе не разыскиваемый грабитель? Тогда кто они? А вдруг галера нарвалась на самую настоящую Береговую Стражу? Тогда они непременно захотят осмотреть груз «Джелико», а груза, собственно, нет и в помине. Внушительных размеров тюки и бочки, которые перетаскивали на борт «Джелико» под оценивающими взглядами зевак в Карташенской гавани, были либо пустыми, либо наполненными камнями и досками. А в трюме сидела готовая по первому приказу выскочить наверх команда «Вестрела». Нехорошо получается... Ну вот, так и есть!

— «Инеста», Береговая Стража Зингары! На «Джелико», что везете?

— Что мы везем? — недоумевающе оглянулся на капитана Сигурд.

— Откуда я знаю? Соври чего-нибудь! — рявкнул Конан, выругав Плоскомордого и себя за то, что не подумали об этом.

— Зерно,— вполголоса подсказал Пако.— Пшеницу мешками.

— Солонину,— дополнил рулевой галеры, почувывший неладное.— И это... Доски россыпью для строительства.

Сигурд громогласно огласил весь наскоро составленный список, присовокупив от себя пожелание «Инесте» в скором времени налететь на мель посредине океана и проторчать там седмицы две. С сазты кто-то не менее голосистый доходчиво растолковал ваниру, что он может делать со своими пожеланиями.

— Слушайте, чего привязались? — разозлился Сигурд.— Ежели у нас что с грузом не в порядке, то разбирайтесь в Карташене с хозяином, а нам спешить надо!

— Успеете,— отозвались с «Инесты».

Говоривший поднялся на шкафут, и теперь Конан смог разглядеть его. Высокий человек лет тридцати, темноволосый, одежда напоминает форму зингарских военных моряков. Да и команда сазты вроде бы тоже обряжена в черно-зеленую форму. Значит, на самом деле охранники Побережья. Вот не повезло! И кто тянул Сигурда за язык? Разошлись бы мирно, а теперь стражники наверняка захотят подняться на борт «Джелико» и осмотреть груз.

— Сигурд, быстро крикни, что у нас все пошлины заплачены и что нас проверяли в Карташене!

Рулевой и сам сообразил, что сболтнул лишнего, и теперь попытался загладить промах, прокричав о якобы уже собранной с галеры мзде и о том, что приказчики дома Альмонте с команды три шкуры сдерут, если груз не будет вовремя доставлен в Сеуту.

Не подействовало. Возле борта «Инесты» закачалась выдвинутая на таях лодка, а человек в

форме язвительно прокричал, что на галеру отправляется отряд, так что пусть подготовят груз для проверки.

Сигурд замысловато выругался, неизвестно в какой по счету раз прокляв тот день, когда его занесло на Полуденное Побережье и он спяну решил, что отныне его призвание — мореходство. Конан озадаченно присвистнул и подумал, что драка между командой «Вестрела» и Береговой Стражей не входит в его планы. Но не топить же, в самом деле, эту злосчастную лодку, которая вот-вот спустится на воду!

Отчетливо скрипели разматывающиеся канаты, вместительная лодка уже коснулась воды, гребцы «Джелико» равнодушно посматривали на покачивавшийся рядом корабль, плескалась зеленая вода у борта... И в этой настороженной тишине вдруг раздался вопль.

Даже не вопль, а пронзительный визг насмерть перепуганного человека.

Длился он не более пяти ударов сердца и оборвался так же внезапно, как и начался.

Вопил, как тут же выяснилось, Пако. Захлебнувшись собственным криком, юнга рванулся прочь с кормовой надстройки, споткнулся, шмякнулся на палубу и на четвереньках пополз между скамейками гребцов, тихонько подвывая.

Никто не обратил на него внимания. Звонко шлепнуло по воде вырвавшееся из рук оцепеневшего гребца весло. Спускаемая с «Инесты» лодка неуклюже хлопнулась на воду, изрядно черпнув кормой. Кажется, этого никто не заметил.

Сигурд протер глаза, потом покосился на капитана. За девять лун совместного плавания он видел своего друга Конана Киммерийца всяким: и обозленным, и радостным, и рассвирепевшим, и на удивление спокойным.

Но никогда еще ему не доводилось видеть Конана настолько обескураженным.

«Этого не может быть».

Конан повторил эту простую фразу несколько раз, однако возникший из морских глубин призрак и не думал исчезать. Тогда киммериец зажмурился и ожесточенно потряс головой.

Видение, к сожалению, не развеялось и не превратилось во что-нибудь более знакомое и привычное. Оно злорадно маячило на прежнем месте.

Слева раздался неопределенный звук — это Сигурд тщетно пытался что-то выговорить. Несмотря на все усилия, у рулевого ничего не получалось.

Справа жалобно повизгивали. Неведомо как забившийся под скамью Пако явно готовился расстаться с жизнью.

Конан отчетливо понял: если он немедленно не сделает что-нибудь, гребцы «Джелико» непременно свихнутся и дружно попрыгают за борт. А за ними последует его команда.

Он очень осторожно и медленно повернул голову и взглянул на кормовую надстройку: рулевой «Джелико» пребывал в обмороке, келевст успел куда-то скрыться. Скорее всего, юркнул в какую-нибудь дыру.

— Никому не двигаться.— Сказано это было достаточно тихо, однако гребцы расслышали.— Всем пригнуться и сидеть спокойно.

Приказ был выполнен молниеносно. Некоторые попытались повторить достижение Пако, но втиснуться в узкое пространство под скамьями больше никому не удалось.

А над невысокими зелено-голубоватыми волнами Закатного океана на высоте двух человеческих ростов вздымалась голова. Наверняка у нее имелось и туловище, но Конан мысленно поблагодарил всех вспомнившихся богов за то, что не видит этого.

Голова была приблизительно с небольшую повозку, украшена крупной чешуей темно-золотистого и коричневатого цветов, образующей ромбовидный узор, а также несколькими парами иззубренных толстых рогов, похожих на буйволиные. На рогах и чешуйках висели длинные пряди зацепившихся разлохмаченных водорослей.

Размеры пасти чудовища внушали смертельный ужас, широкие ноздри то сжимались, то разжимались, с шумом втягивая и выпуская воздух, а желтые узкие глазищи жмурились, как будто солнечный свет мешал им.

— Помогите...— просипел наконец-то обретший дар речи Сигурд.— Дракон...

— Дракон,— как эхо, отозвался Конан.

Огромное существо с наслаждением зевнуло, показав всем желающим два ряда клыков желтовато-коричневого цвета и длинный сероватый язык, а затем подняло чешуйчатую пятипалую

лапу, каждый палец которой завершался изогнутым когтем длиной с хорошую abordажную саблю. Зверь изогнул шею, провел лапой по рогам, сгреб изрядный пук мокрых водорослей и совершенно человеческим жестом протер глаза. Затем оглушительно фыркнул, прочищая нос и заставив оба корабля содрогнуться от киля до деревянной нашлапки на верхушке мачты, и осведомился:

— Что вы здесь делаете?

Голос у него был очень низкий и раскатистый. При разговоре дракон забавно шлепал мясистыми губами и шевелил чешуей на морде, оказавшейся тонкой и очень подвижной. Видимо, он удерживался на поверхности моря, непрерывно гребя лапами, потому что вокруг него постоянно всплывали большие лопающиеся пузыри. Дракон находился как раз между галерой и сазтой, и Конан отметил, что длина животного (если верить смутно видневшимся под водой очертаниям) — примерно шагов десять—пятнадцать, то есть никак не меньше корабельного корпуса. Если ему вздумается напасть...

Всемогущие боги, да откуда взялось такое чудовище? Не бывает драконов, это всем известно! Не бы-ва-ет! Перебили! Сами давно издохли!

Не дождавшись ответа, дракон слегка погрузился в воду и медленно поплыл вокруг «Джелико», оставляя за собой пенный след. Тщательно изучив корабль со всех сторон, огромный зверь с плеском нырнул, но вскоре снова появился на прежнем месте и устался на замерших в оцепе-

нении людей. Конан мог бы поклясться, что чудовище смотрит с откровенным ехидством.

— Сейчас он нас утопит, — замогильным голосом проговорил Сигурд и вдруг, шагнув к фальшборту, истошно заорал: — Брысь отсюда, ты, урод чешуйчатый!..

— Ой, болван... — вполголоса протянул Конан и, схватив рулевого за плечо, оттащил назад.

— Между прочим, я не обзывался, — строго заметил морской зверь, поворачиваясь на крик. — Я только хотел узнать, почему вы так голосите? У вас война?

— Еще нет, — неожиданно для себя ответил Конан.

— А-а... — Существо качнуло рогатой головой, подняв небольшую волну. — Ну-ну. Вы, люди, вечно развлекаетесь тем, что уничтожаете друг друга. И после этого еще именуете себя разумными существами!

Краем глаза Конан заметил, что из люков на палубе начали показываться головы членов его команды. Само собой, появление морского чудовища их изрядно удивило и напугало, однако у корсаров хватило ума не выскакивать, не кричать и не размахивать оружием.

С саэты не донеслось ни единого звука. Ее застигнутая врасплох команда застыла на местах, и даже полуопущенная на таях лодка все так же висела, задрав нос и наполовину окунувшись кормой в волны.

Дракон тем временем почесался верхней парой рогов о корпус галеры, заставив корабль за-

качаться, и зачем-то попробовал на вкус рулевое весло, оставив на нем глубокие зазубрины. Требовалось срочно что-то предпринять. Зверюга пока держалась миролюбиво, но кто знает, что взбредет в ее башку через мгновение? Твари ничего не стоит выпрыгнуть из моря и всей тяжестью рухнуть на галеру. А такими зубищами можно за просто оторвать несколько досок и устроить отличную пробоину.

Конан не надеялся, что ему удастся прикончить дракона — это было бы слишком большим подарком судьбы, но вот напугать... Правда, для этого нужно было подняться по ступенькам трапа на кормовую надстройку...

— Капитан, ты куда? — зашипел мгновенно очнувшийся Сигурд, увидев, что собирается сделать киммериец. — Тебе жить надоело? Может, он сам уберется!

— Гребцов на весла, — через плечо бросил Конан. — Готовьтесь, сейчас придется рвануть с места.

Рулевой охнул, схватился за голову, потом заковыристо проклял весь мир и, пригибаясь, побежал между скамьями, раздавая пинки направо и налево. Конан тем временем поднялся на корму, решив, что можно попытаться отвлечь зверя разговором. Конечно, это весьма неожиданный для хищного зверя поступок — крутиться возле корабля и болтать с людьми, но вдруг он просто выжидает, чтобы напасть внезапно? Вот и не дождется!

— Ты еще скажи, что людей не ешь! — достаточно громко и возмущенно обратился киммери-

ец к плескавшемуся возле корабля огромному зверю.

Вровень с бортом немедленно выросла огромная, обвешанная водорослями голова и звучно фыркнула:

— Мне — есть людей? За кого ты меня принимаешь, смертный? Ни одно разумное существо, за исключением вашего рода, никогда не причинит вреда другому разумному существу. Кроме того, люди на вкус отвратительны.

— Ага, значит, все-таки пробовал?

Дракон на миг опешил, затем озадаченно подвигал бровями и с некоторым смущением проговорил:

— Мне рассказывали...

— Откуда мне знать, что ты не врешь? — Разговаривая, Конан пересек площадку кормовой надстройки и теперь стоял возле непонятного предмета, укрытого от посторонних взглядов мешковиной. Чехол нужно было стащить, постаравшись не привлекать внимания дракона. — И вообще, чего тебе надо?

— Мне — ничего. — Зверь потряс рогатой головой, стряхивая свисавшие на глаза лохмотья водорослей. — Вы просто разбудили меня своим шумом, вот я и решил посмотреть, что тут происходит. Такой огромный океан, а вам приспичило ссориться именно возле моего дома!

«Ага, значит, он обитает неподалеку, — отметил для себя Конан, осторожными движениями развязывая узел удерживающей мешковину бечевки. — Мирный дракон, ха! Всем известно, что

драконы и прочая колдовская дрянь всегда лгут, служат если не Сету, то каким-нибудь злобным свихнувшимся божкам и думают только об одном — как бы досадить людям. Интересно, зачем ему понадобилось топить корабли? Небось бедняги тоже проходили мимо и спать ему помешали... Кстати, где же он мог поселиться? Где-то на островах или, скажем, в пещере под водой?»

Веревка наконец подалась, и холстина поехала вбок. Под ней скрывалась тайно переташенная с «Вестрела» небольшая, но мощная баллиста. Стрела, выпущенная из нее, могла прошить насквозь дубовую доску толщиной в три пальца. Перед отплытием баллисту предусмотрительно взвели и зарядили, теперь оставалось только навести ее на цель и спустить скобу.

«В жизни всегда кому-то везет, а кому-то нет», — философски подумал Конан, быстро разворачивая тяжелый самострел, блестящий лакированным деревом и начищенными медными деталями. В последний миг дракон, явно потерявший интерес к кораблю и медленно удалявшийся в сторону побережья, что-то заподозрил и обернулся, удивленно наклонив рогатую голову набок.

Скрученная из жил толстая тетива со звонким щелчком распрямилась, посылая в полет окованный железом увесистый болт. Морское чудовище резко шарахнулось в сторону, подняв пенный бурун, но неудачно — стрела чиркнула по плечу и застряла.

— Промажнулся?

На корму вихрем взлетел Сигурд, а позади него раздался дружный тяжелый топот и вопли: команда «Вестрела» повалила на палубу, не желая пропускать самое замечательное и небывалое зрелище в жизни.

— Задел! Давай следующую, сейчас мы его!..

Надеждам людей не суждено было сбыться. Дракон коротко и яростно взревел (кажется, не столько от боли, сколько от обиды) и, блеснув потускневшим золотом чешуи, нырнул, оставив после себя расходящиеся пенные волны.

— Всем смотреть на воду! — заорал Сигурд, догадавшись, что зверь может подплыть к кораблю снизу, и на миг опередив приказ капитана.

Какое-то время гребцы галеры и команда «Вестрела» пристально вглядывались в темно-зеленые глубины моря, ожидая увидеть там огромную тень. Однако таинственный зверь больше не появился.

— Удрал, — решил Конан и, оглядевшись, озадаченно спросил: — Эй, а где «Инеста»?

Пользуясь общим замешательством, на саэте незаметно подняли паруса, и теперь с палубы галеры был виден только смутный силуэт стремительно удалявшегося парусника.

— Сигурд, — негромко окликнул рулевого Конан. — Знаешь что? Они совершенно правильно сделали. Пошли-ка и мы обратно. Если из моря еще раз всплывет что-нибудь эдакое, я ни за что не поручусь.

Глава четвертая

В середине дня «Джелико» вернулась в гавань Карташены. Это событие, скорее, смахивало на возвращение единственного корабля, чудом уцелевшего в проигранной битве. Весла галеры вразнобой поднимались и опускались, совершенно не следуя ритму барабана, и даже флаг на корме уныло обвис, став похожим на цветастую вылинявшую тряпку.

Галера неторопливо прошла вдоль плясавших на волнах буйков, обозначавших проход в гавань, разминувшись с рыбацкими лодками и глухо ударила бортом о доски причала. На пристань полетели свернутые в кольца чалки с петлями на концах. В общем, все шло как обычно, однако шлявшиеся по берегу и пристаням зеваки немедленно начали подтягиваться к «Джелико».

На корабле шла обычная работа: гребцы вытягивали из уключин тяжелые весла, складывая их на палубе, спускали непригодившийся парус, зачерпывали кожаными ведрами воду, тут же рас-

плескивая ее по палубам... Зеваки встревоженно зашептались: через борт галеры одним прыжком перемахнул человек, в котором безошибочно узнали капитана столь неожиданно заявившегося в Карташену «Вестрела», и целеустремленно зашагал по причалу. С «Джелико» его немедленно окликнули:

— Конан, ты куда?

— Никуда,— бросил, не оборачиваясь, киммериец.

— Может, мне тоже пойти с ним? — спросил Сигурд то ли у самого себя, то ли у сидевшего на опустевшей скамейке загребного и немелодично нахвистывающего Асторги.

— Зачем? — искренне удивился помощник капитана.— Он сам о себе отлично позаботится.

— А кто позаботится о тех, кто случайно окажется у него на пути? — ответил вопросом на вопрос Сигурд.— Похоже, наш капитан здорово разозлился из-за этой чешуйчатой зверюги. Значит, обязательно что-нибудь натворит... А нам это надо? В общем, пошли прогуляемся, я тебе выпивку поставлю. Чего торчать на этой лоханке?

Асторга еще мгновение поколебался, затем кивнул и встал. Ванир был прав: после перепугавшей всех встречи с чудовишной морской тварью и неудачного выстрела баллисты Конан стал мрачен, на все вопросы отвечал неразборчивым ворчанием, явно что-то обдумывая. Асторга без колебаний мог бы поставить свою долю в общей добыче: капитан изобретал способ прикончить либо изловить удивительного зверя.

Сам помощник совсем не хотел снова встречаться с чудовищем. Огромное животное казалось слишком опасным и непредсказуемым для того, чтобы охотиться на него в открытом море. Не лучше ли оставить это странное существо в покое да заняться более привычными делами?

Конана они догнали возле дверей таверны «Островок блаженства» — ближайшей к гавани. Капитан недовольно покосился на своих спутников, но ничего не сказал, зная, что прогонять их бесполезно. Захотят — уйдут сами.

В таверне, несмотря на приближавшийся вечер, было малоллюдно. Сигурд втихомолку порадовался этому: у капитана будет меньше поводов устроить заварушку. И наверняка сюда скоро примчится Плоскомордый — узнать, что вышло из его задумки. Значит, предстоит долгий и, скорее всего, пустой разговор, а этого Сигурд не любил.

Посмотрев по сторонам, ванир заметил знакомое лицо. Человек, на которого он обратил внимание, удобно расположился на задвинутой в угол скамье, вытянув длинные ноги в остроносых мягких сапожках, и вполголоса напевал, скорее для себя, чем для увеселения немногочисленной публики.

— Блайи! — обрадованно рявкнул Сигурд.

Бард от неожиданности вздрогнул и растерянно посмотрел на приближавшегося рулевого «Вестрела», явно не понимая, откуда тот взялся.

— Вы что, уже вернулись? — удивленно спросил он.— Я же сам видел, как вы утром уплыли...

На таком большом судне с веслами. И все вокруг твердили, что вас надо ждать дней через пять.

— Корабли не плавают, а ходят,— поправил его Сигурд, плюхаясь на соседнюю скамью.— И это тебе не какое-то «судно с веслами», а галера.

— Я в кораблях не разбираюсь,— честно признался Блайи.— Знаю, что одни с веслами, а другие с парусами. Некоторые побольше, некоторые поменьше. И на всех натянута целая паутина каких-то веревок с заумными названиями... А еще они имеют плохую привычку тонуть. Слушай, что случилось с вашим капитаном? Кажется, он собирается кого-то убить, только еще не решил, кого именно.

— Так и есть,— хмыкнул Сигурд.— Кстати, куда подевался твой приятель... Как его?

— Монброн? — Блайи соорудил донельзя удрученную физиономию.— Страдает. С утра от похмелья, днем от обжорства, вечером от сознания полной невозможности исполнить свой долг. Окончательно постигнув простую мысль, что ничего нельзя поделать, он напивается, а потом снова страдает.

— Быстренько разыщи его и приведи сюда,— попросил ванир.

— Зачем? — удивился Блайи. Затем прищурился: — Вы отыскиали в море что-то, о чем ему надо знать?

Сигурд оглянулся на своего капитана, убедившись, что тот всецело занят выпивкой, едой и разговором с Асторгой, наклонился через стол и заговорщицким шепотом сообщил:

— Дракон.

Блайи недоверчиво присвистнул, но с места не тронулся. На его лице явственно читалось: слышал он все эти рассказы о драконах и морских змеях, и цена подобным байкам — медяк в базарный день.

— Чтоб мне сдохнуть на этом месте, возле побережья водится самый настоящий дракон! — чуть погромче и оттого намного убедительнее повторил Сигурд.— Зови своего приятеля, пусть тоже послушает. В конце концов, он собирается выполнять свое обещание или нет?

Блайи, поколебавшись, решительно кивнул, вскочил и, стремительно пробежав через обеденный зал, скрылся за дверью. Сигурд хмыкнул и присоединился к своему капитану и Асторге, подумав, что все сделал правильно. Пускай лучше за драконом носится высунув язык такой слегка тронувшийся умом парень, как Монброн. Для команды «Вестрела» отыщется множество более полезных и, что немаловажно, более доходных дел. Остается только убедить капитана в том, что никакой дракон ему даром не нужен. Это, конечно, будет трудновато, но попробовать стоит. А Плоскомордому придется доходчиво растолковать, что времена охоты на чудовищ давно прошли. Пусть выкручивается как хочет.

Очевидно, сплетни в Карташене разносились со скоростью ветра. Иначе как объяснить то, что Конан и его приятели успели опустошить только один кувшин, а в таверну уже входили Эван, сопровождаемый сумрачного вида громилой-те-

лохранителем, и угрюмый Монброн, которого настойчиво подталкивал в спину Блайи?

Маэль окинул мрачным взглядом общий зал и с видимой неохотой устроился за столом неподалеку от корсаров.

Ему совершенно не хотелось потратить свои лучшие годы на исполнение дурацкой клятвы предков. И городок ему тоже не нравился. И океан — слишком огромный и глубокий. Вдобавок вчера вечером Маэль напился до умопомрачения. (Сам он считал, что во всем повинен Блайи: бард весь вечер пил за чужой счет и совершенно не пьянел. Нельзя же было позволить, чтобы сына благородных родителей перепил какой-то паршивый менестрель без ломаного медяка за душой!) !

В общем, у обычно жизнерадостного Маэля было отвратительнейшее настроение.

Плоскомордый же просто изнывал от желания узнать, как закончилось путешествие «Джелико», и даже не пытался этого скрывать. Едва добравшись до стола, он нетерпеливо спросил:

— Видели что-нибудь? Почему вы вернулись?

— Век бы такого не видать! — вполголоса пробурчал Асторга.

Эван выжидательно уставился на Конана, рассчитывая услышать нечто большее.

— Видели, — нехотя подтвердил киммериец. — Тебе сказали правду. Есть дракон.

Плоскомордый восторженно взвыл, схватил первый попавшийся кувшин, налил себе полную кружку и поднял ее в шутовском приветствии:

— За вас, месьюры! Ну, расскажите, какой он? Действительно пятидесяти шагов в длину и весь покрыт каменной чешуей? Вы его только видели или пытались поймать? Он что, и в самом деле нападает на корабли?

— На нас, во всяком случае, он не нападал, — честно признал Конан. — И пятидесяти шагов в нем не наберется, от силы пятнадцать. А еще он разговаривает.

— Как это разговаривает? — не поверил Эван. — Это ведь животное, оно не может говорить! Рычать, реветь, но не разговаривать, как человек!

— Этот говорил, — вмешался в разговор Сигурд. — Вынырнул и заявил, что мы ему, видите ли, спать мешаем!

— Говорящий он или нет, — отмахнулся Плоскомордый, — не имеет никакого значения. Этой твари нечего делать возле нашего побережья. Итак, месьюр капитан, ты и твои люди видели это существо вблизи. Как по-вашему, можно ли его убить или прогнать? И сколько шкур вы сдерете с меня в награду за ваши труды?

— Можно, — коротко ответил Конан.

Асторга и Сигурд переглянулись: награда наградой, Плоскомордый наверняка не поскупится, однако связываться с драконом им вовсе не хотелось.

— Капитан, — решился высказать свое мнение ванир. — Я, конечно, все понимаю, но, может, ну его к морским демонам, этого гада чешуйчатого? Мы ж его сегодня здорово напугали,

он наверняка удрал и больше здесь не покажется...

— Напугали? — заинтересовался Эван. — Как напугали?

— Выстрелили по нему из баллисты. То ли промахнулись, то ли шкура у него оказалась слишком толстой, — пояснил Асторга и добавил: — В самом деле, капитан, мы ведь корсары, а не охотники за чудовищами! Скажи на милость, как мы будем искать дракона в океане? Он, конечно, большой, но океан еще больше.

— Найдём, — отрезал капитан, не вдаваясь в подробности. — Сдается мне, эта тварь живет не в море, а на берегу... Или вы что, испугались какой-то ящерицы-переростка?

Рулевой и первый помощник дружно возмутились:

— Знаешь, капитан, это уже слишком!

— Кто боится? Я боюсь? Ну-ка повтори это еще раз!

— Слушайте, месьоры пираты, может, вы потом поссоритесь? — вмешался Плоскомордый. — Кажется, мы договорились. К концу этой луны вы либо убиваете дракона, либо уходите ни с чем. И в том, и в другом случае я плачу за ваш труд. Как вы будете ловить эту зверюгу — целиком и полностью ваше дело. Если вам что-то понадобится, я постараюсь помочь. Идет?

— Не идет, — внятно проговорил кто-то слегка заплетающимся языком, заставив негласного правителя Карташены и корсаров удивленно оглянуться. Возле их стола, упрямо наклонив го-

лову, как собравшийся бодаться бычок, стоял Маэль. За его спиной Блайи разыграл целое представление: скорбно возвел глаза к потолку, а потом удрученно развел руками — мол, что я мог поделать?

Бард действительно сделал все, что было в его силах. Маэль прислушивался к разговору за соседним столом сначала равнодушно, затем с некоторым интересом, потом вдруг помрачнел и попытался встать. Блайи насильно усадил его обратно, и Монброн подчинился. Но когда речь зашла о плате за голову невиданного зверя, он не выдержал.

— Не идет, — повторил он, качнулся вперед, но тут же выпрямился. — Не знаю, кто вы такие, месьоры, но это существо... Этот дракон — мой!

— Блайи, почему ты не заткнул ему пасть? — зло прошипел Сигурд.

— Сам затыкай, — немедленно отозвался менестрель. — А мне еще жить не надоело.

Плоскомордый с любопытством взглянул на наследника славной фамилии Монбронов, но ничего не сказал. Конан смерил молодого человека откровенно презрительным взглядом и повернулся к Сигурду:

— Это кто? Случаем не тот молокосос, который голосит на всех углах о том, что он добудет дракона?

Рулевой молча кивнул.

— Как думаешь, он меч-то держать умеет? — язвительно спросил киммериец и нарочито дружелюбно обратился к Монброну: — Эй, парень,

тебе никогда не говорили, что нехорошо вмешиваться в чужие разговоры?

— Говорили.— Маэль сумел взять себя в руки, и теперь его голос звучал почти спокойно.— Однако предмет беседы касается и меня, так что я счел необходимым вмешаться, не спрашивая вашего разрешения. Я хотел бы узнать кое-что о животном, которое вы именуете драконом. Где его видели?

— У Черных Камней,— ответил Сигурд и, повернувшись к капитану, миролюбиво заметил: — Конан, нечего злиться. Пусть мальчишка погоняется за зверюгой в свое удовольствие. Честное слово, после того как команда увидела эту тварь, немногие захотят снова повидаться с ней...

— Какого он был размера? Какого цвета? — настойчиво продолжал спрашивать Монброн.— Крылья есть?

— Длиной — шагов пятнадцать. Или поменьше, под водой особо не разглядишь,— сказал Асторга. Подумал и неуверенно добавил: — Желтоватый такой. А крыльев я не заметил.

— Не желтый, а зеленый с коричневым,— поправил Сигурд.— И что-то у него на спине болталось. Лап четыре, это я точно видел. И длиннючий хвост. А морда похожа на змеиную, только раз в сто побольше.

— Герольм...— восхищенно пробормотал Маэль.— Последний в мире герольм! Наверняка он устроил логово где-то на берегу: герольмы не могут долго жить без пресной воды и не питаются рыбой. Надо обшарить побережье и все

здесь пещеры... Они любят селиться в скалах...

Монброн уже забыл, что не далее как сегодня утром клялся бросить все и уехать домой. Дракон был неподалеку, Маэль уже слышал шелест его перепончатых крыльев и скрежет огромных когтей по камням. Что ж, наследник Монбронов из Танасула сумеет показать себя достойным имени предков! Джорджи Монброн стал героем легенд, убив черного дракона, которого еще называли Проклятием Пуантена, так отчего бы его потомку не заполнить свою долю славы?

— Благородный месьор тоже берется уничтожить зверя? — неожиданно подал голос молчавший и внимательно слушавший Эван Плоскомордый.— Что ж, неплохо. Так надежды на успех будут больше. Правда, я не рассчитывал, что мне придется оплачивать услуги двух отрядов, но мы как-нибудь договоримся...

Блайи, наблюдавшему за перепалкой, очень не понравилось выражение лица корсарского капитана. Бард мысленно выругал Монброна: зачем вмешался в разговор? Все подробности можно было выпросить у Сигурда, явно не имевшего ничего против, чтобы за морским зверем побегал кто-нибудь другой. А теперь еще неизвестно, чем все обернется...

— Ничего подобного! — Конан грохнул пустой кружкой по столу.— За драконом пойду я!

«Богатство и слава — вот на что покупается любой человек в мире,— подумал Блайи и, оглянувшись, прикинул, успеет ли он, если вспыхнет

драка, добежать до двери или придется отсиживаться под столом. — Интересно, что более притягательно для Монброна и что — для этого морского волка? Золото не имеет особого значения для Маэля, а капитан вроде очень хочет подзаработать... Однако славу тоже нельзя сбрасывать со счетов. Как внушительно звучит: «Вот идет человек, убивший последнего в мире дракона!» Кто же откажется от такого? Я бы точно не отказался. Только меня что-то не тянет сражаться с драконами...»

— С какой это стати? — Монброн оперся ладонями на стол и, наклонившись вперед, негромко проговорил: — Неужели те слухи, что долетели до меня, были истинными?

— Какие слухи? — насторожился Конан.

— Что некий варвар, сейчас присягнувший Зингаре, легко переходит на службу к любому, кто ему больше заплатит, — безмятежно сказал Монброн. — И что он выполняет чье угодно грязное поручение... Если, разумеется, получит за это полный кошель звонких монеток. Не о тебе ли это говорили? Выходит, это и в самом деле правда?

Блайи вжался в каменную стену и крепко зажмурился, ожидая неминуемого грохота ломающейся мебели, а затем — глухого удара человеческого тела о стенку или пол. Время шло, до Блайи долетали неразборчивые, сдержанно-злые голоса, а затем кто-то потряс его за плечо. Бард решил приоткрыть один глаз и обнаружил, что рядом стоит Сигурд, а за столом никого нет.

— Убили... — в ужасе прошептал Блайи.

— Еще не успели, — фыркнул Сигурд. — Знаешь, твой приятель — еще больший болван, чем мне показалось. Он хоть немного соображает, прежде чем молоть языком? Сказануть такое нашему капитану!

— Куда все подевались?

Блайи наконец решился взглянуть на окружающий мир обоими глазами. Таверна внезапно обезлюдела, а вот с улицы доносились подбадривающие возгласы и звон клинков.

— Твой дружок и Конан пошли драться, — жизнерадостно сообщил ванир. — Если оторвешь задницу от скамьи и выглянешь во двор — увидишь кое-что забавное.

— Как ваш капитан будет разделять Маэля на мелкие кусочки? — уныло спросил бард. — Нечего сказать, замечательное представление... Нет, надо было мне сразу идти в Кордаву!

— Да не убьют этого задаваку! — Сигурд решительно стреп слабо протестующего Блайи за шиворот и потащил за собой. — Зато проучат — всю жизнь будет помнить!

«В первый раз вижу, чтобы люди устраивали поединок из-за дракона, причем живого, — мельком подумал Блайи, выскакивая вслед за ваниром из опустевшего «Островка блаженства». — В первый и, наверное, в последний. Будет очень жаль, если Маэля прикончат. Он неплохой человек... Хотя бы потому, что я уже два дня живу за его счет. Только зачем он брякнул такую глупость? Всем же известно, что варвары не выносят, когда кто-то сомневается в их честности!...»

* * *

Близился вечер, быстро стужались сумерки. Над спокойным морем горела оранжево-алая половинка заходящего солнца, бросая отблески на притихший берег и покачивающиеся на волнах корабли.

Обычно в это время жизнь приморского городка постепенно замирала, но сегодня на набережной возле стоявшей в отдалении от прочих домов таверны «Островок блаженства» царило непривычное оживление. Два десятка человек: рыбаки, жители окрестных домов, завсегдатаи таверны — образовали большой неровный круг и голосили на все лады, обсуждая происходящее внутри живого кольца. А там, судя по всему, дрались.

В общей суматохе никто не обратил внимания на запряженную двумя гнедыми лошадьми изящную маленькую карету на тонких колесах, выкрашенную в бледно-розовый и золотистый цвета. Обогнув место поединка, она остановилась на безопасном расстоянии. За белой шелковой занавеской шевельнулась смутная тень, и ясный женский голос спросил:

— Что происходит?

— Ярмарка открылась раньше времени, — откликнулся сопровождавший карету всадник и, хмыкнув, добавил: — Гулянья еще не начались, но быки уже дерутся.

— Ты слишком часто бываешь в гавани, и это сказывается на твоих манерах, — холодно заметила дама.

— Прошу прощения, госпожа! Молчу, — с готовностью отозвался молодой человек, сдерживая приплясывавшую на месте невысокую белую лошадку.

— День, когда ты замолчишь, наверняка будет днем твоей смерти, — печально вздохнули в карете. — Не просветишь ли меня, кто там изволит выяснять отношения? Или твои друзья из порта так определяют, кому надлежит оплачивать счета?

— Нет. — Молодой человек привстал на стременах и озадаченно взгляделся в кричащую толпу. — Кажется, там что-то иное... Сейчас я все разужнаю и вернусь. Чинкуэда! Иди сюда, радость моя!

Из-под кареты неохотно выбралась крупная светло-рыжая собака, шумно зевнула, встряхнулась, звякнув широким ошейником с бронзовыми шипами, и уселась в ожидании приказов хозяина. Тот спрыгнул с лошади, перебросив поводья сонному кучеру, свистнул псу и юркнул в круг. Собака последовала за ним.

Прошло не более полусотни ударов сердца, и молодой человек, решительно растолкав людей, остановился возле дверцы. Собака снова нырнула под карету.

— Нас посетили знаменитости, — торжественно сообщил посланник. — Если тебя, госпожа, интересует мое скромное мнение, стоит немного приоткрыть окно и взглянуть на них. Тогда они либо прекратят драку и будут пялиться на тебя, либо прикончат друг друга...

— Деррик! — возмутилась дама. — Оставь меня в покое! Я тебя куда и зачем посылала?

Молодой человек хмыкнул, явно довольный тем, что добился желаемого — заставил хозяйку рассердиться. Правда, внимательный наблюдатель заметил бы, что и гнев госпожи, и развязность ее спутника были слегка нарочитыми. Эта пара увлеченно разыгрывала представление для двоих участников, и, видимо, оно им не надоедало.

Спутнику загадочной дамы на вид было лет двадцать или чуть побольше. В его манерах неуловимо проскальзывало нечто напоминающее движения маленькой непоседливой обезьянки из джунглей Черных Королевств — то ли не сходявшая с лица улыбка, то ли привычка беспокойно ерзать на месте, озираться по сторонам и теревать что-то в руках. Даже сейчас, когда он докладывал своей госпоже об увиденном, он ни мига не стоял спокойно.

Довершали картину выющиеся каштановые волосы, лихо сдвинутая набок черная шапочка и хитро блестящие из-под густой челки зеленые глаза. Молодой человек, как следовало из его имени и внешности, не был уроженцем здешних мест.

— ...Говорят, они обменялись любезностями и решили закончить дело поединком, — рассказывал Деррик, постоянно оглядываясь через плечо на участников схватки. — Ага, вот теперь нам будет отлично видно!

Толпа неожиданно качнулась в сторону, и круг разорвался прямо напротив кареты. Дама

сдержанно ахнула, Деррик восхищенно засвистел и звонко выкрикнул традиционное приветствие участникам боя быков:

— Победитель получает все!

Зрелище того заслуживало, а потому его выкрик охотно поддержали.

...Монброн почти сразу с ужасом понял, что по глупости ввязался в заведомо безнадежную схватку, и теперь пытался хотя бы достойно проиграть: противник был гораздо сильнее, а главное — опытнее его. Длинный широкий меч описывал замысловатые фигуры, легко разрушая слабую защиту Монброна. Маэль непрерывно отступал, теряя преимущество и, что самое обидное, понимая, насколько жалко выглядит.

Женщина в карете решительно отдернула шелковую шторку и выглянула наружу.

Она была прекрасна. Узкий овал лица с правильными чертами, изящными и строгими, гладко зачесанные назад блестящие черные волосы, украшенные ниткой жемчуга, темные глаза и тонкие бледно-розовые губы, на которых то появлялась, то пропадала загадочная полуулыбка. Она как бы олицетворяла лучшее, что могла породить Зингара. И потому было совершенно непонятно, что такая красавица делает в богатом, но все же провинциальном городке, почему перед ней не распахиваются двери столичных дворцов и не звучат приветственные крики в ее честь?

Кто-то из зевак наконец заметил карету и ее владелицу. Однако все попытки приблизиться в

надежде получше разглянуть очаровательную даму были в корне пресечены мрачной собакой, которая, глухо рыча, тут же выбралась из-под кареты. Намек был донельзя понятным: красавицу разрешалось приветствовать лишь издали.

Деррик, пристроившись на подножке, тем временем торопливо излагал все, что ему удалось разузнать о противниках:

— Молодой приехал в город около седмицы назад. Родом он откуда-то из Аквилонии, зовут Мазлем. Поговаривают, его приезд как-то связан с объявившимся у наших берегов драконом...

— Деррик, ты в самом деле веришь в эту нелепость? — недовольно поморщилась дама.

— Я еще не решил, верить или нет, — отмахнулся молодой человек. — Зато его соперник — настоящая ходячая легенда!

— И кто же сей... Знаешь, меня так и подмывает сказать «головорез».

— Он и есть самый настоящий головорез, — весело подтвердил Деррик. — Печально знаменитый во всех странах Заката и Восхода. Это Конан Киммериец, он сейчас служит короне Зингары. Под его началом неплохой, как мне говорили, корабль и два десятка человек, готовых за него идти в огонь, воду и в пасть к Сету. Хотел бы я знать, что этим людям понадобилось в нашем уютном городке? Правда, если верить слухам, месьор корсар тоже желает поохотиться на дракона.

— Вот как? — Дама задумчиво склонила голову набок и несколько раз рассеянно сложила и

раскрыла кружевной черный веер. — Любопытно... Ты его имел в виду?

Деррик рассеянно кивнул, наблюдая за ходом поединка, затем продолжил:

— А теперь взгляни во-он туда. Возле дверей таверны, видишь? Там стоят трое. Чернявый красавчик посередине — не кто иной, как небезызвестный Тейраз Блайи, чьи нежные баллады ты порой изволишь так проникновенно исполнять...

— Деррик! — Дама легонько шлепнула болтуна сложенным веером по макушке. — Это правда? Блайи в нашем городе?

— Я же говорю, к нам пожаловало множество знаменитостей, — с гордостью произнес молодой человек и вкрадчиво добавил: — Только я что-то не вижу среди них еще одной...

— Не надо, — резко оборвала его дама. — Я больше не хочу слышать о нем.

— Как будет угодно госпоже, — неожиданно согласился Деррик и вдруг, спрыгнув с подножки, радостно завопил:

Монброн лишился оружия и теперь с тоской провожал взглядом меч, описывающий в воздухе сверкающую дугу. Клинок упал слишком далеко, чтобы успеть добежать до него, а появившаяся на лице Конана кривая ухмылка не предвещала ничего хорошего.

— Едем, госпожа. — Деррик толкнул задремавшего возницу и подхватил поводья своей лошади. — Больше ничего интересного не будет.

Дама бросила короткий взгляд на сближавшихся противников и нахмурилась:

— Деррик?

— Едем,— почти умоляюще повторил молодой человек.

— Деррик, в чем дело?

— Схватка не закончилась,— неохотно сказал Деррик.— По здешним правилам бой продолжается до тех пор, пока кто-то из противников не признает себя побежденным или не упадет, потеряв сознание. В общем, сейчас этого Монброна будут бить. И полагаю, очень сильно. Ведь из-за своего гонора он наверняка не скажет волшебного слова «сдаюсь». Поехали домой, поздно уже. Дядюшка будет гневаться...

— Мой дядюшка волен сердиться сколько хочет.— Дама надменно вскинула голову и приказала: — Деррик, останови их!

— Я? — Деррик отступил на пару шагов и вытаращил глаза.— Госпожа, да за кого ты меня принимаешь?

— За человека, который, если захочет, может добиться всего, что угодно,— невозмутимо сказала женщина.— Или ты хочешь, чтобы я сама отправилась туда и велела прекратить это бессмысленное избиение?

Деррик соорудил самое скорбное выражение лица, на какое был способен:

— Ты безжалостна. Знаешь, что я ни в чем не могу тебе отказать, и вовсю этим пользуюсь. Ладно, я пошел спасать этого несчастного. При одном условии — ты улыбнешься выигравшему. Иначе меня тоже поколотят, а я этого не люблю.

— Хорошо.— Дама кивнула, вытащила из висевшего на поясе мешочка шелковый платок с вышитым гербом и поднесла к глазам, сделав вид, что прослезилась от умиления: — Я не забуду всего, что ты для меня сделал...

— Забудешь завтра же.

Деррик скрылся в толпе. Собака, тяжело вздохнув, привычно отправилась вслед.

Зеваки, безошибочно предчувствуя конец поединка, сгрудились плотнее, так что Деррику пришлось довольно долго пробиваться в середину круга. Он едва успел к развязке, весьма печальной для Монброна, который, проехав лицом по занесенным белым песком камням площади, больше не подавал признаков жизни.

— Отличный удар,— тоном знатока признал Деррик и присел рядом с лежащим человеком.— Но, честно говоря, излишний. Представления не имею, что вы не поделили, однако с этого парня уже хватит колотушек, не то он испустит дух. Кстати, месьор капитан, тебе случайно не нужен добрый совет?

— А ты кто еще такой? — свирепо рявкнул Конан, сгоряча приняв дерзкого незнакомца за нового врага или представителя городской власти, который по глупости решил вмешаться в поединок.

— Здесь меня называют Дерриком,— спокойно отозвался не то слуга, не то приближенный прекрасной дамы, осторожно поворачивая голову Монброна и внимательно осматривая рану на виске.— Я служу во-он той благородной госпо-

же, что изволит смотреть на нас из своей кареты.

Деррик украдкой покосился на Конана, затем на карету и еле заметно ухмыльнулся. Прекрасная дама выполнила обещание: еле заметно улыбнувшись, красавица быстро задернула штору.

— Красивая у тебя госпожа, — задумчиво протянул Конан, мгновенно позабыв о побежденном, но еще живом противнике и своем намерении разделаться с ним. — Кто она?

— Ее имя — Анесса, — с неподдельным уважением в голосе ответил Деррик и многозначительно добавил: — Племянница здешнего градоправителя. Если захочешь ее повидать, приходи как-нибудь с утра во дворец на холме... Так как на счет совета?

— Валяй, — снисходительно разрешил киммарец, все еще глядя на карету. Впрочем, туда смотрел не только он один.

Ничто, даже вполне искреннее волнение за судьбу приятеля, не помешало Блайи заметить в приоткрытом окне очаровательную незнакомку. Бард на миг потерял дар речи, на его лице появилось на редкость озадаченное выражение, сменившееся сначала восхищением, а затем твердой решимостью. Блайи незаметно отошел от дверей таверны и, смешавшись с толпой зевак, зашагал к карете.

— В нашем городе помимо градоправителя есть еще и начальник местного гарнизона, — как бы между прочим сообщил Деррик. — Я мог бы сказать, что он туп, как баран, но мне не хочет-

ся обижать мирное и полезное животное. Сей доблестный страж порядка терпеть не может вашу морскую братию. В общем, он с почетным эскортом скоро пожелует в гавань — узнать, что стряслось. Сдается мне, коли он застанет эту живописную картину, кому-то придется побыть виноватым, даже если поединок происходил на законных основаниях. Догадываешься, кто это будет?

— А с этим что делать? — деловито спросил Конан, ткнув носком сапога слабо шевельнувшегося Монброна. — Пускай валяется?

— Думаю, моя госпожа с удовольствием совершит милосердный поступок. — Деррик окинул взглядом стремительно пустевшую площадь и удовлетворенно кивнул, заметив возле таверны тележку зеленщика, запряженную унылым осликом. — Придется мне на время одолжить ее. А тебе и твоим людям, месьор капитан, лучше быстренько исчезнуть. Я уже слышу дружный топот сапог представителей власти... Эй, месьор, не можешь мне?

Призванным на помощь «месьором» оказался не кто иной, как Блайи. Он подобрался почти к самой карете, но, наткнувшись на негромко зарывавшую собаку, предусмотрительно замер на месте и попробовал уговорить мрачного пса не злиться и найти себе другую жертву.

— Чинка, отстань от человека, — бросил Деррик. — Она не кусается... Без необходимости.

— Приятно слышать, — пробормотал Блайи, пытаясь издали разглядеть, что случилось с

Монброном. Увиденное ему сильно не понравилось, и он настороженно спросил: — Так чем могу служить?

— Ты Блаيي из Пуантена? — уточнил Деррик и, получив в ответ утвердительный кивок, невозмутимо распорядился: — Видишь вон ту повозку? Подгони ее сюда. Выскочит хозяин — скажешь, что его собственность забирают по распоряжению госпожи Анессы. Капитан, ты еще здесь?..

Конан бросил уничижительный взгляд на противника, снисходительно кивнул Деррику, круто развернулся и зашагал к таверне.

Деррик украдкой скорчил ему вслед гримасу и перенес свое внимание на Блаيي, который с трудом сумел-таки сдвинуть ослика с места и подкатить изрядно расхлябанную тележку к месту поединка.

— Теперь хватай его за ноги и бросай сюда.

Общими усилиями несостоявшегося драконоборца довольно небрежно свалили в повозку, устроив поверх деревянных ящиков с остатками нераспроданной полувялой зелени.

— Сойдет, — решил Деррик. — Ехать все равно недалеко.

Блаيي подумал, что Маэлю не слишком бы понравилось лежать на резко пахнувшей травке, а затем завистливо вздохнул, вспомнив, куда предстоит отправиться Монбруну. Ему же самому предстоит провести очередной скучный вечер в таверне... Но откуда в захолустном городишке взялась такая ослепительная женщина?

— Куда собрался?

Блаيي не успел сделать и двух шагов к «Островку блаженства», как его цепко ухватили за рукав.

— Это же твой приятель? Значит, ты его и повезешь! Надеюсь, на то, чтобы править ослом, у тебя ума хватит?

Блаيي не успел придумать достойного ответа: Деррик уже убежал и сейчас стоял возле дверцы кареты, размахивая руками и что-то горячо объясняя своей прекрасной хозяйке. Затем взобрался на терпеливо ожидавшую его лошадь и крикнул вознице, приказывая трогаться. Карета с тихим шорохом покатила вдоль набережной, следом за ней мелко зацокал копытами ослик, волоча изрядно просевшую под грузом тележку. Сбоку трусила собака, неприязненно (как показалось Блаيي) косясь на неожиданных попутчиков.

— Уехали, — доложил Сигурд, глядя в окно таверны. — Какая красotka... Правда, капитан?

— Родственница здешнего градоначальника, — рассеянно отозвался Конан.

— Значит, нам ничего не светит, — заметил практичный Асторга. — Странно, разве у них тут есть градоначальник? Я думал, всем заправляет Плоскомордый.

— Правильно думал. Только тем, кто сидит в Кордаве, вовсе не обязательно знать об этом, — пояснил киммериец. — Кстати, куда подевался Эван? Что-то я его не заметил на площади...

— Он вышел с нами, — припомнил Сигурд. — Стоял, смотрел. Когда этот парень, Монброн,

шлепнулся, сказал, что ему ясно, кто победит, и ушел. Просил передать, что завтра днем заглянет к нам на борт — поговорить... Слушай, капитан, с чего ты так взъелся на бедолагу? Пускай бы он на здоровье ухлопал эту чешуйчатую зверюгу, нам-то что? Хлопот опять же меньше...

— Ты не понимаешь,— медленно проговорил Конан.— Дело тут не в деньгах и не в хлопотах. Просто я, а не он, должен изловить дракона. Это же наверняка последний дракон в мире! Когда я его увидел, мне стало все равно, заплатят нам за его шкуру или нет. Я бы и так отправился его разыскивать. Он такой...— Киммериец сделал неопределенный жест и закончил: — В общем, я должен его добыть. И все.

Сигурд не совсем понял, что имел в виду капитан, но промолчал, зная: если Конан что-то решил, переубедить его невозможно. Ладно, на ближайшую луну у команды есть занятие — дружно ловить дракона. Только можно спорить на что угодно — Монброн просто так не отступится. И сегодняшняя трепка его наверняка ничему не научила. Похоже, он настолько же упрям, как и капитан «Вестрела». И миром между ними дело не кончится. И все из-за чего? Из-за какой-то жуткой твари, которой давно полагалось бы тихо издохнуть!

* * *

Маэль очнулся в незнакомом месте, совершенно не представляя, как здесь оказался. Было тихо, светло и приятно пахло. Откуда-то доносился то

затихавший, то усиливавшийся шелест. Подумав, Маэль сообразил, что так шуршат на ветру пальмовые листья.

Осторожно повернув голову влево, он увидел нечто полупрозрачное, цветное и развевающееся. Справа обнаружилось то же самое. Пространство над головой имело бледно-розовый оттенок и никак не могло быть небом. Его наискосок пересекали несколько желтых полос.

«Солнце,— после некоторых усилий сообразил Маэль.— Уже день?»

К звуку трущихся друг о друга листьев прибавились новые — тихое ритмичное позвякивание и еле различимое поскрипывание досок. Маэль прислушался, стараясь не обращать внимания на колокола, гудевшие в голове. Точно, рядом находился человек.

— Э-э...— с трудом выговорил Монброн.— Э-эй...

Похоже, его усилия не увенчались успехом: человек не расслышал. Маэль передохнул и сделал вторую попытку:

— Эй!..

Шаги замерли. Позвякивание тоже прекратилось. Маэль увиделдвигающуюся по занавесям голубоватую тень и с трудом выговорил:

— Где я? — Почему-то это казалось сейчас самым важным.

— Во владениях Нергала, сын мой, где же еще? — отозвался звонкий голосок, принадлежавший не то мальчику-подростку, не то совсем молодой девушке.

Маэль нахмурился, пытаясь понять, что ему не нравится в этих словах. Если незнакомец не лжет (с чего бы ему лгать?), получается, он, Маэль из Танасула, умер. Умер и попал на Серые Равнины. Все правильно. Тогда отчего неподалеку мирно шелестят пальмы и нет никаких злобных демонов, неугасимых огней и еще чего-то, что непременно должно быть во владениях бога смерти?

Размышления вылились в неуверенный вопрос:

— А почему здесь так... хорошо?

— Ох уж эти мне смертные,— вздохнул неизвестный.— С чего ты взял, что здесь должно быть плохо?

— Говорят...— пробормотал Монброн.

— Никогда не стоит слушать клеветников и болтунов, которые не бывали дальше собственного порога. Как павшему в бою тебе предоставлено лучшее из мест вечного отдохновения, а также некоторый выбор.

Вжикнули медные кольца отодвигающихся занавесей, и Монброн на миг зажмурился, ослепленный хлынувшим потоком солнечных лучей. Голосок беспечно продолжал:

— Так вот, либо ты окончательно признаешь себя покойником, либо пьешь вот эту гадость и благополучно воскресаешь.

— Какую гадость?— подозрительно спросил Монброн, моргая. Воскресать совершенно не хотелось: Мир Мертвых оказался весьма привлекательным.

— Вот эту.— Возле носа Маэля появилась бронзовая плоскодонная чашка, над которой поднимался резко пахнувший дымок.— Вроде я ничего не напутал. Впрочем, если напутал — не беда. Отравиться ты не можешь, потому что и без того умер. Будешь пить?

— Нет,— решил Монброн и для пущей убедительности вяло помотал головой: — Не буду.

— Не будешь? Вот так раз! Обычно все рвутся назад. Кого-то они там убить не успели или объяснить очередной юбке, что жить без нее не могут... А тебе здесь нравится?

— Нравится,— подтвердил Маэль.

Рука с чашей отодвинулась.

— Ты бы подумал как следует, сын мой. У нас тут, конечно, неплохо, но и у вас, на земле, есть кое-что хорошее... Как бы не пожалел потом. Смотри, второй раз тебе не предложат вернуться. Будешь целую вечность лежать здесь да пялиться в потолок. А тем временем дракона прикончат без тебя.

— Какого дракона? — озадаченно переспросил Маэль.

— Герольма. С двумя крыльями и четырьмя лапами. Пятнадцати шагов длиной.

— Дракон...— повторил Монброн и с сожалением понял, что на этот раз умереть ему не удалось.

Кажется, он вчера с кем-то дрался, вокруг кричали люди, а потом стало тихо и темно. Наверное, он проиграл поединок, а потом его куда-то отвезли. Да, он смутно помнил толчки подпры-

гивавшей на камнях повозки. Где же завершился его путь? Что это за место? Маэль уже сообразил, что лежит на кровати, а нечто развевающееся — всего-навсего полог, который спускается с бледно-розового балдахина. Остается только узнать, в чьем доме стоит эта кровать и кто взял на себя труд позаботиться о нем.

Скрипнула дверь. До Монброна долетел легкий перестук каблучков женских туфелек. Спустя мгновение приглушенный и удивительно мягкий голос спросил:

— Деррик, что ты делаешь?

— Как что? — наигранно удивился незнакомец, убеждавший Монброна, что тот умер. — Выполняя твое приказание — пытаюсь оживить этот труп. Знаешь, он, оказывается, не хочет воскресать!

— Ничего тебе поручать нельзя, вечно все испортишь, — ласково сказала женщина. — Отдай чашку. Что ты сюда намешал, признавайся?

— Ну-у... — задумчиво протянул Деррик. — Вреда это ему точно бы не принесло. Правда, насчет пользы тоже не уверен...

— Уходи! — решительно приказала женщина. — Ступай вниз. Там пришел гость, займи его, пока я не спущусь. И разыщи дядюшку. Мне кажется, ночью в окрестностях города что-то случилось. Узнай поточнее, потом вернешься и расскажешь.

— Я еще должен развлекать твоих гостей, — проворчал Деррик. — Ладно, так и быть, могу немного постоять на голове. Или спеть песенку про мельника и его жену.

— Деррик, перестань валять дурака, — так же ласково попросила незнакомка. — Кстати, столь ранним и неожиданным визитом я обязана именно тебе. Мог бы заранее предупредить, что повсюду распространяешь приглашения от моего имени, я бы хоть причесаться как следует успела.

— А, вот кто к нам пришел! — почему-то обрадовался Деррик. — Уже бегу!

Монброн отчетливо расслышал его шаги, стук открывшейся и захлопнутой двери и приглушенный топот. Обладательница чарующего голоса раздвинула прозрачные занавеси и присела рядом с Маэлем на край постели. Монброн, преодолевая боль, повернул голову набок, увидел темный силуэт на фоне льющих из широкого распахнутого окна солнечных лучей... И понял, что пропал. Окончательно, бесповоротно и навсегда.

— Не стоит сердиться на Деррика, — улыбнулась женщина. — Он любит подшучивать над людьми, но частенько забывается, и его шутки становятся излишне жестокими.

Незнакомка бережно приложила ко лбу Маэля сложенный в несколько раз и смоченный в ледяной воде кусок ткани и заботливо поинтересовалась:

— Так получше?

Монброн попытался сказать «Да», но смог лишь жалобно застонать. Женщина продолжила:

— Меня зовут Анесса, из рода Вальеда. Это мой дом, вернее, моего дядюшки. Ты месьор Маэль, правильно?

— Я полнейший болван,— наконец сумел внятно выговорить Мазль.— Прости, госпожа.

Дама удивленно приподняла тонкие дуги бровей, и Монброн, запинаясь, проговорил:

— Я приехал за драконом. Глупо, правда? Вот и я думаю, что глупо. Потому я три дня ровным счетом ничего не делал, только сидел в таверне и пил. А потом пришел этот человек...— Монброн попытался вспомнить имя своего вчерашнего противника, но не сумел.— Он говорил, что видел дракона, моего дракона, и собирается его убить. За плату. Я сказал, что это не его, а мое дело. Он назвал меня молокососом. Кажется, я в ответ наговорил ему лишнего. Мы подрались. Я проиграл. Он меня избил и еще посмеялся. Тебе не надо было меня подбирать. Лучше бы я остался там, на площади. Я завтра же уеду отсюда.

Выговорившись, Монброн почувствовал некоторое облегчение и решился украдкой посмотреть на Анессу. Почему-то он был уверен, что она безошибочно поймет смысл его сбивчивого рассказа.

— Мы все совершаем ошибки, месьор Монброн,— спокойно сказала Анесса.— И платим за них. Ты сполна расплатился за свою, но это еще не повод, чтобы бросать начатое дело на полпути. Что же до человека, с которым ты вчера не поладил... Я полагаю, вам надо договориться. Иначе вы будете охотиться не на чудовище, а друг на друга. Я немного знаю твоего противника, и мне кажется, что, если ты извинишься, он примет твои извинения.

— Никогда! — чуть громче, чем следовало, выкрикнул Монброн. Голова немедленно отозвалась короткой вспышкой боли.— Это мой долг, и никакие...

— Лежи спокойно.— Анесса невозмутимо поправила сбившуюся повязку.— Вот сейчас ты в самом деле поступаешь весьма неумно и непредусмотрительно. Насколько я знаю, даже охота на обычного хищника требует слаженных действий, что же говорить о драконе...

Дверь спальни комнаты приоткрылась, и в щель просунулась чья-то взъерошенная голова.

— Анесса! Анесса! На наш мирный дом надвигается бедствие!..

По голосу Монброн признал Деррика.

— Входи,— разрешила Анесса, обернувшись.— Что стряслось на этот раз?

— Твой дядюшка в ярости,— ухмыляясь, сообщил Деррик, входя в комнату.— Его допек наш гость. Еще немного, и дело дойдет до рукопашной. Я оставил там Чинку и примчался за тобой. Спасай! Тебя они наверняка послушаются.

— Для начала я хотела бы знать, из-за чего они ссорятся? — невозмутимо осведомилась Анесса.

— Дракон, что же еще! — Деррик уселся верхом на отодвинутый в угол стул и глазами указал на наострившего уши Монброна.— Можно говорить при нем?

Анесса мгновение подумала, затем кивнула.

— Пришел капитан Конан,— начал Деррик, но тут же перебил сам себя: — Собственно, дело началось с того, что сегодня ночью огромная кры-

латая тварь, в которой безошибочно признали дракона, напала в долине Фламмы на овечье стадо. Там было около сотни овец, а теперь осталось чуть побольше десятка.

— Бедный зверь, у него наверняка будет несварение желудка,— еле слышно сказала Анесса.

Деррик хмыкнул и продолжил:

— Это собственность Монтего, и, разумеется, он взбесился. Сел на лошадь и примчался в город, чтобы пожаловаться градоправителю, а ведь старику уже шестой десяток! Но веселье на этом отнюдь не закончилось. Не успел Монтего выйти за дверь, как пришел Конан. И знаешь зачем? Он без долгих рассуждений предложил твоему дядюшке избавить город от морского чудовища!

— Так это просто замечательно,— сказала Анесса.— Ты же сам говорил, у него огромный опыт. Он наверняка справится. Дядюшка согласился?

— Еще нет.— Деррика разбирал смех, однако он сдерживался.— Видишь ли, моя госпожа, капитан вполне резонно желает, чтобы его труд и усилия его людей были оплачены. Цену он назвал. Сумма довольно внушительная, но справедливая. А твой дядя твердит, что никакой платы им не полагается, ибо корсары — часть военных сил Зингары и обязаны по мере сил охранять мирных жителей. То есть получается, что уничтожение дракона — их прямая обязанность и требовать за это плату в высшей степени недостойно. В общем, их горячий спор грозит перерасти в вульгарную драку. Я понятно все объяснил?

— Я же говорил, что этот ваш хваленый корсарский капитан просто ищет, где бы пожить,— мстительно заметил Монброн.— Госпожа, нельзя ли мне переговорить с твоим почтенным дядюшкой? Мне не нужна никакая плата, я сюда приехал как раз для того, чтобы уничтожить это порождение тьмы...

— Тихо,— внушительно сказала Анесса.— Помолчите оба.

Маэль и Деррик послушно смолкли.

— Деррик, беги вниз и проследи, чтобы месьор капитан и дядя остались живы. Передай им — я уже иду,— распорядилась она и встала.— Месьор Монброн, если ты в состоянии держаться на ногах, можешь побеседовать с моим дядюшкой хоть сейчас. Однако сперва поразмысли хорошенько над тем, что я тебе сказала. Ты не справишься в одиночку.

— Госпожа Анесса...— жалобно простонал Маэль.— Но ведь... Твой дядюшка откажет этому грабителю?

— Не знаю,— пожала хрупкими плечами Анесса и улыбнулась.— Не хочу преувеличивать свое влияние, однако дядя частенько следует моим советам. Сейчас же я намереваюсь посоветовать ему принять условия капитана Конана. Раз это животное, дракон, причиняет вред нашему городу, мы должны использовать все возможности отыскать его и убить. Если желаешь, месьор Монброн, присоединяйся к нашему разговору. Комната для гостей — первая внизу по коридору.

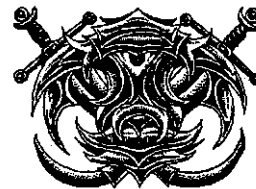

Она подобрала шелестящие юбки белого платья и направилась к услужливо распахнутой Дерриком двери. Монброн с тоской посмотрел ей вслед. Ну почему все так плохо складывается? Какой злой демон нашептал этому морскому разбойнику мысль именно сейчас навеститься в Карташену? И как теперь поступить ему, Монброну? Мало хлопот с проклятым драконом, так угораздило же его повстречать самую непостижимую и прекрасную из женщин! Кто-кто, а она наверняка не страдает от недостатка поклонников...

Маэль горько вздохнул, поняв, что совсем запутался, и с трудом сел. Хотелось есть, хотелось еще немного поговорить с этой необыкновенной женщиной и очень хотелось домой. Зачем он только ввязался в эту историю?

Глава пятая

а летнюю ярмарку в Карташене съезжался народ со всей провинции Антабрия, и проводилась она не в самом городе, а за его пределами, на большом лугу, который тянулся от закатных предместий и полого спускался к широкой ленте Фламмы.

Почему именно там, а не под надежной защитой городских стен, никто толком не знал. Объяснений было множество, они сильно противоречили друг другу, но зато было из чего выбрать. Самым распространенным и любимым среди горожан было предание о Саальведе.

Саальведа, как гласила легенда, жил около двухсот лет назад и был самым обычным пиратом. Правда, однажды ему повезло. То ли добыча подвернулась особо крупная, то ли он отыскал какой-то знаменитый клад, то ли, будучи от рождения жадным, сумел скопить солидную сумму и не успел ее растратить. Так или иначе, в один прекрасный день корабль Саальведы

проходил мимо здешних берегов, и его капитану вдруг явилось некое видение. Легенда умалчивает о том, что это было, однако доподлинно известно, чем это кончилось. Саальведа внезапно решил, что вся его жизнь была большой ошибкой, а сейчас у него появилась возможность попробовать все исправить. И начать он решил с широкого жеста — раздачи своих богатств всем нуждающимся.

Неизвестно, как к такому решению отнеслась команда Саальведы. Однако можно с уверенностью предположить, что восторга оно не вызвало. Тем не менее Саальведа сумел настоять на своем (возможно, его убедили пожертвовать не всеми сокровищами, а лишь их частью). Доподлинно известно одно: раздавали золото именно здесь, на лугу между городскими укреплениями и Фламмой.

Дальнейшая судьба раскаявшегося капитана Саальведы теряется во мгле времен.

Злые языки утверждали, что на следующий день он одумался и потребовал вернуть все добро, а когда внезапно разбогатевшие горожане не согласились, со злости спалил город и убрался восвояси.

Однако традиция ежегодно проводить ярмарку на берегу реки, где двести лет назад старый пират якобы направо и налево раздаривал награбленное богатство, прижилась. Конечно, в истории города случалось, что торги отменяли из-за неурожая или войн, но такое бывало крайне редко.

Ярмарка нынешнего года ничем не отличалась от предыдущих.

Как всегда, за три-четыре дня до ее начала на лугу начали устанавливать легкие разноцветные палатки и шатры. Как всегда, постоянные дворы и гостиницы оказались переполнены и опоздавшим не хватило места. Как всегда, еще до начала ярмарки кого-то ограбили, а кто-то решил проучить зарвавшегося соперника. И как уже случалось не раз, из загона вырвалась парочка молодых бойцовых быков, которые захотели малость поразмяться и покалечили тех, кто не успел убраться с их дороги.

Карташenu ожидала чудесная пора. Три дня город будет торговаться, выгадывать на каждой монете и думать только о полученной выручке. Три дня будет длиться пестрая круговерть товаров, своих и привозных, будут заключать сделки и проводить смотрины, а потом все это станет хворостом в костре сплетен, гореть которому суждено до следующего лета.

Никого не удивил даже вошедший в гавань подозрительно тихий двухмачтовик: ловцы удач, легко менявшие флаги, никогда не упускали случая заглянуть в Карташenu, особенно если находили подходящий повод.

Чтобы попасть из гавани на ярмарку, требовалось пройти вдоль всей деревянной набережной, миновать городские стены (изрядно заросшие густой травой невысокие земляные валы) и потом шагать, никуда не сворачивая, по прибрежной дороге. Она тянулась мимо чистеньких

домиков предместий, утопавших в темной блестящей зелени фруктовых деревьев, спускалась к переправе через Фламму и убегала дальше — в Кордаву.

Сейчас дорога над морем почти пустовала. Изредка по ней с дребезгом прокатывалась повозка какого-нибудь замешкавшегося торговца или пробегал опаздывающий горожанин. Большинство желающих попасть на ярмарку отправились туда с самого раннего утра, хотя начинать торги разрешалось только после церемонии открытия в полдень.

Умчалась на ярмарку и команда «Вестрела». Капитан отпустил всех до завтрашнего утра, а боцман и помощник каждому в отдельности и всем вместе несколько раз напомнили, что надо «вести себя потише». Никто при этом не сомневался: это ценное указание вскоре будет забыто, но хотя бы с утра корсары постараются держать себя в руках. К вечеру же можно ожидать чего угодно: погрома в тавернах и веселых домах, драки с городской стражей или всеобщей попойки.

В отличие от своей команды Конан вовсе не торопился на ярмарку. Собственно, поначалу он вообще не собирался туда идти: ему никогда не нравилась толпа, да и никаких дел на местном торжище у него не было. Разве что повидать кое-кого из немногочисленных здешних знакомых, но с равным успехом это можно сделать вечером в городе, в каком-нибудь тихом и спокойном месте, где никто не помешает поговорить.

Однако бесцельно торчать на борту корабля, на котором оставались только вахтенные, было скучно. Дорога от города до ярмарки занимала не так уж и много времени, да к тому же Конану хотелось прогуляться не торопясь и кое над чем поразмыслить...

* * *

Весь вчерашний день был потрачен на то, чтобы убедить команду, которая чуть было не собралась бунтовать. Нет, никто из двух с половиной десятков человек не считал себя трусом (да и не был таковым), только они не разделяли желания капитана любой ценой изловить невиданного зверя. Вот напасть на кого-нибудь, захватить корабль — это просто, понятно и привычно. Но охотиться на морское чудовище...

Ожесточенный спор кончился, в общем, ничем. Бунта не случилось, однако капитану дали ясно понять, что его жизнь — его личное дело, но никто больше не собирается рисковать своей головой. И неважно, сколько там обещает Плоскомордый.

Тем не менее существовали по меньшей мере две веские причины, по которым Конан и не думал так легко отказываться от затеваемого дела. Во-первых, слава, а во-вторых, предания о драконах. Сказки это были или нет, но все предания гласили: дракон должен что-то охранять. И даже не просто что-то, а сокровища, достойные королей и самых знатных правителей. Да и кораблей за последнее время сколько пропало! Пусть

Эван и утверждал, что они не везли ничего особенно ценного, но все же, все же...

Однако даже самый глупый дракон не стал бы прятать украденные драгоценности на островке неподалеку от населенного людьми берега. Значит, они должны быть скрыты более надежно. Спрашивается, где? Ясно, что где-то близко, ведь дракон сам сболтнул, что отирается где-то здесь. За Карташеной на восход тянется полоса обрывистого берега со множеством укромных местечек и пещер. Там при желании можно припрятать всю зингарскую казну. Остается пустырь — найти в этой скальной путанице убежище зверя и постараться там же и прикончить его. Придется поискать проводника из местных, кто хорошо знает береговые скалы. Несколько дней уйдет на то, чтобы выследить дракона и узнать, когда он появляется в своем жилище и когда покидает его. Еще надо придумать надежный способ расправиться с чудищем...

Если все пойдет удачно, команда «Вестрела» (и особенно его капитан) оказывается в немалом выигрыше. Сокровища дракона — раз. Плата за убитого зверя от Эвана Плоскомордого — два. Ну, и слава — это само собой... А коли получится еще расстрясти здешнего градоправителя, то поездку в Карташену можно считать более чем удачной.

Припомнив свою недавнюю беседу с Карбальо, Конан злорадно ухмыльнулся. Надменность зингарской знати давно уже вошла в поговорку по всему Побережью, но местный градоправи-

тель оказался просто ожившим воплощением всех существующих легенд. Добиться от него денег для защиты родного города от страшного чудовища было не легче, чем заставить шемского торговца хоть на медяк сбавить цену на свой товар.

Но зато какая у него племянница! Еще лет пять назад одного взгляда такой красавицы хватило бы, чтоб без долгих размышлений отправиться в поход за головами всех монстров округи. Теперь же многое изменилось: Конан мог держаться на равных с наследницей многих поколений высокорожденных. Конечно, для благородного Карбальо киммериец оставался всего лишь дикарем на королевской службе, однако у девицы хватило ума понять, что корсарского капитана лучше иметь в друзьях, нежели во врагах. Потому Анесса несколькими словами утихомирила своего разбушевавшегося дядюшку, убедительно доказала, что стоит прислушаться к любому совету, как уничтожить опасную тварь, и добилась того, что градоправитель процедил сквозь зубы: «Я подумаю».

Так что влияние Анессы тоже стоило принять в расчет. Да и об этом сумасшедшем парне из Аквилонии, Монброне, при всем желании не забудешь. Впрочем, с ним Конан не собирался делиться ни при каких обстоятельствах. Мало того, что щенок имел дерзость наговорить ему дерзостей, так даже полученная трепка ничему его не научила! Благородная дама приютила его по доброте душевной, и ведь нет же! Мальчишка

вылез из своего угла, где ему полагалось бы тихо отлеживаться и приходить в себя, и немедленно завопил, что здесь не уважают древние традиции. Очевидно, сие означало, что право охотиться на дракона должно принадлежать только ему. Конан вполголоса заметил, что человеку, не способному постоять за себя, вряд ли стоит выходить один на один с драконом. Разве что зверюга сдохнет от смеха, увидев, какое убожество явилось по ее душу...

Стоявший за креслом Анессы Деррик после этих слов фыркнул в кулак и под строгим взглядом хозяйки стрелой вылетел из комнаты. Монброн разобрало благородное негодование, Карбальо явно собирался к нему присоединиться, так что оставалось только одно — уйти ни с чем.

Конан так и поступил и тут же натолкнулся на дерзко подслушивавшего под дверями Деррика. Впрочем, тот ничуть не обиделся, получив створкой по лбу, а, как ему и полагалось, отправился провожать уважаемого гостя к выходу. Из его болтовни удалось даже извлечь кое-что полезное: деньги в городской казне водятся, нужно только как следует прижать Карбальо. Прижимать его лучше всего через племянницу... Тут, к сожалению, гость и его сопровождающий вышли на просторную веранду, и внезапно оборвавший свою легкомысленную трепотню Деррик пожелал «месьору капитану» всего хорошего.

Интересно, издевался или всерьез?

Да и вообще, кто он такой, этот Деррик? Таскается повсюду за Анессой, встречает в чужие

разговоры и ведет себя так, будто ему все позволено... И наверняка знает все сплетни о жителях города. Может, потолковать с ним?

Позади раздался дробный перестук копыт, сопровождаемый мелодичным позвякиванием украшений на сбруе. Конан оглянулся через плечо: его нагоняла невысокая белая лошадка, вровень с которой бежала крупная рыжая собака. Помянули демона к ночи...

Деррик поравнялся с корсаром, натянул поводья и очень вежливо, без малейшего признака ехидства, поинтересовался:

— Можно составить компанию или ты предпочитаешь одиночество?

— Как же ты бросил свою госпожу на произвол судьбы? — хмыкнул Конан.

Деррик пожал плечами и прыгнул с лошади.

— В честь нынешнего праздника выпросил свободный день. А если госпоже понадобится кто-то способный подержать стремя или поднять платочек, ей достаточно только взглянуть по сторонам. Сразу отыщется десяток желающих. Впрочем, теперь возле нее вьется наш доблестный охотник на драконов...

Деррик многозначительно замолчал и начал рыться в притороченных к седлу лошади сумках. Если он ждал ответа, то напрасно: Конану в общем-то было все равно, кто нынче пользуется благосклонностью местной красавицы. Монброн может пыжиться сколько душе угодно: если эта девица действительно неглупа, она быстренько охладает к нему.

Поиски увенчались успехом: на свет появился запечатанный глиняный кувшин. Деррик ласково похлопал его по блестящему боку и осведомился:

— Не откажешься от моего угощения, капитан?

— Что там у тебя?

— Наливка,— сообщил Деррик и со вкусом причмокнул.— Местная. Урожай этого года. Только-только забродила...

Кувшин перешел из рук в руки, залитая смолой пробка взлетела вверх и, упав на пыльную дорогу, осталась лежать там. Трусившая за двумя путниками собака мимоходом обнюхала ее и чихнула.

— ...Вообще-то я хотел задать пару вопросов, если ты не против,— осторожно начал Деррик, когда кувшин уже наполовину опустел.— Я надеялся застать тебя в гавани, но люди на твоём корабле сказали, что ты ушел на ярмарку.

— Это ты хочешь что-то узнать или твоя госпожа? — уточнил Конан.

Он давно усвоил, что такие люди, как Деррик, редко говорят от своего имени. Анессе позарез что-то нужно от корсарского капитана, вот ее доверенное лицо и хлопочет. Облегчать его труды киммериец не собирался: пускай выкручивается как сможет. И нечего рассчитывать, что вино развяжет собеседнику язык. Для этого понадобится куда больше, чем один кувшинчик...

— В сущности, это неважно,— улыбнулся Деррик.— Скажем так: моей госпоже неизвестно об

этом разговоре, однако она ничуть бы не возражала против него.

«Мудрено загнул,— признал Конан.— А от прямого ответа ушел. Ладно, послушаем, что ему нужно».

— И что дальше? — стараясь казаться равнодушным, спросил киммериец.

Деррик весело прищурился:

— Дальше все зависит от тебя, капитан. Вернее, от твоего решения. И еще от страшной зверюги, что почтила своим присутствием наш благословенный город. Короче: собираешься ли ты рискнуть и отправиться за головой дракона?

— Как вдруг всех заинтересовало, пойду я за драконом или нет,— проворчал Конан.

В ответ послышался издевательский смешок:

— Что еще остается делать бедным обывателям, раз возле города околачивается чудовище, а город посещает прославленный герой? Разумеется, сравить их и посмотреть, что из этого выйдет. Не обращай внимания на Карбальо: делами здесь заправляет не он, а Анесса. Если ты и в самом деле отправишься за зверем и победишь, она заплатит. Можешь не сомневаться: заплатит по справедливости. И еще... — Деррик замолчал и принял к кувшину. Конан не сомневался: сделано это было нарочно, чтобы заставить собеседника призадуматься над сказанным.— Ты зря не прислушался к словам нашего гостя, Монброн. Он много знает об этих тварях. Иное дело, что ему в отличие от тебя не представилось случая применить эти знания на деле. Он совершенно верно

сказал: бесполезно ловить дракона в море. Его нужно искать на берегу.

Конан презрительно хмыкнул:

— Монброну лучше вообще сидеть дома. Все, что он умеет,— трепать языком и пить. Зверюгу я отыщу и без его подсказок.

— Не сомневаюсь,— быстро кивнул Деррик.— Однако дело намного упростится, если ты будешь знать, где нужно искать. Можно потратить год, обшаривая побережье, и остаться ни с чем. У тебя, насколько я понимаю, такого времени в запасе нет?

— А ты такой умный, что знаешь, где прячется дракон? — огрызнулся киммериец. Доверенный слуга Анессы был во всем прав, однако к чему он клонил?

— Предполагаю,— как ни в чем не бывало сказал Деррик, тряхнув челкой.

Конан сбавил шаг. Разговор становился все интереснее. Если Деррик не врет (а с чего бы ему врать?), то все окажется намного проще. Однако не будем торопиться с выводами... Поспешность еще никого не доводила до добра.

— Что же ты раньше никому об этом не говорил?

— Кому я мог сказать? — искренне удивился молодой человек.— Градоправителю? Он бы не поверил, а если бы и поверил, ровным счетом ничего бы не предпринял. Командиру городской стражи? Да он просто выкинул бы меня за дверь. Я уж подумывал, не намекнуть ли Плоскомордому, но тут появился ты...

— Между прочим, Плоскомордый тоже обещает заплатить за голову зверя,— напомнил Конан.

— Эван может пообещать что угодно,— неожиданно резко бросил Деррик.— Это отнюдь не означает, что он собирается выполнять свои обещания.

— А твоя хозяйка собирается?

Деррик обиженно вскинул голову:

— Род Вальеда — древний и благородный! Если она даст слово...

— Так она его еще не давала,— разумно возразил Конан.— Слушай, что тебе вообще нужно? Ты узнал, где прячется дракон, и хочешь что-то взамен?

— Само собой,— несколько успокоился Деррик.— Я, к сожалению, завязтый стяжатель и предпочитаю из всего извлекать хоть маленькую, но выгоду. Не беспокойся, твой кошелек не пострадает. Я всего лишь прошу разрешения сопровождать тебя в этом походе. Обещаю не мешать, не вертеться под ногами и не давать излишних советов.

— Зачем это тебе? — не понял Конан. Вот уж действительно странное желание...

— Не так часто удается посмотреть, как убивают драконов,— с коротким смешком ответил Деррик, однако киммерийцу его смех показался зловещим.— Если ты согласен, можно выйти хоть завтра.

Конан ничего не ответил, обдумывая столь неожиданное предложение. Если мальчишка и в

самом деле знает, где скрывается зверюга, отчего бы и не прихватить его с собой? Болтает, правда, много, но это не беда. Только непонятно, зачем ему (и, надо полагать, его хозяйке) понадобилась голова дракона? Украсить стену в замке? И почему Деррик недолюбливает Плоскомордого?..

Впрочем, какое все это имеет значение? Он привел корабль в Карташену только ради того, чтобы попытаться изловить морское чудовище и разузнать, кто прикрывает свои гнусные делишки его именем. Все остальное его не касается.

За разговором корсарский капитан и слуга благородной дамы миновали последние дома предместья и вышли к реке. На плавно понижающемся берегу пестрели навесы над лавками, слышался многоголосый гомон, сквозь который иногда прорывались отдельные выкрики, звонко хлопали яркие паруса стоявших на реке плоскодонных судов. До полудня, а значит, и начала торгов оставалось совсем немного — как раз столько, чтобы спуститься по склону и смешаться с шумной, беспокойной толпой.

* * *

Тейраз Блайи тоже собирался на ярмарку. Подзаработать — это во-первых и немного развлечься — во-вторых. Менестрель с легким удивлением отметил, что Карташена внезапно стала для него очень приятным городом. Он отделался от всех напастей и внезапно обрел покровителя. Вернее, покровительницу — благородную даму, Анессу. Во всяком случае, вчера по ее лич-

ному приказанию Блайи поселили в пустующей комнате дворца градоправителя, а распорядившийся многочисленными слугами Деррик передал просьбу госпожи: не соизволит ли месьор Блайи задержаться в городе еще на два-три дня, в течение которых он может располагать гостеприимством семейства Вальедо как ему будет угодно? К словесной просьбе Деррик присовокупил кожаный пузатый кошелек, в котором что-то приятно позвякивало.

Месьор Блайи с величайшим удовольствием задержался бы в Карташене еще на две-три луны, но опасался, как бы это не было слишком дерзко с его стороны.

Потому менестрель ограничился благодарностью и заверением, что, буде он понадобится госпоже Анессе, ей достаточно лишь высказать свое пожелание. Деррик непочтительно фыркнул, но обещал слово в слово передать изысканную речь барда.

Деррик же оказался первым (не считая слуг, конечно), кто попался на глаза Блайи следующим утром. Он и прекрасная Анесса стояли на открытой веранде и о чем-то шепталась. Судя по серьезному выражению лица девушки, она отдавала какие-то распоряжения. Деррик хмурился, иногда кивал, один раз довольно резко возразил и вдруг сорвался с места, пробежал через пустынный двор и юркнул в полуоткрытые двери конюшни. Через какое-то время створка открылась пошире, выпуская приплясывающую белую кобылку. Деррик засвистел, подзывая собаку, кото-

рая терпеливо ожидала его в тени дома, поклонился все еще стоявшей на веранде хозяйке и, хлестнув лошадь, умчался в сторону гавани. Анесса, убедившись, что ее посланец отправился исполнять поручение, скрылась в доме.

На стоявшего в стороне Блайи никто не обратил внимания, чему бард только порадовался. Он никогда не любил влезать в чужие дела, особенно в дела тех, кто по рождению стоял выше его.

...Пологий луг на правом берегу Фламмы гудел, шумел на тысячи голосов, и слегка оторопевшему барду показалось, что сам берег все время перемещается с места на место. Рассеянный взгляд выхватывал отдельные яркие пятна: красные, оранжевые, зеленые россыпи фруктов; белые, пронзительно-алые и коричневые свертки тканей; серебристые груды рыбы — еще живой и уже приготовленной всеми возможными способами; масляно-тусклое сияние и радужные вспышки украшений в ювелирном ряду... А еще звуки: людские голоса, тревожное ржание лошадей, надрывный ослиный рев и приглушенное мычание запертых в стойлах быков... Запахи жарящегося на открытом воздухе мяса с острейшими приправами; аромат раздавленных сочных фруктов, над которыми жужжат осы; горьковатая вонь только что выделанной кожи и густые едкие волны рассола, в котором вымачивают рыбу... А еще...

За время путешествий Блайи довелось выступать на добром десятке ярмарок и базаров, но у жителей Полуденного Побережья представление о праздничном торжище в корне отличалось от

всех прочих. Впрочем, быстро придя в себя, Блайи сообразил, где расположены какие торговые ряды, разглядел пустующий желтый круг арены для боя быков и цветасто украшенный помост, предназначенный для городской верхушки и тех, кто будет проводить церемонию торжественного открытия. Торги еще не начинались, хотя будущие покупатели и перекупщики уже вовсю приценивались к разложенным товарам и обговаривали условия грядущих сделок.

Слабый ветерок колыхал висевшие над помостом тяжелые, обшитые бахромой знамена с изображениями гербов страны, провинции и города Карташены. Трепетали узкие и длинные флажки, разноцветные шелковые ленты и привязанные где попало аляповато-пышные тряпичные цветы. Несколько мастеровых спешно заколачивали в основание легкой постройки последние гвозди.

«Анесса наверняка будет стоять на помосте или рядом с ним, — рассудил менестрель. — Спорю на что угодно, поблизости непременно будет околачиваться Монброн... Значит, и мне хорошо бы занять местечко неподалеку. Вдруг подвернется случай быть полезным?»

Блайи никогда не старался нарочно привлекать к себе внимание, но считал, что только полный дурак упустит возможность немного изменить свою жизнь к лучшему. Кроме того, ему нравилась госпожа Вальеда и он не видел причин это скрывать. Красивой женщине поклонники необходимы так же, как растению — солнечный свет.

До полудня еще оставалось немного времени, и бард собирался потратить его с толком, то есть прогуляться вдоль торговых рядов и осмотреться. В кошельке, врученном вчера от имени Анессы, обнаружилось полсотни зингарских золотых, и Блайи не терпелось поскорее потратить их. Золото никогда не задерживалось в карманах менестреля, и он не сомневался, что уже через пару дней от щедрого дара ничего не останется. Не беда — пока длится ярмарка, он сумеет заработать. А потом? Потом видно будет!

Блайи неторопливо миновал лотки на редкость крикливых торговцев сладостями, задержался возле прилавка с винами, купив «на пробу» маленький керамический кувшинчик белого шемского, и вышел к наскоро сооруженным нарочно для ярмарки длинным зданием складов. За ними располагались загон для животных, и оттуда долетали то дрожащее овечье блеянье, то грозное фырканье и рев быков, то пронзительный пороссячий визг.

Запах стоял соответствующий, и, безглаголиво скривившись, Блайи решил обойти это непривлекательное местечко стороной.

Он так бы и поступил, но не успел сделать даже пары шагов. На плечо легкомысленно нависывавшего барда легла чья-то тяжелая рука. Резко дернув назад, его втащили в неширокий проулок между двумя соседними складами. Блайи не успел ни закричать и позвать на помощь, ни даже толком испугаться, когда следующий толчок припечатал его спиной к стене.

Десятки острых щепок тут же вонзились в тело, но Блайи куда больше волновало, кто напал на него и что этим людям нужно. Вряд ли это были грабители: чтобы срезать кошелек, вовсе не нужно затаскивать жертву в укромное место. Тогда в чем же дело? Разве за три дня он успел обзавестись недоброжелателями? Или его настиг кто-то из прежних недругов?

Барду уже приходилось иметь дело с разъяренными мужьями и приятелями его мимолетных подружек. Порой все ограничивалось взаимными словесными оскорблениями и угрозами, иногда обычной дракой или законным поединком, однажды Блайи здорово избил, а в Либурне он был вынужден прикончить напавшего на него человека, о чем потом искренне сожалел. Взбесившийся ревнивец просто не оставил менестрелю другого выхода. И совершенно не ожидал, что Блайи вполне может постоять за себя.

Бард наконец отлепился от стены, небрежно стряхнул приставший к одежде сор, взглянул на своих противников и тут же понял: если он сегодня отделается простой выволочкой, ему крупно повезет.

Их было трое: хозяин и двое не то слуг, не то телохранителей — угрюмые верзилы с тяжелыми взглядами, каждый из которых был способен без особых усилий переломать Блайи все кости.

Их месьор выглядел не столь грозно, однако изрядно струхнувшего барда это не утешило. Он шагнул назад, но вспомнил, что позади — доща-

тая стена склада, быстро взглянул по сторонам: сбежать невозможно. В дальнем конце проулка виднелись решетчатые перегородки загона и мелькал черный бок на редкость крупного и, наверное, злобного быка, ближний конец был недосыгаем. Вступать в драку бессмысленно. Надеяться на внезапную помощь глупо. Можно, конечно, попытаться воззвать к чести молчаливого хозяина, однако Блайи решил, что делать этого не стоит. Хотя бы потому, что отпрыск семейства Рюделли, выбравший ремесло странствующего барда, добровольно отказался от большинства привилегий благородного сословия и сейчас по положению находился чуть выше обычного горожанина-простолюдина. Не стоит также забывать о том, что в Зингаре он иноземец, причем нежелательный: на Побережье недолюбливают подданных Трона Льва.

«Попался,— с тоской подумал Блайи.— Обложен и загнан в угол. Не знаю, что им от меня нужно, но будет лучше согласиться на все требования и никого не разозлить».

Именно по этой причине бард предпочел пока помалкивать. Хотят ссоры — пускай заговорят первыми. А ссора непременно будет, не сейчас, так попозже...

— Боишься? — неожиданно начал незнакомец. На вид ему было изрядно за сорок, и никакие ухищрения портных не могли скрыть выпирающее брюшко и привычку сутулиться. Однако взгляд у человека был жестким и не предвещал Блайи ничего хорошего.— Это правильно.... Ну и

что с тобой, нечестивцем без стыда и совести, прикажешь делать?

— Я не понимаю... — пробормотал Блайи, хотя уже начинал подозревать, что к чему. Если его догадка окажется верной, краткое пребывание в Карташене он запомнит до конца дней своих. И больше никогда ни за какие деньги и ни при каких обстоятельствах не рискнет соваться на Полуденное Побережье!

— Все ты отлично понимаешь,— не дал договорить неизвестный.— Конечно, Аниса еще молода и не слишком сообразительна, а проще говоря — глупа, но это не дает права дерзким проходцам вроде тебя порочить доброе имя нашей семьи!

«Если бы меня так звали, я бы сразу повесился,— обреченно подумал бард.— Бедная Аниса... Муженьку достаточно было повысить голос, чтобы она начала щебетать, как птичка. Свалить всю вину на меня ей ума хватило, а догадаться поставить слуг у входа в дом — нет! Ох уж эта мне провинциальная наивность... Что теперь будет?»

— Волочь тебя в суд — слишком хлопотно.— Муж Анисы продолжал рассуждать тем же невыразительным тоном.— Нужны хотя бы два свидетеля, чтобы доказать супружескую неверность. Кроме того, судилище неизбежно вызовет изрядный скандал, а я не тороплюсь расставаться с Анисой... Значит, суд не подходит.

Блайи поежился, искренне надеясь, что хотя бы внешне сохраняет некое подобие выдержки и невозмутимости.

— Поединок? Слишком много чести для такого негодая... Может, приказать вывезти тебя за город, а там просто прирезать? Или... — Он внимательно посмотрел на прижавшегося к стенке Блайи, который по привычке старался беречь руки и непроизвольно спрятал их за спину. — Ученые мужи утверждают, что в каждом пальце есть по меньшей мере четыре кости. Вот и проверим...

Если ревнивец хотел лишь напугать более удачливого соперника, он этого добился. Блайи взглянул на него с невыразимым ужасом, едва сдерживаясь, чтобы не завизжать: «Не надо!» Ничего страшнее придумать было невозможно. На какой-то миг бард даже пожалел, что когда-то не прислушался к разумным доводам родителей, променяв безмятежную жизнь в семейном поместье на дороги и приключения.

— Тихо, тихо... — На одутловатом лице карташенского вельможи появилась легкая усмешка. — Разумеется, такой поступок был бы чересчур жестоким даже по отношению к тебе... Однако ты заслуживаешь наказания. Кстати, я подозреваю, моя дорогая супруга была отнюдь не единственной женщиной, которую ты обманул... Алонхо, Мадес, ну-ка взять его!

Молчаливые и, казалось, равнодушные ко всему телохранители шагнули вперед, легко оторвали Блайи от стены и заломили ему руки назад. Он не сопротивлялся, а лишь робко подал голос:

— Конечно, я виноват, однако несправедливо наказывать только меня!..

— Аниса тоже свое получит, не беспокойся, — презрительно хмыкнул супруг. — Он еще будет рассуждать о справедливости!

Бард замолчал, ожидая решения оскорбленного мужа. И дождался. Зингарец жестом подозвал одного из телохранителей и спокойно распорядился:

— Заткните ему пасть и разденьте.

Одновременно где-то неподалеку раздался торжественный и низкий рев нескольких огромных витых труб, оповещавший горожан и всех прибывших в Карташену о том, что вскоре откроется ярмарка. Гомонящий люд хлынул к помосту, торопясь занять места в первых рядах: праздничная церемония была ярким зрелищем, да к тому же прошел слух, что после речей обещана бесплатная раздача вина и сладостей. В суматохе никто не обратил внимания на доносившиеся из проулка между двумя складами сдавленные вопли и шум борьбы. А даже если и обратил, то пожал плечами и прошел мимо. Известное дело, на ярмарке обязательно кого-нибудь прижмут в углу и пересчитают ребра сначала сверху вниз, а потом наоборот. Вмешиваться в чужую свару — себе дороже.

...Взъерошенный и едва не шипевший от злости и унижения Блайи проводил взглядом мешок, набитый его вещами. Мадес по приказу хозяина только что швырнул его через жерди прямиком в загон для быков. Впрочем, пояс с висевшим на нем кинжалом, виола и кошелек не разделили общей печальной судьбы. Супруг Анисы

прихватил их с собой, невозмутимо и подробно объяснив Блайи, где он может получить их обратно — в доме благородного месьора, что на Верхней Якорной улице. После чего посетовал на распушенность нынешней молодежи и общий упадок нравов, высказал надежду, что месьор Блайи получит удовольствие от посещения ярмарки в Карташене, и удалился в сопровождении телохранителей.

А Блайи остался, совершенно не представляя, что теперь делать: звать на помощь, проклинать все на свете или сесть вот на этот клочок сухой земли и от души посмеяться?

В конце концов действительно пришлось присесть — ноги не держали. Блайи давно так не пугался и не сразу оценил изощренность мести обманутого мужа. Он не сможет просидеть тут весь день — замерзнет и проголодается. Он не может достать тюк со своей одеждой — для этого надо лезть в загон к быкам, а на такое способен только сумасшедший. Значит, придется выходить. Что ж, состоится замечательное, а главное — совершенно бесплатное представление для всех желающих. Если потом он задержится в этом городе еще хотя бы на один день, над ним будет потешаться каждый встречный.

Бард ткнулся головой в колени и от досады тихонько завыл.

* * *

Маэль с самого утра испытывал нечто вроде легкой тревоги, хотя вроде беспокоиться было

совершенно не о чем. В полдень ему предстояло сопровождать госпожу Анессу на открытие ярмарки — девушка сама попросила его оказать ей такую любезность! Мерзавец корсар после памятного разговора убрался ни с чем — так ему и надо! Интересно, о чем думали в Кордаве, принимая на службу такого душегуба и варвара?

И все же Монброн не находил себе места. Ему не так часто доводилось участвовать в парадных выездах, и он не знал здешних порядков. Дома, в Танасуле, все было гораздо понятнее... А тут он все время опасался, как бы не надеть глупостей. Одну, впрочем, он уже сделал — сцепился с корсарским капитаном. Наверное, об этом уже всем известно. Так вот, одного дурацкого поступка вполне хватит. В конце концов, он приехал на Побережье не затем, чтобы драться со всякими проходимцами. Его цель и судьба — дракон!

Жаль только, что куда-то подевались два человека, с которыми Монброн успел познакомиться. Блайи, как сказала убиравшая в комнатах гостя служанка, ушел на ярмарку. Что до месьора Деррика, то у него сегодня свободный день. Впрочем, Деррик никогда никому не говорит, куда идет и когда вернется. Разве что госпоже, и то не всегда.

Незадолго до полудня к Дому На Холме, как называли дворец градоправителя, начал съезжаться цвет города и провинции. Притихшего и слегка оглушенного обилием титулов, трудновывариваемых имен и перечислением путаных родственных связей Маэля незаметно оттеснили

в сторону, чему он в душе только порадовался. Все-таки правду говорили: «Хочешь увидеть, насколько спесива знать, поезжай в любую зингарскую провинцию и просто посмотри по сторонам». Все-таки в Аквилонии нравы намного проще. Нет, не в столице — туда без нужды лучше не соваться. Все здравомыслящие люди в один голос твердят: добром это не кончится. Еще год-два — и в Аквилонии обязательно начнется смута. Она, впрочем, уже началась, в приграничной полосе возле Пиктских Пущ и в Боссонии, а также в Пуантене...

Пестрый кортеж наконец выстроился в некое подобие колонны и начал спускаться по склону холма в город. Маэль сумел пристроиться неподалеку от госпожи Вальедо, оттеснив какого-то местного вельможу, за что тот наградил его взглядом, предвещавшим скорую ссору. Анесса, кажется, этого не заметила, а если и заметила, не придала значения.

Госпожа Анесса выглядела слегка задумчивой и, казалось, не обращала внимания ни на царившее вокруг праздничное оживление, ни на попытки втянуть ее в обмен любезностями и последними сплетнями. Она была сама по себе — изящная женщина в алом платье с золотой вышивкой и в длинном шелковом плаще. Несмотря на свою молодость и малый жизненный опыт, Монброн догадался: Анессу в городе уважают, но не понимают и потому побаиваются. Даже в толпе возле прекрасной племянницы градоправителя образовывался круг пустоты.

Маэль решительно хлестнул коня и поравнялся с Анессой. Госпожа Вальедо заметила его и слегка улыбнулась — приветливо, но в общем-то равнодушно. Вежливо поинтересовалась, как чувствует себя гость, пожаловалась, что лето выдалось слишком жарким и что приходится ехать на открытие ярмарки... Монброн подумал, что госпоже хотелось поговорить о чем-то совершенно ином, нежели погода и торговля, однако она не могла решиться. Кто-то из ехавших рядом благородных меьсоров помянул дракона, мгновенно вспыхнул спор — есть чудовище или нет, а также чем это может обернуться для города и не устроить ли в ближайшее время всеобщую охоту на невиданного зверя?

Анесса в разговор не вмешивалась. Когда же речь зашла о том, как лучше всего изловить дракона, снисходительно улыбнулась и ускакала вперед, к возглавлявшему колонну Карбальо, своему дядюшке. Маэль с сожалением посмотрел ей вслед и только сейчас обнаружил, что кавалькада уже давно спустилась с холма, проехала через город и уже втягивается сквозь пестро украшенные ворота на шумящее торжище. Еще Монброн с неудовольствием заметил, что опять хочет есть. Это было его пожизненным проклятием: любые переживания или размышления немедленно вызвали у него голод.

Пользуясь тем, что кортеж растянулся и рассыпался между лавками, Маэль придержал коня возле смешливой толстушки, торговавшей всякой съедобной мелочью, и купил пару пирожков

с курятиной. Монброн торопливо проглотил один и отправился догонять градоправителя и его свиту.

...Он как раз проезжал мимо выстроенных на скорую руку однообразных складов, когда слышал собственное имя. Чей-то сдавленный голос окликал его:

— Маэль! Монброн! Да не туда смотришь!

Аквилонец, повертев головой, сообразил, откуда доносятся призывы — из узкой щели между двумя соседними складами. Да и голос вроде знакомый... Блайи? Зачем менестрелю понадобилось прятаться в таком странном месте?

— Блайи, это ты? Что ты там делаешь?

— Сижу, — мрачно ответили из проулка. — Сделай одолжение, вытащи меня отсюда, а? Желательно поскорее...

Блайи почему-то не показывался на глаза, предпочитая разговаривать из укрытия. Монброн легонько пнул остановившегося коня, подъехал поближе... И сразу все понял. Не удержавшись, Маэль фыркнул, а из щели донеслось яростное:

— Очень смешно, да?

— Тебя что, ограбили? — сквозь смех выдавил Монброн. — Вот, оказывается, как это выглядит — «обобрать до нитки»!...

— Маэль! — взвыл доведенный до бешенства Блайи. — Прекрати! Ну будь человеком, дай хоть что-нибудь! Мне тут что, навсегда поселиться?

— Сейчас. — Монброн сидел в седле, раскачиваясь взад-вперед, и никак не мог заставить себя успокоиться. Угодивший в ловушку Блайи пере-

ходил от просьб к угрозам, обещал заставить кого-то съесть собственные уши и безуспешно взывал к совести и человеколюбию. Наконец бард выдохся и замолчал. Маэль очень хотелось выпросить у приятеля, что с ним случилось. Однако продолжать издеваться над влипшим в неприятности менестрелем было просто неприятно.

Прикинув, какие из своих вещей он может отдать Блайи, Монброн начал возиться с фибулой на плаще. В этот миг его снова окликнули:

— Эй, Монброн! Ты чего здесь торчишь? И кто это там копошится?

Маэль оглянулся. Склады находились довольно далеко от торговых рядов, вдобавок почти все гости ярмарки отправились смотреть на церемонию открытия, и потому здесь было малоллюдно. Однако если судьбе будет угодно, она и посреди не пустыни соберет толпу.

Заявившаяся компания выглядела не слишком большой, человек в шесть-семь. Зато шумела так, что и двум десяткам не под силу. Что было совершенно не удивительно: развеселое пестрое сборище составляли королевские корсары и парочка девиц, чье ремесло не вызывало ни малейших сомнений. Возглавлял компанию смутно знакомый Монброну рыжий лохматый тип дикарского вида. Задумавшись на мгновение, Маэль вспомнил, что зовут этого парня Сигурдом и встречались они не далее как позавчера, в таверне «Островок блаженства». В тот самый злосчастный вечер, завершившийся поединком на набе-

режной. А если вспоминать точно, то даже раньше — в день приезда Монброна в Карташenu.

— Я... — Маэль не успел придумать правдоподобного ответа.

Сигурд перебросил бурдюк с вином девице, цеплявшейся за северянина с упорством осьминога, заглянул в щель между сараями, некоторое время оторопело смотрел, затем отступил назад и оглушительно захохотал. Из щели донеслось еле сдерживаемое рычание.

Мгновенно притихшая компания попыталась узнать, что же находится за ничем не примечательными складами. Им не повезло: все еще фыркавший и всхлипывающий Сигурд загородил проход и крикнул через плечо:

— Давно сидишь?

— Отвяжись, — отгрызнулся бард.

Блайи очень хотелось умереть, прямо вот здесь и сейчас. К сожалению, под рукой не нашлось ничего подходящего, чтобы свести счеты с жизнью. Ревнивый супруг мог чувствовать себя полностью отомщенным: Блайи еще никогда не было так плохо. Как, оказывается, просто уничтожить человека! Нужно всего лишь оставить его посреди многолюдной ярмарки без штанов...

«Этим, наверно, все было бы нипочем», — с завистью подумал Блайи, слушая дружный гогот, долетавший из-за стены. Сигурд (спасибо и на этом...) не позволил своим приятелям глазеть на барда, как на редкого зверя в клетке, однако громогласно разъяснил, кто и почему прячется в проулке. У Блайи уже не оставалось ни сил,

ни желания злиться или обижаться. Он просто терпеливо ждал, когда шутникам надоест веселиться.

Смешки и в самом деле вскоре прекратились. Чья-то добрая душа бросила в убежище Блайи тряпичный сверток.

Бард развернул — некогда хороший, а теперь изрядно обтрепавшийся короткий плащ. Можно несколько раз обернуть вокруг пояса. Получится эдакая юбка на манер тех, что носят дикари в Черных Королевствах. А, все равно терять больше нечего...

— Вылезай! — зашумели снаружи. — Там уже начинают! Эй, гляньте, он случаем не заснул?

Бард вздохнул над несправедливостью и жестокостью мира и вышел из проулка, стараясь не смотреть по сторонам. Его приветствовали насмешливым свистом, кто-то с размаху хлопнул по плечу, девицы изобраили оскорбленную невинность и жеманно отвернулись, а Монброн сочувствующе развел руками и постарался не ухмыляться.

— Пошли, пошли! — Сигурду не стоялось на месте, и он увлекал всю компанию за собой, навстречу перекликавшимся вдалеке сигнальным рожкам и приглушенному шуму большой толпы. — Блайи, нечего кривиться! Признавайся, за что тебя? Опять из-за бабы?

Блайи неохотно кивнул. Какой смысл скрывать — все равно скоро всем станет известно, как некий благородный меcсьор проучил одного зарвавшегося менестреля...

— А она хоть того стоила? — несколько понизив голос, поинтересовался ванир.

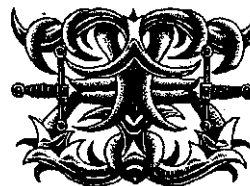
Ехавший рядом Маэль тоже прислушался к разговору.

— Нет! — мстительно ответил бард. — Клуша она! Зато у ее муженька теперь замечательные рога — в дверь не пролезут!

— Ну и правильно, — одобрил Сигурд. — Баракло что, дело наживное...

Глава шестая

озже Блайи сообразил, насколько ему повезло, что к его убежищу одновременно с Монброном подошел маленький, но шумный отряд под предводительством Сигурда. Королевские корсары обладали каким-то необъяснимым умением привлекать внимание и в то же время оставаться незамеченными. Корсары шумели — это правда, но при этом проходили сквозь плотную толпу, как горячий нож сквозь масло. Постоянная опасность, сопутствующая их ремеслу, давала им неписаное право вести себя на суше так, как вздумается.

Наученные многолетним горьким опытом обыватели, едва завидев пеструю и буйную ораву, предусмотрительно старались не вставать на ее пути. Впрочем, месьюры корсары пока вели себя не слишком вызывающе, ограничившись тем, что перевернули возок с зеленью и шутки ради задрали какой-то пухлой торговке подол на голову. Она немедленно заголосила, призы-

вая на помощь мужа, стражу и добрых людей, однако на многолюдной ярмарке таковых почему-то не нашлось.

— Сброд,— вполголоса высказал свое мнение о случайных попутчиках Монброн. Подумал и добавил: — Пьяный сброд.

— Обычные наемные вояки,— вступился Блайи.— Ничем не хуже и не лучше аквилонских легионеров.

Маэль ничего не ответил, только презрительно скривился: его твердое мнение о морской вольнице ничто не могло изменить. Однако и сам Монброн, и жавшийся возле его коня Блайи продолжали следовать за пестрой компанией, уверенно прокладывая себе дорогу к помосту. Доносившиеся оттуда радостные крики и общее оживление толпы свидетельствовали, что церемония открытия вот-вот начнется, если уже не началась.

Места поближе, как водится, занимали представители торгового сословия — те, что побогаче — и знатные, но не состоятельные люди. Колесилось жиденькое оцепление из солдат здешнего гарнизона, вынужденных постоянно отступать и с шумом отпихивать назад наиболее рьяных любопытных. На крохотном свободном пятячке между помостом и редкой цепью военных топтались, пугливо кося по сторонам, лошади знатных гостей. Градоправитель, его свита и сумевшие прибиться к ней купцы занимали места под тяжело колыхавшимися знаменами. Шума и толкотни хватало и на помосте, и на площади, с той лишь

разницей, что сборище внизу могло не стесняться в выражениях и действиях, а благородное собрание наверху было вынуждено помнить о правилах приличия.

Корсары и прибившиеся к их отряду Монброн и Блайи после некоторых усилий протолкались в первые ряды. Маэль окинул взглядом пестро украшенный помост, напоминавший вот-вот готовую лопнуть корзинку с перезрелыми плодами, и отказался от мысли продвигаться дальше. Говоря по правде, ему и здесь было неплохо. Какая разница, откуда слушать непременно длительную и, как правило, скучнейшую речь градоправителя? Кроме того, с помоста нельзя улизнуть незамеченным, если надоест стоять развесив уши и жариться на поднимавшемся все выше солнце. Только компания подобралась не слишком подходящая для молодого человека из хорошей семьи, но с этим вполне можно смириться. В конце концов, сегодня праздник, об условностях можно и забыть.

Маэль поискал взглядом Анессу, не нашел и слегка огорчился. С любопытством разглядывая медленно перемещавшуюся толпу, Монброн с непонятным самому себе злорадством убедился, что на ярмарку не пришел еще один человек. Аквилонец окончательно уверился в своих предположениях, расслышав обрывок долетевшего до него разговора.

Никакой шум, а уж тем более приглушенное бормотание собравшихся зевак, не был в состоянии заглушить голос Сигурда. Собеседник вани-

ра, к удивлению Монброна, походил на почтенного горожанина. Что же до тяжелой золотой серьги, блестящей в ухе незнакомца, так подобными украшениями на Побережье щеголяли почти все мужчины. Сперва это несколько удивляло Маэля, полагавшего серьги сугубо женскими безделушками, потом он привык. Жители Зингары и Аргоса (любого сословия и происхождения) любили цеплять на себя уйму золотых побрякушек, далеко не всегда изящных, но зато поражающих размерами и весом.

— Асторга, где капитана потерял? — рявкнул Сигурд, без особого труда перекрывая все звуки.

Стоявшие рядом с ним купцы невольно отшатнулись, переглянувшись с плохо скрываемым ужасом.

— Во-первых, не ори, я не глухой, — невозмущенно ответил черноволосый, носивший распространенное зингарское имя, — во-вторых, я уходил последним, а он, насколько я знаю, вообще никуда не собирался. В-третьих, отдай бурдюк, а то сейчас лопнешь от жадности.

Не успел Сигурд и глазом моргнуть, как Асторга отобрал у него вино. Возмущенного ванира оттеснили ближе к Монброну, и он немедленно принялся задираť вяло отругивавшегося Блайи. Бард уже начинал сожалеть, что потащился на ярмарку, вместо того чтобы потихоньку сбежать в Дом На Холме, под крылышко гостеприимной госпожи Валье́до. Кстати, а где она? На помосте, грозившем вот-вот обрушиться под тяжестью разряженных в пух и прах местных красоток и их

кавалеров, почему-то не было видно алого с золотом платья.

— Что, ваш капитан так занят, что ему недосуг прогуляться на захудалую ярмарку? — вполголоса съязвил Монброн, удостоверившись, что страшного вожака корсаров точно нет поблизости. Можно немного и позлословить. К тому же градоправитель наконец-то начал говорить, завладев вниманием большинства зрителей. Маэль к разглагольствованиям Карбальо не прислушивался, здраво полагая, что они ничуть не отличаются от множества подобных. Долгое расшаркивание в сторону властительной Кордавы, не слишком старательно завуалированные похвалы в адрес городской власти, вынужденные поклоны торговому сословию, «усилиями коего нынче будут пожаты плоды благоденствия и процветания...». Знакомо до тошноты и зубной боли.

— Так не терпится снова получить трепку? — Оказывается, Сигурд умудрился расслышать бормотание Монброна. — Скажи лучше спасибо, что капитан решил здесь не показываться.

— Спасибо, — с преувеличенной вежливостью поклонился Маэль. — Можешь передать ему мою безграничную благодарность. Век буду помнить и детям накажу... — Он подумал и уточнил: — Когда таковые появятся, конечно.

Ванир смерил Монброна презрительным взглядом и произнес какую-то фразу на совершенно незнакомом наречии, явно рифмованную. Монброн подумал, что Сигурд вряд ли похвалил его, и на всякий случай уточнил:

— Чего-чего?

— Завидовать не надо, вот чего, — перешел на более понятный язык Сигурд. — В мире столько неприятностей... Хватит на всех и на твою долю останется. — Он ловко выхватил у зазевавшегося приятеля бурдюк, отхлебнул и перебросил Маэлю: — Будешь?

— Я не завидую, — растерянно ответил Монброн, едва успев поймать летевший в него мешок. — Просто...

Говоря откровенно, Сигурд был прав. Едва Маэль оказался на Полуденном Побережье, его грызла затаенная и непреходящая зависть. Он убеждал себя, что наследник древней фамилии Монбронов должен быть выше такого низменного чувства, но все напрасно.

Зависть чем-то напоминала трюродную тетку Изельберту, выжившую на старости лет из ума и упрямо повторявшую лишь несколько засевших в ее голове слов. Она была такой же — склочной и вздорной старухой, не признающей никаких разумных доводов. Она шипела, нудила и едва ли не брызгалась ядом. И была только одна возможность заставить ее замолчать — уничтожить дракона.

Однако Маэль не мог не признать это, даже здесь его обошли. Или, во всяком случае, обходят. Если он в ближайшее время что-нибудь не предпримет, то в летописях дома Монбронов Танасульских будет значиться под именем «Неудачник». Впрочем, домой тогда лучше не показываться — засмеют и выставят за дверь.

Маэль смирился бы с поражением, окажись противник равным ему по происхождению или хотя бы по титулу. Но варвар! Безродный дикарь, служащий любому, у кого кошелек окажется толще! Предводитель бешеной орды разбойников и головорезов! Человек, не способный связать двух слов и умеющий только убивать по приказу!

Монброн сказал правду: варвару он не завидовал. Он медленно, но верно начинал проникаться самой настоящей ненавистью к капитану «Вестрела» Конану Киммерийцу. И старался не задумываться над тем, во что может вылиться эта ненависть, а также как ему быть, если она окажется обоюдной.

— ...Просто несправедливо, что одним достается все, а другим — ничего, — закончил свою мысль Маэль. — И все лишь потому, что кому-то посчастливилось родиться на несколько лет раньше!

— Жизнь вообще несправедливая штука, — глубокомысленно изрек Сигурд. — Кто-то падает, кто-то поднимается. А кто-то обречен шлепать по всем грязным лужам на дороге. Впрочем, про судьбу, предназначения и прочую ерунду лучше всего спрашивать у бардов. Они, конечно, наплетут с три короба всякой чуши, но сделают это так, что поневоле заслушаешься... Эй, Блайи, скажи что-нибудь умное о судьбе!

— Отстань. — Непривычно тихий бард не вступал в разговор и всячески старался быть как можно незаметнее. — Если хочешь знать, моя ны-

нешняя судьба состоит в том, чтобы шлаться по ярмарке без штанов. Доволен?

— А как же! — приглушенно хохотнул Сигурд. — Не каждый день такое увидишь! И вовсе нечего завидовать. — Последние слова относились к Монброн. — Если б тебе выпало в жизни столько же передрыг, как нашему капитану, ты бы уже давно проклял все на свете и сбежал домой!

— Я... — Маэль открыл было рот, чтобы доказать: он вовсе не боится трудностей, просто еще немного — и стараниями таких, как корсарский капитан, этих самых трудностей вообще не останется! Чем тогда прикажете заниматься благородным людям? Никаких похищенных дев, никаких злобных чудовищ и магов-чернокнижников — повсюду сплошное благолепие и скука!

— Ой, — произнес за спиной Монброна чей-то очень знакомый ласковый голосок. — Добрый день, месьоры... Месьор Блайи, что с тобой случилось?

Спорщики оглянулись. Толпа вокруг них шевелилась, раздвигаясь и образуя живой коридор, и сразу смыкалась, когда маленький кортеж проходил мимо. По проходу шествовали Анесса, горделиво восседавшая на маленькой гнедой кобылке, сопровождавший ее капитан Конан (при виде которого Монброн непроизвольно потянулся к рукоятки меча) и скромно державшийся позади Деррик, который вел лошадь под уздцы. Рядом с ним бежала собака. Судя по весело блестящим глазам госпожи Вальеда и ее непринужденной улыбке, она совершенно не считала общество

прославленного корсара чем-то предосудительным.

Наоборот, как с горечью убедился Монброн, девушка предпочла не показываться на церемонии ради прогулки по ярмарке в компании этого... этого... Он так и не смог подобрать нужного слова.

Кроме того, Маэль заметил в прическе госпожи Анессы золотой гребень, которого точно не было утром. Настроение гостя из Аквилонии окончательно испортилось.

Племянницу градоправителя приветствовали нестройной многоголосицей, в которой явно слышалось восхищение. Асторга и Сигурд даже догадались поклониться, кто-то из корсаров не слишком уверенно последовал их примеру. Госпожа Вальеда приветливо улыбнулась и повторила свой вопрос:

— И все-таки, Блайи, что стряслось?

Судя по лицу барда, он готов был провалиться сквозь землю.

— Э-э... — неуверенно начал Монброн, поняв, что из Блайи сейчас не вытянешь ни слова.

— Его ограбили, — пришел на выручку Сигурд. — Стукнули по голове и того... Обобрали. Сразу смылись. Он не заметил, кто это был.

— К сожалению, наша городская стража в самом деле никуда не годится, — с сочувствующим видом кивнула Анесса. — Поверь, я очень сожалею, месьор Блайи...

Послышалось еле сдерживаемое фырканье — это смеялся уткнувшийся в гриву своей кобылки

Деррик. Похоже, он быстро смекнул, что на самом деле к чему.

Конан окинул всех одновременно презрительным и слегка любопытствующим взглядом. Он подозревал, что во всех неприятностях Блайи виновата какая-то юбка и барду ужасно не хочется в этом признаваться. Особенно перед Анессой. Ну и пусть себе молчит. Сумел влипнуть — сумей и выпутаться.

Интересно, кто же додумался до такой мести? Наверняка муженек или приятель подружки барда. В таком случае это весьма сообразительный и жестокий человек...

Киммериец уже прикидывал, кто из его людей мог бы поделиться с Блайи одеждой (все-таки не стоит парню и дальше шататься по ярмарке в таком виде), когда Анесса растегнула фибулу своего ярко-красного шелкового плаща и невозмутимо протянула его барду со словами:

— Это, конечно, не равноценная замена твоей потере, но лучше, чем ничего.

Блайи рассыпался в благодарностях (большая часть которых была вполне искренними), поспешно кутаясь в подарок госпожи Вальедо. Его слова заглушил внезапно грянувший рев медных труб. Сие означало, что время речей наконец кончилось и наступает долгожданный миг. Сейчас из-под помоста выкатят заранее приготовленные бочки, выбьют крышки, и тогда начнется настоящее веселье!

Толпа подалась назад, затем нетерпеливо качнулась вперед, смяв и поглотив в своем движении

и маленькую группку корсаров, и госпожу Вальедо с ее крохотной свитой.

Никому из нескольких сотен людей, толпившихся в этот погожий летний день на пологом берегу Фламмы, не пришло в голову посмотреть наверх. Там, черной тенью на фоне блекло-синего неба, со стороны моря к городу летела большая птица. Ей оставалось преодолеть еще около трети лиги, чтобы оказаться над речной долиной.

* * *

Конан и Деррик по молчаливому уговору остановились на небольшом пригорке, бездумно глаза на разноцветье ярмарки и привыкая к ее гомону. Собака немедленно отыскала крошечный лоскуток тени и растянулась там, вывалив длинный язык, а лошадь терпеливо ждала, когда хозяин снова тронется в путь.

Внизу шумело пестрое торжище, которое издали напоминало морской прибой с его приливами и отливами: приносимые ветром звуки становились то громче, то тише.

— Весело тут у вас, — заметил Конан, кивком указывая на цветастый круговорот.

— Да, — согласился Деррик, прицельно бросив опустевший кувшин в прогрохотавший мимо возок с тыквами. Как ни странно, попал. Опаздывавший к открытию возница подхлестнул мулов и ничего не заметил. Деррик снова заговорил, и в его голосе все яснее звучало раздражение: — Такое веселье, что дальше некуда. Дважды в год — в начале лета и в конце осени.

Во все остальное время здесь милое, тихое, цветущее захолустье. Торговое сословие, как ему и положено, торгует, знает по большей части мается бездельем, перемежаемым редкими поединками и еще более редкими праздниками... Красота, правда?

— Тогда чего же ты не уедешь?

Для самого киммерийца любое сколь угодно краткое, но вынужденное пребывание на одном и том же месте превращалось в сущее наказание.

— Разве где-то мир устроен по-другому? — вопросом на вопрос ответил Деррик. — Из всех худших мест это наилучшее. Так что я, пожалуй, задержусь здесь еще ненамного...

— Это что, из-за Анессы? — чуть понизив голос, иронически спросил Конан.

— При чем здесь она? — Деррик, кажется, даже не обратил никакого внимания на недвусмысленный намек, крившийся в словах корсара. — Она милейшая женщина... И мой друг, если можно так сказать. Мы кое-чем взаимно обязаны друг другу, она предложила мне место в своей свите, я согласился... — Деррик поправил волосы и небрежно осведомился: — Кстати, она наверняка захочет узнать, чем закончилась наша небольшая беседа. Что ей передать?

— Я подумаю, — ответил Конан. Он и в самом деле еще не решил, воспользоваться неожиданным предложением Деррика или разыскивать дракона самому. Кроме того, Конан всегда настораживался, если в его дела пытались вмешаться посторонние. — А ты на всякий случай будь наго-

тове. Если сможешь указать, где прячется зверюга, то неплохо будет на днях навестить к ней в гости.

— Хорошо, — кивнул Деррик. Было непонятно, что он имеет в виду. — неопределенный ответ корсара или указание готовиться к походу.

Два человека, за которыми следовали белая кобыла и рыжая бойцовая собака, спустились по склону и прошли под легкой деревянной аркой, украшенной лентами и уже слегка вялыми цветами. Стражники, собиравшие плату за вход и разнообразные налоги на торговлю, увидев запоздавших посетителей, встрепенулись, но почти сразу поскучнели, решив, что мысль потребовать мзду с этих гостей не самая лучшая. Городская казна не обеднеет от потери нескольких медных монет, а связываться с грозным корсаром или совершенно не умевшим сдерживать свой язык Дерриком — себе дороже.

— Сейчас Карбальо будет долго и нудно распространяться о своих трудах на благо родного города, — сообщил Деррик, прислушиваясь к отдаленному гулу толпы. — Затем настоятель здешней митрианской обители благословит все это скопище, и начнется дармовая пьянка. Спорю на золотой, почтенный капитан, что твои ребята окажутся у бочек первыми.

Конан с сожалением вспомнил, что еще сегодня утром он не собирался никуда идти. Чего ради он тащился по жаре — поглазеть на здешнюю толкотню, что ли? Бесплатная выпивка — наверняка дешевое и кислое пойло — его не прельщала. За

командой, конечно, не помешает присмотреть, но там вполне справятся и без него...

— Вот и неизменное развлечение — спор между торгующими и власть имущими, — вполголоса заметил Деррик.

Где-то неподалеку в самом деле ссорились — шумно, увлеченно, с несомненным знанием дела. Доносились визгливые голоса женщин. Иногда в эту трескотню вмешивались мужчины, пытавшиеся их урезонить.

Еще со времен бесшабашной юности Конан усвоил одно хорошее правило: не лезь в драку, пока не узнаешь ее причин. Вмешиваться же в семейные или торговые ссоры — вообще дело гиблое. Чаше всего ссорившиеся немедленно объединялись против того, кто дерзнул оторвать их от такого занимательного времяпровождения.

Все решило имя Эвана, запальчиво выкрикнутое одной из женщин. Раз ссылаются на Плоскомордого, значит, не просто так. Кроме того, Конан, прожив на свете почти три с половиной десятка беспокойных лет, так и не научился справляться со своим любопытством. Впрочем, он и не слишком старался. Человек, лишенный интереса к жизни, почти мертв.

— Пошли глянем, — проворчал киммериец.

Деррик без единого слова последовал за ним. Собака, не дожидаясь приказа, тяжелыми прыжками понеслась вперед и юркнула в щель между двумя соседними лавками. Оттуда немедленно раздался истошный вопль и чей-то призыв о помощи.

Когда Конан и Деррик, обогнув закрытую лавку, над которой болтался деревянный сапожок, увидели спорщиков, ссора уже напоминала заливной водой, но все еще не погасший костер. Ругались четыре женщины, в которых безошибочно узнавались местные торговки, и столько же мужчин, напоминавших обычных вышибал. На земле валялось несколько перевернутых корзин, содержимое которых частично рассыпалось или было втоптанно в пыль. Посредине, нагнув голову, стояла глухо рычавшая Чинкуэда. Судя по тому, что один из нападавших держался за руку и непрерывно охал, она уже успела пустить в ход зубы.

— Чинка, — окликнул собаку Деррик.

Рычание прекратилось, короткий обрубок хвоста заметался из стороны в сторону.

— Погром или грабеж? — осведомился Конан и тут же пожалел об этом.

Заговорили все одновременно. Особенно старалась одна из женщин — толстуха средних лет, наверняка почтенная мать семейства и первая местная сплетница. Из ее горячий, но маловразумительной речи следовало, что им разрешили встать здесь, а потом явились эти грабители, забывшие всякий стыд, и начали требовать с бедных женщин плату за право торговли! А они уже заплатили, как и положено, солдатам на входе. Они же не дурочки и понимают: городской казне с ярмарки тоже свое получить нужно. А эти головорезы слушать ничего не желали и грозили весь товар перепортить, если с ними не расплатятся. Чем же платить, спрашивается,

если ярмарка еще не начиналась? А их сам месьор Эван заверил, что, мол, торгуйте все дни спокойно...

— Подумаешь, Плоскомордый,— пренебрежительно заметил кто-то из вымогателей.— Тоже мне, отыскиали покровителя, курицы щипаные... Слушай, или гони монету, или проваливай отсюда вместе со всем своим барахлом.

Голосистая торговка и ее приятельницы онемели. Деррик хмыкнул. Чинка покосилась на хозяина и оглушительно гавкнула. Конан с сожалением подумал, что без драки не обойдется. Он еще мог понять вора или мошенника, но вот таких вымогателей — никогда.

Крестьянка растеряннo оглянулась в поисках поддержки, набрала побольше воздуха, чтобы заголосить... И тут в настороженной тишине прозвучал новый голос, глуховатый и насмешливый:

— Тетушка Арата, зачем же так надрываться?

Прислонившись к стене лавки, стоял Эван Плоскомордый и грыз большое желтое яблоко. Он был один, или его охрана умела хорошо прятаться. Увлеченные спорщики не заметили его появления, и теперь женщины обрадованно загалдели, а вышибалы, переглянувшись, как бы невзначай выстроились полукругом. Конана и Деррика никто в расчет не принял, считая, что чужаки не станут вмешиваться в дело, которое их не касается.

Плоскомордый небрежно бросил огрызок яблока через плечо и поинтересовался:

— И как это понимать?

— Ну-у... — не слишком вразумительно начал вожак маленькой шайки.

— А мне казалось, мы договорились,— так же невозмутимо продолжал Эван.— Вы больше мне на глаза не показываетесь, а я оставляю вас в покое. Нехорошо как-то получается: я-то уверен, что вы сидите тихо, а вы, оказывается, пакостите, обижаете моих друзей... Что будем делать, Ваго?

Ответа не последовало. Вряд ли вымогатели сожалели о сделанном. Скорее, о том, что сегодня удача от них отвернулась и нужно как-то убраться подальше, желательно без лишнего шума.

— Эван, тебе помочь? — деловито поинтересовался Конан.

— Благодарю, капитан, это лишнее,— по-прежнему безмятежно отозвался Эван.— Сейчас эти месьоры расплатятся за причиненный ущерб, извинятся перед почтенными женщинами и тихо покинут ярмарку. Так, Ваго? Или я не прав?

— Пошел ты... — уныло отозвался Ваго, поняв, что налет не удался и придется отвечать.

Воспрявшая духом тетушка Арата и ее товарки немедленно затарахтели, перечисляя свои убытки. Мелкое серебро и несколько золотых монет перешли из рук в руки, после чего Ваго и его компания поспешно удалились, сопровождаемые насмешками торговки. Эван пошептался о чем-то с заворковавшей тетушкой Аратой, заверяя ее в том, что такого больше не повторится, и подошел к Конану.

— Так и живем,— хмыкнул Эван в ответ на молчаливый вопрос корсара.— Эта шваль — люди

покойного Зуги, все никак не угомонятся. Старикан считал, что Карташена — его личная кормушка. Еще годик-другой таких порядков — и ярмарку пришлось бы закрывать. Кто захочет тащиться в такую даль, зная, что его непременно ограбят?

— Какие, однако, мы стали мудрые и предусмотрительные, — неожиданно зло съязвил Деррик. Плоскомордый сделал вид, будто только что заметил спутника киммерийца. — Только не надейся, Карбальо этого не оценит...

— Тебя еще от собственного яда не тошнит? — любезно поинтересовался Эван. Деррик гордо промолчал. Плоскомордый вернулся к прерванному разговору: — А эти милейшие квочки, как ни странно прозвучит, мои землячки. Что до тетушки Араты, то у нее половина Побережья в дальних родственниках.

— Мне говорили, ты карташенец, — припомнил Конан.

— Не совсем, — хмыкнул Эван. — Вверх по течению Фламмы через пять лиг будет деревня под названием Бальи, я оттуда.

— И в качестве фамильного герба тебе весьма подойдет золотой рыбий скелет на синем поле, усеянном кучками навоза, не находишь? — снова встрял Деррик.

Плоскомордый пристально взглянул на него, а затем начал рассматривать небо над головой и лишь после этого осведомился:

— Помнится, я обещал кому-то укоротить язык и скормить его на обед?

— Ты отвратительно готовишь, — скривился Деррик.

— Хватит! — не выдержал Конан. — Не знаю, чего вы там не поделили, но выясните это как-нибудь в другой раз!

— Прошу прощения, — церемонно сказал Деррик, слегка нагнув голову.

Плоскомордый пренебрежительно махнул рукой и заявил:

— Не обращай на него внимания, капитан, это самая большая карташенская злока. Ладно, развлекайся, у меня еще дел полно.

Эван коротко кивнул на прощание, сделал шаг в сторону и мгновенно растворился в толпе.

— Чего ты на него взъелся? — недовольно спросил Конан.

И в самом деле, что может быть общего между процветающим контрабандистом и человеком из свиты градоправителя?

— Не люблю выскочек, — буркнул Деррик. — Этот наглец полагает, что если он удачно сбегал до Мессантии и обратно, протащив с собой пару бочек не обложенного пошлиной вина и кусок купленного по дешевке шелка, то все должны уступать ему дорогу. Кроме того, он спит и видит, как бы получить титул. Вот этого он не дождется, пока Карбальо будет градоправителем.

— А кто в Зингаре имеет право раздавать титулы и за что? — Конан тщетно попытался вспомнить нужную статью в мудреных зингарских законах. — Король?

— В первую очередь король и его советники, затем любой из вельмож, чья родословная насчитывает хотя бы десяток поколений, в редких случаях — градоправители или владельцы больших наделов земли, — перечислил Деррик и злорадно добавил: — Но нашему красавчику ничего не светит.

— Зачем Эвану понадобился титул? — пожал плечами киммериец. — Он же и так здесь второй после градоправителя. Ну, привесят ему на шею золотую цепочку, словно породистой шавке, и что дальше?

— Дальше... — Деррик загадочно прищурил зеленые глаза и вдруг совершенно другим, медовым голоском протянул: — Кого я вижу!

У лотка ювелира, увлеченно перебирая разложенные украшения, стояла стройная молодая женщина в алом платье. Торговец — то ли из Аргоса, то ли из Офира — заливался соловьем, извлекая откуда-то все новые и новые сверкающие безделушки. Деррик немедленно бросил поводья своей лошади, подкрался к Анессе и грозно спросил:

— Госпожа Вальеда, изволь немедленно объяснить, почему ты не прибыла на церемонию открытия и почему ты тратишь выданные тебе деньги на всякую ерунду?

— Отвяжись, — не оборачиваясь, огрызнулась Анесса. Сейчас она походила не на надменную благородную даму, а на обычную девушку, улизувшую из-под бдительного присмотра маменьки и тетюшек. — Я зачем тебе дала свободный день?

Чтобы ты не таскался повсюду за мной и не совал нос в мой кошелек. Вот и отправляйся на все четыре стороны.

— Фи, как невежливо, — обиделся Деррик. Наблюдавший за перепалкой госпожи и слуги Конан беззвучно рассмеялся. — Кто же, кроме меня, позаботится о твоей нравственности и безопасности?

— Я отлично справлюсь сама, — заверила его Анесса и обратилась к продавцу: — Я беру вот эту вещь. И вон ту тоже. И еще... Да, еще вот это. Сколько я должна?

Деррик схватился за голову и закатил глаза:

— Дражайшая госпожа, платить-то зачем? А для чего городская казна?

— Казна — для нужд города, — строго перебила болтуна Анесса. — Еще не хватало, чтобы на всех углах болтали, будто госпожа Вальеда тратит казенные денежки на свои украшения! Я пока достаточно богата.

Она вытащила из висевшего на поясе бархатного кошелька несколько тяжелых, тускло поблескивающих монет зингарской чеканки, пересчитала их и с сожалением добавила:

— Уже недостаточно. Деррик, у тебя случайно нигде не завалялось десяти лишних монет?

Молодой человек ехидно ухмыльнулся и выразительно развел руками.

— Я заплачу, — вмешался Конан, прежде чем Анесса или владелец лавки успели что-то сказать.

Торговец немедленно принялся на все лады благодарить щедрых покупателей, а Анесса обер-

нулась, удивленно подняв тонкие дуги бровей. Деррик скромненько отступил в тень, предоставляя хозяйке право самой решать, как поступить.

Что ж, она и решила. Даже не слишком раздумывая, чем заслужила молчаливое одобрение Конана.

Госпожа Вальедо и корсарский капитан, любезно беседуя, направились к видневшемуся вдалеке разукрашенному помосту.

Прическу Анессы украшал только что приобретенный гребень в виде бабочки, вспыхивавший под ярким солнцем Полуденного Побережья золотыми искрами.

Шагах в пяти за ними следовал Деррик, насвистывая и делая вид, что не подслушивает. Впрочем, он мог и не притворяться. Он выполнил порученное ему дело, а дальнейшие события пока не зависели от него.

Племянница градоправителя и ее спутник разговаривали о последних новостях из Кордавы, о жизни города, а также о том, насколько достоверны слухи о жизни самого Конана.

Это была обычная, ни к чему не обязывающая болтовня двух случайных знакомых, и, если бы не утреннее предложение Деррика, киммерийцу и в голову не пришло бы заподозрить, что прекрасная госпожа строит какие-то планы. Однако Деррик-сказал, что его хозяйка готова заплатить за голову дракона, и Конан не мог найти вразумительного ответа на вопрос, зачем ей это понадобилось.

* * *

К тому времени, когда все речи уже прозвучали, благословения розданы и получены, а заклепки огромных бочек должны были вот-вот вылететь, гигантская птица добралась до устья Фламмы. Она предусмотрительно свернула в сторону и обогнула кварталы Карташены, держась над морем. Наконец проплывавшая внизу морская гладь сменила цвет с голубовато-зеленого на мутно-желтый, и птица вновь направилась к берегу.

Теперь уже можно было разглядеть, что это существо слишком велико даже для самой крупной из местных птиц, да и двигалось оно рывками, резко вскидывая пару длинных и узких крыльев вперед и одновременно немного вверх, влево или вправо. В таком полете было свое преимущество: вряд ли кто мог с уверенностью предсказать, где зверь окажется в следующий миг. Однако существо изрядно вымоталось и мечтало только об одном — присесть на твердую землю и немного передохнуть.

«Если верить людям, я вообще не должен подниматься в воздух, — подумал зверь, в очередной раз поднимая отяжелевшие крылья. — Мол, слишком большой. Ну ладно, сейчас вы все убедитесь, как я умею летать!»

Узкие внимательные глаза обшаривали побережье, и вскоре взгляд существа остановился на широкой полосе понижающихся скал. Несомненно, это устье реки. Пестрое шевелящееся пятно, над которым поднималось облако прозрачно-се-

роватой пыли, это, конечно, ярмарка. Что ж, раз его забыли позвать, он пригласит себя сам. Осталось немного, а там уж он вознаградит себя за все дни вынужденного сидения в неуютных и холодных пещерах. Нет, он не собирается никого убивать, но эту ярмарку горожане запомнят надолго!

Кроме того, животному не давало покоя странное ощущение: неподалеку было что-то знакомое. Что-то необходимое ему и одновременно ненавистное. Существо привыкло доверять своим предчувствиям, однако сейчас не могло определить, что именно его тревожит. Человек? Вещь? Близкая опасность? И почему оно уже полгода не может покинуть окрестностей этого ничем не примечательного города, точно что-то удерживает его на привязи?

Зверь глубоко вздохнул и попытался лететь быстрее. Мускулы крыльев отозвались болью, но заветный берег начал приближаться.

...Первоначальной толкотни у откупоренных бочек уже не было. По заведенному порядку вначале ковшиками местного молодого вина наделяли наиболее знатных торговцев, затем наставала очередь прочего люда. Как и предсказывал Деррик, корсары непостижимым образом оказались в числе первых и теперь с чистой совестью стояли неподалеку, обмениваясь язвительными замечаниями.

Маэль втихомолку дожевывал второй пирожок и страдал: коварная госпожа Анесса не обращала на него никакого внимания, откровенно

кокетничая с ненавистным варваром, а тот воспринимал это как должное.

Блайи размышлял, не удалиться ли ему потихоньку с ярмарки, пока на него никто не обращает внимания.

Деррик болтал с Сигурдом, заключая пари, затопчут кого-нибудь в общей неразберихе или нет.

Благородные месьоры под предводительством Карбальо с шумом покидали возведенный для них помост. Дамы щебетали и игриво смеялись, мужчины бряцали оружием и бросали друг на друга гордые взгляды.

Огромное животное взмахнуло крыльями и, описывая полукруг, начало медленно снижаться, облюбовав пустынный желтый круг арены для боя быков.

Осталось неизвестным, кто именно первым заметил кружившееся в небе существо, но не подлежит никакому сомнению, что первым делом этот бедняга завопил во всю глотку, а затем бросился наутек. И он был совершенно прав. Ибо что еще остается человеку, когда прямо над головой парит, распахнув перепончатые крылья, отливающий золотом и бронзой громадный дракон?..

Все, кто пришел на карташенскую ярмарку, подняли голову, зажмурились, взвизгнули и кинулись врассыпную, сметая на своем пути все и всех. Затрещал помост, с громким ржанием сорвались с привязи напуганные кони, взмахивая рвущимися пологам, опрокидывались лавки... Голосили женщины, орали мужчины, кто-то начал

причитать, утверждая, что сейчас небо опустится на землю...

Дракон, завершив круг, вытянул передние лапы и удивительно мягко для такого крупного животного коснулся песка, сразу же взметнувшись вокруг него маленьким смерчем. Утвердившись на земле, ящер аккуратно сложил крылья и огляделся, поворачивая украшенную тяжелыми рогами голову. Царившая вокруг паника явно пришлась ему под душе: зверь сузил янтарные глаза и довольно заурчал, затем потоптался на месте и решительно направился к выходу с арены, волоча за собой длинный чешуйчатый хвост с костяной кисточкой на конце.

Окованные железом ворота взлетели вверх, поддетые рогами. Дракон вышел на широкий проход, по которому должны были гнать быков. Зрелище, открывшееся ему, весьма напоминало картину только что завершившегося боя, откуда поспешно бежали и победители, и побежденные, бросив трофеи.

Ящер втянул воздух широкими трепещущими ноздрями и, плавно развернувшись, осмотрел привлекавший его внимание предмет. Это была бочка — еще не вскрытая пузатая бочка с вином, окольцованная тремя железными обручами.

Поразмыслив, зверь поднял лапу и ловко подцепил крышку изогнутым когтем. Сорвав ее с бочки, он еще раз принюхался, одобрительно кивнул и принялся лакать, зачерпывая вино длинным сероватым языком, слегка раздвоенным на конце.

Утолив жажду, дракон проглотил полдюжина сорванных с крючьев мясной лавки разделанных бараньих туш, содержимое нескольких тележек с фруктами, а напоследок смахнул себе в пасть горку омаров со специями. После этого ящер плотоядно облизнулся и посмотрел по сторонам, точно желая сказать: «Ну вот, немного закусили, теперь можно и порезвиться!»

Однако над ярмаркой висела тишина, изредка нарушаемая скрипом сорванных с петель дверей, хрустом клонящихся стен и еле различимым шепотом успевших спрятаться людей. Большая часть торговцев и покупателей рванулась к городу, кто-то попытался добежать до реки и нырнуть в прибрежные камыши, но многие просто затаились там, где смогли найти хоть какое-то укрытие.

Киммериец не беспокоился за свою команду: опытный корсар уцелеет в любой заварушке. Его больше интересовала судьба Анессы, вроде бы сумевшей удачно спрыгнуть со спины взбесившейся кобылки. Однако ее нигде не было видно, и оставалось лишь надеяться, что она уцелела и оказалась достаточно сообразительной, чтобы не высовываться из убежища.

«Мое дело сейчас — это дракон. Прежде всего надо выяснить, где тварь и чем она занята». Приняв решение, Конан осторожно отодвинул упавший на него полосатый навес, выбрался наружу и прислушался. Такое громадное и наверняка неуклюжее животное должно шуметь, как стадо буйволов. Со стороны арены донесся гулкий удар,

а затем — размеренный топот лап огромного существа. Значит, дракон решил прогуляться и направляется к середине обширного поля, отведенного под торжище.

Рассчитывать, что удастся убить зверя, было бы слишком самонадеянно. Однако Конан хотел взглянуть на диковинное существо вблизи. Кроме того, тварь вроде как умеет разговаривать... Может, скажет, что ей здесь понадобилось?

Глава седьмая

олпа подхватила Маэля и тащила за собой, пока он не догадался перемахнуть через прилавок опустевшей лавки и притаиться там. К сожалению, укрытие оказалось не слишком надежным: дощатые стены лавки вдруг сложились, как игрушечный детский домик, и погребли Маэля под собой, а сорвавшаяся с крюка бронзовая лампа ударила аквилонца по затылку. Сознания Монброн не потерял, но перед глазами все поплыло, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы прийти в себя. Только после этого Маэль сумел выбраться из-под придавленного балкой прилавка и даже дополз по шатающимся обломкам до небольшого окна. Монброн осторожно выглянул наружу — и замер, открыв рот.

Шагах в двадцати от него стоял дракон.

И тут же в голове Маэля одновременно зазвучали два голоса. Один невозмутимо и хладнокровно перечислял: «Дракон. Вне всякого сомнения,

герольм. Не самый крупный. От носа до кончика хвоста — около двадцати локтей, а значит, размах крыльев должен составлять не менее сорока локтей. Интересные и редко встречающиеся роговые образования на голове. Могут быть опасны в близком сражении. Преобладающие цвета — зеленый, коричневый, желтый и бронзовый. Чешуя крупная, с загибающимися концами. Очевидно, еще не достиг зрелости. В таком случае на брюхе, горле и у основания крыльев чешуя мягкая...

Второй голос растерянно и восхищенно повторял: «Боги, какой он красивый... Никогда не думал, что они так прекрасны... Их называют жуткими тварями, порождением мрака... А он... Он такой...»

Пока Монброн пытался договориться сам с собой, дракон обнаружил нечто любопытное — загоны для животных. Овцы, свиньи и козы прятались или притворились мертвыми, а вот свезенные со всех концов провинции бойцовые быки вовсе не боялись чужака. Уверенные в своих силах, они пытались выломать загородку, чтобы немедленно начать драку.

Дракон поначалу с интересом наблюдал за ними, затем откинул голову, совершенно по-человечески откашлялся и чихнул, звонко и раскатисто. Из ноздрей ящера вылетели два прозрачно-алых стеклянистых комка. Монброн никогда раньше не подозревал, что огонь может походить на расплавленное стекло, и пребывал в твердом убеждении, что драконы выдыхают толстые струи пламени.

Дымящиеся сгустки ударили в деревянную загородку, она мгновенно вспыхнула и обрушилась внутрь загона. Быки опешили и попятились, опасно косясь на разбегавшиеся по соломе красные язычки. Дракон снова чихнул, направив огонь поближе к быкам, и засмеялся, глядя, как забияки, толкая друг друга, помчались прочь от него по опустевшей площади.

Конан, успевший обогнуть непроходимый завал из бревен, досок и разорванной ткани, в который превратился бывший помост для городской знати, тоже остановился. Смеющийся дракон? Да быть такого не может! Крылатые ящеры, что бы там ни говорили, наверняка созданы каким-нибудь свихнувшимся древним божком и не умеют радоваться. Ни одно из созданий темной магии, которых когда-либо встречал киммериец, не умело смеяться! Смех — это для людей, но не для чудовищ! Иначе чем бы они отличались друг от друга?

Послышался неровный перестук копыт, и Конан отпрыгнул в сторону, пропуская черного быка с выпученными глазами. Животное неслось, не разбирая дороги, и вскоре скрылось где-то за развалинами.

«Дракон, что ли, так его напугал?»

Корсар осторожно заглянул в проулок, откуда выскочил бык. Никого. А даже если кто-то и есть, наверняка прячется под обломками. Куда же подевалась проклятая тварь? Это ведь не маленькая зверюшка, которая может юркнуть в любую щель и затаиться!..

Неподалеку раздался подозрительный шорох, заставивший Конана мгновенно обернуться. Груда торчавших в разные стороны досок с грохотом развалилась, и из-за нее высунулась голова, затем показались плечи и руки. Человек подтянулся, вылез наружу и выпрямился. Киммериец с легким удивлением признал в незнакомце Деррика.

— Здесь прошла орда завоевателей, — вполголоса пробормотал Деррик. — Город брошен на разграбление... Кажется, можно вылезать, — заключил он и наклонился над узкой щелью, протягивая кому-то руки.

Из укрытия появились растрепанная женщина в ярко-красном платье, теперь больше похожем на живописные лохмотья, и крупная собака. Женщина осмотрелась и, испуганно ахнув, прижалась к своему спутнику. Собака тоненько заскулила.

— Эй, — негромко, чтобы не испугать, окликнул растерянную парочку Конан.

Деррик и Анесса оглянулись и побежали к корсару, прыгая через валявшиеся повсюду обломки досок и ящиков. Заговорили они одновременно, перебивая друг друга:

— Это дракон? Правда, дракон?

— Все так испугались и побежали, и мы тоже побежали, а потом все начало рушиться, на нас что-то свалилось...

— Надо отсюда убираться, пока целы...

— А куда делись Монброн и Блайи? Они ведь стояли рядом с нами...

— Тихо! — прикрикнул на них Конан. Госпожа Вальеда и Деррик послушно замолчали. — Монброна и Блайи я не видел. Дракон где-то неподалеку. Я как раз собирался пойти взглянуть на него. Вам лучше снова спрятаться.

— Нет, — жалобно сказала Анесса. — Сидеть и ничего не знать — это так страшно... Можно мы пойдем с тобой? Мы не будем мешать, только не оставляй нас здесь!

«Нет ничего хуже, чем напуганная женщина, которая цепляется за тебя в самый неподходящий миг!» Киммериец уже не раз убеждался в этом, однако история то и дело повторялась.

— Идем, — мрачно сказал Конан, решив не тратить время на заведомо бесполезные убеждения. — Деррик, придержи собаку. Если наткнемся на дракона, сразу сматывайтесь, поняли?

Оба согласно кивнули. Деррик свистнул пса, и все двинулись в путь, стараясь держаться поближе к уцелевшим строениям и настороженно прислушиваясь.

Так они добрались до следующего перекрестка, отмеченного перевернутой телегой — одно из колес до сих пор вращалось, протяжно скрипя. Далее тянулись загоны для животных, над которыми поднимался пока еще слабый черный дым, и склады.

На обширной площадке в окружении опрокинутых прилавков и рассыпанных товаров стоял золотисто-коричневый дракон и задумчиво смотрел по сторонам. Тот же самый, что вынырнул рядом с бортом старой галеры «Джелико». Или

его брат-близнец. Рогатая голова, сложенные на спине крылья, огромные лапы с кривыми когтями... Только здесь, на земле, он выглядел намного опаснее.

— О,— обрадовался ящер, заметив неожиданно выскочивших людей.— А я решил, что все сбежали.

Анесса нервно хихикнула. Деррик аккуратно отодвинул госпожу назад, себе за спину. Рыжая собака покосилась на хозяина и неуверенно гавкнула.

— Почему бы тебе не убраться туда, откуда ты пришел? — спокойно поинтересовался киммеец.

Дракон выглядел вполне миролюбивым, но кто может знать, о чем думает эта зверюга? Сейчас он тихий и мирный, а через мгновение начнет плевать огнем во все стороны...

— Я тебя знаю.— Желтые глаза ящера нехорошо блеснули, а из расширившихся ноздрей потекли вверх тонкие струйки сероватого дыма.— Ты уже пытался меня убить.

— Что поделать, ремесло такое,— хмыкнул Конан.— Так ты уберешься или нет?

Зверюга подумала, хлестнула по земле хвостом, превратив в щепки подвернувшийся бочонок, и решительно помотала головой. Дело принимало скверный оборот. Неужели придется драться с этим монстром, то ли всплывшим со дна океана, то ли выползшим из темных подземелий? А как, скажите на милость, это сделать? Он же весь, от морды до лап и кончика хвоста, зако-

ван в броню! И еще неизвестно, сможет обычный клинок прорубить драконью чешую или нет!

— Может быть, ему что-то нужно? — тоненьким дрожащим голосом проговорила Анесса.— Обычно такие создания требовали с города выкуп — золото, коров или... э-э... благородных девиц.

Предположение госпожи Вальеде было не лишено здравого смысла, однако договорить она так и не успела. Ей помешал Маэль из аквилонского города Танасула, который с неразборчивым воплем вывалился из окна полуразрушенной лавочки. Судя по всему, он решил, что Анессе угрожает опасность.

Дракон с изумлением взглянул на него, Конан вполголоса выругался, сплюнул и потянулся за мечом, в очередной раз прокляв свою идею пойти на ярмарку, Деррик еле слышно рассмеялся, а госпожа Вальеде ойкнула.

* * *

Маэль вытащил оружие и решительно направился к наблюдавшему за ним дракону. Не дойдя до зверя шагов пяти, он остановился, откашлялся и торжественно провозгласил:

— И суждено детям Митры всегда поражать оружием своим мерзких гадов... — Тут Маэль на миг запнулся, то ли забыв, что написано в летописях, то ли засомневавшись в собственных словах.— ...Равно тех, что кроются во мраке под землей, и иных, что оскверняют отвратительным видом своим чистоту небес. Ответ же, порождение

злости и мрака, согласно ли ты добровольно передать свою никчемную жизнь в мои руки или предпочтешь умереть, защищаясь?

— Ага,— кивнул дракон, внимательно выслушав,— я понял: тебе очень хочется получить мою голову. Знаешь, человек, я не согласен. Мне очень нравится моя голова. Да и драться мне совершенно не хочется. Но, видимо, придется.

— Я не виноват. Так положено говорить,— буркнул Монброн.

«Лучше б не болтал, а постарался подойти поближе и подрезать ему сухожилие на лапе,— проворчал про себя Конан.— Ладно, сейчас посмотрим, как этот щенок будет геройствовать. Не удивлюсь, если дракон прихлопнет его, как муху. Туда ему и дорога!»

— Они что, в самом деле будут драться? — тихонько прошептала Анесса.— Но это же безумие! Капитан, останови их!..

— И не подумаю,— отрезал киммериец.— К тому же, госпожа, ты представляешь, как их можно разнять? Я — нет. Монброн хотел убить дракона — пусть убивает на здоровье.

— Несколько жестоко, но вполне справедливо,— заметил Деррик.— Не огорчайся заранее, прекрасная Анесса. Может, нашего дражайшего гостя и не убьют, а только слегка покалечат. Тогда у тебя будет возможность снова позаботиться о нем...

— Замолчи! — сердито бросила госпожа Вальедо.

Деррик пожал плечами и отвернулся.

Тем временем на ярмарочной площади, заваленной обломками досок, перевернутыми повозками и рассыпанными ящиками, разворачивалось великое сражение не на жизнь, а на смерть.

Монброн избрал тактически верный ход — стал подбираться к дракону сзади. Конечно, он рисковал попасть под сокрушающий удар хвоста, однако ящеру приходилось все время оборачиваться, что было не слишком удобно. Дракон топтался на месте, Маэль держался чуть поодаль, зорко следя за противником.

Первым не выдержал ящер. Толстый хвост взметнулся вверх и наискосок, костяная кисточка на конце хищно щелкнула, превратившись в подобие цепкой клешни. Монброн вовремя подпрыгнул, хвост со свистом пронесся у него под ногами. Раздался короткий скрежет — в прыжке Маэль умудрился рубануть мечом сверху вниз, и, кажется, безуспешно.

«Неплохо,— был вынужден одобрить Конан.— Очень даже неплохо для такого молокососа...»

— Ах так? Значит, вот ты как? — возмутился дракон и замолотил хвостом, как рыба, вытасенная из моря на берег.

Брызнули разлетающиеся во все стороны комья земли, перемешанные со щепками, черепками, бесформенными кусками железа и обрывками ткани.

Монброн завертелся юлой, уклоняясь от ударов, и сделал попытку подобраться ближе к голове дракона, где хвост бы его не доставал. К сожалению, аквилонцу не повезло: вино из расколов-

шегоса бочонка хлынуло ему под ноги. Маэль поскользнулся и упал. Анесса завизжала.

— Вот и допрыгался,— нарочито зловещим голосом сообщил ящер, поднял хвост, примерился и изо всей силы ударил по лежащему человеку.

Вернее, туда, где человек только что был. Монброн успел перекатиться, а хвост дракона со всего размаху воткнулся в колоду для разделки мяса. И застрял.

Обескураженный ящер попробовал высвободить свое грозное оружие, однако длинная кисточка-клешня глубоко ушла в плотную древесину. Дракон ожесточенно дергал хвостом, даже сумев разок оторвать тяжеленную колоду от земли, однако кисточка застряла прочно.

Конан не удержался и захохотал: уж больно потешно выглядела огромная зверюга.

— Вовсе не смешно,— пропыхтел дракон.— И не по правилам!

— По правилам, по правилам,— заверил его поднявшийся на ноги Маэль.— Так кто теперь допрыгался?

Вместо ответа ящер судорожно мотнул головой. Теперь из его ноздрей вырвался уже не крохотный комочек пламени, а настоящий пылающий огненный шар. Монброн шарахнулся в сторону, шар врезался в россыпь досок, недавно бывших вполне приличной телегой, и рассыпался фейерверком алых и синих искр. Телега загорелась, исходя вонючим черным дымом.

Дракон наконец сообразил изогнуться и прижать злосчастную колоду передними лапами. Еще

несколько рывков — и его слегка помятый хвост снова прочертил в воздухе смертоносную дугу. Кисточка на конце непрерывно щелкала.

— Продолжим? — с вызовом обратился зверь к человеку.

— С удовольствием! — Монброн, кажется, даже отсалютовал противнику своим оружием.

— По-моему, они несколько увлеклись,— озабоченно пробормотал Деррик.— Капитан, тебе так не кажется?

— Кажется,— согласился Конан, наблюдая за тем, как дракон пытается сбить Маэля с ног, а аквилонец уворачивается, угрожая ударить клинком по глазам или носу.— Зверюга играет. Не хочет убивать этого горе-вояку, это же ясно как день!

— Может, ты все-таки вмешаешься? — робко заикнулась Анесса.— Я понимаю, это против всех уложений и правил, но это сражение не может продолжаться до бесконечности! Месьор Маэль скоро устанет, а это существо... Кто знает, сколько оно может драться?

— Мы могли бы попробовать его отвлечь,— неуверенно предложил Деррик.— Кроме того, в городе есть отряд гвардии, и он должен был окочлачиваться на ярмарке. Если обстрелять дракона из арбалетов, он наверняка уберется...

— И прилетит завтра,— задумчиво сказал киммериец.— Да еще с приятелями. Как ни жаль, выход только один — прикончить зверюгу. А помощи от гвардии ждать нечего. Они, наверное, удрали первыми...

— Смотрите! — неожиданно звонко воскликнула Анесса. — Он его сейчас убьет!

«Он» относилось к дракону, сумевшему ловким маневром прижать Маэля к грозившему вот-вот обрушиться нагромождению из тюков, ящиков, бочек и ломаных досок. Монброн пятился, то и дело оглядываясь через плечо, а зверюга, кажется, больше не намеревалась шутить. Пасть дракона приоткрылась, выставив напоказ ровные желтоватые клыки, между которыми метался раздвоенный кончик языка. Где-то в груди зверя рождалось низкое урчание, заставляющее все вокруг — живое и неживое — мелко вздрагивать. Животное покачивалось взад-вперед на полусогнутых лапах, хвост метался из стороны в сторону, то скручиваясь в кольцо, то распрямляясь, желтые глаза неотрывно следили за противником.

Поняв, что лезть через завал — чистой воды самоубийство, Маэль повернулся к дракону и поднял меч. Что ж, иногда случается и такое. Не всем суждено выйти из поединка победителями. По крайней мере, его совесть чиста — он сделал все, что мог...

— Н-нет! — пронзительно взвизгнула госпожа Вальеда и выбежала на площадь, явно собираясь воззвать к душевной доброте огромного и разозленного ящера.

— Несс! — завопил Деррик. — Несс, вернись! О, проклятье...

Он сорвался с места и бросился вслед за Анессой. Собака, не задумываясь, помчалась за ним.

«Называется, сходил на ярмарку, — с тоской подумал Конан, легко догоняя Деррика. — Треклятая ящерица! Жаль, что мы ее в море не утопили!»

Дракон с удивлением обернулся. Воспользовавшись общим замешательством, Монброн кинулся вперед, проскочив прямо под подбородком чудовища. Чинкуэда зашла в лае, прыгая вокруг гигантского животного. В следующий миг Маэль со всего размаху врезался в бегущую Анессу, и они упали. Деррик, не останавливаясь, перепрыгнул через них и размахистым жестом швырнул в голову ящера нечто маленькое и блестящее.

Загадочный предмет с еле слышным хрустом разбился о рог чудовища, окутав его морду клубами густого синеватого дыма. Дракон попятился, шарахнулся в сторону, врезавшись в груды обрушившихся ящиков, и замер, часто-часто тряс головой и надрывно кашляя.

Конан поравнялся с упавшими и рывком поднял обоих на ноги — Монброна за шиворот, Анессу за руку. Затем развернул аквилонца и его неожиданную спасительницу в сторону узкого проулка и не слишком вежливо подтолкнул:

— Бегом и без разговоров!

— Но... — заикнулся Маэль. — А как же дракон?..

— Вон отсюда! Хватай ее и сматывайся, понял?

— Ага, — кивнул Монброн, сообразив наконец, чего от него требуют.

Подхватив растерянную Анессу под локоть, он настойчиво потащил девушку прочь с площади.

«Одной заботой меньше,— подумал Конан, глядя им вслед.— Теперь займемся нашей игровой ящеркой... Хотелось бы знать, чем угостил ее Деррик?»

Зверь прокашлялся, помотал головой и с досадой заметил, что его добыча улизнула. Деррик и Чинкуэда тоже предусмотрительно куда-то спрятались. На площади остались только киммериец и дракон.

«Убить дракона, убить дракона.— Эти два слова назойливо крутились в голове.— Вот он, крылатый змей, невиданное чудовище, и вот я, просто человек. И я его сейчас убью... Не кто-то другой, а я».

Зверь покосился на медленно приближавшегося человека и вдруг встал на задние лапы, точно собака, которая просит подачку. Конан замер, не зная, какой гадости ожидать от противника.

В следующий миг согнутые лапы дракона伸直ились, с невероятной силой выталкивая животное вверх. Хлопнули, разворачиваясь, длинные крылья, легкий ветерок взъерошил волосы на голове киммерийца.

Ящер взлетел, тяжело взмахивая крыльями, поднялся на высоту десяти локтей и уже оттуда выкрикнул:

— Хватит с меня на сегодня!

— Лети, лети, пташка,— пробормотал Конан, слегка разочарованный тем, что дракон уклонился от боя.— Я тебя еще найду...

Дракон вдруг сложил крылья и нырнул вниз, в проулок между порушенными лавками, точно

огромный атакующий сокол. Спустя миг он снова появился, держа в передних лапах ярко-алую тряпку.

Сверху донеслось:

— *Обманщик! Приходи, и поговорим! Я не причиню вреда этой женщине, но хочу быть уверенным, что ты придешь! Один или с защитниками — мне все равно! Я буду ждать на побережье, ты слышишь меня, маленький трясущийся червяк?..*

Дракон уже давно скрылся, но отзвуки его голоса по-прежнему раскатывались над притихшей разоренной ярмаркой, заставляя людей вжимать голову в плечи и испуганно вздрагивать.

* * *

Ослепительное солнце Полуденного Побережья заливало яркими лучами широкую реку, неторопливо бегущую к океану, и просторный луг на ее правом берегу. Еще утром луг напоминал пестро расшитый ковер, узоры коего чудесным образом непрерывно сменяли друг друга. Теперь же разноцветное полотно походило на безжалостно разодранную старую тряпку с торчавшими повсюду оборванными нитями, дымящимися подпалинами и пятнами грязи.

Собственно, разрушены были те постройки, что теснились вокруг арены для боя быков и помоста. Лавки на окраинах торжища почти не пострадали, но захваченные общей паникой хозяева бросили их. Этим тут же воспользовались юркие проныры с поразительно честными глазами и очень вместительными карманами.

Жуткие слова дракона послужили сигналом к тому, что попрятавшиеся горожане облегченно перевели дух и начали осторожно выглядывать наружу. Увиденное, конечно, не доставило им радости, однако страшное видение — чешуйчатый ящер, извергающий огонь, — больше не кружило над головами. Кое-где дымились лавки, разбежавшиеся из загонів овцы и козы смачно хрустели рассыпанными всюду овощами и фруктами, кто-то уже начал причитать над безвозвратно погибшим товаром... В общем, зрелище весьма напоминало самый заурядный разбойничий налет на богатую ярмарку.

...Из переулка вышел слегка покачивающийся Маэль. Меч он волочил за рукоять, точно обыкновенную палку. Клинок цеплялся за что попало и жалобно звякал при каждом шаге владельца. Маэль пялился широко открытыми глазами куда-то в небо, из-за чего постоянно спотыкался. Кажется, он всерьез намеревался преследовать дракона.

Конана он не заметил, пока не запнулся о предусмотрительно выставленную ногу.

— Тебе вообще можно поручить что-нибудь? — задумчиво осведомился корсар.

Монброн посмотрел на возвышавшегося над ним противника и, еле слышно всхлипнув, забормотал:

— Он свалился на нас сверху. Схватил Анессу и сразу взлетел. Я даже понять ничего не успел.

Растерянному и обескураженному Маэлю даже не пришлось в голову, что он вовсе не обязан

оправдываться перед корсарским капитаном. Но наследник потомственных охотников за драконами с ужасом понял, что прикончить крылатого ящера отнюдь не так просто, как о том повествовалось в летописях рода.

Молодого человека ошеломило, что он вообще остался в живых. Зверь должен был убить его. Прикончить одним ударом толстого чешуйчатого хвоста. А вместо этого он по-прежнему стоит на разоренной торговой площади и несет какую-то чушь, а дракон летит к своему убежищу, унося женщину, красивей которой Маэль не встречал никогда в жизни.

Ну почему все, за что он ни возьмется, получается из рук вон плохо?

— Я ничего не мог поделать, — повторил Монброн, чувствуя себя полнейшим ничтожеством. — Мы просто убежали...

— А почему ты не спрятал девчонку в какую-нибудь щель, вместо того чтобы таскать ее за собой? — поинтересовался Конан.

— Не знаю... — почти беззвучно ответил Маэль и снова всхлипнул.

— Носит же земля таких идиотов, — брезгливо поморщился киммериец.

Тем временем разоренная ярмарка начала потихоньку оживать. Люди выбирались из таких щелей, куда, казалось, с трудом могла протиснуться даже очень тощая и проворная кошка. Отовсюду доносились причитания, но, кажется, всерьез никто не пострадал. Только вот торговля была безнадежно испорчена...

Конан подозревал, что разъяренные неслучайными убытками торговцы и покупатели, а также городские власти очень скоро начнут искать виноватых. Киммериец прикинул, не стоит ли побыстрее уйти, и самоуверенно решил, что можно не торопиться. С какой стати ему удирать? Не станут же его обвинять в том, что он пригласил сюда дракона? Хотя... Народ на Полуденном Побережье горячий и обычно не утруждает себя выяснением, кто прав, а кто виноват. Все знают, что он прибыл сюда за головой дракона. Наверняка кто-то видел представление, устроенное Монброном, и решил, что корсар просто-напросто уклонился от схватки с ящером...

Вокруг двоих стоявших на площади людей постепенно начинала собираться толпа, пока еще маленькая и занятая больше собственными несчастьями. Но как только карташеницы придут в себя, сборище превратится в многоголового и многорукого зверя, куда похуже разъяренного дракона. Кое-где уже раздавались не предвещавшие ничего хорошего выкрики и угрозы.

До сих пор не понимавший, что к чему, Маэль растерянно озирался. Конан тоже огляделся, правда пытаясь выяснить, не околачивается ли поблизости кто-нибудь из его подчиненных, и прикинуть, где в случае всеобщей свалки можно будет пробиться.

— Послушай... — Выбитый из колеи Монброн даже позабыл о своей неприязни к корсару и о только что нанесенных оскорблениях, смывать которые надлежало лишь кровью противника. —

Кажется, мы почему-то вызываем у этих добрых людей крайнюю неприязнь...

— Эти добрые люди ожидали, что ты убьешь дракона. Ты этого не сделал. Значит, сейчас будут убивать тебя, — охотно пояснил Конан. Подумал и уточнил: — Ну, и меня тоже. За компанию, так сказать...

Маэль открыл было рот, чтобы в очередной раз пожаловаться на несправедливость мира и доказать, что он ни в чем не виноват. Потом подумал и решил промолчать. Вместо этого он крепче вцепился в рукоять меча и шагнул поближе к киммерийцу. Ненависть ненавистью, а жить любому хочется. И у двоих людей, что ни говори, шансов уцелеть гораздо больше.

Неизвестно, чем бы обернулось назревающее посреди разоренной ярмарки побоище. Перейти от слов к делу горожанам помешал чей-то полный неподдельной муки крик, требовавший «немедленно, слышите вы, немедленно!» пропустить к «этим негодьям».

— Это кто? — насторожился Монброн.

Конан прислушался:

— По-моему, Карбальо, градоправитель. И он тоже хочет твоей крови.

— Почему только моей? — возмутился Маэль. — Это ведь не я, а ты трепался на всех углах о том, что открутишь голову любой ящерице-переростку, даже если ее и называют драконом. И пусть, мол, она только попадется на твоём пути...

— Кому я такое говорил? — На этот раз настала очередь Конана возмущаться.

— Карбальо ты такое говорил, — злорадно напомнил Маэль и на всякий случай еще немного попятился от медленно смыкавшегося людского кольца. — Я собственными ушами слышал.

Градоправитель Карташены наконец-то протолкался к предполагаемым виновникам несчастья, которое обрушилось на город. За ним следовал десяток изрядно разозленных вояк в форме местной гвардии, а далее топала размахивавшая оружием разношерстная и крикливая компания благородных месьюров.

Преимущество теперь оказалось на стороне противника, и Конан пожалел, что не прислушался к внутреннему голосу, настойчиво твердившему: «Убирайся, пока не поздно». Монброн непроизвольно съехался, норовя стать как можно незаметнее. Теперь-то он отлично понимал, каково пришлось отсиживавшемуся в проулке Блайи, и даже искренне посочувствовал барду.

Жалкая попытка избежать предстоящей выволочки провалилась: первая волна негодования обрушилась именно на гостя из Аквилонии. Маэль топтался на месте, бледнел, краснел, неуверенно пытался оправдываться, понимая, что большая часть высказанного градоправителем — совершеннейшая правда. Толпа улюлюкала, свистела и всячески выражала неодобрение неудачливому драконоборцу.

И потому Монброн не поверил своим ушам, когда рядом с ним раздалось громогласное: «Ну хватит! В конце концов, мальчишка в самом деле хотел как лучше...»

Карбальо поперхнулся недосказанной речью, набрал побольше воздуха и обрушился теперь уже на беспечно ухмылявшегося корсарского капитана. Получивший краткую передышку Маэль ощутил в глубине души нечто вроде смутной признательности к человеку, которого считал всего лишь туповатым рубакой.

Конан и сам не знал, что его дернуло вступить за вполне заслуживавшего трепки Монброна. Разве что желание насолить месьюру Карбальо. Не будь градоправитель таким скрягой, крылатая зверюга уже давно лежала бы кверху лапками, обезглавленная и аккуратно выпотрошенная...

Интересно, каково на вкус мясо дракона?

— Как лучше? — возмущенно спросил Карбальо, и его короткая черная борода воинственно задралась вверх. — Вот это все, — он выразительно обвел рукой разоренную ярмарку, — это все, оказывается, «как лучше»?

— Так получилось, — отрезал киммериец. — Так я... То есть мы пойдем?

Вокруг раздалось недовольное ворчание. Градоправитель, ощутивший поддержку, возмущился:

— Пойдем? После всего, что вы здесь натворили, вы собираетесь так просто уйти?

— Вот именно, — подтвердил Конан, уже начинавший злиться.

— Ну уж нет! — Карбальо решился. — Я, конечно, наслышан о том, как тебе, капитан, не раз удавалось ускользнуть от ответа за свои действия, но здесь это не пройдет! Не знаю и знать не

хочу, кто тебе покровительствует в Кордаве! Пусть это будет сам король или принцесса Чабела, да будут они всегда под защитой Солнцеликого Митры! А здесь хозяин я! И я своей властью запрещаю тебе покидать этот город, пока госпожа Вальеде не окажется в безопасности, а это... это существо не будет уничтожено!..

Толпа встречала каждую фразу градоправителя одобрительным ревом. Карбальо не пользовался особой любовью горожан, однако сегодня все дружно встали на его сторону. В конце концов, виновные были чужаками, а месьор градоправитель выступал в защиту потерпевшей стороны. Кроме того, он сам пострадал: многие видели, как страшный зверь унес госпожу Анессу, не только первую красавицу Карташены, но и общую любимицу.

— И мне наплевать, как вы это сделаете! — Карбальо, забыв о своем благородстве, визжал, как уличная торговка. — Вы приманили эту проклятую тварь в мой город! Вы оба и этот мерзавец Плоскомордый! Кстати, где он? Ну конечно, теперь боится и нос высунуть! Ничего, до него я тоже доберусь! А вы, — узловатый палец, украшенный тяжелым кольцом с желтым камнем, уперся в Конана и Маэля, — вы шагу отсюда не сделаете, пока я своими глазами не увижу это жуткое создание мертвым!

* * *

Лет пять назад Конан не обратил бы на такие угрозы никакого внимания. Он ушел бы из Кар-

ташены, даже если для этого потребовалось бы сразиться со всей местной гвардией или превратить городские ворота в груды камней и досок. Однако те веселые и шумные времена, к сожалению, давно миновали. Он сам согласился служить короне Кордавы и взял на себя ответственность за ораву бездельников, громко именовавшуюся командой его корабля. Конечно, никто не мешает ему сделать вид, что он подчинился требованиям градоправителя, а ночью потихоньку выскользнуть из гавани... Только это будет означать, что возвращение в Кордаву откладывается. Может быть, даже навсегда. И к тому же неужели он позволит мальчишке повторить попытку добыть зверя? А если у того получится?.. Да, и еще ведь Анесса! Конечно, зверь пообещал, что не сделает ей ничего плохого, но можно ли верить словам крылатой чешуйчатой твари?

«А с Плоскомордым я еще побеседую, — мысленно пообещал себе Конан. — Втянул меня демон знает во что, а сам смылся! Мы так не договаривались!»

— В общем, чтобы через пять... нет, через три дня моя племянница вернулась домой, целая и невредимая. — Карбальо уже начал успокаиваться, но тут ему на глаза снова попался переминавшийся с ноги на ногу Монброн. — А с тобой у меня будет особый разговор! Ты убедил мою бедную девочку в том, что знаешь этих проклятых тварей, драконов, как облупленных, и что же?

— Но я... — начал Маэль. Он собирался сказать, что действительно знает драконов — все, что

говорится о них в летописях рода Монбронов, потомственных драконоборцев, и что только сегодня понял разницу между записями в хрониках и встречей с настоящим, живым зверем.

— Заткнись,— еле слышно прошипел Конан.— Ты уже и так испортил все, что можно!

Аквилонец послушно замолчал.

— Ты отправишься вместе с ним.— Градоправитель небрежно махнул рукой в сторону корсарского капитана.— И я не желаю больше слушать твоих рассуждений! Мне нужны действия, а не слова! Убирайтесь! И чтобы через три дня животное было здесь — мертвое!

В толпе обрадованно засвистели и заулюлюкали. До Монброна долетели несколько крайне оскорбительных слов, высказанных знатными юнцами, и он постарался запомнить болтунов. Когда у него появится чуть побольше свободного времени, он обязательно отомстит за себя. Дуэли в Зингаре в отличие от Аквилонии еще разрешены.

Кто-то из крестьян, осмелев, запустил подгнившей репкой в корсара, промахнулся и сразу же проворно юркнул в толпу, стоило киммерийцу чуть приостановиться и обвести шатнувшееся назад сборище внимательным взглядом.

Маэль, несмотря на шум, все-таки расслышал брошенные им вслед слова градоправителя, обращенные к начавшей возмущаться свите:

— Ничего, пускай попытаются. Это даже к лучшему, если тварь их прикончит. Тогда, благородные месьюры, каждому из вас будет предоставлена возможность прославить свое имя. Кроме

того, не будем забывать о древнейшей традиции: тот, кто спасет из лап ужасного змея прекрасную девицу, имеет право...

Дальнейшего Монброн не слышал, но все было и так понятно. Однако вряд ли госпожа Анесса вообще захочет его видеть. Даже если случится чудо и ему удастся прикончить зверюгу...

Маэль в очередной раз вздохнул над своей неудавшейся судьбой и, чтобы нарушить неприятное молчание, спросил:

— Интересно, какого обманщика разыскивал дракон?

— Понятия не имею,— раздраженно буркнул Конан. Положение, в которое он угодил по милости Эвана Плоскомордого и этого выскочки-аквилонца, больше не казалось киммерийцу всего лишь забавной нелепостью. Разозлившийся градоправитель вполне может арестовать корабль. В гавани Карташены не найдется судна, способного преградить «Вестрелу» дорогу, однако Конан уже давно усвоил, что в мире есть вещи, способные удерживать надежнее цепей, решеток и запертых дверей...

Подумать только: столько неприятностей — и все из-за какой-то летающей ящерицы!

А ящерица-то не так проста, как кажется... Если бы дракон просто украл Анессу, все было бы понятно. Но зверюга разыскивает какого-то человека и уверена, что этот неизвестный обязательно придет! Кого же тварь имела в виду? Точно не его, Конана. Он никогда не обманывал ни одного дракона. Может быть, Монброна? Или еще кого-нибудь из горожан?

Сбежавшаяся на крики градоправителя толпа медленно расходилась, неохотно пропуская двух виновников (вернее, тех, кого сочли виновниками) сегодняшнего происшествия. Маэль плелся позади корсара и мрачно размышлял, зачем он идет за этим человеком и как ему теперь быть. Ясно, что нужно спасти Анессу, только с чего начать? Где искать улетевшего дракона? Животное ведь легко могло преодолеть по воздуху несколько десятков лиг и добраться до Рабирийских гор или скрыться на одном из сотен маленьких островков Полуденного Побережья...

— Эй! Месьор капитан!

Конан остановился так резко, что Монброн едва не ткнулся ему в спину. Голос, окликнувший корсара, показался аквилонцу знакомым. Впрочем, так оно и было: киммерийца позвал Деррик. Он сидел на перевернутом прилавке в обнимку с рыжей псиной. Убедившись, что его заметили, Деррик прыгнул и подошел поближе. Взгляд у него был несколько растерянный и задумчивый.

— Ты Эвана не видел? — быстро спросил Конан.

— Плоскомордого? — Деррик поразмыслил и отрицательно помотал головой. — Нет, не видел. Кстати, если ты ищешь своих людей, почти все они там.

Он ткнул в сторону нескольких уцелевших лавок. Прислушавшись, Монброн с удивлением различил доносившиеся из-за деревянных стен приглушенные вопли и звуки борьбы.

— Что они там делают? — тоном, не предвещавшим ничего хорошего, поинтересовался киммериец.

— Это Блайи виноват, — расплывчато пояснил Деррик. Затем хмыкнул и уточнил: — Наш бард снова наткнулся на своего обидчика, когда тот вылезал на белый свет из-под рухнувшего на него навеса. Оказывается, столь странным чувством юмора у нас обладает некий Кабортальеза... Редкостный мерзавец, если кого интересует мое мнение. Блайи, разумеется, тут же запаниковал и бросился прятаться. А Сигурду и еще кое-кому из твоих людей, капитан, показалось, что будет весьма занятно проделывать с благородным месьором то же самое, что он сделал с Блайи... Этим они и занимаются.

Конан усмехнулся и уже спокойнее проворчал:

— Между прочим, ты знаешь, что твою хозяйку утащил дракон? И что ваш градоправитель так разошелся, что решил задержать мой корабль до тех пор, пока я не доставлю его драгоценную племянницу обратно? Да, и еще — что за гадость ты бросил в морду бедной зверюшке?

— Сочувствую, — очень серьезно сказал Деррик. — И тебе, и моей госпоже. Что до «гадости», то я представления не имею, что это такое. Я купил эту вещицу по случаю, у заезжего торговца с восхода. Меня уверяли, что, если разбить флакон, будет много вонючего дыма и треска. Как выяснилось, не соврали... Так наш утренний договор вступает в силу?

— Какой договор? — осторожно влез в разговор Маэль.

Киммериец недовольно покосился в его сторону, но все же ответил:

— Деррик утверждает, будто ему известно, где живет дракон.

— Только предполагаю, — безмятежно уточнил молодой человек. — Кстати, если ты собираешься спасти мою госпожу, то стоило бы поторопиться. Нам понадобятся лошади и припасы. Если выехать сегодня днем, то к завтрашнему утру можно добраться до места. Придется изрядно ползать по скалам, разыскивая логово этой твари... Месьор Монброн, судя по всему, тоже принимает участие в нашем походе?

— Придется тащить его с собой, — недовольно признал корсар и, прищурившись, взглянул на солнце. — Лишний шум нам ни к чему, а потому сделаем так... Деррик, где можно незаметно выбраться из города?

— Через бывшие Корабельные ворота, — последовал ответ. — Это за гаванью, дальше по берегу на восход. К шестому послеполуденному колоколу я подъеду туда и буду ждать.

— Учти, опоздаешь — уедем без тебя, — пригрозил Конан.

Маэль сердито вскинулся, но корсар уже развернулся к нему спиной и зашагал к лавкам, пиная валявшиеся под ногами доски. Деррик легкомысленно засвистел ему вслед.

— Что-то ты не слишком тревожишься за свою госпожу, — язвительно заметил Монброн.

— С какой стати мне за нее тревожиться, если ее берутся спасать даже не один, а двое героев? — отмахнулся Деррик. Маэлю послышалась в его голосе плохо скрываемая издевка. — Кому нужно беспокоиться, так старому бедному ящеру, которому завтра выпадет не самый приятный день в жизни... Ладно, я пошел. Постарайся в самом деле не опоздать.

Деррик жестом подозвал собаку и удалился. Монброн посмотрел ему вслед, затем вспомнил, что до назначенного срока осталось не так много времени и что ему нужно поторапливаться. Корсарский капитан и правда не станет его дожидаться.

Маэль не видел и не слышал шумной перебранки, устроенной командой Конана после того, как она узнала о решении градоправителя. Не видел он и того, как самым последним из-за лавок осторожно высунулся Блайи, по-прежнему завернутый в плащ госпожи Вальедо. Бард убедился, что на площади не осталось никого, кроме занятых подсчетом своих убытков торговцев, вернулся в проулок и несколько раз с яростью пнул лежавшего на земле человека.

Тот не шевельнулся, даже когда Блайи подобрал валявшийся рядом с ним мешок, а затем, воровато оглядевшись, отцепил туго набитую поясную сумку. Корсары не обратили на нее внимания, а бард всегда придерживался мудрого правила, гласившего, что у поверженного врага нужно забрать все представляющее мало-мальскую ценность. Кроме того, по вине мужа Аниссы он,

Блайи, лишился сегодняшнего заработка и имеет полное право возместить потерю.

Блайи приоткрыл кожаный футляр виолы, убедился, что драгоценный инструмент ничуть не пострадал, подумал и еще раз пнул своего обидчика. На этот раз благородный месьор издал слабый стон, свидетельствующий о том, что он еще жив. Бард попятился, сунул возвращенный кошелек в позаимствованную сумку и решил, что настало самое время узнать, чем кончилось явление в город страшного летающего чудовища.

Говоря по правде, Блайи не слишком хорошо рассмотрел крылатого змея, сразу же юркнув в первое попавшееся на глаза укрытие. До него долетело приглушенное расстоянием рычание, и Блайи вовсе не стремился познакомиться с существом, испускающим подобные звуки.

В отличие от Маэля Тейраз Блайи никогда не стремился в герои, соглашаясь на более скромную роль наблюдателя.

Глава восьмая

анним утром по песчаному берегу, вытянувшись узкой белой лентой между обрывистыми известняковыми скалами и шелестящей полосой прибоя, бродили в поисках корма пять оседанных лошадей: вороной жеребец, недоуменно косившийся на маленькие волны, выносливый ширококостный мерин, равнодушный ко всему, и три изящные кобылки зингарских кровей.

Между ними носилась крупная рыжая собака. То и дело она с громким лаем подбегала к двум молодым людям, сидевшим у затухавшего костерка, и совала им в руки найденную на берегу палку, предлагая поиграть.

— Чинка, отстань. Отстань, собака, не до игр сейчас.

Отшлифованная морем деревяшка в очередной раз улетела в воду.

Собака гавкнула и с плеском помчалась по мелководью вдоль берега.

— Как думаешь, они его найдут? — Блайи, отложив виолу, неуверенно попытался завести светский разговор.

— Куда он денется... — не оборачиваясь, неохотно буркнул Деррик.

Деррик вообще стал на редкость молчалив после того, как маленький отряд выбрался за пределы Карташены. Он даже не вмешался в утреннюю перебранку между Конаном и Маэлем.

Зачинщиком спора был Маэль, утверждавший, что ни один из его благородных предков не отправлялся на бой ни с одним чудищем, не позавтракав. Конан в ответ заявил, что, разведя костер, они оповестят о своем появлении всех драконов в округе. Монброн настаивал на своем. Блайи попытался воззвать к чувству долга, напомнил о пребывающей в плену прекрасной даме, но быстро замолчал, поймав хмурый взгляд корсара. Деррик молча встал и ушел на берег — выискивать в кучках выброшенного морем плавника ветки для костра.

То, что Блайи присоединился к отряду, оказалось полной неожиданностью для всех, кроме самого барда. Стоило ему услышать перебранную и изрядно приукрашенную историю похищения госпожи Вальеда, как он уже больше не сомневался — это судьба! Чудовище унесло первую красавицу города — сюжет, конечно, избитый, но когда такое случалось в последний раз? Лет двести, если не триста назад! И разве кому-нибудь (кроме, разумеется, похищенной девицы и ее спасите-

ля) доводилось собственными глазами увидеть поединок с драконом? Никому и никогда!

Так неужели он, Тейраз Блайи, будет отсиживаться в городе, если вокруг происходят такие события?

...Сегодня утром они вышли на отлогую полоску белого песка и остановились. Деррик осмотрел окрестные скалы, кивнул сам себе и твердо сказал:

— Здесь.

После сготовленного на скорую руку завтрака Конан и Маэль ушли, забрав с собой все привезенные из города веревки с крючьями и продолжая вполголоса переругиваться. Деррик и Блайи остались караулить лошадей и дожидаться их возвращения.

С того времени не произошло ничего примечательного, и Блайи уже начинал подумывать, что охота на чудовищ — не такое уж увлекательное занятие. Вполне можно было остаться в городе, а потом выпросить все подробности у словоохотливого Монброна. Однако госпожа Анесса наверняка заметит, что среди людей, вызволивших ее из лап ужасного змея, был и он, Блайи. Такое никогда не забывают и не оставляют без достойного вознаграждения... Впрочем, бард искренне беспокоился за судьбу юной и беззащитной девушки.

— А если они все-таки не найдут, где прячется дракон? — рискнул предположить Блайи. Деррик не ответил, и бард предпочел сменить тему разговора, мечтательно протянув: — Я слышал, ес-

ли плыть все время на полдень, встретишь какую-то сказочную землю...

— Много соленой воды — вот что ты встретишь, — буркнул Деррик, оторвавшись от созерцания морских просторов. — А в ней кое-где для разнообразия воткнуты острова. Если тебе интересно — попробуй порасспросить капитана. Говорят, он забирается в те края.

Бард обиженно замолчал.

Некоторое время Деррик бесцельно бродил вокруг потухшего костра, не обращая внимания на настойчивые попытки собаки втянуть его в игру. Блайи терпеливо ждал.

— С меня хватит! — решительно вдруг заявил Деррик, описав десятый или пятнадцатый круг возле черного пятна кострища.

— Надеюсь, ты не собираешься... э-э... тоже пойти поискать дракона? — опасливо спросил Блайи.

— Да, — кивнул Деррик. — Хочешь со мной?

Блайи не хотел. Его пугали ненадежные скалы, каждая из которых могла оказаться прибежищем страшного огнедышащего змея. Но и оставаться в одиночестве на пустынном берегу было тоже... несколько неприятно.

— А как же лошади? — попытался увильнуть Блайи. — Кому-то нужно присмотреть за ними...

— Чинкуэда отлично справится, — отмахнулся Деррик. — Да и убегать им некуда. Чин, перестань валять дурака, брось палку и иди сюда!

Блайи понял, что отвертеться не сумеет. Похоже, судьба решила как следует испытать его. Что

ж, если ему суждено погибнуть в зубах чешуйчатого монстра — ничего не поделаешь.

— С чего ты вообще решил, что дракон живет именно здесь? — недовольно ворчал Блайи, плетясь вслед за Дерриком по рассыпчатому белому песку. — Сам говоришь, его и без нас отыщут...

— Он неподалеку, — убежденно сказал Деррик. — Я следил за ним, он всегда летит к этому участку побережья, а потом исчезает. Он где-то здесь... И я его найду!

— Ну хорошо, найдешь, а дальше? — Блайи зацепился носком сапога за торчавшую из песка корягу и чуть не упал. Прогулка под раскаленным солнцем Побережья с каждым шагом нравилась ему все меньше и меньше. — Полезешь его убивать?

— Главное — разыскать зверюгу. Потом что-нибудь придумаем.

С этими словами Деррик взбежал на каменный откос и исчез из виду. Блайи тяжело вздохнул, подумал, что путешествия до добра не доводят, и тоже начал карабкаться вверх по сыпучему склону. На полпути он оглянулся — лошадей уже давно не было видно, а цепочку их следов постепенно заливало наступающим приливом.

По прикидкам барда они преодолели уже около трети лиги. Никаких признаков жилища дракона на глаза не попадалось, а дорога стала заметно хуже. Скалы подступали все ближе к полосе прибоя, кое-где приходилось идти по щиколотку в воде, однако Деррик не собирался останавливаться или поворачивать назад.

Блайи как раз обдумывал маленькую, но в высшей степени пламенную речь, призванную заставить Деррика образумиться, когда до него долетел смутно знакомый звук. Бард тряхнул головой, остановился и прислушался.

Кто-то пел.

Низкий, раскатистый голос долетал откуда-то сверху — то ли со скалистых обрывов, то ли прямо с бледно-синего неба. На миг Блайи показалось, что поют сами утесы или в них причудливо отдается эхо прибоя. Деррик тоже стоял с крайне недоуменным выражением лица, медленно поворачиваясь и пытаясь определить, где находится неведомый певец.

«Значит, он тоже слышит,— с облегчением подумал бард.— Не померещилось. Только кому могло прийти в голову петь на безлюдном берегу?»

По привычке Блайи отметил, что голос у незнакомца не слишком хорошо поставленный, зато на редкость сильный. Вот он запел чуть погромче, и бард отчетливо различил каждое слово. Прозвучавший куплет заставил Блайи озадаченно поднять брови — песня была ему совершенно незнакома, да и слова были странными:

Болтая ножкой, на краю земли,
Сидели вы над океанской бездной.
За горизонт скрывались корабли,
Срываясь в ночь, надеждой бесполезной
В пучины моря падала звезда,
Отдав весь блеск величию небосклона,

Последний луч оставив навсегда
В холодном сердце спавшего дракона...!

— Вон там! — неожиданно зашипел Деррик, показывая рукой куда-то вверх. — Видишь большую глыбу? Ну, рядом с ней еще кустик торчит? А теперь посмотри чуть выше и левее! Вот он где прячется, мерзавец чешуйчатый!

Блайи старательно проследил взглядом за рукой своего спутника. Над ним поднимался почти отвесный склон высотой не менее тридцати — тридцати пяти локтей. Затем виднелся еле выступающий из скалы карниз, на котором чудом пророс цепкий выюнок, а далее тянулась наклонная стена.

Над карнизом темнело неправильной овальной формы отверстие высотой в два-три человеческих роста, прикрытое плетями выюнка и выступами скалы.

— Это что, дракон поет? — Бард попытался представить себе огромного ящера, проникновенно исполняющего чувствительную балладу, и отказался от этой мысли. С равным успехом можно было бы воображать сухопутную рыбу или стигийца, уверовавшего в Митру. Тут Блайи невольно вздрогнул: — Деррик, а Анесса, наверное, тоже там?

— Скорее всего. — Деррик прикинул высоту скалы и с сожалением признал: — Пожалуй, не взобраться...

¹ Перевод стихов А. Семенова.

Песня неслась над медленно колыхавшимися волнами Закатного океана, такая же бездонная и неторопливая:

Когда б я мог вновь душу обрести
И вновь зажечь угасшее сиянье,
Чтоб, отпустив сей луч, сказать: «Летить»,
Преодолеть меж нами расстояние
И нас на долгий миг соединить
Плывущей в безднах сферой одинокой,
И страсовые звезды погасить,
Чтоб вам одной светить во тьме глубокой...

— Деррик...— Богатое воображение Блайи рисовало ему все более жуткие сцены.— Деррик, а вдруг это чудовище убило госпожу Вальедо?

— И теперь распевает над ее бренными косточками,— огрызнулся Деррик.

— Но мы не можем оставить ее и уйти!

Бард уже забыл о том, что ему не хотелось отправляться на поиски дракона, и о том, что ужасное создание находилось поблизости. Стоит дракону услышать подозрительные голоса или просто захотеть поразмяться — и им конец.

— Что ты предлагаешь? — Деррик уселся на кучке песка и выжидательно уставился на своего спутника.

Блайи замаялся и неуверенно предложил:

— Может, необязательно подниматься именно здесь? Давай поищем какой-нибудь другой путь...

— Ты делаешь несомненные успехи,— признал Деррик, поднимая голову и вглядываясь в

недостижимое отверстие.— Хотя я предпочел бы не заявляться туда без надежного подкрепления... Боги, что это?

Низкий голос (возможно, принадлежавший дракону) умолк. Его сменил другой — мягкий и проникновенный голос молодой женщины:

Жаль, что ты меня не помнишь,
Жаль, что ты меня не любишь,
Пять веков назад и пять вперед.
Пять столетий нас не будет,
Пять раз вспомнишь, пять забудешь,
Как щиповник под окном цветет...

— Анесса,— растерянно пробормотал Деррик.— Это же Анесса!

— Госпожа Анесса,— подтвердил Блайи.— Живая.

Молодые люди переглянулись. Наверху творилось нечто странное — крылатый ящер и его пленница, которой полагалось бы заливать слезами и исходить жалобными воплями, развлекали друг друга пением...

— Надо забраться наверх,— наконец сказал Деррик.

Блайи молча кивнул.

* * *

Они все-таки нашли относительно безопасный и легкий путь наверх — по глубокой расщелине, промытой весенними дождями. Правда, на дне ее торчало множество камней, срывавшихся со своих мест, едва стоило встать на них.

Примерно на полпути Деррик остановился, заметив узкую и (по мнению Блайи) крайне непривлекательную щель. Деррик зачем-то сунул туда голову, прислушался, а затем начал протискиваться внутрь. Менестрелю совершенно не хотелось лезть туда, но выбора у него не оставалось.

Щель оказалась входом в узенький коридор, прогрызенный за несколько лет в толще слежавшегося песка дождевой водой и штормами. Некрупному животному этот ход показался бы настоящей галереей, но человеку приходилось пробираться по нему, сложившись в три погребели. Мучения закончились на развилке, где более широкая часть прохода загибалась вверх, а более узкая выводила в какое-то полутемное пространство. Деррик спрятался за наваленными у выхода камнями, резко потянув Блайи за собой.

Привыкнув к сумраку и приглядевшись, бард различил очертания большой пещеры. Яркое солнечное пятно отмечало вход — тот самый, что они заметили с берега. В пещере было довольно прохладно и пахло морем, а еще нагретым железом и старой кожей. Середину занимало своеобразное «гнездо» — молодые деревца с содранными листьями, накрытые ворохом овечьих шкур.

В этом сооружении расположился дракон. Блайи показалось, что под чешуей ящера пробегают крохотные золотистые огоньки. Крупная голова зверя лежала на скрещенных лапах и

была повернута в сторону рассеянного солнечного столба, пробивавшегося из трещины в потолке.

Под трещиной располагалось небольшое возвышение, тоже накрытое шкурами. На нем, поджав ноги, сидела живая и невредимая Анесса Вальеда, невозмутимо заплетая растрепавшиеся волосы в косу.

— Идиллия, — еле слышно пробормотал Деррик.

Бард был с ним полностью согласен. Анесса не выглядела перепуганной до смерти или раненой, а дракон уже не казался страшным чудовищем. Конечно, он оставался большим и опасным животным, но, похоже, госпожа Вальеда сумела найти с ним общий язык.

— ...Никогда не думала, что драконы умеют петь, — сказала Анесса, отбросив косу за спину. — У тебя хорошо получается.

— Спасибо, — вежливо ответил ящер и зевнул, показав бездонный провал пасти в обрамлении поблескивающих зубов. — Пение всегда было моей слабостью... Хотя мои родичи единодушно утверждали, что бык ревет гораздо мелодичнее, чем я пою.

— Они были не правы, — серьезно возразила Анесса. — Послушай, если не секрет, а где твои сородичи? Или ты живешь один?

— Не знаю. — Дракон сделал движение, словно человек, пожимающий плечами. — Наверное, их уже нет на свете. Я остался последним. Или предпоследним — невелика разница.

— Тогда зачем же ты напал на ярмарку и украл меня? — Анесса подалась вперед. — Меня ведь обязательно придут спасать дядины солдаты или еще кто-нибудь... И тебя наверняка убьют.

— Возможно. — Дракон чуть наклонил тяжелую рогатую голову. — Но я вовсе не легкая добыча. Тот человек, с которым мы подрались вчера, он не слишком опасен. Скорее, забавен. А вот другой... Кто они, Анесса? Я правильно запомнил, тебя зовут Анесса?

Девушка помолчала, а затем задумчиво произнесла:

— Тот, кто напал на тебя первым, — Маэль. Он из Аквилонии... Знаешь, где это? — Зверь кивнул. — Его предки посвятили свою жизнь тому, чтобы уничтожать драконов... Ой, извини.

— Пустяки. — Ящер пошевелил кончиком шипастого хвоста. — Так было всегда. Люди против нас, мы против людей. Когда-то я надеялся, что это можно изменить... И ошибся. Ладно, это долгая история. Потом как-нибудь расскажу. Продолжай, пожалуйста. Кому еще потребовалась моя голова?

— Конану, — кратко сказала Анесса. — Это, такой человек, который всегда сам по себе... Он командует одним из кораблей, что стоят в нашей гавани. Он ничего не имеет против тебя, просто кто-то пообещал ему заплатить за твою жизнь. И... — Она замаялась. — Говорят, он убил уже много чудовищ.

— Я все понял, — неожиданно мягко сказал дракон. — Сколько бы лет ни прошло, а люди

остаются такими же. Боятся того, чего не понимают, и успокаиваются, когда расправятся со своими страхами.

Анесса спрыгнула со своего возвышения и нерешительно приблизилась к огромному зверю.

— Послушай... — начала она. — Почему бы тебе не оставить меня здесь и не улететь? Туда, где нет людей и никто не будет на тебя охотиться? Я как-нибудь выберусь и заморочу им всем головы...

Зверь приоткрыл один глаз, тускло заблестевший золотом в сероватом сумраке. Девушка невольно шагнула назад.

— Я не могу, — глухо сказал дракон. Кисточка на его хвосте еле слышно щелкнула. — Что-то удерживает меня возле этого места. Ты знаешь, почему я украл тебя? Мне кажется, в вашем городе прячется человек... Или не человек... В общем, когда-то мы были друзьями, а расстались врагами. Он воспользовался моей доверчивостью и украл сокровище моего рода. Я знаю, это нелепо, люди не живут так долго, но все чаще ощущаю его присутствие. Я подумал: если забрать тебя и пригрозить, он наверняка придет. Раньше он бы обязательно пришел, но прошло столько лет...

— Когда ты видел своего врага в последний раз? — почему-то шепотом спросила Анесса.

Дракон гулко вздохнул:

— По человеческому счету — как в твоей песне, лет пятьсот назад.

— Где же ты сам был все это время? — Глаза госпожи Вальеда удивленно расширились.

— Не знаю,— повторил дракон.— Иногда я думаю, что спал. Иногда — что умер, а сейчас живу снова.

— И теперь ты ищешь своего врага, чтобы убить? — понимающе спросила Анесса, с легким удивлением отметив, что законы кровной мести, похоже, распространяются не только на людей, но и на таких загадочных созданий, как крылатые ящеры.

— Убить? — задумчиво переспросил зверь.— Поначалу я действительно собирался расправиться с ним, но теперь... Пожалуй, нет. Я хочу просто поговорить. Спросить, почему он так поступил со мной. И более всего — узнать, сохранил ли он похищенное. Я отдал ему эту вещь по доброй воле, и вернуть ее он должен сам, без принуждения. Это трудно объяснить... Можно выразиться так: мы, я и мой враг, оба запутались в одной и той же сети и тонем в океане. У нас есть выбор — продолжать тонуть, задыхаясь и радуясь тому, что противник не в лучшем положении. Или попытаться спастись. Я надеюсь, что он здесь, но и боюсь этого...

Превратившийся в одно большое ухо, Блаин насторожился. Что-то похожее на обрывистую и непонятную историю дракона он слышал совсем недавно. Только от иного рассказчика, от человека... Правильно, от Маэля. Но ведь этого не может быть! Впрочем, в мире случается столько невероятного, что не успеваешь удивляться.

— Боишься? — Анесса окончательно растерялась.— Чего тебе бояться, ты же дракон! Ты напал

на ярмарку, где было много людей, и только двое рискнули сразиться с тобой!

— А я вообще не собирался никого убивать,— хмыкнул ящер.— Я просто развлекался.

Госпожа Вальеде вернулась на свое возвышение и обхватила голову руками. Дракон обеспокоенно уставился на нее.

— Послушай,— стараясь говорить как можно убедительнее, начала она.— Ты уверен, что твой враг прячется в нашем городе. Он никуда не денется. Тебе надо позаботиться о собственной жизни, особенно если ты последний в своем роду. Ведь все думают, что ты чудовище, которое погубило с десятков торговых кораблей, а теперь еще разорило ярмарку и похитило меня. Тебя выследят и убьют, а мне... Мне бы этого не хотелось. Отомстить всегда успеешь, а сейчас улетай!

— Вот как? — Ящер пошевелился, расправляя сухо зашуршавшие крылья. Анесса по сравнению с ним выглядела совсем маленькой.— Значит, тебе уже не хочется, чтобы твои друзья прикончили меня? Интересно было бы знать почему? Ведь поначалу ты перепугалась до смерти, так?

— Конечно, испугалась,— кивнула девушка.— Я как-то не привыкла к тому, чтобы меня хватали и тащили по воздуху неизвестно куда. Но потом я присмотрелась и прислушалась к тебе... И поняла, что ошибалась,— спокойно и твердо добавила она.— Или ты очень умело обманул меня, месьор дракон.

— Когда-то у меня было человеческое имя,— проговорил зверь, снова укладываясь на место и

сворачиваясь, точно собака.— Оно мне даже нравилось...

— И как тебя звали? — Анесса встала, подошла поближе и аккуратно присела на край драконьего «гнезда».

— Геллир,— задумчиво сказал дракон.— Если перевести на ваш язык — Золотко. Правда, смешно? Назвать такую громадину, как я, Золотком!

Девушка слегка улыбнулась и спросила:

— А где ты жил раньше, не помнишь?

— На полночь отсюда,— уверенно ответил зверь и зажмурился, вспоминая.— Там были холмы, высокие холмы, заросшие лесом. Неподалеку стоял город людей — маленький такой, он только строился... А вот что было потом? — Он озадаченно потряс головой.— Пожар... Все сгорело.

— Как же ты не можешь определить, здесь твой враг или нет? — осторожно спросила Анесса.— Если бы ты описал его внешность или назвал имя, я могла бы проверить, живет ли в Карташене такой человек...

— Его нынешнее имя и облик не имеют значения.— На морде зверя появилось выражение, похожее на грустную улыбку.— Я даже не уверен, что он здесь. Мне только кажется... Нам, драконам, всегда слишком много всего кажется. Поэтому я останусь и подожду, не придет ли кто-нибудь ко мне в гости. Не бойся, если до вечера никто не явится, я отнесу тебя обратно в город.

— Я боюсь не за себя, а за тебя! — сердито заявила Анесса.— Как ты не понимаешь! Сюда

придет вовсе не твой враг, а люди, которые уверены, что избавляют мир от страшного чудовища! Конечно, я ничего не понимаю в драконах. Но человеку, который поступал бы, как ты, я бы сказала, что он ведет себя на редкость глупо!

— Может, ты и права,— неожиданно согласился дракон.— Кто возьмется отличить мудрость от глупости?

Анесса встала и прошла по пещере. Судя по упрямому выражению ее лица, она не намеревалась отступать. Дракон следил за ней желтоватыми глазами, поблескивавшими из узких щелочек почти сомкнутых век.

Блайи, не слишком доверяя услышанному, протянул руку, нетерпеливо подергал Деррика за плечо и прошептал:

— Провалиться мне на этом месте! Похоже, это тот самый дракон, о котором рассказывал Маэль! Знаешь их семейную легенду — как его дальний предок поссорился с драконами и так далее?

— Знаю,— отрешенным голосом отозвался Деррик.— Хотел бы я знать, как... — Он не договорил.

Госпожа Вальеда остановилась неподалеку от их убежища и вдруг, присев, подняла с пола нечто маленькое и блестящее. Пока она недоуменно разглядывала эту вещь, почти одновременно произошло несколько событий.

Дракон резко повернул голову к выходу из пещеры. Лившийся оттуда солнечный свет на мгновение померк, заслоненный гибкой челове-

ческой фигурой, проскальзывающей внутрь. За ней последовала вторая.

Чьи-то руки обхватили Анессу и резко дернули назад. Прежде чем она успела закричать, ей зажали ладонью рот. Госпожа Вальеда забилась, пытаясь вырваться, однако безуспешно. Ее бережно перетащили через горку валунов и втокнули в какой-то узкий ход, больше похожий на звериный лаз.

* * *

Конан и Маэль обнаружили логово змея по чистой случайности. Сначала они были заняты тем, что обшаривали глубокие овраги, во множестве изрезавшие побережье, и старательно не замечали друг друга. Потом киммериец вдруг развеселился. В самом деле, со дня его появления в Карташене все шло наперекосяк. И вовсе нечего удивляться тому, как все закончилось — лязаньем по осыпающимся скалам в компании с сумасбродным юнцом, вбившим себе в голову, что его призвание — охота на драконов.

Дракон, к слову сказать, тоже какой-то непонятный. Обычное чудовище тупо пожгло бы лавки, сожрало десяток-другой зевак и смылось, прихватив первую попавшуюся красотку. После чего засело бы где-нибудь в недоступном убежище и терпеливо ждало, пока его оттуда выкурят и прикончат. А этот, спрашивается, чем занимается? Конечно, девицу он украл, но при этом пообещал не причинять ей вреда и назвал место, где его можно найти! Эта зверюга вообще в

здравом уме? Может, свихнулась от прожитых лет?

«Виной всему — твое собственное любопытство, — ехидно напомнил внутренний голос. — Тебе важны не награда и слава, а возможность разузнать, что здесь творится, так ведь?»

«Так, — был вынужден согласиться Конан. — Раз уж я позволил втянуть себя в эту кутерьму...»

Он остановился, сматывая длинную веревку с трехлапым крюком на конце и разыскивая взглядом навязанного попутчика. Вообще-то при более близком знакомстве выяснилось, что Маэль — не такой уж и плохой парень... Для благородного, разумеется. Да, он любил потрепать языком не по делу, но по сравнению с встречавшимися киммерийцу представителями знати Монброн казался просто своим в доску.

Маэль был неподалеку. Он стоял на четвереньках на самой кромке обрывавшейся отвесно к морю и узкой полоске берега скалы и, вытянув шею, прислушивался к доносившимся снизу звукам.

На миг у Конана появилось озорное желание подкрасться, дать незваному напарнику хорошего пинка и посмотреть, сможет тот увернуться или нет. Однако, прикинув высоту обрыва, киммериец с беззвучным смешком признал: окажись его попутчик недостаточно ловким, шутку он оценить уже никогда не сможет.

Поэтому Конан тихонько свистнул, а когда Монброн оглянулся, вполголоса спросил:

— Что ты там вынюхиваешь?

— Мне кажется, внизу кто-то разговаривает,— не слишком уверенно ответил Маэль. Он и в самом деле не знал, слышались ему приглушенные человеческие голоса или нет.

Конан присел рядом и тоже заглянул через край откоса. Локтях в десяти—пятнадцати под ними торчал узкий каменный карниз, затянутый чохлыми плетями вьюнка, закрывавший обзор. Далее вниз уходила гладкая отвесная стена, взобраться по которой обычному человеку было бы весьма трудно.

Насчет голосов Монброн, как ни странно, не ошибся. Собеседники находились где-то неподалеку, хотя и были отделены толщей слежавшегося песка и камня. Маловероятно, чтобы в эти отдаленные места забрела какая-нибудь парочка... Но если женский голос принадлежит Анессе, то кто тогда второй? Дракон? О чем, хотелось бы знать, Анесса может болтать с похитившим ее ящером? Но раз они мирно разговаривают, значит, зверюга пока выполняет свое обещание не обижать пленницу.

— Это они,— вынес решение Конан.

Маэль еще раз прислушался к невнятным отголоскам и согласился:

— Женщина — госпожа Вальбеда... Как бы нам туда забраться?

— Причем так, чтобы тварь не заметила нас раньше времени и не сбежала,— дополнил Корсар.

Они поневоле переглянулись. По дороге к побережью Блайи и Деррик приложили все усилия

к тому, чтобы не допустить преждевременных ссор. А сейчас настало время, когда от согласованности действий зависело не только спасение находившейся в пещере дракона Анексы, но и их собственные жизни.

Маэль посмотрел вниз, на белую полосу прибоя, и сказал, вроде ни к кому не обращаясь:

— Вообще-то меня больше интересует, как поскорее вернуть госпожу домой, а вовсе не дракон...

— Врешь.— Конан обошел горку валунов, рядом с которыми укоренилась маленькая и кривая, но очень крепкая разлапистая сосенка, и зачем-то несколько раз с силой ударил по стволу. Деревце качнулось, но выдержало.

— Вру,— согласился Монброн.— Но если мы начнем выяснять, у кого больше прав на еще не убитое животное, ни к чему хорошему это не приведет.

— Умнеешь на глазах,— язвительно сказал киммериец, однако Маэлю слышалась в его голосе нотка одобрения.

Достигнутый успех следовало немедленно закрепить, и потому Монброн скромно заметил:

— В последнее время моей голове частенько доставалось. Наверное, от этого мысли стали бегать быстрее.

— Просто не терплю, когда мне хамят и еще надеются уйти безнаказанными,— буркнул Конан.

— Я уже оценил, насколько мне повезло,— кивнул Маэль.

После боя с драконом на ярмарочной площади он и в самом деле начал задумываться: а не громоздит ли он одну ошибку на другую? Может, по-женски мудрая госпожа Анесса была права: не столь важно, убьет он дракона в одиночку или с чьей-то помощью?

— Давай начистоту,— неожиданно предложил Конан.— Считаешь, эта красотка, Анесса Как-там-ее, посмотрит на тебя ласковее, если ты притащишь ей драконью голову?

Аквилонец открыл рот, чтобы в очередной раз изложить уже надоевшую историю про завешание предков.

Потом махнул рукой, обескураживающе хмыкнул и высказал то, на что надеялся:

— Почему бы и нет, в конце концов? Разве госпоже Вальедо каждый день дарят по связке драконьих голов?

— Не думаю, что ей вообще нужны чьи-либо головы,— заметил Конан.— Но поступай как знаешь.

«Чего ради меня потянуло на откровенность? — подумал корсар.— Впрочем, ежели всерьез собираешься идти на дракона, хорошо бы не сомневаться в надежности попутчиков. Еще удержит в самое неподходящее время или вонзит кинжал в спину... Однако мальчишка не стал скрывать, что больше думает о красоте, чем о звере, и это уже хорошо...»

— Анесса, конечно, очень милая девушка,— признал киммериец.— Но мне до нее нет особого дела. То есть, конечно, я постараюсь вернуть ее

дядюшке, а заодно содрать с него пару шкур за труды, но не более того. Меня в Карташену позвал один местный тип, вряд ли ты его знаешь. Его зовут Эван, он заправляет здешними тайными делишками...

— У него еще прозвище такое смешное.— За время пребывания в городе Маэль успел наслушаться немало сплетен.— Криворожий или Длинноухий...

— Плоскомордый,— поправил Конан.— Он обещал заплатить мне и моим людям, если мы разберемся, кто за последние полгода утопил несколько его кораблей. Похоже, это работа дракона. Вот почему я собираюсь спуститься вниз и сделать так, чтобы эту тварь больше никто не видел... Значит, мы договорились? Все золото за дракона идет мне, а пускать пыль в глаза Анессе будешь ты.

— А как насчет славы победителя? — Монбронна слегка покорила грубоватая прямолинейность корсара, хотя в целом предложение его вполне устраивало.— Тоже поделим?

— Со славой потом разберемся,— отрезал киммериец.— Теперь слушай. Подбираться к логову снизу бесполезно: либо сорвемся, либо накроет приливом, либо зверюга услышит. Значит, придется сваливаться сверху. Привяжем конец к этой коряге, вроде она достаточно крепкая, и спустимся...

— Дальше?

— Дальше видно будет,— на редкость рассудительно ответил киммериец и принялся обматыва-

вать вокруг шершавого ствола сосенки тонкую, но крепкую веревку.

...Говорят, удача покровительствует тем, кто не слишком долго размышляет над каждым своим следующим шагом. Два человека беспрепятственно проскользнули в глубь скалы. Поначалу Конану показалось, что внутри царит крошечная тьма, и он пожалел, что не догадался соорудить пару факелов. Спустя миг чернота рассеялась: непроглядной тьма почудилась только после ослепительного солнца, висевшего над океаном. Корсар услышал тяжелый вздох. Темная груда на полу зашевелилась, увеличиваясь в размерах и переливаясь еле заметным золотистым мерцанием. Ярко блеснули две узкие желтые полосы — глаза дракона, устремленные на людей.

Киммериец окинул пещеру быстрым, все схватывающим взглядом. Анессы нигде не было. Неудивительно. Ящер наверняка дорожил своей добычей и постарался надежно укрыть ее.

Позади раздались шлепок и приглушенное проклятие: Монброн благополучно преодолел вход и занял место чуть позади, слева.

Глаза окончательно привыкли к полумраку, и киммериец без труда смог разглядеть противника. Зверь стоял посредине своего убежища, сложив крылья и широко расставив лапы с кривыми когтями. Длинный хвост был аккуратно свернут, костяная кисточка на его конце мелко и часто шелкала.

— Опять вы? — несколько разочарованно, как показалось Конану, спросил дракон. — И все?

— Где госпожа Анесса? — выкрикнул Маэль. — Что ты с ней сделал?

— Ты еще кого-то ждешь? — осведомился киммериец.

Рогатая голова медленно повернулась к нему.

— Ждал, — спокойно уточнил ящер. — Но, как вижу, ошибался. С вашей женщиной ничего не случилось, она там. — Чешуйчатый хвост развернулся и указал в глубину пещеры.

— Ну и как нам теперь быть? — с наигранным равнодушием спросил Конан. — Зверь ты наверняка умный и понимаешь, что после разоренной ярмарки тебе здесь жить не позволят. Может, все-таки уберешься сам? И людям спокойнее, и твоя шкура целее будет.

— Что ты несешь? — возмущенно зашипел Монброн и мгновенно замолчал, получив тычок.

— Рад бы, но не могу, — невозмутимо проговорил дракон. — А объяснять вам свои поступки у меня нет никакого желания. Думаю, все слова, что мы собираемся сказать друг другу, не имеют особенного значения. Мы уже встречались, и вы пробовали убить меня. Надо полагать, сегодня вы явились за тем же?

— За тем же, — в один голос ответили Конан и Маэль.

— Тогда и говорить нам больше не о чем. — Дракон удивительно изящным движением потянулся, пробороздив когтями песчаный пол. — Единственное, что меня поражает, — тупое стремление людей лишить меня жизни. Чем вы будете заниматься, когда перебьете всех драконов? Хо-

тя,— горько закончил он,— вы непременно отыщете кого-нибудь еще вместо нас.

Киммериец пропустил его слова мимо ушей, следя за движениями ящера в ожидании внезапного удара, а Монброн неуверенно попытался возразить:

— Земля создана для людей, а не для всяких непотребных тварей вроде тебя...

— Самоуверенная глупость порой с успехом заменяет все остальные качества,— фыркнул дракон.

Маэль, собиравшийся развить свою мысль о созданиях Тьмы и людях, онемел. Во-первых, от драконьей дерзости. Во-вторых, животное слово в слово повторило изречение философа, имени которого Монброн вспомнить не успел.

Ящер внезапным броском метнулся влево, одновременно разворачиваясь к людям боком и занося хвост для удара. Маэль, тут же позабыв о философии, с невнятным воплем кинулся вперед, умудрившись опередить Конана и ткнуть мечом в проносящегося мимо зверя. Лезвие скользнуло по твердой чешуе, а Монброн едва не оказался загнанным в угол, откуда выбрался только после каскада сложных прыжков. Последний скачок едва не стал роковым: дракон вытянул лапу, и человек споткнулся, едва не свернув шею.

«Хорошо ему подножки ставить, все-таки четыре ноги, а не две». Маэль добрался до относительно безопасного места неподалеку от входа и решил посмотреть, как там дела у киммерийца.

Конан исчез.

Монброн потряс головой и на одно ужасное мгновение подумал, что мерзавец-корсар под шумок смылся, бросив его на съедение дракону.

Одна из теней на стенах пещеры беззвучно переместилась, оказавшись рядом с головой дракона, Маэль услышал отрывистый свист летящего клинка, а спустя еще миг дракон ожесточенно рывкнул и попытался встать на задние лапы. К сожалению, он забыл про потолок, со всего размаху треснулся об него рогами и тяжело шлепнулся обратно.

— Отвлеки его.— Рядом возник Конан, и Монброн от души позавидовал умению этого человека ступать тише крадущейся кошки.— Главное, чтобы он не начал плевать огнем... Где у него чешуя мягче?

— На брюхе и там, откуда крылья растут.

Маэль выбрался из своего укрытия между торчавшими в стене валунами. Дракон медленно пятился назад, в глубину пещеры, и тяжело дышал, приоткрыв огромную пасть.

— Понял.

Киммериец зачем-то перебросил меч из руки в руку и снова пропал. Только что стоял вот здесь, даже глубокие отпечатки следов на песке можно различить, и вот его уже нет. Маэль вздохнул, поняв, что ему в жизни не освоить такого искусства, и двинулся навстречу ящеру, стараясь держаться поближе к стене.

Дракон оглушительно рыкнул, чтобы подбодрить себя, хлестнул толстым хвостом по полу и огляделся в поисках противников. Монброн рас-

слышал, как зверь пробормотал: «Надоели, сил моих нет!»

Мгновение для атаки было самым подходящим: животное как раз отвернулось и смотрело в другую сторону. Маэль отлично видел точку, которую не раз рассматривал в трактатах о драконах, — чуть ниже того места, где крыло соединяется с туловищем. Он поднял клинок — привычное движение, острие немного вверх. Теперь преодолеть разделяющие их шаги, а их так мало — всего четыре или пять...

Дракон обернулся. Узкие глаза чуть расширились, и он тихо зашипел. Умом Маэль понимал, что мчится навстречу собственной гибели, но остановиться уже не мог. Ноги сами несли его вперед.

Конан только головой покачал, заметив самоубийственный маневр напарника. Кто же вот так, выпучив глаза и высунув язык, пытается взять огромную зверюгу на испуг?

Ящер шумно выдохнул, но не пламенем, а каким-то непонятным сгустком желтоватого воздуха. Монброн пробежал через это колеблющееся марево и оказался в полушаге от дракона. Зверь наискось качнул головой, подцепляя человека на рога, и резким движением отбросил его к выходу. Маэль вывалился за невысокий каменный порог, отчаянно замахал руками, пытаясь ухватиться за веревку, и скрылся из виду. Киммериец мысленно приготовился услышать затихающий вопль, а затем глухой удар или плеск — в зависимости от того, насколько высоко успел подняться прилив.

Животное торжествующе взревело, в горячке боя то ли позабыв, то ли не придав значения тому, что в пещере оставался еще один противник.

«Никогда не торопись кричать, что победил», — наставительно заметил про себя Конан. Старый как мир закон, ни разу не подводивший тех, кто его соблюдал.

Раздавшийся сухой шелест означал, что дракон расправляет крылья. Зверь преждевременно счел схватку законченной и теперь собирался покинуть ставшее ненадежным убежище. Но не успел.

Меч с хрустом врезался в основание крыла, скользя вдоль оказавшейся неожиданно твердой кости, рассекая кожистые складки и жилы. Рев перешел в почти человеческий крик, ящер шарахнулся в сторону, пытаясь взмахнуть неповрежденным крылом и отпихивая прочь врага, оказавшегося хитрее его.

Для дракона такой толчок был, наверное, просто легким движением, но Конану его вполне хватило, чтобы потерять равновесие. Киммериец ушел от неловкой попытки ящера сбить его лапой с ног, но врезался в стену, оказавшуюся ближе, чем он рассчитывал. Зверь больше не кричал, только еле слышно постанывал, держа искалеченное крыло на весу.

«Если он решит хоть разок дохнуть огнем...» Конан внезапно сообразил, что метания по пещере загнали его в закрытый с трех сторон выступами стен и валунами каменный мешок.

Стоит дракону выпустить самый маленький огненный шарик, и от человека останется лишь груда обугленных костей. Единственный выход — в последний миг броситься на пол и перекатиться, надеясь, что ящер промахнется.

Зверь смерил человека взглядом узких желтых глаз, похожих на глаза хищной птицы. Затем из приоткрывшейся пасти вырвалось:

— Будем считать, что вторая наша встреча закончилась ничем. Подождем третьей.

Дракон проскользнул ко входу, задержался на пороге, глянув вниз, а затем, подобравшись, метнулся наружу. Конан успел рвануться вперед, чтобы увидеть, как зверь медленно удаляется в сторону восходного побережья. Летел он теперь с огромным трудом, то и дело опускаясь почти к самой поверхности моря и затем мучительно долго набирая высоту.

Еще киммериец увидел две фигурки, загнанные приливом к скалам и махавшие ему. И услышал тихий, но отчаянный призыв:

— Помоги! Вытащи меня!..

Маэль все-таки был на редкость везучим человеком. Пролетев локтей десять навстречу волнам прибоя и торчавшим внизу камням, он умудрился зацепиться за совершенно неприметный выступ в стене. Теперь он висел там, боясь пошевелиться.

* * *

— Они его ранили! — с болью в голосе закричала Анесса, когда из темного провала не вы-

прыгнул, а, скорее, вывалился дракон. Животное едва не рухнуло в воду, однако сумело взмахнуть поврежденным крылом и подняться повыше. — Он же сейчас упадет!

— Жаль, что не прикончили, — буркнул Деррик.

К слову сказать, вылетевший незадолго до того из пещеры и чудом удерживавшийся на скале Маэль вызвал у госпожи Вальеда куда меньше сочувствия.

— Не смей так говорить! — сердито потребовала Анесса. — Вы же подслушивали, я знаю! Зачем вы утащили меня оттуда?

— Там могло быть опасно, — осторожно вмешался Блайи. — Мы беспокоились за твою жизнь, госпожа...

— Опасно? — переспросила Анесса, точно не веря своим ушам. — Опасно? Послушайте, это существо дружелюбнее иного человека! А теперь? Что будет с ним теперь? Я же почти договорилась с ним!

— Это была идея Деррика — увести тебя из пещеры, — поспешил оправдаться Блайи. — Госпожа Анесса, ты же сама понимаешь — там дерутся. Люди в таком состоянии не замечают ничего вокруг. А если б кто-нибудь случайно задел тебя?

— Будь я там, обошлось бы без драки, — убежденно заявила Анесса. — Зачем, ну зачем вы вмешались и все испортили?

— Затем, что не стоит верить всему, что говорится, — неожиданно резко огрызнулся Деррик. — Ах, бедная зверюшка, которую обижают подлые

люди! Да эта зверюшка с удовольствием разнесла бы твою драгоценную Карташену по камешку, а потом переловила всех жителей и закусила! Не строй из себя наивную девочку, Несс! Это опаснейшая тварь, и чем скорее ее убьют, тем будет лучше для всех нас!

— Деррик, что с тобой? — растерялся Блайи.

— Деррик, — ледяным тоном сказала госпожа Вальеде. — Прекрати. Я не желаю слышать твои дерзкие речи.

— Мало ли чего ты желаешь. — В обычно слегка насмешливых и спокойных глазах Деррика загорелись злые зеленые огоньки. — Кому они интересны, твои желания? Единственный раз в жизни тебе выпала возможность сделать что-то полезное, а ты...

— Деррик! — возмутился Блайи. — Попридержи язык, это же твоя госпожа!

— С этого дня — уже нет.

Деррик презрительно скривился, развернулся и, не говоря ни слова, зашагал прочь — по тонкой линии песка между скалами и наступающим приливом.

— Извини его, — устало попросила госпожа Вальеде. — С ним иногда случается...

— Может, догнать? — неуверенно предложил менестрель. — С ним точно все в порядке? Мне показалось, он вдруг сошел с ума...

— Завтра будет просить прощения. — Анесса вздохнула. — На него порой что-то находит, и он перестает понимать, что творится вокруг, с кем он разговаривает. Я даже уговорила его сходить к

нашей местной знахарке. Эстрелья — очень умная старуха, но... — Она выразительно развела руками.

— А Деррик вообще откуда? — быстро спросил Блайи. — Может, с ним раньше что-то случилось?

— Понятия не имею, — не задумываясь, ответила Анесса. — Нелепо прозвучит, но я о нем ничего не знаю. Он просто объявился в Карташене года два назад. Так получилось, что он оказал мне несколько ценных услуг, и я предложила ему место... Он согласился. Вот и вся история.

Она грустно улыбнулась и перевела взгляд наверх, на скалу. За время разговора там кое-что изменилось: теперь из пещеры свисал тонкий канат, и по нему торопливо спускался Маэль. Веревка оказалась коротковата, потому он просто прыгнул в прибой, подняв фонтан брызг, и побрел к берегу.

Монброн как раз успел выбраться на сухое место, выразить подобающую радость по поводу благополучного избавления госпожи Вальеде из плена и вылить воду из одного сапога, когда из пещеры выбрался почему-то замешкавшийся Конан. Выражение лица корсара было странным — злым и одновременно разочарованным.

— Там ничего нет, — коротко буркнул он, подходя. — Ровным счетом ничего! Как настроение, госпожа Анесса? Кстати, где Деррик?

— Я отослала его домой, — кратко сказала девушка. — А со мной все хорошо, если не считать того, что я узнала кое-что новенькое о драконах.

— Что ты там искал? — покосился на Конана Блайи. — Не сокровища, случайно? Знаменитые драконьи клады, а, капитан?

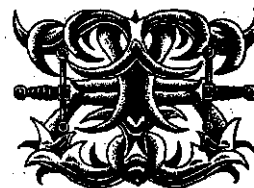
— Нет там никакого клада и быть не могло, — хмыкнула Анесса.

— Тогда я ничего не понимаю, — раздраженно бросил Конан. — Это какой-то неправильный дракон! Он все делает не так! Мне уже и убивать его не хочется... Госпожа Анесса, о чем ты там болтала с этой тварью, если не секрет?

— Не секрет, — кивнула она. — Месьоры, если вы меня вроде как спасаете, то не отвезете ли бедную девушку домой, к любящим и страдающим родственникам? А по дороге я вам расскажу любопытную историю...

Глава девятая

собняк градоправителя Карбальо, Дом На Холме, справедливо считался самым красивым и тихим домом в Карташене. Трехэтажное здание стояло в глубине обширного сада, сюда не долетал шум из гаваней и городских кварталов, здесь редко повышали голос, а самым громким звуком был плеск воды в фонтане.

Но сегодня Дом На Холме больше напоминал захудалую таверну, где делят добычу и кого-то только что уличили в попытке залезть в чужой карман. Нижняя гостиная ходила ходуном, а подслушивавшие у дверей слуги недоуменно переглядывались. Вроде месьору радоваться надо — племянница вернулась домой живая-невредимая, а он гневаться изволит. Впрочем, спасители Анессы тоже хороши. Одному денег подавай без счета, другой вроде как решил просить руки госпожи Вальеда! А сама молодая госпожа вовсе какую-то чепуху несет: мол, жуткое чудище надо оставить в покое...

Суматоха в особняке началась со вчерашнего вечера, когда в просторный внутренний двор рысью въехали несколько всадников (в одном из которых без труда признали пропавшую родственницу градоправителя), и потихоньку продолжалась всю ночь. Утром же тихая суeta переросла в бурное выяснение отношений, начавшееся с приходом корсарского капитана.

Конан не сомневался, что его требования справедливы. Анексу вернули? Вернули. Так что плати, месьор градоправитель, а на недовольное выражение твоей физиономии нам глубоко плевать. Ладно, согласен, дракона не убили, только ранили. Можно уменьшить сумму... Скажем, на треть. Все равно ящер скоро сдохнет. Или летать не сможет. Уговор был о чем? Чтобы зверь больше не совался в город. Он и не сунется, если только у него голова не опилками набита. Да, и еще изволь-ка немедленно снять этот дурацкий арест с корабля и скажи спасибо, что команда не устроила сражения в гавани!

Киммериец почти убедил Карбальо в своей правоте, наглядно доказав, что хваленая зингарская надменность — ничто перед упрямством жителей полуночных стран. Возмущенный до глубины души таким стяжательством, Маэль несколько раз пытался вмешаться, но его не слышали. Монброн оскорбленно затаил, однако ненадолго. Стоило градоправителю и корсару на миг замолчать, как он решил, что настало время потребовать награду за спасение прекрасной госпожи Вальеде.

Конечно, речь гостя из Аквилонии была изысканной и крайне вежливой, но в глазах Карбальо появился опасный блеск, а тщательно подкрученные усы встали торчком. Конан, слишком поздно сообразив, к чему клонит его недавний компаньон, изо всей силы пнул Маэля ногой под столом.

— Что я такого сказал? — прошипел в ответ Монброн, и корсар понял: объяснять что-либо бесполезно. Остается надеяться, что года через два-три мальчишка научится сперва немного думать, а потом говорить.

Монброн решил в очередной раз сослаться на традиции, в частности на ту, что победитель ужасного змея имеет право жениться на спасенной деве. К счастью, у него хватило ума не настаивать, а лишь вежливо спросить позволения узнать, что думает госпожа Анесса и ее уважаемый дядюшка по этому поводу.

Выражение лица месьора градоправителя не оставляло никаких сомнений. Конан с легким сожалением понял, что денег ему не видать. И все из-за маленького мерзавца, не вовремя разинувшего рот!

Неизвестно, что Карбальо наговорил бы своим гостям, но тут беззвучно распахнулась дверь и в гостиную ворвалась невольная виновница спора — Анесса. Вслед за ней проскользнули выглядевший чрезвычайно пристыженным и тихим Деррик и его собака. Девушка выглядела слегка бледной после пережитого, но решительности ей было не занимать.

Градоправитель, отлично знавший, насколько тверд характер дочери его покойного брата, украдкой вздохнул. Иногда он просто побаивался дражайшей племянницы. Никому еще не удавалось заставить Анессу вести себя как положено благовоспитанной молодой даме. И сейчас она наверняка опять что-то задумала!

— Хорошо, что вы собрались, — с порога начала госпожа Вальедо. — Я хочу сказать кое-что предназначенное для вас всех.

Это «кое-что» Анесса порывалась рассказать еще вчера, по дороге в город, однако общими усилиями ее уговорили подождать. Конан подозревал, что секрет девушки связан с улетевшим драконом. Этот дракон, кстати, уже начинал его изрядно раздражать. Почему чешуйчатая тварь вела себя столь необычно? Порычал бы, угрожая либо немедленно растерзать пленницу, либо страшно отомстить, после чего его бы тихо-мирно прикончили. В укромном уголке пещеры обязательно отыскался бы клад, перемешанный с костями предыдущих жертв. Монброн приволок бы в город отрубленную голову ящера, а вот тогда и потребовал бы руку Анессы. Все бы остались довольны!

И кстати, хотелось бы знать, где шляется зачинщик всего безобразия — Эван Плоскомордый? В последний раз Конан видел его на ярмарке, незадолго до появления дракона. Киммериец поспрашивал сегодня утром в гавани, все ответы были одинаковы: Эвана никто не видел. Конечно, у главы Прибрежного Союза могли появиться неотложные дела. Однако можно хоть разок по-

интересоваться, чем заняты люди, по твоему же приглашению околачивающиеся в Карташене!

С Плоскомордого Конан тоже собирался сорвать немалую мзду. Может быть, даже большую, чем с градоправителя. Корсара не так занимали деньги Карбальо и даже не его хорошенькая племянница, как возможность безнаказанно досадить представителю законной власти.

И теперь все предприятие, задуманное с таким старанием, разваливалось на глазах.

* * *

— Хорошо, что вы здесь, — повторила Анесса. — Я понимаю, мой рассказ покажется вам сказкой, однако попытайтесь в него поверить. Может, я просто не все поняла или поняла неправильно...

— Мы внимательно слушаем, — заверил госпожу Вальедо Маэль.

Девушка замолчала, собираясь с мыслями. Месьор Карбальо посмотрел на нее, будто хотел что-то сказать, потом скривился и обреченно махнул рукой.

— Все не так просто, как кажется, — наконец сказала Анесса и, поймав по крайней мере два недоумевающих взгляда, пояснила: — Я о драконе. Он совсем не то, что мы думаем. Это не просто животное...

— Конечно, — вполголоса проворчал Конан. — Это большая скотина с крыльями. Вдобавок совершенно неправильная.

К счастью, Анесса не расслышала слов капитана, зато Маэль одобрительно кивнул.

— ...Он похож на человека,— задумчиво продолжала девушка.— Странно звучит, и все же это так. На оскорбленного человека, который разыскивает своего врага. Дракон не хотел причинять городу никакого вреда, просто немного не рассчитал свои силы.

— Ну и что? — не слишком вежливо перебил ее Конан.— Теперь надо сказать спасибо, что у него не хватило силенок сровнять ваш город с землей? Послушай, Анесса, на своем веку я перевидал уйму чудищ. Они ничем не отличались друг от друга, кроме числа зубов, когтей или голов. Они все одинаковы — злобные, тупые, жестокие твари. Этот просто чуть сообразительнее прочих.

— Капитан совершенно прав, моя дорогая,— неожиданно поддержал корсара градоправитель.— Это животное — или существо, если тебе так больше нравится,— пользуясь своим умением говорить, ввело тебя в заблуждение. Оно просто хотело вызвать сочувствие и добилось своего.

— Дракон по природе своей не может не творить зла,— добавил Монброн, но как-то не слишком уверенно. За последние три дня ему пришлось сомневаться больше, чем за всю прошедшую жизнь, а потому он уже не торопился высказывать свое мнение.— Это демоническое создание коварно похитило тебя, госпожа, и наверняка бы убило, не вмешайся мы вовремя...

— Не вмешайся вы,— горько сказала Анесса,— я бы сумела разобраться, что нужно этому существу. А теперь оно будет прятаться и...

— Вот именно, прятаться! — Карбальо не дал племяннице договорить, решив истолковать ее слова в свою пользу.— Отлеживаться! Чтобы снова вернуться в наш мирный город и довершить начатое. Мы разорены! Я представления не имею, как оправдаться перед королевскими сборщиками налогов и чем будет расплачиваться Карташена! Доход от ярмарки пропал! Может, я бы и добился от Кордавы разрешения снизить налоги, но только если предъявлю убитого дракона! А что творите вы, месьоры? Являетесь ко мне, требуете денег, мало того — имеете дерзость предъявлять какие-то несуществующие права на Анессу!

Маэль смущенно уставился в пол, Конан равнодушно зевнул, а госпожа Вальеда презрительно фыркнула:

— Налоги, кредиты, доходы! Дядюшка, Карташена в один прекрасный день может провалиться на дно морское, но твои сбережения все равно ничуть не пострадают. Разговор сейчас не о том.

— Вот именно, не о том,— с готовностью согласился Конан.— А о деньгах за... В общем, будешь платить или нет?

Маэль еле заметно поморщился.

— И, получив золото, вы снова постараетесь убить ни в чем не повинное существо? — вмешалась Анесса.

— Разумеется.

Киммериец начал терять терпение. С женщинами всегда так: сначала они умоляют их спасти, а потом возмущаются. Зачем, мол, прикончили бедную зверюшку о трех огнедышащих головах,

которая не хотела ничего плохого? Встретясь им бешеная собака — они бы и ее, наверное, попытались приласкать. А ведь Анесса поначалу вроде тоже предлагала через Деррика плату за голову ящера... Чего же такого наболтал ей зверь?

— Вы слышите только себя,— с тихим отчаянием в голосе проговорила девушка и отошла к окну.

Маэль приподнялся было со стула, но наткнулся на мрачный взгляд градоправителя и торопливо плюхнулся обратно. Хранивший все это время молчание Деррик перебрался поближе к Анессе и принялся что-то шепотом ей втолковывать.

— Так вот,— Карбальо тайком облегченно вздохнул,— вынужден тебя разочаровать, капитан. Ни о какой плате не может идти и речи.

— Это почему? — мгновенно вскинулся Конан.

— Ты служишь короне Зингары — это раз,— с бесконечным терпением принялся разъяснять градоправитель.— Я готов закрыть глаза на постоянные и вопиющие нарушения лично тобой законов страны и даже на безобразное поведение твоей команды. Однако требование заплатить за исполнение прямых обязанностей переходит все допустимые границы. Я довольно ясно высказал это еще в прошлый раз. Второе. Ни один разумный человек не даст ни медяка за неоконченную работу. Допустим, я наберу в городской казне требуемую сумму, ты покинешь Карташenu, а на следующий день опять объявится это чудовище! Мне что, так и расплачиваться со всеми бездельниками, которые сначала шлеляются где-то, а по-

том утверждают, что они что-то там отрубили дракону?

— Мы его ранили! — возмутился Маэль, мгновенно позабывший, что не имел к этому никакого отношения.— Это могут подтвердить госпожа Анесса и месьор Блайи!

— Ранили — не убили,— парировал зингарец.— Кстати, моя племянница могла и ошибиться. Месьор же Блайи, насколько я знаю, мало разбирается в чем-либо, помимо своего музыкального искусства.

— Это надо понимать так, что ты не веришь даже собственной племяннице? — угрожающе спросил корсар.

— Это надо понимать так, месьор капитан, что я не собираюсь платить за слова,— не обратил никакого внимания на угрозу Карбальо.— А еще прими мой добрый совет — не пытайся устроить здесь побоище. И кстати, в благодарность за возвращение Анессы я могу предоставить тебе возможность повторить попытку. У тебя есть еще несколько дней. Скажем... — Он задумался.— Пять. Если через пять дней ты не отыщешь якобы раненного тобой дракона и не прикончишь его, а также не представишь убедительные доказательства гибели животного, то тебе будет лучше покинуть пределы Карташены. Месьор Монброн, к тебе это тоже относится.

— Но почему? — Маэлю показалось, что под его ногами разверзлась глубочайшая пропасть.

— Потому что моему городу не нужны ни пираты, ни искатели приключений,— охотно по-

яснил градоправитель.— Мне вполне хватает постоянной головной боли, доставляемой этим выскочкой из Бальи. Кстати, до меня дошли слухи, что именно его разбухший от незаконных доходов кошелек и поманил тебя сюда, капитан.

Конан и раньше подозревал, что Эван Плоскомордый и Карбальо — власти тайная и явная — не очень ладят между собой. Что ж, раз градоправителю известно, кто пригласил в Карташену «Вестрел» с командой, отрицать не имеет смысла.

— Значит, слухи оказались правдой, — дождавшись утвердительного кивка, с удовольствием проговорил Карбальо. — Что ж, придется побеседовать с этим не в меру бойким молодым человеком. Кажется, он всерьез вообразил, что может распоряжаться в подвластном мне городе...

— Куда же подевалась твоя хваленая проницательность, дядя? — ядовито заметила Анесса. — Он небезуспешно занимается этим уже в течение года, а ты только сейчас обратил внимание?

Градоправитель пропустил слова племянницы мимо ушей:

— Я вас больше не задерживаю. Между прочим, месьор капитан, если надумаешь покинуть Карташену прямо сегодня, я не буду возражать. В городе отыщется не один десяток людей, способных без лишних слов уничтожить обосновавшегося на побережье зверя. В противном же случае мне придется сообщить в столицу о твоём неуважении к властям. Не сомневаюсь, что в Коронном замке не удивятся этому, однако рано или поздно найдется управа и на тебя...

— Так... — несколько растерянно сказал Конан. — Значит, я бегую в поисках этой ящерицы, вытаскиваю твою племянницу, а потом мне предлагают больше не маячить в столь приличном городке?

— Вот именно, — невозмутимо подтвердил Карбальо. — Твое место в море, капитан, а не здесь. Желаю удачи.

— Так, — повторил корсар и начал подниматься, опираясь руками на край стола. Толстая дубовая столешница затрещала. — А теперь послушай, что я тебе скажу, ты, старый надутый...

— Не стоит. — Маэль даже зажмурился от собственной смелости. — Лучше пойдем отсюда.

Конан, как ни странно, согласился, только, выходя, так пнул дверь, что она едва не сорвалась с петель.

* * *

Вслед за киммерийцем и Монброном выскочил Деррик, а из-за закрывшихся створок донеслись крайне раздраженные голоса Карбальо и Анессы.

— По-моему, нас выставили, — подвел неутешительный итог Маэль.

— Пинком под зад, — уточнил Конан. — Вот скотина! Знает, куда бить и что мне сейчас меньше всего нужна ссора с Кордавой!

— Ты что-то натворил в столице? — деловито поинтересовался Маэль.

— Отправили на дно королевского родственничка, вот что, — огрызнулся Конан.

Монброн сразу сообразил, что лучше поговорить о чем-нибудь другом:

— Что ты теперь собираешься делать, если не секрет?

Вместо ответа корсар оглянулся, жестом подозвал околачивающегося неподалеку Деррика и осведомился:

— С какой стати твоя госпожа прониклась горячей любовью к драконам?

— Не знаю.— Деррик пожал плечами и уточнил: — Пока не знаю. Но не удивлюсь, если она решит разорвать наше маленькое соглашение...

Дверь в очередной раз хлопнула, выпустив Анессу. На пороге девушка обернулась и холодно процедила:

— Когда-нибудь, дядюшка, ты пожалеешь о своих словах... Месьоры, нам надо поговорить.

— Уже поговорили,— рыкнул Конан, когда все четверо вышли на открытую веранду особняка.— По милости твоего родственничка, госпожа Анесса, да и твоей тоже, я теперь выгляжу полным идиотом. А мне это не нравится.

— Прошу прощения,— искренне извинилась госпожа Вальедо.— Но кое-что в корне изменилось... А, что говорить! — Она махнула рукой.— Хочешь возмещения за зря потраченное время, капитан?

— Я хочу знать, почему вчера тебе требовалсядохлый дракон, а сегодня ты бросаешься защищать эту зверюгу,— огрызнулся корсар.

Анесса покачала головой:

— Мне нечего добавить, месьор капитан, кроме того, что я уже сказала. Я побеседовала с этим существом и убеждена, что оно безвредно. Дока-

зать мне это нечем, кроме собственного убеждения, а ты, насколько я знаю, не веришь ничьим словам. Потому мне остается только одно — попросить тебя прекратить эту охоту.

Девушка чуть искоса посмотрела на Конана. Взгляд ее выразительных темных глаз был весьма красноречив, но, к сожалению, не произвел ожидаемого действия. Маэль еле слышно зашипел — то ли от злости, то ли от зависти.

— Я подумаю,— уже мягче сказал киммериец.

Госпожа Вальедо собиралась добавить еще что-то, но тут снизу, из-за ровно подстриженных темно-зеленых акаций, донесся голос. Кто-то с утра пораньше распевал в саду, причем старался изо всех сил.

— Блайи,— не задумываясь, назвал певца Деррик. Прислушался и хмыкнул: — Спорю на что угодно, моя госпожа, серенада посвящается тебе. Хотя серенады принято исполнять по ночам, а никак не в середине дня.

Бархатистый и вкрадчивый голос тем временем продолжал:

Люблю я любовью безбрежную,
Нежною,
Как смерть безнадежною,
Люблю мою грезу прекрасную,
Принцессу мою темноокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую!..

Анесса, слегка смутившись, отвернулась, будто песня ее вовсе не интересовала.

— Вот я ему сейчас покажу серенады,— вполголоса пригрозил Монброн, мысленно обозвав барда всеми дурными словами, какие только знал. И этот туда же! Все, кроме него, Маэля, успели так или иначе высказать прекрасной госпоже Вальеда свои чувства. Так недолго и вообще в стороне остаться!

— Месьор Блайи! — Анесса подошла к мраморной балюстраде веранды и пристально вгляделась в переплетение зеленых ветвей.— Месьор Блайи, я, конечно, безмерно польщена, но хотелось бы знать: почему я вдруг удостоилась такой чести?

Блайи высунулся из-за кустов, изящно расшаркался, но, увидев спутников девушки, замаясь и уклончиво ответил:

— Э-э... Одна особа желала засвидетельствовать тебе свое почтение, и я по мере моих скромных сил...

— Понятно,— вздохнула Анесса.— Блайи, поднимайся сюда.

— Мерзавец ты,— прошипел Маэль, когда бард взбежал по ступеням на веранду.— Кто тебе заплатил за песню?

— Ну-у... — Блайи опасливо покосился на мрачного корсарского капитана и замотал головой: — Ты же понимаешь, я не могу сказать. Я обещал...

— Обещал! — зло передразнил Монброн.

Бард соорудил виноватую физиономию и на всякий случай отошел поближе к госпоже Вальеда.

— Остановись, пока не поздно, месьор капитан,— повторила девушка, сопроводив слова еще одним многозначительным взглядом.— Твоя вой-

на с драконом может завершиться тем, что вы убьете друг друга. Неужели это все, что тебе нужно от жизни?

— Еще посмотрим, кто кого,— не слишком вежливо буркнул в ответ Конан.— Эй, как там тебя... Монброн! Я в гавань, а ты куда?

— Пожалуй, я тоже,— неожиданно для самого себя ответил Маэль.

У него не было никаких дел в порту Карташены, но ему не хотелось оставаться в Доме На Холме. Уж лучше прогуляться на берег, засесть где-нибудь в уютной таверне на набережной, заказать хороший обед да поразмыслить над причудами судьбы.

Когда они скрылись за кустами, Анесса повернулась к барду:

— А теперь, друг мой, я, как и месьор Монброн, хотела бы узнать, кто же тот-таинственный заказчик исполненной серенады.

* * *

С высоты поднимавшегося над городом холма бухта Карташены походила на отлично выполненный цветной рисунок — обширный полукруг светло-голубого цвета. Там, где бухта сливалась с океаном, голубой цвет резко менялся на темно-зеленый. Еще водораздел отмечали мелькавшие белые гребни небольших волн и прыгавшие на них заякоренные бочки, из которых торчали длинные шесты с яркими флажками.

В гавани стояло несколько кораблей, но Маэль, хотя и провел на Побережье уже почти пол-

года, не слишком хорошо разбирался в них. Вверх по течению Ширки до его родного Танасула добирались только обычные плоскодонные баржи. Здешние же корабли, даже самые маленькие, казалось, имели свои собственные характеры...

Маэль еще раз окинул взглядом залив, отметив несколько пестрых пятнышек, быстро приближавшихся к берегу.

— Кто-то пожаловал в гости, — сказал он, не сомневаясь, что его попутчик уже давно заметил вынырнувшие из-за линии горизонта суда. И наверняка знает о них все, что только возможно.

— Да, — кратко отозвался Конан.

Несколько шагов они прошли в молчании, затем Монброн рискнул завязать разговор, поинтересовавшись:

— Ты как, останешься и попытаешься еще раз или уйдешь?

— А ты? — немедленно последовало в ответ.

— Не знаю, — честно признался Маэль. — С одной стороны — фамильная честь, обычаи предков и все такое прочее, а с другой... Госпожа Анесса ведь просила нас остановиться. Она наверняка сделала это не просто так.

— Анесса — умненькая девчонка, — согласился корсар. — Хотелось бы мне знать, о чем она там ворковала с этой тварью.

— Блайи и Деррик наверняка знают, — задумчиво протянул Монброн. — Но мне не удалось перемолвиться с Дерриком, а Блайи сделал круглые глаза и ничего толком не объяснил... А дракон и в самом деле какой-то неправильный. Если ему

была не нужна пленница, зачем он вообще прилетал на ярмарку?

— Я вот что думаю... — Конан тоже посмотрел на медленно увеличивавшиеся корабли. Их было четыре — один побольше, три поменьше, все под распущенными скошенными парусами. — Может, плюнуть на все? Мне что, больше нечем заняться, как обыскивать побережье и вынюхивать, куда задевалась эта чешуйчатая гадость с крыльями?

— Не упустил бы зверя в пещере, так не пришлось бы снова его разыскивать, — не удержался Маэль.

— Сам-то болтался между небом и землей и орал: «Спасите, помогите!» — хмыкнул киммериец. — Тоже мне, знаток драконов...

— Вымогатель, — с достоинством парировал Монброн.

— А команда у меня что, воздухом кормится? Ничего, старый пень не обеднел бы. Он же целую провинцию обдирает, да все в свой карман.

Маэль подумал, что Карбальо мало похож на человека, обкрадывающего городскую казну... Но оставил свое мнение при себе. В конце концов, любой представитель власти никогда не забывает о себе. Уж это Монброн знал точно.

— Ты остаешься или нет? — повторил он.

— Еще не решил, — уклонился от прямого ответа киммериец, и тут их окликнули:

— Капитан! Эй, Конан! Сколько можно бегать за тобой по всему городу?

Драконоборцы оглянулись. Их догонял не кто иной, как Эван Плоскомордый, выскочивший из

какого-то неприметного переулка. С их последней встречи во внешности тайного хозяина города произошли некоторые досадные изменения. Эван выглядел слегка потрепанным, а его левая рука висела на перевязи, замотанная огромным количеством тряпок.

— Кто это тебя так отделал? — удивленно спросил Конан.

— В жизни не поверишь, — состроив грустную физиономию, отозвался Плоскомордый. — Лавка скобяных изделий. Она на меня рухнула вместе со всем товаром. Я еще легко отделался, а два дня бурной городской жизни прошли без моего участия. Говорят, вы совершили уйму подвигов и что-то не поделили с Карбальо?

— Голову еще живого дракона, — буркнул Маэль.

— Вообще-то нас только что выкинули из вашего процветающего городка, — добавил корсар. — А тебе просили передать, чтобы не слишком задавался.

— Ой, как страшно, — отмахнулся Плоскомордый. — Уже трясусь. В общем, так, месьоры. Сейчас у меня дел по горло, но после заката я обязательно наведаюсь в гавань. Тогда мы обо всем побеседуем: и о Карбальо, и о деньгах, и о драконах... Скажите только, как зверь?

— Этому крылатому пока везет, — с неохотой признал Конан. — А я начинаю подумывать, что...

— Потом, потом. — Эван не дал корсару договорить. — Вечером! С меня выпивка. Кстати, благородный месьор, ты тоже приходи...

И, не дожидаясь ответа, Плоскомордый быстро зашагал вверх по улице. Один раз он обернулся, чтобы помахать на прощание, но ему пришлось тут же извернуться, подхватывая брошенную на одно плечо черную куртку, свалившуюся от резкого движения.

«Никуда он не уедет, — с досадой подумал о киммерийце Маэль. — Вечером ему наобещают кучу золота, и он решит, что стоит попытаться еще раз. А как быть мне? Возвращаться домой, честно говоря, вовсе не хочется. Что я там не видел? Может, остаться на Побережье?..»

Они спустились по деревянной шаткой лестнице к пристаням и пошли вдоль казавшегося бесконечным ряда лотков, заваленных блестящими горками рыбы. Монброн хотел было свернуть к запомнившейся ему таверне с пышным названием «Островок блаженства», но был остановлен вопросом: «Ты куда?» — и непререкаемым приглашением: «Пошли к нам!»

Маэль немного поколебался... И согласился. Ему еще ни разу не доводилось бывать на настоящем океанском корабле, а любопытство составляло одну из основных черт его характера.

С первого взгляда корсарское (то есть попросту пиратское) судно не выглядело зловещим или угрожающим. Обычный небольшой корабль с двухъярусной кормовой надстройкой и двумя мачтами. Нос украшала резная фигура животного, похожего на морского конька, но почему-то с оскаленной кабаньей мордой. Хвост зверя опускался до самой воды и там резко выгибался впе-

ред, зловеще поблескивая мокрым металлом. Подумав, Маэль сообразил, что хвост загадочного существа обит медными листами и в сражении превращается в таран. Головой животное поддерживало сильно наклоненную вперед маленькую мачту. На ней, крепко обхватив гладкое дерево ногами, сидел человек. Время от времени он принимался уныло кричать, умоляя снять его отсюда, пока он не свалился вниз. Однако все призывы о помощи оставались без ответа.

— Это кто? — ошарашенно спросил Маэль.

— Понятия не имею, — недоуменно ответил Конан. — Распустились тут без меня...

Над бортом появилась знакомая взлохмаченная ярко-рыжая голова, а через мгновение раздался предупреждающий крик:

— Капитан на берегу!

— Спасите меня-а! — тоскливо воззвал неизвестный. — Я сейчас упаду-у!

С корабля донеслось приглушенное громохание — звук то ли открывающихся, то ли захлопывающихся дверей, а затем частый глуховатый стук ног, бегущих по доскам настила. Монброн успел медленно досчитать до пяти, когда непонятная суeta и возня на борту «Вестрела» стихли, а по жалобно заскрипевшим сходням лихо промчался Сигурд и спрыгнул на причал.

— Убили дракона? — спросил он.

— Порхает, — отрезал Конан. — Ты мне лучше скажи, что за чучело там надрывается.

— А, этот, — отмахнулся рулевой. — Береговая крыса. Заявил, что прислан от градоправителя

проследить, чтобы мы никуда не делись до твоего возвращения. Ну, ребята его и усадили на самое почетное место — пускай следит сколько влезет.

Маэль фыркнул, а вслух посочувствовал:

— Он же сейчас сорвется и утонет...

— Мы что, звери какие? — обиделся Сигурд. — Никуда он не сорвется. Привязанный он, ясно? Почему ящерицу не прикончили? Я из-за вас спор проиграл! Десять золотых, между прочим, а они на дороге не валяются!

— Снимите меня-а...

— Убрать, — распорядился капитан. — Чтобы через миг духу его здесь не было. И твоего тоже. Зелтрана и Асторгу — ко мне, остальных разогнать по местам! Не корабль, а позорище какое-то!

Сигурд кивнул и убежал обратно на судно, откуда немедленно раздался его голос, отдающий распоряжения.

Монброн уже собрался вслед за Сигурдом перебраться на корабль, но вспомнил, что невежливо входить в дом раньше хозяина. И неважно, стоит этот дом на твердой земле или плавно покачивается на маленьких зеленоватых волнах. Нет, его, конечно, пригласили, но все же...

Киммериец, не обращая внимания на своих подчиненных, которые с улюлюканьем стакивали приунывшего посланника градоправителя на палубу, отошел к самому краю причала и вглядывался в медленно входящие в бухту корабли. Маэль подошел поближе, заметив, что корсар выглядит чем-то встревоженным. Самому Монброну суда показались самыми обычными. Интересно,

они из какой-нибудь соседней страны или местные?

— Флаги видишь? — вдруг отрывисто спросил Конан.

— Конечно, вижу. — Над кормой идущего впереди корабля развевалось зелено-золотистое полотно, перекрещенное двумя голубыми полосами: — Синий крест на зеленом и золотом полях. Это кто?

— Шемиты, — коротко сказал корсар.

— И головным у них, между прочим, не кто иной, как «Ветер Эгера», — вполголоса добавили сзади.

Монброн покосился через плечо и увидел Асторгу. Неожиданно у аквилонца возникло стойкое убеждение, что корсары знают об этих кораблях нечто такое, что никому другому знать не положено. Или наоборот, известное всем на Побережье и не нуждающееся в лишних пояснениях. Но что, спрашивается, может быть опасного в шемских кораблях, плавающих по всему Закатному океану и торгующих во всех приморских городах?

— Справа от него — «Ха-Сем», — продолжил Конан. — За ним идет «Ривенда». А кто последний?

— «Инеста», — после недолгих размышлений твердо сказал Асторга.

— Похоже. Только с какой радости она тащится вместе с «Ветром»? — поинтересовался капитан и сам себе ответил: — Какая разница? Главное — что им здесь понадобилось?

— Может, вы растолкуете бедному сухопутному жителю, что происходит? — не выдержал Ма-

эль. — Это же всего-навсего торговцы! Наверное, пришли на ярмарку...

— Если бы торговцы... — буркнул киммериец. — Это Фарес и его свора.

— Кто-кто? — немедленно спросил Монброн, потому что названное корсаром имя не говорило ему ровным счетом ничего.

— Мерзавец, — ответил за капитана Асторга.

— Редкая скотина, — уточнил Конан. — Но в дерзости ему не откажешь. Рискнуть сунуться в зингарский город!

— С ним что, воюют? — на всякий случай уточнил Маэль.

Корсар невесело ухмыльнулся:

— Фарес для Шема то же самое, что я для Зингары. Злая собака, стерегущая хозяйское добро. Не хочу хвастаться, но я, по крайней мере, соблюдаю правила игры, а вот Фарес с друзьями... Он то служит асталунским мешкам с деньгами, то подается на Барахские острова, то начинает нападать на всех без разбору. Ничуть не удивлюсь, если однажды выяснится, что он проворачивает дела со Стигией... Или с торговцами лотосом. В общем, это такой человек, которому здесь совершенно нечего делать.

— Провалиться мне на этом месте, если «Ривенда» не тянет «Инесту» за собой, — проговорил Асторга.

Маэль пригляделся и увидел, что между этими кораблями в самом деле натянут канат, выглядывавший отсюда, с пристани, тонкой черной ниточкой.

Очевидно, не только корсарам была известна репутация входящих в гавань кораблей. Рассыпавшиеся по бухте рыбацьи лодки повернули к берегу, а с набережной долетели тревожные выкрики. Кто-то, вскочив на лошадь, галопом погнал ее вверх по улице в город.

«Ветер Эгера» неспешно добрался до середины залива. Спустя несколько мгновений его паруса разом опали, а затем раздался громкий всплеск — корабль встал на якорь. Сцепленные вместе «Ривенда» и «Инеста» остановились ближе к входу в гавань, а четвертое судно, одномачтовик «Ха-Сем», уверенно направилось к соседней пристани.

Даже Монброну, мало разбиравшемуся в морских делах, эти приготовления показались зловещими.

— Но, раз им опасно показываться в Зингаре, что же они здесь делают? — растерянно спросил он. В происходящее как-то не верилось до конца: солнечный день, блики на волнах, четыре самых обыкновенных корабля, зашедших в бухту, и смутное беспокойство, что возникало при взгляде на них.

— Вот и я хотел бы это знать, — пробормотал Конан. — Как бы не дошло до хорошей потасовки...

— Или не оказалось, что они прибыли по наши головы, а точнее — по твою, — хладнокровно добавил Асторга.

— С четырьмя кораблями? — хмыкнул киммериец. — Слишком много чести для нас. Конечно, в Шеме или в Аргосе нас бы приняли с распростертыми объятиями... И указали прямую дорогу до первой виселицы.

— Фарес не работает на Мессантию, — заметил первый помощник.

— Можно подумать, для него важно, чье золото будет брэнчать у него в карманах, — огрызнулся капитан.

Мазль пришел к неутешительному выводу, что происходящее нравится ему все меньше и меньше, а потому решил вмешаться:

— Послушайте, неужели этот тип из Шема действительно решится напасть на город? Здесь же стоит отряд местной гвардии...

— У Фареса — почти три сотни человек, — ответил Конан. — Городских гвардейцев — около полусотни. Фаресова братия просто их не заметит. Правда, еще остаемся мы.

— Два с половиной десятка, — напомнил Асторга. — Не смешно, капитан.

На «Вестреле» тоже понемногу забеспокоились. Над бортом то и дело показывались головы, кто-то забрался на нижнюю рею, откуда можно было осмотреть всю гавань. Вытолкнутый на причал посланник градоправителя, вжав голову в плечи, суетливо понесся по мокрому доскам к берегу.

«Ха-Сем» закончил швартовку, с него на пристань перекинули сходни, по которым немедленно пробежал небольшой отряд — человек десять или двенадцать. Кое-кто из них тащил с собой кожаные ведра, судя по всему, полные и тяжелые. Отряд миновал пристань (остававшиеся на берегу зеваки брызнули врассыпную) и направился к вытянувшимся вдоль набережной торговым складам. Патруль городской стражи, оказавший-

ся на их дороге, предпочел не испытывать судьбу, а быстро и тихо отступил.

— Что они собираются делать? — спросил Маэль, зачарованно следя за быстрыми пестрыми фигурками. Они добрались до первого склада — длинного, уродливого одноэтажного здания — и принялись возиться около его дверей.

— Ничего хорошего, — мрачно изрек зингарец. — Может, я спятил, но, по-моему, Фарес объявил нам войну.

— Я пойду поговорю с ним, — непререкаемым тоном заявил Конан.

Асторга присвистнул:

— В одиночку? Тебе не жаль собственной головы, капитан? Если не терпится помереть, то подожди немного: я сбегая и приведу пяток ребят. По крайней мере, тебя тогда прикончат не так быстро.

— Можно, я тоже пойду? — напомнил о себе Монброн. — Кстати, склад горит.

Он был прав. Над зданием, возле которого останавливался отряд с «Ха-Сема», начали подниматься пока еще не слишком заметные клубы голубоватого дыма, которые вдруг стали коричнево-серыми и гораздо более густыми. Очевидно, огонь наткнулся на запасы масла или смолы. Шемиты, убедившись, что пожар занялся, перебрались к следующему складу.

— У градоправителя сегодня будет хлопотливый денек, — язвительно сказал капитан «Вестрела». — Аст, возвращайся на корабль. Пусть все приготавливается. Похоже, сегодня не придется скучать.

— И почему я только с тобой связался? — недовольно проворчал в спину уходившему капитану Асторга. — Тебе же без неприятностей скучно...

На берегу радостно запылало второе здание — похоже, в нем хранили шерсть. Маэлю показалось, что поджигатели действуют избирательно, уничтожая не все склады подряд, а какие-то определенные. Может быть, принадлежащие одному и тому же хозяину?

Еще аквилонец мельком подумал, что не только корсарский капитан ищет опасностей. Спрашивается, он сам-то зачем напротился в сопровождающие? Он не подданный этой страны, не находится на службе у ее короля и вообще...

«Ты забыл о чести своего рода? — сердито прикрикнул на себя Монброн. — Эти люди опасны. Они угрожают благополучию города, а значит, и госпожи Вальедо. Так что иди и не забивай себе голову ерундой. Раз не смог добыть дракона — сделай хоть что-нибудь полезное!»

* * *

Причалы Карташенской гавани шли один за другим, далеко вытягиваясь в бухту. Маэлю они напомнили растопыренные пальцы, крепко вцепившиеся в волны и соединившие берег с морем. Соседние причалы отделяло примерно двадцать шагов, и между ними стояли рыбные лавки, только вот возле них не было ни голосистых торговцев, ни придирчивых покупателей. На набережной вообще не осталось никого из горожан, а в домах, выходивших фасадами на берег, торопливо

захлопывали окна и двери. Маэль не сомневался, что изнутри створки не только заперты на все засовы и замки, но и подперты чем-нибудь тяжелым. Наверное, карташенцы не раз переживали такие нападения и хорошо усвоили: лучше всего затаиться и выждать.

Монброн надеялся, что вот-вот из какой-нибудь улицы появится отряд местной гвардии и положит конец всем безобразиям. Однако время шло, а никто не торопился ни спасать полыхающие склады, ни выгонять дерзких шемитов из города.

С борта «Ха-Сема» на берег сошли еще несколько человек. Они стояли маленькой тесной группой, смотрели на набережную и что-то яростно обсуждали. Кто-то, случайно обернувшись, заметил двоих незваных гостей и показал на них рукой. Разговоры немедленно затихли. Маэль внутренне сжался под пристальными взглядами десятка черных, настороженно поблескивающих глаз. Эти люди походили на стаю хищных птиц, опустившихся на берег в поисках поживы.

Конан, казалось, не замечал, что его разглядывают.

— Фарес — один из них? — вполголоса поинтересовался Маэль, не рассчитывая, впрочем, на ответ.

— Стоит возле сходней, — бросил на ходу капитан. — Длинный, с зеленой тряпкой на башке.

Описание было кратким, но достаточно точным, чтобы безошибочно опознать известного шемита. Монброн только мысленно добавил к приме-

там иссиня-черную бороду, завивавшуюся мелкими колечками, торчавший за поясом тесак внушительных размеров и казавшиеся сонными глаза.

— А, — невозмутимо сказал Фарес, когда варвар и его спутник остановились в паре шагов от него. — Мне уже все уши прожужжали, что ты здесь и обязательно примчишься поболтать.

На набережной тем временем загорелся третий склад. На этот раз пламя имело красивый зеленоватый оттенок — огню достались бочки с вином.

— Ну и как это все понимать? — Голос Конана тоже был совершенно спокойным, будто на самом деле его и не интересовало, с какой стати шемиты заявили в зингарский город и устроили здесь пожар.

Маэль тихонько хмыкнул: интересно, у кого нервы крепче.

— Как справедливое возмездие, — несколько высокопарно отозвался шемит. — Кстати, послушай доброго совета: не торопись натравливать на меня своих головорезов. Как только я получу то, за чем пришел, мы тут же покинем этот гостеприимный город. Я еще не лишился разума, чтобы ссориться с Зингарой.

— Тогда ради какого же сокровища ты рискнул сунуться в Карташenu? — съязвил киммериец. — В этом городе нет ничего достойного внимания, кроме уймы всяческой рыбы, двух паршивых таверн и задаваки-градоправителя.

— Для меня — есть, — многозначительно отозвался Фарес. — Обитает тут один неразумный

юноша, который сегодня с нашей помощью несколько поумнеет. Некий Эван из Бальи, не доводилось слышать?

— Да.— Конана не удивило, что Прибрежный Союз Карташены, вот уже год находившийся под рукой Плоскомордого, что-то не поделил с Фаресом и его людьми. Шемиты всегда стремились откусить от чужого пирога больше, чем могли проглотить, а потому не пользовались особой любовью соседей. Удивительнее другое. Неужели Эван умудрился всерьез досадить Асгалуну, раз за ним явился такой серьезный противник, как Фарес? — Знакомое имечко. Что он натворил, если не секрет?

— Самоуверенность молодости,— с притворным сожалением вздохнул шемит.— Мальчику явно не дает покоя чужая слава. Он возомнил, что сможет безнаказанно хозяйничать на Побережье.

— Да? — недоверчиво протянул Конан.— И что же он сделал?

— Для начала пустил на дно несколько наших кораблей,— с кривоватой улыбкой, больше похожей на оскал, признал Фарес.— Надо отдать юноше должное — голова у него соображает неплохо... Может, у него есть какие-нибудь дальние родственники в Шеме? Но вот пытаться сваливать вину за все происходящее на огромного морского змея с крыльями — это уже было серьезной ошибкой. Кто же поверит в подобную чепуху?

— Это не чепуха,— не выдержал терпеливо помалкивавший Маэль.— Дракон существует! Я... то есть мы его видели своими глазами!

— С чего ты взял, что во всех твоих бедах виноват именно Эван? — перебил аквилонца Конан, почувствовавший подвох. Кроме того, капитан «Вестрела» нисколько не сомневался, что ни единому выходцу из Шема верить нельзя. Даже если он утверждает, будто небо синее, а вода мокрая.

Фарес пропустил слова Монброна мимо ушей и жестом полководца, указывающего направление победной атаки, ткнул в «Инесту»:

— Видишь вон ту лоханку? Под флагом Береговой Стражи Зингары? Веришь или нет, но они такая же Береговая Стража, как я митрианский жрец. Так сказать, волки в овечьей шкурке. Подходят к маленькой безобидной «Ривенде» и требуют остановиться, дабы они могли осмотреть ее. Мы, как известно, люди смиренные и законопослушные, спускаем паруса и останавливаемся. А дальше эти якобы стражники перебираются к нам на борт и без лишних слов пытаются выкинуть моих людей с корабля.

К сожалению, они не учли, что «Ривенда» не одна и что я никому не позволю обижать моих друзей,— продолжал Фарес.— Дальнейшее, я думаю, тебе объяснять не надо. Мы взяли этих, с позволения сказать, стражников под нашу опеку, а я побеседовал с их так называемым капитаном с глазу на глаз...

— Интересно, сколько он прожил после этой беседы? — как бы невзначай пробормотал Маэль, догадывавшийся, чем мог закончиться такой «разговор».

— Он проживет ровно столько, сколько будет нужно мне,— холодно бросил шемит и продолжил: — Я узнал от него много прелюбопытных новостей. Например, что он находится в подчинении у этого чрезмерно предприимчивого молодого человека, Эвана, и что именно они повинны в таинственных исчезновениях последних лун...

— Что-то мне с трудом верится в эти сказки,— пожал плечами Конан.— И еще я полагаю, что тебе не стоит надолго задерживаться в Карташене.

— Мне казалось, мы договорились.— Шемит обиженно вздохнул.— Мои мальчики сейчас подпалят еще парочку складов этого... Как его? Плоскомордого?.. И я уверен, что он прибежит в гавань. Мы немного поговорим о наших делах и мирно разойдемся. Я даже готов допустить мысль, что произошло какое-то недоразумение, которое мы сможем разрешить к общей выгоде. Горожанам просто придется немного посидеть за закрытыми дверями. Если все будут вести себя разумно, то никто не пострадает, а через несколько дней все позабудут о том, что мы сюда наведывались. Если хочешь — оставайся, подождешь вместе с нами.

— Нет.— Киммериец мотнул головой.— Я взгляну попозже. Если то, что ты сейчас наплел, правда, у меня тоже найдется о чем потолковать с Эваном.

— Да разве я когда-нибудь тебя обманывал? — почти искренне возмутился Фарес.

— Нет,— признал Конан.— Видимо, случая подходящего пока не было.

Шемит понимающе хмыкнул, сочтя разговор законченным. Маэль подумал, что для знаменитых пиратов краткая беседа была уж больно спокойной и... Да, пожалуй, можно сказать и так — вежливой. Не прозвучало ни одной угрозы. Встретились двое старых знакомых, обменялись парой слов и пошли дальше по своим делам.

По своему небогатому жизненному опыту Монброн знал, что такие разговоры редко завершаются миром. Значит, вскоре город ожидают изрядные потрясения...

Они беспрепятственно сошли с причала, возле которого стоял «Ха-Сем», и тут киммериец остановился и взглянул на разгорающиеся склады.

— Маэль? — окликнул он.

— Да? — с готовностью отозвался его спутник.

На миг он вдруг пожалел, что никогда не сможет подняться на борт «Вестрела» иначе, чем на правах гостя. С какой стати его посетила такая мысль — Маэль не знал. Никто из его родственников никогда не связывал судьбу с морем, да и его как-то не тянуло.

— Сделай хоть что-нибудь полезное,— медленно проговорил Конан,— смотайся в город и повидай...

— Градоправителя? — поспешно предположил Монброн.

— Нет.— Киммериец на миг замолчал, размышляя.— Госпожу Анессу. Сдается мне, она лучше своего дядюшки разбирается в городских делах. Расскажи ей, что здесь творится. Пусть попробует пригнать сюда хотя бы часть городской

стражи — присмотреть за порядком и за тем, чтобы весь город не вспыхнул. Пока Фаресу нужен только Плоскомордый, но кто знает, что еще взбредет в голову этому шемитскому придурку?

— Он же обещал, что никто не пострадает! — встревожился Маэль.

— Он может раздавать обещания сколько влезет, — презрительно скривился Конан. — Всем им цена — ломаный медяк. Как-то не вяжется одно с другим... В жизни не поверю, что Плоскомордый попытался так глупо обставить шемитов... А заодно и меня.

— Фарес ведь говорил с чужих слов. Из человека можно выбить все, что угодно. Если бы можно было побеседовать с людьми с пленного корабля...

— Потом разберемся, — перебил аквилонца Конан. — А пока бегом в Дом На Холме — одна нога здесь, другая там! Или они что, всерьез думают, что я в одиночку пойду спасать их городишко?

Глава десятая

Возникшая в гавани паника быстро начала распространяться по городу, точно круги по воде от брошенного камня, и вскоре достигла кварталов, прилегающих к бухте. Кто-то из обывателей взобрался на крышу собственного дома, увидел поднимавшийся над заливом дым и кубарем скатился вниз, принес тревожную новость: горит порт. Маэля, спешившего в Дом На Холме, несколько раз останавливали вопросами: «Что случилось?» Аквилонец раздраженно отмахивался: ему не хотелось лишний раз пугать и без того встревоженных людей, да к тому же он пока и сам толком не разобрался, что же происходит в гавани Карташены, и не мог понять, как такое может оставаться безнаказанным. Понятно, что шемиты под командой этого мерзкого типа, Фареса, явились сводить счеты с главой местных контрабандистов. Но корсарский капитан заявил, что такого не может быть...

Монброн озадаченно поскреб в затылке, признаваясь, что больше склонен доверять словам грубого варвара, нежели заверениям нарочито равнодушного шемита. И вообще, с тех пор как он, Маэль, приехал в этот город на побережье, он все чаще совершает неожиданные для себя поступки. Любящие родители, наставники и многочисленные родственники учили его совсем не этому. Вот сейчас, например, ему бы надлежало прямоком отправиться к градоправителю, сообщить о творящихся в городе беспорядках и предложить свою помощь, чтобы искоренить их. Вернее, сначала надо бы вызвать Фареса на поединок, с блеском прикончить, а уж потом отправляться к Карбальо. Чем же на самом деле занят гость из Аквилонии? Он идет к госпоже Анессе, чтобы узнать, не сможет ли она послать в гавань отряд городских стражников. Спрашивается, по чьему же поручению он направляется к ней? Может, по собственной воле? Вот и нет! По просьбе пирата, состоящего на королевской службе! С которым вдобавок умудрился сначала подраться, а потом сходить на охоту за драконом! Охоту, надо признать, совершенно неудачную...

Кстати, куда все-таки подевался злосчастный ящер? Анесса и Блайи в один голос уверяют: раненый змей выбрался из пещеры и полетел вдоль побережья на восход, к Рабирийским горам. Боги, неужели придется тащиться вслед за улизнувшей зверюгой в Аргос? Где теперь его разыскивать? Стоит ли вообще его преследовать?

А если окажется, что дракон, несмотря на рану, вполне способен нормально летать? И с горя решил податься куда-нибудь на полночь или, скажем, в далекий таинственный Кхитай? В гости к сородичам, которые, по слухам, там еще не перевелись?

«Надо было сидеть дома и не вмешиваться не в свое дело», — пробормотал под нос Маэль, минув резную арку из желтоватого мрамора, отмечавшую вход во владения градоправителя. Подметавший дорожку слуга бросил на него удивленный взгляд: молодой месьор вроде бы недавно ушел, а теперь мчитс обратнo.

Добежав до парадного входа в особняк, Маэль остановился, соображая. Вряд ли градоправитель будет рад снова видеть его. Да и навверняка в такой хороший день госпожа Анесса не будет безвылазно сидеть в комнате. Значит, надо разыскивать ее либо в саду, либо на задней террасе. Если же ее не окажется ни там, ни там — вот тогда придется заглянуть в дом.

Монброну повезло. Ему не пришлось бегать по обширному и чрезвычайно запутанному саду в поисках прекрасной госпожи. Анесса с двумя спутниками, которые, казалось, никогда не покидали ее, расположилась на разбитой неподалеку от дома лужайке.

Сама госпожа Вальеда устроилась на подвешенных к толстому суку старого дерева качелях. У нее под ногами лежали на коротко подстриженной травке рыжая Чинкуэда и наигрывавший на виоле Блайи. В отдалении сидел, об-

хватив колени руками, мрачный Деррик, делая вид, что в этом мире его ничто не интересует.

Маэль окинул быстрым взглядом всю компанию и вежливо кашлянул. Бард от неожиданности вздрогнул, собака вскочила, подбежала к гостю, обнюхала и, признав за своего, замахала обрубком хвоста.

— Месьор Монброн? — Госпожа Анесса равнодушно, но достаточно любезно улыбнулась ему. — Мне показалось, ты нас покинул... Причем не в самом лучшем расположении духа.

— Э-э... — растерялся Маэль, не зная, как перейти к делу. — Прошу прощения, но...

— Спорю на свои сбережения — на наш тихий городок обрушились очередные неприятности. — Деррик построил угрюмую физиономию пророка, донельзя уставшего от того, что его худшие предсказания то и дело сбываются.

Блайи обеспокоенно уставился сначала на нахмурившуюся девушку, затем на переминавшегося с ноги на ногу Монброна. Меньше всего барду хотелось, чтобы в тихий мирок зеленого сада ворвались какие-нибудь неприятные новости из города. Ему только-только удалось завладеть вниманием госпожи Вальедо...

— В самом деле что-то случилось? — встревожилась Анесса. — Рассказывай! Или новость предназначена только для меня?

— Не знаю, — признался Монброн. — Скорее, для твоего дядюшки. В общем, в гавани пожар...

— Ну и что? — пожал плечами Деррик. — Там каждую луну что-нибудь полыхает. Иногда само собой, иногда с посторонней помощью...

— Деррик, помолчи, — строго потребовала госпожа Вальедо. — Судя по всему, это не простой пожар. Итак, месьор Маэль, что происходит в гавани?

— Шемиты. — Монброн решил изложить все по порядку. — Главным у них этот, как его... Фарес. Три корабля, около четырехсот человек. Они жгут склады, принадлежащие здешнему контрабандисту. Некому Эвану Плоскомордому...

— Фарес в городе? — Деррик аж подскочил, словно его укусила пчела. — Фарес из Асгалуна торчит в нашей гавани? Скоро небо рухнет на землю! Чем дольше живу на свете, тем интереснее становится вокруг!

— Жгут склады? — Анесса перестала раскачиваться на качелях и прикусила губу. — А что делает стража?

— Ничего, — сердито буркнул Маэль. — В гавани нет ни единого стражника — все разбежались. Остались только капитан Конан и его люди. Собственно, он меня и прислал. Сказал, что не станет вмешиваться, пока Фарес будет вести себя прилично...

— Кто такой Фарес? — растерянно спросил Блайи. — Маэль, там что, заезжие пираты грабят город?

— Пока никто никого не грабит, — заверил барда Монброн. — Но сотня-другая стражников в порту отнюдь не помешала бы.

— У нас нет столько людей.— Анесса спрыгнула с качелей на землю.— Вся армия Карташены — полусотня обленившихся бездельников. Еще есть ополчение из отпрысков знатных родов, но толку от него... Деррик, беги к дяде. Пускай немедленно шлет гонца к Мольдаго — хватит ему сидеть в гарнизоне, ничего не делая. Блайи...— Девушка на миг призадумалась.— Сделай одолжение — наведайся в конюшню, скажи, чтобы оседлали мою лошадь.

— Госпожа, ты ведь не собираешься в гавань? — с легким ужасом спросил Блайи.— Там опасно! Твой почтенный дядюшка обо всем позаботится, а тебе лучше покинуть город...

— Я сама разберусь, что опасно, а что нет,— холодно отрезала Анесса.

Блайи оставалось только сокрушенно пожать плечами и отправиться выполнять поручение. Деррик свистнул собаку и убежал вслед за ним.

Маэль про себя восхитился тем, как спокойно и уверенно госпожа Вальедо принимала решения и распоряжалась. Любая из его знакомых благородных девиц в Аквилонии, прослышав о том, что возле ее родного города или поместья объявилась шайка разбойников, тут же упала бы в обморок или закатила слезливую истерику.

— Месьор Монброн, задержись, пожалуйста.— Анесса шагнула было к дому, но остановилась.— Прости мою настойчивость, но ты рассказал обо всем, что происходит в гавани? Или посчитал, что мне лучше не знать всего? Ви-

дишь ли, мне известно кое-что об упомянутых тобой Фаресе Асгалунце и Эване. В таких городах, как наш, приходится сводить знакомства с самыми неожиданными людьми,— пояснила она.— Насколько я знаю, этим людям нечего делить. Для Фареса вообще крайне опасно показываться в Зингаре... Конечно, он расчетливый человек и не зря выбрал именно наш город. Маленький гарнизон, ни одного боевого корабля...

— Фарес поймал какое-то судно под флагом Береговой Стражи, оказавшееся, насколько я понял, вовсе не Береговой Стражей,— осторожно начал Маэль,— и заполучил признание, что человек по имени Эван Плоскомордый якобы причастен к исчезновению торговых шемских кораблей у ваших берегов за последние полгода. Теперь Фарес собирается ему отомстить. Честно признаться, я ничего не понимаю в этих делах, кроме того, что они напрямую противоречат закону и всем этим проходимцам самое место за решеткой.

— Закону иногда тоже приходится действовать не напрямую,— грустно улыбнулась Анесса.— Тебе, наверное, наши порядки кажутся слегка странными? Что поделать... Здесь прислушиваются не к указам королевской власти, а к традициям океана. С ним не поспоришь, слишком уж он большой и древний... Значит, Фарес явился мстить?

— Он так сказал,— подтвердил Монброн.— И заверил, что горожанам не будет причинено ни-

какого вреда. А капитан Конан сказал, что не верит ни единому его слову.

— Я, между прочим, тоже,— безмятежно заметила госпожа Вальедо.— Фарес никогда не отличался честностью. Нам повезло, что «Вестрел» в гавани. Надеюсь, они вмешаются, если дела примут совсем уж скверный оборот... Месьор Маэль, скажи, только честно: я могу тебе довериться?

Монброн озадаченно заморгал, но, прежде чем успел сообразить, к чему клонит девушка, с готовностью выпалил:

— Конечно, госпожа Анесса! Я полностью в твоём распоряжении! Только прикажи!

— Я не люблю приказывать.— Она чуть заметно улыбнулась, и Маэль понял, что сделает для нее все: убьет из-за угла, отравит всю правящую верхушку города и прыгнет вниз головой с самой высокой скалы в окрестностях Карташены.

«Влип, приятель»,— посочувствовал себе Маэль. Отступать было уже поздно.

— Тогда просто скажи, что я должен сделать для тебя,— попросил он.

— Суший пустяк.— Анесса тщательно расправила и без того безукоризненные складки белого платья.— Ты все равно сейчас отправишься в гавань. Значит, тебе не составит труда по пути навестить одно местечко. Знаешь большую улицу, что ведет в порт, Корабельную? Да? Не доходя до ее конца, сверни во второй переулок налево. Где-то посередине должна быть малень-

кая таверна под названием «Рыбьи слезы». Она, скорее всего, будет закрыта, но если постучать вот так,— Анесса трижды быстро стукнула по доске качелей, а затем с расстановкой добавила еще два удара,— тебе откроют. Позови хозяина и скажи ему...— Девушка задумалась.— Скажи, что в городе становится опасно и что лишнее геройство не приводит ни к чему хорошему. Впрочем, пускай решают сами, помня о данном слове. Сделаешь?

— Разумеется,— растерянно отозвался Маэль. У него не укладывалось в голове, что может быть общего между племянницей градоправителя и какими-то простолюдинами, наверняка имеющими сложные отношения с властями. Желание дамы, конечно, закон, с этим никто не спорит, но почему госпожа Анесса выбрала в качестве посыльного именно его, Маэля? С тем же успехом мог бы сходить и Деррик...

— Я послала бы Деррика, но боюсь, что он не пойдет,— словно в ответ на размышления Монброна, пояснила госпожа Вальедо.— Кроме того, я не во всем доверяю ему полностью...

На этот раз ее мимолетная улыбка могла кого угодно заставить позабыть даже собственное имя. Все вопросы мигом вылетели у Маэля из головы. Он только робко заикнулся:

— Мне потом вернуться и рассказать, что ответили эти люди из таверны?

— Не стоит.— Анесса подобрала подол длинного платья и медленно направилась к дому.— Полагаю, мы встретимся в гавани. Скоро весь

город туда сбежится. И еще...— Она приостановилась.— Ты наверняка решил, что тут замешаны какие-то зловещие секреты. Вовсе нет. Это опять наши местные порядки. В городе есть несколько человек, которые иногда выполняют мои поручения и не задают лишних вопросов. Сегодня Карташене понадобятся все, кто способен носить оружие... Возможно, придется тушить пожары. Не бери в голову, месьор Монброн. Просто загляни туда и скажи, чтобы были наготове. И пожалуйста, будь осторожней в порту.

Госпожа Вальеде кивнула Маэлю на прощание и легко пошла по усыпанной белым песком дорожке к дому. Монброн некоторое время остолбенело смотрел ей вслед, затем тряхнул головой, отгоняя все посторонние мысли. Вспомнилось, что на конюшне градоправителя по-прежнему стоит его собственный жеребец. Можно поехать верхом. Тогда он быстро справится с поручением Анессы и успеет в гавань. Маэль не сомневался, что там в скором времени развернутся события, которые он не должен упустить.

Все-таки у госпожи Анессы очень странные знакомые... И сама она весьма загадочная женщина. Впрочем, его не просили ни о чем предсудительном. Всего лишь заглянуть по указанному адресу и передать безобиднейшее предупреждение. Такова уж Зингара, где даже простолюдины стремятся любое слово и дело окружать таинственностью.

* * *

Следуя на редкость точным указаниям Анессы, Маэль без труда разыскал одноэтажный домишко, скромно притулившийся между жилищами зажиточных горожан. Над входом болталась поблекшая от старости вывеска — «Рыбьи слезы».

Монброн поднялся по трем проседающим ступенькам, подумав, что в таверне вряд ли бывает много посетителей, и потянул дверной молоток. Вместо привычной собачьей или конской головы неизвестный мастер, не лишенный чувства юмора, поместил на нем бронзовую морду акулы, сжимавшей в челюстях корабельный руль.

Дверь, как и предупреждала Анесса, оказалась заперта.

Потоптавшись на крыльце, Маэль неуверенно хмыкнул и снова взялся за кольцо-руль. Раздались три положенных удара, затем еще два, но изнутри не донеслось ни звука.

«Никого нет дома»,— с облегчением вздохнул Монброн. При всем своем уважении к госпоже Вальеде он совершенно не горел желанием встречаться с ее таинственными друзьями. Если ей так необходимо, она наверняка найдет иной способ оповестить их. К тому же любой человек, не лишенный слуха и любопытства, уже знает, что в гавани творится нечто из ряда вон выходящее.

Маэль повернулся, чтобы уйти. Почти в тот же миг дверь за его спиной беззвучно распахнулась.

— Входи.— На пороге стоял темноволосый парень. Судя по одежде, он был то ли помощником хозяина в процветающей лавке, то ли начинаю-

щим, но удачливым торговцем. В общем, кем угодно, только не трактирным слугой.— Ты стул? Заходи быстрее!

В таверне оказалось темно и пусто. На отодвинутых в сторону столах громоздились перевернутые скамейки. Большую часть свободного пространства занимали вместительные ящики. Двое молодых людей деловито осматривали их содержимое, после чего плотно закрывали и забивали крышки гвоздями. На посетителя они обратили не больше внимания, чем на лежавшую в углу сторожевую собаку.

Маэль посмотрел по сторонам и непроизвольно потянулся к рукояти меча, хотя ему ничто не угрожало.

— Ты от кого? — быстро спросил парень, открывший Маэлю дверь.— Если от Кабортальезы, то передай: ничего он не получит, пока долги не вернет.

— Я сам от себя,— гордо проговорил Маэль, решив, что не стоит ссылаться на госпожу Анессу. Имя и репутация дамы всегда должны оставаться незапятнанными.

— Тогда условия обычные — пятая часть с остаточного долга,— сообщил незнакомец.— Сколько тебе? Какой чеканки? Кстати, если ты за лотосом, то мы с этой гадостью не работаем. Поищи кого-нибудь другого.

— Да я не за деньгами! — выпалил Монброн, сообразив, что его приняли за несостоятельного должника, который ищет кредитора.— Мне нужен ваш хозяин!

— Мало ли что кому нужно,— хладнокровно ответил парень.— Я тебя не знаю. Месьоры, кому-нибудь известен этот тип? Кстати, кто-то же должен был растолковать тебе, как прийти сюда... Так кто тебя прислал?

Двое возившихся с ящиками оторвались от своего занятия и пристально взглянули на незваного гостя. Вроде бы спавшая собака подняла голову и глухо заворчала. Маэль посмотрел назад, оценивая расстояние до двери, и даже не удивился, обнаружив, что она не только закрыта, но и заперта на засов. Неужели прекрасная госпожа Анесса таким способом избавляется от неугодных ей кавалеров?

Монброн выдавил из себя слегка нервный смешок и повторил:

— Мне нужно повидать хозяина этого заведения.

— Так бы сразу и сказал,— уже спокойнее проговорил незнакомец.— Заставляешь людей волноваться по пустякам... Сюда.

Он развернулся и хукнул в неприметную дверь, завешенную куском рваной рыболовной сети. Маэль не слишком уверенно последовал за ним, для начала предусмотрительно глянув вверх и по сторонам. Кажется, он угодил в гости к представителям древнего, но не слишком почтенного ремесла — контрабандистам. Только при чем здесь Анесса?..

Он попал в маленькую комнату, из которой в глубь дома вели несколько закрытых сейчас дверей. Распахнутое настежь окно выходило на

задворки таверны. Посередине стоял стол, окруженный колченогими табуретами, за которым сидел человек средних лет с огромным горбатым носом.

Незнакомец, впустивший Монброна в таверну, привалился к дверному косяку и начал пристально изучать закопченный потолок. Из зала снова донеслось ритмичное постукивание молотков.

— Бенни, это что? — спросил горбоносый, захлопнув лежавшую перед ним толстую книгу и окинув Монброна внимательным взглядом с ног до головы.

— Заезжий чистюля из благородных. Утверждает, что должен что-то передать, как он выразился, «хозяину этого свинарника», — невозмутимо отрекомендовал гостя Бенни.

— Я сказал: «хозяину этого заведения», — поправил его Маэль. — Полагаю, это ты?

— Можно сказать и так, — хмыкнул горбоносый. — В чем, собственно, дело?

— Мне поручено кое-что сообщить. — Монброн несколько успокоился, поняв, что никто не собирается его убивать. По крайней мере, сейчас. — Вот мы тут стоим и мирно беседуем, а в гавани некий Фарес и его люди поджигают склады наверняка известного тебе Эвана из Бальи...

— Чего-о? — Бенни оторвался от двери и едва не вцепился в оторопевшего аквилонца. — Шемитский ублюдок Фарес в городе и безнаказанно жжет наше добро?

— Замолкни, — приказал хозяин таверны, недоверчиво уставившись на Монброна. — А ты,

благородный месьор, продолжай. Оч-чень, знаешь ли, интересно излагаешь...

— Этот самый Фарес заявил, что ему необходимо перемолвиться парой словечек с вашим Эваном, — завершил свое краткое повествование Маэль и мстительно добавил: — Об исчезнувших за последнее время кораблях. — Краем глаза он заметил, что парочка, занимавшаяся упаковкой ящиков, теперь маячит в дверях, внимая его рассказу. — Та особа, что рассказала мне об этом логове, советовала, чтобы вы все были наготове, а в случае необходимости сами принимали решение. Но при этом не забывали о данном вами слове.

— И меня еще спрашивают: отчего ты, Мачадо, так не любишь шемитов? — с тяжелым вздохом проворчал горбоносый. — Мальчики, почему наш уважаемый гость до сих пор стоит?

Из зала немедленно прикатили пустую бочку. Монброн стряхнул приставшие к днищу сухие чешуйки и осторожно присел. Бенни, с трудом сохранявший молчание, не выдержал:

— Мачадо, чего развалился, как мешок с мусором? Надо собирать всех наших, надо бежать в порт, надо...

— Ишь, раскомандовался, — с легкой насмешкой произнес чей-то смутно знакомый голос. Маэль даже не заметил, когда в комнате появился новый человек. Скорее всего, он зашел через одну из внутренних дверей, хотя мог войти и через зал. — Бенни, торопливость когда-нибудь доведет тебя до большой беды. Ты, наверное, так спешил, что и родился-то раньше срока...

— Эван! — Молодой человек ничуть не обиделся. — Эван, ты слышал, что творится в гавани? В нашей гавани, в нашем городе!

— Твои вопли и глухой услышит, — невозмутимо заметил Плоскомордый, кивая Монброну, точно старому знакомому. — Вместо того чтобы впустую сотрясать воздух, сбегай лучше сам знаешь куда и гони всю тамошнюю братию к причалам. Только не высовывайтесь раньше времени, понял? Я приду чуть позже и сам разберусь...

— Да чего там разбираться! Фаресу давно следовало настучать по загривку! А то решил, что ему все позволено! Ну и что — четыреста человек, четыреста человек! Нас все равно больше! Горожане, опять же... Спалют ведь город, как есть спалют!

Маэль был склонен с этим согласиться. Пускай сейчас шемиты жгут только склады одного хозяина, однако раздуваемое постоянным морским ветром пламя рано или поздно перекинется на соседние дома. Пожалуй, зря он счел знакомых госпожи Анессы подозрительными личностями. Конечно, их ремесло более чем противозаконно, однако надо отдать им должное — они не забывают о благе родного города.

— Бенни, перестань трепать языком и отправляйся. — Плоскомордый не дал ему высказать все, что тот думает о шемитах вообще и Фаресе в частности. — Дядюшка Мачадо, ты мне сейчас понадобишься. Все остальные идут вместе с Бенни. И не вздумайте лезть на рожон! Бенни, ты все понял?

В ответ раздалось неразборчивое бурчание, из коего следовало, что таких, как Фарес, нужно вешать на набережной, и не обязательно за шею. После чего недовольный Бенни и двое молчаливо-деловитых молодых людей удалились, прихватив с собой несколько самострелов и коротких клинков.

Наступало самое подходящее время откланяться и уносить ноги. Поручение госпожи Анессы, каким бы загадочным оно ни казалось, выполнено.

— Пожалуй, я тоже пойду, — небрежно сообщил закопченным балкам над головой Маэль и поднялся. — Дела, знаете ли...

— Конечно, конечно, — закивал Эван и неожиданно для аквилонца добавил: — Кстати, благородный месьор, мы ведь до сих пор толком не знакомы. Я предпочитаю знать, кому должен.

— Маэль из рода Монбронов Танасульских, — буркнул Маэль. — И ты ничем мне не обязан. Я всего лишь выполнил просьбу одного уважаемого мной человека.

— Неважно, — очень серьезно отозвался предводитель контрабандистов. — Я не забываю, когда в этом паршивом мире кто-то делает мне что-то хорошее. Так что если тебе потребуются деньги, или корабль, или просто набить кому-нибудь морду, обращайся прямо ко мне, Эвану из Бальи. Некоторые не слишком умные головы еще называют меня Плоскомордым. Только не спрашивай почему. Честное слово, не знаю!

Он ухмыльнулся, а Маэль подумал, что кличка в самом деле присвоена незаслуженно. Однако удивительно точно подходит этому человеку.

— Ну, раз мы теперь знакомы,— Эван бесцеремонно присел на край стола,— то я хотел бы задать парочку несложных вопросов. Каждый ответ увеличивает мой долг.

— Я же сказал, и речи быть не может о каких-либо долгах...— начал Монброн, но Эван его перебил:

— Всякое дело должно быть оплачено. Как злое, так и доброе. Дядюшка Мачадо, я прав?

— Трепло ты. Еще похуже, чем Бенни,— беззлбно проворчал горбоносый владелец таверны.— Спрашивай давай, не видишь — благородный месьор торопится. Чего ему тут с нами, голытьбой, рассиживаться да разговоры разговаривать?

Маэль слегка обиделся: кажется, он не проявил неуважения к своим собеседникам. Никто не спорит, они простолюдины, а он принадлежит к одной из старейших семей Аквилонии. Однако, как верно заметила госпожа Анесса, с кем только не сведет тебя судьба! Никогда не помешает поискать общий язык с представителем любого сословия.

— Кто-нибудь остался в гавани, кроме Фареса и его оболтусов? — деловито осведомился Плоскомордый.— Сколько всего складов сожжено? Кто-нибудь из городской власти знает, что творится? И наконец, тебе, случаем, не известно, что намеревается делать Конан?

— В порту все разбежались.— Вопросы действительно были простыми и разумными, потому отвечать на них было легко.— Когда я уходил, горело три здания, а четвертое как раз поджигали. Месьору Карбальо должны вот-вот сообщить о происшествии: я заходил в Дом На Холме и поговорил с его племянницей. Что он предпримет — не знаю. Капитан Конан не собирается вмешиваться до тех пор, пока Фарес не причиняет вреда городу и горожанам.

— И на том спасибо,— облегченно вздохнул Эван.— Хотя что они могут? Тридцать человек против четырех сотен...

— Лично я не думаю, что он станет рисковать своими людьми и вступать в спор, который его не касается,— невозмутимо добавил Монброн.— Он разговаривал с Фаресом — а я, кстати, слышал этот разговор собственными ушами! — и теперь думает, что ты получаешь по заслугам.

Эван и Мачадо переглянулись. Плоскомордый озадаченно нахмурился и потерял повязку на левой руке. В комнате повисло недоуменно-настороженное молчание.

— Фарес привел с собой какой-то корабль, капитан которого утверждает, что ты нанял его, чтобы доставить неприятности шемитам,— потопился объяснить Маэль.

Горбоносый Мачадо присвистнул. Эван от неожиданности спрыгнул со стола и уставился сузившимися глазами на попятившегося к двери Монброна. Его пристальный взгляд не сулил ничего хорошего.

— Ты ведь не хочешь сказать, будто Конан поверил во всю эту чушь? — очень спокойно, почти равнодушно поинтересовался Эван.

— Почему бы и нет? Я бы поверил, — легко-мысленно брякнул Маэль и тут же пожалел о сказанном.

— Я что, настолько похож на идиота? — с еле сдерживаемым бешенством прорычал Плоскомордый. — Или на человека, который губит собственное дело?

— Э-э... — Обычно разговорчивый, Монброн внезапно позабыл все выученные за двадцать с небольшим лет слова.

— А может, я даже не заметил, что тронулся умом, и решил обзавестись такими врагами, как Фарес или Конан Киммериец? — продолжал спрашивать то ли у Маэля, то ли у самого себя Эван. — Или нынче все растет корнями вверх? Или я чего-то недопонимаю в этом распроклятом мире?..

— Успокойся. — Мачадо, казавшийся грузным и неповоротливым, легко выскочил из-за стола и бесцеремонно оттащил Эвана от опешившего Монброна. — А ты, благородный месьор, шел бы себе потихоньку... Мы тут сами как-нибудь сообразим, что к чему.

— Очень надеюсь, — выдавил из себя Маэль. Ему было слегка не по себе.

Он беспрепятственно выскочил на крыльцо таверны, убедился, что никто его не преследует, а привязанный жеребец стоит на прежнем месте, и только тогда перевел дух. Съездил, называется,

оповестить преданных людей! Кто же знал, что местные контрабандисты такие обидчивые? И что такого он сказал?

Маэль потрепал по шее фыркнувшего жеребца, забрался в седло и решительно приказал себе последовать совету загадочной (и оттого еще более прекрасной) госпожи Анессы — не забивать голову бесплодными размышлениями. Пусть этот одержимый Эван и его не менее сумасшедшие приятели поступают, как считают нужным. А он, Маэль, немедленно отправляется в гавань!

* * *

Положение дел в порту за это время несколько изменилось. Один из подожженных складов потушили, зато огонь добрался до расположенного поблизости дома и начал облизывать каменные стены, будто пробуя их на вкус. Рядом сутились люди с ведрами и баграми — скорее всего, жители дома и не на шутку встревоженные соседи.

Еще в гавани во всей своей неприглядности разворачивался спор между спешно прибывшим месьором градоправителем и изволившим сойти на берег Фаресом. Маэль прислушался к долетавшим отголоскам и решил, что вмешиваться ему пока не хочется. Пожалуй, лучше отыскать кого-нибудь разумного, кто не участвует в творящемся безобразии.

Долго искать не пришлось. Для начала на глаза попалась не кто иная, как госпожа Анесса. Вместо того чтобы сидеть дома или, по крайней

мере, сопровождать своего высокопоставленного дядюшку, она вместе со своей неизменной маленькой свитой обосновалась рядом с одним из причалов. Разумеется, рядом с тем, в дальнем конце которого покачивался неприметный двухмачтовый корабль с высоко поднятой кормой.

И вне всякого сомнения, госпожа Вальеда не скучала в одиночестве. Наоборот, она весьма оживленно беседовала с корсарским капитаном. Киммериец выглядел слегка озабоченным и обеспокоенным в отличие от его подчиненных, которые развлекались тем, что на все лады поносили шемитов. На «Ха-Семе» гордо отмалчивались. То ли не желали связываться, то ли не находили достойного ответа.

Первым Монброна заметил Блайи. Бард до сих пор не мог вразумительно объяснить, зачем явился в гавань. Но раз сюда отправилась госпожа Анесса, значит, его долг — следовать за ней. Блайи совершенно не хотелось созерцать горящие склады. Он здраво опасался, что рано или поздно противникам надоест браниться и они возьмутся за оружие. Что в таком случае прикажете делать ему, человеку мирному? И Маэль, как назло, куда-то запропастился...

Поэтому Блайи то и дело поглядывал по сторонам, решая, что предпринять в случае внезапной опасности. Первым делом, конечно же, надо будет спасти госпожу Анессу. Только как?

Страдания Блайи усугублял Деррик. Тот сидел на чугунной тумбе для швартовки кораблей, бол-

тал ногами и вслух предавался воспоминаниям. Вспоминались Деррику исключительно описания различных штурмов, которые завершались на редкость однообразно:

— Город еще горел то ли семь дней, то ли все десять. Стены потом разрушились, уцелевшие жители поразбежались, а сейчас этот город даже на картах не отмечают. Или вот еще, лет пятнадцать назад...

— Деррик, прекрати,— наконец не выдержал бард, опасливо косясь на корабль в середине бухты.— Я не сомневаюсь, что ты помнишь подробности всех сражений на Побережье за последние сто лет, но ты не мог бы поговорить о чем-нибудь другом?

— Конечно,— с подозрительной готовностью закивал Деррик.— О чем желаешь послушать? О способах казни на Барахских островах? Там, знаешь ли, обитают весьма осведомленные в этом вопросе люди. Впрочем, жители Шема от них не отстают...

Блайи слегка позеленел и окинул тоскливым взглядом набережную. Ему очень хотелось оказаться как можно дальше отсюда. Зачем он вообще остался в Карташгене? Шел бы себе дальше...

И тут бард увидел всадника на вороном коне, который только что проскочил через завесу из дыма и кружившегося в воздухе пепла. Всадник натянул поводья, придержал храпящую лошадь и завертел головой, оглядываясь.

— Маэль! — обрадованно завопил Блайи, вскакивая и размахивая руками.— Сюда! Мы здесь!

Монброн развернул жеребца, недовольно косившегося на близкое пламя, и подъехал к притихшей компании.

— Вот и наш охотник на ящериц явился,— полунасмешливо-полусерьезно приветствовал его Конан.— Ты вовремя. Здесь такое веселье — скоро искры посыплются...

— Сам вижу,— огрызнулся Маэль, слегка задетый словами киммерийца, и спрыгнул на доски причала.— Госпожа Анесса, я... Э-э... В общем, я навестил твоих знакомых и передал им то, что ты просила. Они...

— Благодарю,— слегка кивнула девушка.

Монброн сообразил, что ей не хочется обсуждать свои дела при посторонних, и поторопился спросить:

— Что новенького?

— Ровным счетом ничего,— немедленно влез Деррик.— Бряцание оружием, взаимные угрозы, а толку...— Он сдул с ладони несуществующую пылинку.

— Фарес не хочет всерьез ссориться с Зингарой, а у градоправителя не хватает людей, чтобы выгнать наглецов,— пояснил Конан.— А шемиты побаиваются нас, хотя их намного больше. Еще Фаресу не терпится поболтать по душам с Эваном... Впрочем, ты сам слышал.

— Плоскомордый тоже собирается вскоре наведаться сюда,— небрежно сообщил Маэль.

Киммериец с подозрением уставился на него:

— Откуда ты знаешь? Вы же вроде не знакомы...

Монброн прикусил язык, проклиная свою болтливость и лихорадочно придумывая правдоподобное объяснение. Выручил его, как ни странно, весело фыркнувший Деррик:

— Просто удивительно, как быстро распространяются слухи. Ветром их разносит, что ли?... Так наш длинноухий и кривоzubый друг решил присоединиться к здешним посиделкам?

Монброну показалось, что не принимавшая участия в разговоре Анесса тем не менее внимательно прислушивается.

— Так говорят,— кратко отозвался Маэль.

— Крайне неразумно,— вмешалась госпожа Вальеда. Ее обычно ровный и спокойный голос стал холодным и раздраженным.— Его появление ничего не изменит. Он только понапрасну рискует своей головой... Весьма полезной для города.

— Чем же, хотелось бы знать, столь ценна голова этого мошенника? — не понял Монброн.

— Тем, что, если Плоскомордого сейчас угробят, его людям волей-неволей придется выбирать нового вожака,— со знанием дела растолковал незаметно подошедший Сигурд.— Что, как пить дать, обернется для города новыми неприятностями. И еще неизвестно, каким окажется следующий глава Прибрежного Союза. Так что для всех будет лучше, если голова Эвана останется при нем... Капитан, что делать? Ребята волнуются. Сирус вопит, мол, надо либо поднимать паруса и сматываться, либо драться. Он, видишь ли, не нанимался сидеть и глазеть на берег. Я ему

двинул пару раз по шее, но всем рты не заткнешь...

События в гавани Карташены, казалось, искренне забавляли ванира. Еще бы — столько возможностей отличиться, а потом хвастаться налево и направо!

— Подождем,— отрезал Конан.

— Как скажешь,— согласился рулевой, устроился на шатком ограждении причала и осведомился: — Что, Эван в самом деле наломал дров?

— Фарес утверждает, будто Плоскомордый сам устроил неразбериху с пропавшими кораблями,— мрачно буркнул Конан.— Хотелось бы послушать, что он скажет в свое оправдание. Мы ведь по его милости примчались ловить какое-то злобное чудище, а теперь выясняется...

— Может, он вовсе ни при чем,— вступился Монброн. Не то, чтобы ему был симпатичен предводитель местной шайки. Просто молодой человек не сомневался: прежде чем выносить приговор, надо выслушать обе стороны.— Мало ли что болтает этот... как его... Фарес! Он запросто мог соврать!

— Зачем? — немедленно задала вопрос оживившаяся Анесса.

— Фарес, конечно, врет так же легко, как дышит,— подтвердил Конан.— И вообще, от всей здешней кутерьмы за лигу несет откровенным надувательством. Сначала пропавшие корабли. Вроде бы их утопил дракон. Теперь выходит, что ящерица не имеет к ним никакого отношения...

— Конечно, не имеет! — кивнула госпожа Вальбеда.

— ...И Фарес дерзко заявляется в Карташenu, притаскивает на хвосте эту подозрительную посудину, я имею в виду «Инесту», и утверждает: сгинувшие корабли на совести Эвана,— продолжил корсар.— Что, спрашивается, я должен думать и кому верить? Я совершенно не знаю этого парня, Плоскомордого, но достаточно хорошо знаком с Фаресом. Он в жизни не рискнул бы соваться в зингарский город с обвинениями, не имея надежных доказательств и парочки кораблей за спиной. Кроме того, он еще на входе в залив увидел, что тут стоим мы. И не повернул обратно. Значит, уверен в своей правоте.

— Его уверенность основывается на словах людей с «Инесты».— Маэль внезапно почувствовал себя в родной стихии. Какая, в сущности, разница — выслеживать зверя, обосновывать доводы философских учений или доказывать виновность человека? — Из человека, как известно, можно выбить какое угодно признание. Тебе ли этого не знать, капитан? Будь у нас возможность переговорить, нормально, без угроз, с кем-нибудь из команды «Инесты», мы бы смогли узнать какие-нибудь подробности. Кто хоть что-то знает об этом загадочном корабле? Кто им командует? Откуда он взялся? Под флагом какой страны плавает, то есть ходит? Неужели ты сразу и безоговорочно поверил Фаресу? А как насчет того, что Эван рискует собственным делом? Оно, как я понимаю, досталось ему от-

нюдь не легко, чтобы вот так, походя, ставить его под угрозу!..

Деррик восхищенно присвистнул. Анесса удивленно подняла брови. В ее таинственных глазах мелькнуло нечто вроде мимолетного восхищения — или Монброну показалось?

— Тебе бы в законники податься, а не драконов разыскивать, — ошеломленно проговорил Блайи. — Через год имел бы собственное поместье в Офире и уйму обязанных тебе богачей... Правда, врагов нажил бы ничуть не меньше.

— Соображаешь, — признал Конан. — Только все эти премудрые рассуждения нам пока ни к чему. На «Инесту» не попасть, да и сомневаюсь я, чтобы Фарес оставил в живых кого-нибудь из-ее команды, разве что капитана. Не такой он человек. Плоскомордый, согласен, тоже не выглядит круглым дураком. И делом своим наверняка дорожит, не спорю. Но пока я не разберусь, что здесь к чему, не двинусь с места. Если Эван действительно придет в гавань, я послушаю, что он скажет, и тогда решу. А пока мы — третья сторона.

— Ты служишь зингарской короне, капитан, — вкрадчиво напомнила Анесса. — Конечно, мы признаем твое право самостоятельно принимать решения, но все же не забывай об этом. А месьор Монброн во многом прав. Это досадное происшествие выглядит крайне подозрительно...

— Месьор градоправитель закончил трепаться, — перебил хозяйку Деррик, не забывавший

присматривать за событиями на набережной. — Направляется сюда. Анесса, по-моему, твой дя-дюшка не просто в ярости. Он ищет, на ком бы сорвать свою злость.

Спокойно дремавшая на теплых досках Чинкуэда вскочила, поджала обрубок хвоста и попятилась. Деррик тоже встал и потянул барда за руку.

— Ты чего? — вполголоса возмутился Блайи. — Я хочу послушать...

— Посмотри на неразумное животное. Оно право — не стоит маячить на виду у сильных мира сего, когда они раздражены, — шепотом пояснил Деррик. — Я без того для месьора градоправителя как камень в сапоге. Не сомневайся, ты ему тоже не нравишься.

Обычно шумная и крикливая свита Карбальо сегодня уменьшилась едва ли не вдвое и вела себя тихо. Впрочем, чем дальше градоправитель удалялся от причала, занятого «Ха-Семом», тем говорливее и оживленнее становились его спутники. Поравнявшись с причалом «Вестрела», они уже разговаривали в полный голос, иногда переходя на крик. Речь шла о том, что необходимо примерно наказать шемитов, осмелившихся показаться в гавани сопредельного государства. Правда, никто не стремился занять место в первых рядах защитников города и не предлагал разумного плана действий.

Карбальо, как верно определил Деррик, походил на разъяренного быка. Госпожа Анесса, давно привыкшая к вспыльчивому характеру дя-

дьюшки, решительно направилась ему навстречу. Маэль по привычке шагнул за ней, но его остановило сердитое шипение Деррика: «Не вмешивайся!»

Впрочем, градоправитель и его племянница говорили достаточно громко, чтобы их слышали все собравшиеся на причале. К тому же свита Карбальо несколько притихла.

— Чего они хотят? — деловито спросила Анесса, пропуская мимо ушей сдержанные, но все же достаточно цветистые дядюшкины проклятия. — Они выдвинули какие-нибудь требования?

— Высочку из Балы они хотят, — устало вздохнул Карбальо, слегка успокаиваясь. — При чем немедленно и лучше всего — связанного по рукам и ногам. В крайнем случае Фарес согласен обождать до заката. В самом крайнем — до завтрашнего утра. И еще он желает, чтобы город обеспечил его людей снедью и пресной водой!

— А если они не дождутся ни до завтрашнего, ни до послезавтрашнего утра? — продолжила настаивать госпожа Вальедо. — Что тогда?

— Тогда? — обозлился Карбальо. — Ты отлично знаешь, что тогда произойдет! — Он оглянулся через плечо, понизил голос и быстро проговорил: — Возвращайся в усадьбу, собери все, что поценнее, и уезжай из города!.. Если хочешь, можешь прихватить с собой парочку бездельников — твоего прихлебателя Деррика и пуантенского рифмоплета. Все равно от них никакого толку.

— Никуда я не поеду, — безмятежно ответила Анесса. — Если станет известно, что я уехала, в тот же миг разбегутся и остальные. Кто тогда останется защищать город?

— Как я до вечера разыщу этого мерзавца Плоскомордого? — свирепо спросил Карбальо, и его обвисшие было усы снова встали торчком. — Если бы не его безумные выходы... И не твое пособничество!..

— Если бы не мое, как ты изволишь выражаться, пособничество, в городе могла разразиться междоусобная война, — отрезала госпожа Вальехо. — Тебе так этого хочется?

— Все, чего мне хочется, поскорее заполучить этого негодяя, — буркнул градоправитель.

— А если он окажется невиновным? — кротко поинтересовалась Анесса.

— Какая мне разница, виноват он или нет? — удивился Карбальо. — Меня больше волнует, как поскорее удалить шемитов из нашей гавани. Хвала богам, что им нужен только Плоскомордый! Они ведь вполне могли потребовать выкуп за город или учинить еще что-нибудь...

— Тогда разумнее поблагодарить богов за то, что здесь оказался этот человек. — Госпожа Вальехо незаметно кивнула в сторону капитана «Вестрела». — Фарес не рискнет с ним связываться... И все же, дядя, что ты собираешься предпринять?

— Интере-есно... — не отвечая на вопрос племянницы, задумчиво протянул градоправитель. — Я слышал, у месьоров корсаров какие-то дела с нашим предприимчивым другом? Как по-

лагаешь, они случайно не могут знать, где он прячется?

— Даже если знают, все равно не скажут,— пожала плечами Анесса.— Он их наниматель и потому... Дядя, это бесполезно!

Последние слова она выкрикнула в спину удаляющемуся родственнику, после чего удрученно качнула головой и, подхватив юбки, побежала следом.

* * *

— Спорим, он собирается приказать нам немедленно выкинуть Фареса из гавани? — ехидно заявил Сигурд, глядя на торопливо идущего по причалу градоправителя.— А если мы откажемся, поднимет крик — мол, все тут через одного изменники, сговорились с подлыми шеми-тами...

— Атаковать при таком соотношении сил невозможно,— обеспокоенно сказал Маэль и нерешительно предложил: — Хотите, я поговорю с месьором Карбальо? Он наверняка меня послушает...

— Никого он не слушает, кроме самого себя.— Деррик, хоть и отошел подальше, по-прежнему не упускал ни единого слова.

— Но любому разумному человеку должно быть понятно...— не мог успокоиться Монброн.

Градоправитель поравнялся с маленькой компанией, стоявшей у конца пристани. Анесса у него за спиной построила обескураженную гримаску и махнула рукой, словно пытаясь сказать:

«Не обращайтесь внимания, пусть себе говорит что хочет!»

Карбальо вряд ли рассчитывал на теплый прием, а потому сразу прибегнул к лучшему способу защиты — нападению:

— Как прикажешь это понимать, капитан? Почему твои люди бездействуют? Или этот мерзавец из Шема — твой давний приятель?

Маэль открыл было рот, чтобы вмешаться и восстановить справедливость, однако не успел.

— Мы ждем,— с полнейшим равнодушием ответил Конан, словно не замечая горячности зингарца.

— Чего? — едва не взвизгнул градоправитель многострадальной Карташены.— Когда от города камня на камне не останется?

— Дядюшка,— укоризненно протянула Анесса.— У месьора капитана наверняка есть какие-то свои соображения...

— У него одно соображение — как бы с кого содрать побольше! — перебил девушку градоправитель. На миг благородный месьор Карбальо напомнил Маэлю заурядного торговца, который только что обнаружил, что его обокрали, и собирается поднять крик на всю округу.

— Я этого никогда и не скрывал.

Невозмутимости корсара можно было только позавидовать. Стоявший позади капитана Сигурд судорожно закашлял, пытаясь скрыть подступающий смех. Госпожа Вальедо обреченно закатила глаза и торопливо спросила, пытаясь опередить дядюшку:

— В самом деле, чего ты ждешь, капитан?

— Для начала — когда Фарес и его братия решат, что они в полной безопасности. — Конан подчеркнуто обращался только к Анессе, медленно, но верно приводя Карбальо в состояние бешенства. — Может быть, они захотят прогуляться по городу...

«Понятно, — сообразил Маэль. — Если, скажем, команда «Ха-Сема» сойдет на берег, шансы станут приблизительно одинаковы. Люди Конана вполне смогут с ними расправиться. Но остаются еще два корабля в гавани... И неизвестно, что предпримут шемиты...»

— А еще мне любопытно, придет Эван или нет, — так же спокойно продолжал киммериец. — Мне отчего-то кажется, что придет...

— Уже, — сказал кто-то сзади.

— Что «уже»?

Конан оглянулся. Рядом стоял Деррик, рассеянно поглаживая холку насторожившейся собаки и в задумчивости глядя на опустевшую набережную, где догорали склады.

— Уже пришел.

Деррик поднял руку и указал на человека, уверенно шагнувшего через площадь к пристаням. Человек был одет в черное и даже на таком расстоянии было заметно, что его левая рука висит на перевязи.

— Явился... — зло прошипел Карбальо. Увидев давнего противника, он мгновенно позабыл о неприязни к корсарам. — Теперь он мне за все ответит!..

И достопочтенный градоправитель едва ли не бегом кинулся к своей свите, которая нерешительно топталась у входа на пристань. Анесса растерянно поглядела ему вслед и, обернувшись к Конану, спросила:

— Что же нам теперь делать?

— Пошли за ним! — без малейшего раздумья отозвался корсар. Его напускное безразличие бесследно исчезло. — Сейчас разберемся, что к чему!

Маэль замешкался и потому оказался в самом конце процессии. Возглавили ее Деррик и Чинкуэда, уже спрыгнувшие с причала на берег и успевшие затесаться в свиту градоправителя. Самого Карбальо Монброн в общей толчее не заметил.

Конан, госпожа Вальеда, Сигурд и изрядно напуганный, но все же решившийся последовать за ними Блайи находились примерно на середине пристани.

Эван остановился в нескольких шагах от Фареса и его людей. Он пришел один, хотя Маэлю показалось, что возле догорающих складов промелькнул кто-то смутно знакомый — то ли Бенни, то ли кто-то из его молчаливых приятелей из таверны «Рыбы слезы». Мысленно Монброн одобрил действия карташеница и изрядно удивился. Такой поступок был достоин, скорее, человека благородного происхождения, нежели контрабандиста. Плоскомордый как-то не укладывался в рамки представлений Маэля о «подозрительной личности».

Монброн быстро зашагал по мокрым доскам пристани, стараясь не выпускать из поля зрения

набережную. Фарес и Эван разговаривали, точнее, говорил один шемит — судя по возмущенной и яростной жестикуляции, что-то доказывал. Плоскомордый стоял со скучающим видом и явно не торопился с оправданиями.

Глава одиннадцатая

асскажи это моей бабушке! Она доверчивая старушка, наверняка тебе посочувствует!..— Голос Фареса с характерным шемским выговором разносился над опустевшей площадью, без труда заглушая все остальные звуки.

Шемит разошелся не на шутку, и потому торопившийся к месту ссоры Монброн никак не мог заставить себя поверить в его слова. Конечно, доказывающий свою правоту человек будет горячиться, но чтобы вот так — с воплями, заламыванием рук и метанием туда-сюда по пристани? Хоть шемитов и прозвали народом лицедеев, Фарес, несомненно, перестарался.

Мазль наконец-то преодолел казавшийся бесконечным причал, протолкался сквозь притихшую свиту Карбальо и побежал к соседней пристани. Он не рискнул вмешиваться в перепалку, а потому присоединился к стоявшим в отдалении госпоже Анессе и Блайи. Бард выглядел

слегка растерянным, Анесса — встревоженной, но старательно пытавшейся скрыть тревогу от посторонних глаз. Монброн расслышал, как она невнятно пробормотала: «Все, все зря... Ну почему так?», и сказал:

— Не отчаивайся, госпожа. Все не так плохо, как кажется. Мы обязательно найдем какой-нибудь выход.

— Я не отчаиваюсь,— мрачно отозвалась Анесса.— Я злюсь. Будь мой дорогой дядюшка чуть понастойчивее, шемитов уже к закату выставили бы вон.

— Силы слишком неравны...— робко заикнулся Маэль.

Госпожа Вальеда надменно вскинула голову:

— В конце концов, это наш город! Да, в Карташене непозволительно маленький гарнизон, но ее жители — это ведь тоже сила!

— Которую еще нужно собрать, построить и сказать, что делать,— буркнул Маэль, не желая затевать ненужный спор. Он прислушивался к происходящему на пристани. Фарес замолчал, наверняка собираясь с силами для новой возмущенной тирады, и Плоскомордый смог заговорить:

— Не знаю, как там насчет твоей бабушки. Моя всегда любила повторять: «Не торопись, внучек, обвинять кого бы то ни было, с этим всегда успеется». Собственно, почему ты взъелся именно на меня? Ни для кого не секрет, что Шем и Зингара уже много столетий делают и не могут поделить морские пути. Вы ненавидите нас, мы — вас, так было всегда, так и останется, пока

кто-нибудь не одержит верх. Но сейчас-то нам какое до этого дело? Мы, Прибрежный Союз, уважаем законы...

— В отличие от некоторых,— вполголоса пробормотали рядом. Маэлю показалось, что это был голос Блайи.

— ...И не занимаемся грабежами,— твердо закончил Эван, многозначительно добавив: — Это больше смахивает на работу тех, что прячутся на Барахских островах!

— Замечательное оправдание,— огрызнулся Фарес.— Откуда мне знать, может, ты давно стал там своим человеком? Иначе с чего бы тут окочничивались эти головорезы? — Шемит ткнул пальцем в корсаров с «Вестрела». — Любой, у кого есть глаза, отлично видел, зная какого цвета не так давно болталось над этой лоханкой!

— Сейчас они служат Зингаре,— холодно отрезал Плоскомордый.— Раз в Кордаве решили, что могут им доверять, то с какой стати я буду в этом сомневаться? Их прошлые дела теперь никого не касаются. И раз уж мы начали вспоминать, кто под каким флагом ходил, не ты ли года два назад...

— Вот это точно не имеет никакого значения! — поспешно и, как показалось Монброну, злобно перебил карташенца Фарес.

— Не имеет, так не имеет,— согласился Эван.— Но как же тогда быть? Вы тут за полдня успели изрядно напакостить, сожгли мои склады, напугали мирных жителей — и все потому, что в Асгалуне кому-то взбрело в голову, будто я уто-

пил парочку-другую ваших кораблей? Знаешь, ты зашел слишком далеко.

Шемит оглянулся на своих, затем жестом позвал Плоскомордого поближе и что-то негромко проговорил. Эван замотал головой, то ли отказываясь, то ли не соглашаясь. Разговор теперь велся на пониженных тонах, плескавшие волны и треск горящего дерева заглушали слова, и Монброн ощутил подступающее разочарование: он пропускал самое любопытное.

Маэль покосился на Анессу. Девушка стояла достаточно далеко от шемитов и находилась под ненадежной, но защитой в лице Блайи и зло ворчавшей Чинкуэды. Кроме того, Карбальо со своей свитой неподалеку... Вряд ли госпоже Вальеда что-то угрожает.

Как можно вежливее извинившись, Монброн сделал несколько шагов и оказался в непосредственной близости от участников ссоры и зрителей — королевских корсаров. Они, как и обещали, не вмешивались, но и молчать не могли.

— Мало ли кто был на Барахских островах... — с раздражением в голосе ворчал Сигурд, вроде бы ни к кому не обращаясь. — А сам-то, сам! Спорю на свою долю с... А, с чего попадетесь! Добрая половина своры этого крикуна в свое время изрядно пошумела на Вольных островах и смылась оттуда, как только им прищемили хвост!..

— Нам-то что с того? — равнодушно заметил Конан. — Меня больше интересует, как Эван собирается выкручиваться.

— Бесспорных доказательств его вины нет, — тоном буквоеда-законника заметил Маэль и сам понял, насколько нелепо прозвучала сейчас эта фраза. Однако ему ответили.

— Доказательств-то нет, но есть «Инеста», — напомнил рулевой «Вестрела». — Вон там качается... Эй, что это?

За разговорами никто не заметил, как от борта «Ветра Эгера» отвалила небольшая шлюпка. Сейчас она пересекала зеленоватое пространство длиной около двух перестрелов, разделявшее корабль под зелено-золотистым знаменем с двумя мечами и берег бухты.

— Это что-то новенькое — отчетливо проговорил Деррик и коротко хмыкнул. — Это может что-то значить... Или не значить ровным счетом ничего.

— Тоже мне, предсказатель выискался, — улыбнулся корсар, однако быстро приближавшаяся лодка заинтересовала и его. — Только гребцы... Что еще задумала шемская скотина?

— Возможно, в самом деле произошло какое-то недоразумение. — Голос Фареса звучал уже несколько тише и спокойнее. Он изобразил приличествующие случаю негодование и ярость и теперь мог позволить себе стать деловитым. — Это необходимо выяснить как можно скорее. Как понимаешь, я не могу тут надолго задерживаться... У меня есть свидетель, который утверждает, что нанят тобой. Я предлагаю тебе побеседовать с ним... В моем присутствии, разумеется. Только ты, я и он. Если тебе удастся убедить меня, что

ты невиновен, то... Я заплачу твоему городу за причиненный моими людьми ущерб и лично тебе за беспокойство. Согласен?

«Разумно,— мысленно согласился с предложением шемита Мазль.— Хотя и безупречно. Свидетель — это, конечно, хорошо. При неперемных условиях — когда он не ищет выгоды, не запуган и не состоит в сговоре... Что-то я действительно становлюсь знатоком законов. Может, Блаий прав и мне пора сменить ремесло?»

Плоскомордый ничего не ответил, но на его лице появилось выражение озадаченной растерянности. Он ожидал враждебности, объявления войны до победного конца — но не предложения спокойно во всем разобраться.

— Мне это не нравится,— неожиданно быстро проговорил Конан и, прежде чем кто-то успел вмешаться, оказался рядом с Фаресом и Плоскомордым. Монброн до сих пор не мог привыкнуть к тому, как стремительно может передвигаться этот человек.— Фарес, ты что затеваешь?

— Ничего дурного,— обиделся шемит.— И помнится, кое-кто обещал не вмешиваться!

— Я и не вмешиваюсь,— рыкнул киммериец.— Я...

Договорить ему не дали.

— Согласен,— сказал Эван.— Где ты прячешь своего свидетеля? На корабле? Что ж, пошли, поговорим.

— Вот и славно,— удовлетворенно кивнул Фарес.— Так и думал, что такой сообразительный молодой человек, как ты, не откажется помочь

все расставить по надлежащим местам. Если сейчас выяснится, что ты не при чем... Что ж, все мы ошибаемся. Я даже готов признать, что моя ошибка оказалась слишком большой, и сполна расплатиться за нее.

— Эван, ты действительно собираешься навеститься в гости к этой лисе? — Капитан «Вестрела», казалось, не верил своим ушам.

— Собираюсь,— подтвердил карташенец.— Что такого? Все равно надо как-то разобраться. Я потолкую с этим свидетелем и, возможно, все закончится...

— Да, закончится,— презрительно скривился Конан.

— Но нельзя же до конца времен стоять и пялиться друг на друга! — возмутился Эван.

— Тогда я пойду с вами,— тоном, не допускающим даже мысли о возражении, заявил Конан.

— Нет,— мгновенно отозвался Фарес.— В лодке не хватит места.

— Ничего, не потонем,— с короткой ухмылкой отмахнулся варвар.

— Ты обещал...— начал шемит, но тут вмешался Плоскомордый:

— Послушай, капитан, он ничего со мной не сделает. Это будет против всех законов. Его же собственные люди перестанут ему подчиняться. Мы побеседуем, и я сразу же вернусь. Ведь так?

— Так, несомненно так,— с готовностью закивал Фарес.

Он обернулся к своим людям, терпеливо ожидавшим возле сходней «Ха-Сема» у начала при-

стани, и что-то гортанно выкрикнул. Цветистое пятно дрогнуло и распалось: кто-то вернулся на борт корабля, кто-то побежал по причалу — встречать подплывающую лодку.

Разогнавшаяся шлюпка ткнулась носом в пристань, с нее перебросили веревочный конец. Шесть поднятых весел замерли, чуть подрагивая, с лопастей струйками бежала вода.

— Прощу, — широким жестом указал на лодку Фарес.

— Если что... — угрожающе проговорил капитан «Вестрела».

— Все будет в порядке, — небрежно отмахнулся Эван.

Плоскомордый прошел по мокрому причалу и ловко спрыгнул в покачивающуюся шлюпку. За ним последовал шемит. Канат отвязали, гребцы дружно охнули, наваливаясь на весла, и стремительная скорлупка понеслась обратно, к отражавшемуся в спокойной зеленоватой глади «Ветру Эгера».

— Фарес слишком труслив и умен, чтобы пойти против законов океана, — убежденно сказал Сигурд, провожая взглядом лодку. — Все обойдется.

— Законы — законами, а пропавшие корабли, извините, кораблями, — вполголоса пробормотал Деррик. — Как хотите, месьоры, а мне все это крайне подозрительно...

— Зачем они отправились туда?

Анесса, оказывается, не смогла больше наблюдать за событиями издали и подошла поближе. Блайи, вздыхая, тащился следом за ней.

— На переговоры, — кратко ответил Конан. — Фарес уверяет, что даст Эвану возможность повидать этого таинственного свидетеля.

— И ты поверил? — возмущенно ахнула девушка.

— Он сам того захотел, — вмешался Сигурд. — Что ж, прикажешь нам его за шкуру держать? Взрослый парень, должен разбираться, что и как...

— Ой, — вдруг тихо сказал Блайи, но все, не стовариваясь, повернулись к нему. Бард, не вступавший в общий разговор, пристально следил за шлюпкой.

За дальностью расстояния никто не смог в точности разглядеть, что произошло. Вот лодка встала вровень с кораблем, сверху, как и полагается, сбросили развернувшийся трап... Кто-то из гребцов натянул веревочную лестницу за нижние ступеньки, чтобы было удобнее подниматься... Фигурка в черном встала в лодке, ухватила одной рукой за перекладину, поставила ногу на нижнюю, умело подтянулась, поднялась выше...

И упала.

Опрокинувшись, спиной вперед шлепнулась в воду. Фарес вскочил, попытался поймать пролетавшее мимо тело, но не успел, и Плоскомордый с неслышным здесь, на берегу, всплеском исчез под водой. Взлетели белые брызги. Гребцы, перевесившись через борт, склонились над водой, кто-то швырнул за борт веревку с грузом на конце...

Над пристанью повисло напряженное молчание. Краем глаза Маэль заметил, что побледнев-

шая Анесса вздрогнула, сделала крошечный шаг назад и начала медленно, как во сне, оседать на доски причала.

Он и Блайи успели подхватить девушку, а забывший о своих обязанностях Деррик не обратил на хозяйку никакого внимания. Он стоял у самого края пристани, вцепившись в невысокий бортик ограждения, и что-то бормотал. По движениям губ Маэль догадался: Деррик считал. Как долго человек может пробыть под водой, не всплывая?

— Госпожа Анесса! — Нет, она как прирожденная зингарийка не могла позволить себе упасть в обморок. Темные глаза были широко открыты, но, похоже, она ничего не видела. — Как ты?

— Со мной все хорошо, — внятно произнесла госпожа Вальеда и в подтверждение своих слов освободилась от поддерживавших ее рук и твердо встала на ноги. — Месьор капитан, ты видел, что там случилось?

— Пятьдесят два... Не выплывет... — растерянно сказал Деррик, но все равно не прекратил считать уходящие мгновения: — Пятьдесят три... Пятьдесят четыре...

— Он сорвался, — севшим голосом ответил за капитана Сигурд. — Его не толкали, он сорвался... Или заметил что-то на борту корабля и сам прыгнул...

— Шестьдесят восемь, — еле слышно произнес Деррик, обшаривая взглядом бухту.

Блайи с тоской смотрел на берег: ему очень хотелось туда, подальше от всех этих тайн.

В шлюпке загалдели. Настолько громко, что отголоски были слышны даже на берегу. Фарес поднялся на борт своего корабля, но гребцы по-прежнему вглядывались в голубовато-зеленую искрящуюся толщу.

Конан молчал. Почему-то это пугало Маэля больше всего.

Даже если Плоскомордый достаточно умелый пловец и, скажем, спрятался под днищем «Ветра Эгера», ему все равно необходимо вынырнуть за следующим глотком воздуха. А вода в гавани Карташены сегодня настолько спокойна и прозрачна, что плывущего человека непременно заметят. Кроме того, будь ты хоть каким умельцем, немного наплаваешь со сломанной или вывихнутой рукой...

Монброну никогда не доводилось тонуть, но сейчас он очень отчетливо представил, как это происходит. Ласковая, теплая вода постепенно становится все темнее и холоднее, играющее на волнах солнце блекнет, до боли, до потери сознания хочется вздохнуть, но вместо воздуха глотаешь воду, соленую влагу океана. А что потом?..

Это казалось невероятным — в яркий, солнечный день прямо у тебя на глазах исчез человек, с которым ты только что разговаривал, который стоял в двух шагах от тебя, ты отчетливо видел ехидный блеск его глаз, слышал голос, раскатисто произносивший слова. И этот человек совершенно по-идиотски сорвался с веревочной лестницы, упал в море, захлебнулся и утонул.

— Идем,— вдруг отрывисто бросил Конан.— Быстро!

— Куда? — растерянно спросил Блайи.— Все кончено. У них больше нет виновного, что им теперь здесь делать?

— С тебя золотой.— Маэль не сразу признал в этом невнятном сипении некогда звонкий голос Деррика.— Ошибаешься. Посмотри на корабль.

Над «Ветром», до того стоявшим неподвижно, взлетели белые полотнища парусов. Тех, что расположены ближе к носу, Маэль не знал, как они называются. Паруса слабо вздулись, опали, снова наполнились... И корабль начал медленно разворачиваться носом к пристаням.

— Идем,— повторил Конан, и на этот раз никто с ним не спорил.

Они спустились с пристани. Месьор градоначальник неуверенно попытался остановить племянницу, но та прошла мимо него, словно не заметила. Деррик на миг задержался, чтобы бросить короткую, резкую фразу, от которой Карбальо вскинулся, точно вытянутый плетью норовистый жеребец. Но Деррик уже ушел, а вслед за ним помчалась его рыжая псина. «Ветер Эгера» закончил разворот и теперь медленно приближался к причалам, раздвигая шелковистые, прохладные волны Закатного океана.

* * *

Нарушив приказ капитана и все морские законы, по крайней мере десять человек из команды «Вестрела» покинули корабль и рассыпа-

лись по причалу. Среди них Маэль признал давешнего знакомого с ярмарки — Асторгу с его неизменной золотой серьгой. Остальных он не знал. Впрочем, завидев капитана, они мгновенно очутились там, где им полагалось находиться,— на борту судна. На пристани остались только мрачнейший на глазах Асторга, грузный зингарец средних лет с роскошными, закрученными вверх усами, и светловолосый парень, похожий на немедийца.

— Только не говори, я сам скажу,— не дал капитану даже рта раскрыть Асторга.— Мы опять по уши в неприятностях? Вы стояли ближе и точно видели — Плоскомордый упал или его столкнули?

— Упал, упал,— закивал Сигурд.— Точно говорю, сорвался!

— Стокнули,— убежденно заявил усач.— Либо Фарес, либо кто-то из гребцов. А может, с корабля стрелу пустили. Ну не может человек с Побережья вот так, запросто, плюхнуться с трапа и отправиться на дно!

— Оорм? — Капитан «Вестрела» повернулся к помалкивавшему немедийцу.— Ты что-нибудь заметил?

— Похоже, он упал сам... С посторонней помощью,— медленно проговорил светловолосый.— Он мог повздорить с Фаресом по дороге туда, мог заподозрить приготовленную на борту ловушку... Я не знаю.

— А какая разница? — нерешительно подал голос Маэль.

Корсары уставились на него так, будто он ляпнул самую страшную глупость за последнюю сотню лет. Околачивавшийся тут же Деррик приглушенно хмыкнул.

— Если Эван сорвался по случайности, то... В общем, жаль парня, конечно, но тогда Фареса и остальных здесь больше ничего не держит,— быстро пояснил Конан.— А коли его столкнули, значит, Фарес ведет какую-то игру и все, что он нам наболтал,— ложь от первого до последнего слова. Возможно, нет у него никакого свидетеля, и Эван как-то об этом догадался. И он ведет «Ветер» к берегу — вот что мне совсем не по душе.

Маэль оглянулся. Госпожа Анесса стояла шагах в пяти от корсаров, прислонившись к ограждению пристани, и рассеянно смотрела на играющую солнечными бликами бухту. Монброн показалось, что она расстроена намного больше, чем старается показать. Может, этот Эван из Бальи был ее... Ну, не другом, конечно, но хорошим знакомым? Или просто преданным ей человеком?

Блайи пребывал в подозрительной близости от девушки, нашептывая ей нечто утешающее. В иное время Маэль обязательно бы постарался незаметно оттеснить не в меру говорливого барда в сторону, но сейчас было не до того.

Месьор градоначальник и его свита удалялись. Вот это заставило Маэля не на шутку насторожиться. Они что, не замечают приближающегося корабля? Или уверены, что после столь странной и, скажем честно, подозрительной смерти Плос-

комордого Фарес тихо-мирно покинет гавань Карташены?

Наполовину потушенные склады уже не горели, а только дымили. За исключением того, в котором хранились винные запасы,— там пламя разгулялось вовсю; и налетавший с моря ветер относил жирный дым в сторону городских кварталов.

На «Ветре Эгера» спустили часть парусов, но, как показалось Маэлю, корабль не замедлил ход. Судно, набравшее разгон, неудержимо скользило по направлению к причалам и наконец тяжело ударилось о них. С борта вниз полетели свернутые канаты и посыпались люди. Им понадобилось всего ничего — не больше двадцати ударов сердца,— чтобы разбиться на десятки и загрохотать по причалу в сторону города.

— Что они делают? — неожиданно тонким голосом спросила Анесса, отступив от края пристани.— Где дядя?

— Он ушел,— растерянно ответил Монброн.— И увел всех своих людей.

Госпожа Вальеда приглушенно, но яростно взвизгнула.

Предводитель корсаров спокойно проговорил:

— Сдается мне, госпожа, твоему городу сегодня крупно не повезло.

Анесса обвела собравшихся на причале мужчин растерянным взглядом. Она была умна, эта молодая знатная красавица из провинциального города, и прекрасно понимала, что ее приказов слушались до определенного времени. У нее нет

ни права, ни власти указывать корсарам, как поступать, да и в любом случае пытаться отстоять Карташену, имея в распоряжении жалкую горстку людей,— просто безумие.

С «Ветра Эгера» на берег высадилось около сотни человек, и еще десяток перемахнул через борт «Ха-Сема». Разномастная, яркая, крикливая, вооруженная до зубов толпа быстро и умело рассыпалась по примыкавшим к гавани улицам. Почти сразу же раздались звуки, сопровождавшие любой погром или стычку: истошный вопль, рассыпчатый звон бьющегося стекла и треск разгорающегося дерева.

Несколько человек направились было к стоявшему возле соседней пристани «Вестрелу», но были тут же остановлены резким окриком. Монброну показалось, что команду отдал Фарес, однако он не смог разглядеть шемита в общей круговерти. Зато увидел злые холодные огоньки, разгоравшиеся в глазах Конана. Корсар был взбешен, в этом не оставалось никакого сомнения, однако держал себя в руках, и Мазль с отстраненным интересом спросил себя, насколько еще хватит терпения варвара и что произойдет, когда оно иссякнет.

Остальные, впрочем, чувствовали себя не лучше. Угрюмые взгляды, искоса бросаемые на стоявшие неподалеку корабли под шемским флагом, приглушенно звучащие голоса, сжимающиеся кулаки — эти люди ощущали себя оскорбленными до глубины души. Причем, как верно рассудил Мазль, оскорбленными дважды. Тем, что они при всем своем желании не могли ничего поделать, и

тем, как было истолковано заявление их капитана о том, что они «будут держаться в стороне».

— Вот и оказались в стороне,— словно подтверждая мысли аквилонца, тоскливо проговорил Деррик.— Фарес даже не позволил их тронуть — широкий жест с его стороны, не правда ли? Город жаль...

— Это... Это грязная история,— выпалил Мазль и слегка смутился, когда корсары повернулись в его сторону.— Это нельзя так оставлять!

— А что ты предлагаешь? — едко спросил Асторга.— Пойти к Фаресу и попросить его прекратить безобразничать?

— Сдается мне, все так и задумывалось с самого начала, а Плоскомордый и пропавшие корабли — только предлог,— тяжело уронил киммериец.— Если так и есть, то мы — сборище редкостных идиотов.

— С чем вас всех и поздравляю,— не удержался Деррик, но сразу замолчал, поймав грозный взгляд капитана «Вестрела».

Над прибрежным кварталом неожиданно взлетел, рассыпая искры и окутываясь синеватым дымом, язык черно-оранжевого пламени. Анесса вздрогнула и попятилась.

— Наверняка все не спялят,— прогудел Сиггурд.— Так, побесятся и решат выкуп взять. Им же самым невыгодно город палить — за это можно и от Кордавы огрести под хвост. Обойдется...

Госпожа Вальеда молча поглядела на ванира, тот сбился и забормотал нечто совершенно невразумительное.

— Я хочу вернуться домой,— тихо, но твердо заявила она.— Кто-нибудь меня проводит?

Блайи посмотрел на корсаров с выражением плохо скрываемого отчаяния. Он уже сообразил, что самое безопасное место в городе — здесь, в гавани, и хотел остаться здесь до тех пор, пока в городе не закончится эта жуткая кутерьма. Бард не слишком понимал, что послужило причиной всех неурядиц, но отлично знал: он не собирается умирать неизвестно ради чего. И никакие прекрасные глаза не заставят его сделать хоть шаг с причала в сторону города, который постепенно охватывало пламя.

Маэль вздохнул, поняв, что этому дню точно не суждено стать лучшим днем его жизни, и уже открыл рот, чтобы предложить свои услуги, когда произошло нечто странное.

Спокойно сидевшая рядом с Анессой Чинкуэда вдруг вскочила и зашла в пронзительном лае, переходящем в совершенно непотребный и не подходящий для такой внушительной собаки щенячий визг. При этом она резко пятилась, пока не уткнулась задом в деревянное ограждение.

— Чинка, что слу... — начал Деррик, оглянувшись и не договорил, замерев с полуоткрытым ртом.

Глубина у причалов была довольно значительной: в Карташену частенько приходили тяжело груженные суда с большой осадкой, и потому городской совет заботился о том, чтобы корабли могли швартоваться у самого берега, а не посредине гавани. Вода здесь была грязно-мутной, ибо со дна постоянно поднимался взбаламученный

песок. Кроме того, с кораблей, несмотря на строжайшие запрещения, то и дело сливали за борт использованную воду и выкидывали отбросы.

И сейчас серо-зеленоватая поверхность колыхнулась, беззвучно раскололась и вытолкнула из себя огромную коричнево-золотистую чешуйчатую голову, украшенную желтоватыми рогами.

Таинственное существо, обосновавшееся на побережье Карташены, вновь пожаловало в гости к людям.

* * *

Зверь отлично все рассчитал: большинство находившихся в гавани людей и жители прибрежных кварталов были слишком заняты, чтобы обратить на него внимание. С шемских кораблей дракона не замечали: его укрывал корпус «Вестрела» и он предусмотрительно не поднимал голову слишком высоко над волнами. Видимо, длины его лап вполне хватало, чтобы устойчиво стоять на дне.

Увидев всплывающего ящера, привязанный возле входа на пристань вороной жеребец заржал, рванулся, оборвав поводья, и, не разбирая дороги, помчался вдоль набережной.

— Только тебя еще не доставало, ящерица безмозглая! — прорычал Конан.

Его люди мгновенно рассыпались по причалу, кто-то с размаху прыгнул на борт судна. Маэль не сомневался, что разбежались они не от испуга — к тому же они видели дракона раньше, — а чтобы подготовиться к возможной схватке.

Блайи издал какой-то неопределенный жалобный звук и попытался незаметно убраться с причала. Ему это не удалось — ноги отказались идти, и бард присел на скользкие от наросших водорослей доски.

— Не трогайте его! — оживилась упавшая было духом Анесса. Она пробежала по причалу и решительно загородила собой раскачивающуюся морду зверя. На морде появилась плохо скрываемая ласково-ехидная ухмылка. — Геллир, зачем ты вернулся? Ты не представляешь, как это опасно!

«Он уже и Геллир, — сокрушенно отметил про себя Маэль. — Нет, я его сейчас точно прикончу!.. Если меня не опередят...»

Чинкуэда гавкнула в последний раз и замолчала, поглядывая на хозяина — бежать или все-таки нападать?

Деррик, привалившись к ограждению, задумчиво созерцал вынырнувшего из морских волн дракона. Не придя ни к какому решению, он принялся насвистывать, словно никакого рогатого и чешуйчатого чудовища не было и в помине.

— Что за скверная людская привычка — для начала оскорбить собеседника? — невозмутимо заявил дракон. — Может, я хочу просто поговорить с вами? Кстати, Анесса, благодарю за заботу.

«Убью проклятую тварь», — твердо решил Монброн, а вслух выкрикнул:

— Мы уже разговаривали. Или ты уже так быстро позабыл?

Голова зверя медленно повернулась к нему, блеснув желтыми глазами:

— Я прожил на свете очень много лет и помню больше, чем ты можешь представить. В том числе и тебя, маленькое крикливое существо. Впрочем, я рад, что ты не разбился, выпав из моего... дома.

— Спасибо, — поклонился Маэль. — Значит, ты не только долгожитель, но еще и добрейшей души существо?

— Прекрати, — тихо, но твердо потребовала Анесса и обратилась к дракону, точно к давнему знакомому: — Геллир, пожалуйста, улетай. Здесь... Здесь сейчас не все благополучно.

— Я вижу. — Тяжелая голова слегка качнулась из стороны в сторону, создав на воде цепь крохотных завихрений. — У меня, между прочим, тоже не все благополучно.

Зверь приподнялся и с плеском вытащил из воды левое крыло, наполовину развернув его. У самого основания тонкая не то кожа, не то чешуя скомкалась, образовав неприятный на вид и покрытый коркой запекшейся крови рубец, отчего некогда совершенное по своим очертаниям крыло выглядело перекошенным.

— Счастье, что на нас все быстро заживает, — сварливо заметил дракон. — Мне, между прочим, еще с луну ждать, пока можно будет снова взлететь. Думаете, тому, кто рожден крылатым, очень приятно уподобляться неразумной рыбе? Но, вынужден признать, удар был нанесен рукой мастера. Тебе случайно не приходилось раньше сталкиваться с моими сородичами?

— Доводилось, — брякнул Конан, но тут же опомнился: — Слушай, в самом деле, что тебе

нужно? Ты же удрал, и я был уверен — навсегда. Что тебя опять-то в город понесло, да еще в плавь?

— Серьезность ваших намерений, — внушительно проговорил ящер по имени Геллир.

Над кварталами полыхнул е де один, на этот раз темно-багровый, язык пламени, уже ближе к холму, главенствующему над городом. На причалах этого не заметили: все были поглощены разговором с жутким зверем.

— Так вот, я убедился, что вы все равно не оставите меня в покое, — степенно продолжал дракон. — Ведь так?

Конан и Маэль переглянулись.

— Ну, в общем-то да... — растерянно проговорил Монброн, не уверенный более ни в чем.

— Ага, — более воодушевленно подтвердил корсарский капитан. — Вот только разберемся со здешними поганцами и сразу за тебя примемся.

— Я так и знал. — Зверь тяжело вздохнул, подняв вокруг себя небольшую волну. — И никому из вас, смертных, не придет в голову, что мне нет до вас никакого дела. Что я терпеть не могу прятаться по сырым темным пещерам и вечно убежать! Я примирился с тем, что мир отныне принадлежит вам, но я не позволю делать из меня...

— Мы поняли, — перебил ящера Конан. — Но сейчас и без тебя полно хлопот. Ты не мог бы побыстрее растолковать, чего ты, собственно, хочешь? Чтобы тебя немедленно отправили на драконьи небеса, или как они там у вас называются? Чтобы ты больше не мучился и не прятался?

— Я не позволю! — возмутилась госпожа Вальеде.

— Хотя я прожил дольше, чем вы все, вместе взятые, — раздраженно буркнул Геллир, — но умирать не тороплюсь. Я хочу, чтобы меня оставили в покое, — он заметил нетерпеливый жест корсара и, наполовину вытащив из воды переднюю лапу, предостерегающе поднял когтистый палец, — и потому хочу предложить... Как это будет по-вашему? Сделку.

— Чего-о? — точно не веря своим ушам, протянул державшийся за спиной капитана Сигурд. — Какую такую сделку?

— Помолчи, а? — оборвал рулевого Конан и повернулся к зверю. — Что-то я недопонял... Какая может быть сделка между нами, людьми, и таким... существом, как ты?

— Самая обыкновенная. — Пасть чешуйчатого ящера скривилась в подобии ухмылки. — Что в вашем представлении обозначается словом «сделка»? Одно человеческое существо выполняет для другого какое-то дело в обмен на определенные услуги или оплату, и наоборот. Я прав?

— Более чем, — подтвердил Маэль. Он наконец справился со своей растерянностью и решил принять участие в разговоре. Как-никак, он тоже заинтересованная сторона. Иначе зачем он приехал в этот городок на Побережье, на солнышке греться, что ли?

Анесса, поняв, что никто не собирается причинять вреда ее крылатому любимцу, осторожно отошла поближе к корсарам и Маэлю. Блайи не-

уверенно поднялся на ноги, нерешительно покосился по сторонам и остался на месте, ожидая, что будет дальше. Со стороны города долетели крики, лязг столкнувшегося оружия и характерный шорох, производимый сыпавшейся с крыши черепицей. Пламя над городом стало чуточку пониже, но зато охватило большее пространство и украсилось пышным столбом темно-серого дыма.

— Сделка,— задумчиво повторил киммериец.— Нет, я отлично знаю, что значит это слово. Но мне как-то больше доводилось заключать договоры с людьми, а не с драконами и всякими чудовищами. Нет, вру, приходилось сталкиваться и с не-людьми. Надуть, кстати, пытались и те, и другие. Но безуспешно.

— Каковы же твои условия, позволь узнать? — съехидничал Монброн.

— Мне кажется, они вполне приемлемы.— Зверь очень удачно скопировал интонацию человека, но дальше заговорил уже серьезнее: — Я хочу предложить вам помощь. По-моему, у вас тут небольшая война и вы ее проигрываете, если уже не проиграли.

— А взамен? — быстро спросил Конан, прикидывая в уме, как можно использовать неожиданное предложение ящера. Получалось, что в этом случае отряд из двух десятков человек (кого-то все равно придется оставить на борту корабля — мало ли что?) мгновенно становится равен небольшой отлично вооруженной армии. С такой силой, особенно если разумно ее распределить, можно расправиться с Фаресом, пока он не сжег

весь город. Про себя киммериец уже решил, что согласится. Монброн наверняка будет кричать, что это против традиций, ну и наплевать. Главное, чтобы зверюга не потребовала сейчас луну с парой звездочек в придачу.

— Взамен вы поможете мне разыскать одного человека, который скрывается где-то в городе,— взвешивая каждое слово, проговорил Геллир,— и, возможно, спрятанную им вещь.

— Какого человека? — насторожился Маэль.— И зачем? Если ты ищешь его, чтобы убить, то я отказываюсь...

— Заладили — «убить» да «убить»...— В узких глазах дракона полыхнул сердитый огонек.— Поговорить я с ним хочу. Потолковать по душам, так сказать.

— Неужели вы ему верите?

Хранивший молчание Деррик неожиданно оттолкнулся от деревянных перил и буквально вылетел на середину причала. Невысокий рост, разлохмаченная шапка волос и мордочка обезьянки из Черных Королевств больше не казались забавными. Мирный зверек оскалился и был готов вцепиться клыками в горло любому, кто протянет к нему руку.

— Как вы можете? Вы что, не видите, кто он и кто вы? Хорошо, госпожа Анесса как милосердная женщина склонна к неоправданному сочувствию, но ты-то, месьюр Монброн! А ты, месьюр капитан? У вас что, ум за разум зашел? Какой может быть договор с этой проклятой богами тварью, вылезшей из моря?

Пожалуй, только Маэль, Блайи и Анесса поняли, что имел в виду Деррик, назвав дракона «выходящей из моря тварью». Это была строчка из старого-старого, почти пятисотлетней давности, пророчества какого-то спятившего мага.

«Сначала будет черный дым по всей земле,— вспомнил Маэль,— потом из моря выйдет трехголовый зверь с девятью рогами, и все реки и моря пересохнут... А потом? Кажется, там было еще что-то про полчища скорпионов и очищающий огонь... Не помню, хоть убей!»

— Деррик, что на тебя опять нашло? — очень ласково спросила Анесса. Блайи подумал, что сравнил бы ее голос с медом, если бы в этом жидком золоте не плавала еле заметная капля темного яда.

— Ну-ну,— фыркнул ящер, плеснув по воде кончиком хвоста.— Я, конечно, не спорю, что с человеком меня спутать весьма трудно и что для вас я — тварь чешуйчатая, но учтите — городок-то ваш разгорается потихоньку. Скоро совсем сгорит.

Госпожа Вальеде несколько мгновений смотрела на Карташену, над которой поднималось уже с десяток дымных столбов, потом умоляюще глянула на Маэля и перевела взгляд на киммерийца.

«Все беды мира — от женщин,— с тоской вздохнул Монброн.— Если она еще разок так посмотрит на меня, я соглашусь на любые договоры. С кем угодно, даже с драконом. Или пойду спасать город в одиночку. Пусть убивают, все равно мне конец, хоть так, хоть эдак. И что мне дома не сиделось?»

— Деррик, тебя ящерица в детстве не кусала? — ни с того ни с сего поинтересовался Конан. Слегка опешивший Деррик отрицательно помотал головой, и корсар заключил: — Если б кусала, тогда было бы понятно, почему ты драконов не жалуешь. Ну чего ты взъелся на бедного зверя? Надоело ему по пещерам прятаться, и я его вполне понимаю. Ты мне вот что скажи, только честно,— он повернулся к терпеливо ожидавшему зверю,— пропавшие корабли — твоя работа?

— За всю свою жизнь я утопил одно-единственное судно. Случилось это по чистому недоразумению, лет триста назад и далеко отсюда,— медленно проговорил Геллир.— Подозреваю, что ты мне неверишь, но я сказал правду.

— Драконы не умеют лгать.— К искреннему удивлению Монброна, эти слова принадлежали Сигурду. Ванир подошел поближе и с интересом разглядывал держащегося вровень с причалом зверя.— Это всем известно. Они никогда не говорят всей правды, но и не лгут. Он ни при чем.

— По-моему, это было ясно с самого начала,— съязвила Анесса.— Просто Эван...

Она не договорила, осеклась, побледнела и отшатнулась назад от плеснувшей на пристань волны, как от языка пламени.

— Вот как? — задумчиво протянул Конан. Какое-то время — не больше пяти ударов сердца — корсарский капитан колебался, принимая решение, но затем махнул рукой: — Ладно! Надо как-то вытаскивать задницу градоправителя из огня, что развел Фарес. Стоять и глазеть не в мо-

их правилах. Какого человека ты хочешь отыскать?

— Я скажу потом.— Дракон подплыл ближе и наполовину высунулся из воды.— Возможно, случится так, что я найду его и пропавшую по его вине вещь сам... Итак?

— По рукам,— кивнул Конан и оглянулся: — Маэль! Тебя это тоже касается!

— Я согласен,— вздохнул Монброн и вполголоса добавил: — Домой мне теперь лучше не показываться.

— В мире полным-полно других интересных мест,— пожал плечами киммериец.— Или ты собирался всю жизнь проторчать дома?.. Эй, зверюга!

— Геллир, если ты не против.— Дракон на миг окунулся в воду и с шумом вынырнул. Мокрая чешуя заблестела, переливаясь зелено-золотистым и коричневым цветом.— Как я понял, мы трое отныне связаны договором?

— Умный ты больно для ящерицы,— беззлобно проворчал корсар.— Вылезти на берег сможешь?

— Конечно,— слегка обиделся ящер.— Кстати, тебе не кажется, что ты кое-что забыл? Я, конечно, не человек, но все-таки...

На этот раз Маэль догадался первым. Он подошел к краю причала и протянул руку, с затаенным страхом ожидая, что будет.

Зверь поднялся на задние лапы, шумно фыркнул и осторожно вытянул правую переднюю, растопырив огромные когти, каждый длиной не меньше двух локтей.

Люди сдержанно пожали предложенную лапу, вернее, коготь дружбы.

— Я вас предупреждал,— голосом, полным неподдельного отчаяния, сказал Деррик.— Потом во всем вините только себя. А я умываю руки, удаляюсь в отшельничество и отказываюсь участвовать в ваших безумствах!

Однако, несмотря на грозное заявление, он никуда не пошел, а остался на пристани, усевшись в обнимку с мелко вздрагивающей Чинкузой. Маэль предусмотрительно отошел в сторону, к Анессе и Блайи, который по-прежнему не верил своим глазам. Монброн с сожалением посмотрел на обрывки поводьев, болтавшиеся на чугунной тумбе. Хороший был конь. Может, потом удастся его разыскать.

Геллир, загребая лапами и помогая себе здоровым крылом, подплыл к берегу и без особого усилия вскарабкался на низкую набережную. На берегу он снова приобрел внушительную телесность и, казалось, стал несколько крупнее. По-собачьи встряхнувшись, дракон фыркнул, прочищая ноздри, и улегся на теплые камни, выжидая.

— Мне мерещится, правда? — без особой надежды спросил бард.— И ящер, и пожары в городе, и какие-то шемиты...

— Лучше бы пожары и шемиты тебе действительно мерещились,— буркнул Маэль.

Анесса ничего не сказала. Она неотрывно смотрела на охваченную пожарами Карташину. Монброну показалось, что госпожа Бальеда очень

расстроена. Что же теперь ее огорчило? Наверняка беспорядки в любимом городе...

Конан тем временем принялся распоряжаться. Довольно быстро вся его команда оказалась на причале, выстроенная в некое подобие шеренги. Затем она разбилась на пятерки и вышла на берег, держась на уважительном расстоянии от ящера. Несколько человек — среди них Монброн заметил усатого толстяка — остались на причале. Толстяк шумно возмущался и доказывал, что он еще вполне способен проломить десяток-другой черепов и что крайне несправедливо оставлять его на борту.

— Шевелись, шевелись, — подтолкнул его капитан. — Алькасар, ты, кстати, тоже зря собрался на берег. — Он оглянулся, выискивая кого-то взглядом. — Анесса! Иди сюда!

Госпожа Вальедо оторвалась от созерцания города и медленно, точно во сне, пошла к корсару. Блайи, мысленно взмолившись, чтобы все это поскорее кончилось, последовал за ней.

Деррик посмотрел им вслед, погладил собаку по широкому затылку и что-то прошептал ей в ухо. Чинкуэда недоверчиво наклонила лобастую голову, пара выпуклых красных глаз огорченно уставилась на хозяина.

— Я тебя очень прошу, — Деррик подтолкнул свою любимицу в сторону «Вестрела», — побудь на корабле. И присмотри за Анессой, ладно?

Рыжая псина тяжело вздохнула, лизнула хозяйина в щеку и нехотя потрусила к судну. Деррик, болезненно скривившись, отвернулся, тряхнул

правой рукой, подхватил выпавший из рукава длинный кинжал с зазубринами на лезвии и принялся крутить его, втыкая в подгнившие доски пристани.

— ...Вам лучше остаться здесь, — твердо заявил Конан подошедшим Анессе и Блайи. — Полежайте на борт. В городе вам делать совершенно нечего, а тут вы будете в безопасности. Алькасар! Ты мне головой отвечаешь за эту парочку, понял?

— Да понял, понял, не глухой, — недовольно пробурчал Алькасар, уже седой, но все еще бодрый старик.

— Сиди там, Анесса! — выкрикнул на прощание Конан и побежал по пристани к берегу, махнув ожидавшему Маэлю. — Никуда не уходи и ничего не бойся. Если встречу твоего дядюшку, постараюсь пригнать его сюда.

— Безумие чистой воды, — сказал сам себе Деррик, поднялся, убрал кинжал и побежал вслед за всеми.

Дракон Геллир лежал на берегу и грелся. Над его чешуей поднимался еле различимый пар. А может, это был вовсе не пар, а дым от тлеющих развалин складов Эвана Плоскомордого...

— У меня вопрос, — сказал ящер, когда корсарский капитан, аквилонец и ненавязчиво следовавший за ними Деррик спустились на берег и подошли поближе. — Почему бы мне или вам для начала не уничтожить во-он те корабли?

— Потому что тогда Фаресу и его людям будет некуда отступать, — пояснил Конан. — И они нач-

нут драться всерьез. Тогда я даже за твою жизнь не поручусь, хоть ты и оброс броней с головы до хвоста. Все, что нам надо, заставить их отступить к причалам. Потом пусть уматывают на все четыре стороны. Главное — прекратить грабежи и поджоги. Поэтому старайся не слишком плеваться огнем, идет?

— Хорошо.— Дракон кивнул и поднялся, мгновенно заставив людей почувствовать себя крошечными и беззащитными.— Куда я должен идти?

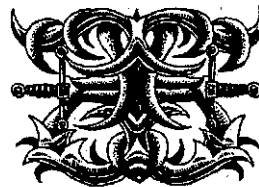
— С ним,— распорядился Конан, кивнув на растерявшегося Маэля.— Обойдете шемитов и нападете со стороны холма. Только не дайте им увидеть себя раньше времени. Мы пойдем туда же. Похоже, они держатся кучей, значит, будет легче гнать их к гавани. Все, идем! Покажем, кто здесь главный!

Маленький отряд рассыпался по узким старинным улочкам, устремившись в более возвышенную часть Карташены. Золотисто-коричневый ящер и казавшийся очень маленьким рядом с ним человек задержались на несколько мгновений, а затем, выбрав приглянувшуюся улицу, побежали вверх по ней.

Девушка в черно-синем платье, стоявшая у борта корабля, смотрела на горящий город и беззвучно плакала, сжимая в ладони какой-то поблескивающий предмет.

Глава двенадцатая

Казалось крайне неудобно бежать рядом с драконом. Маэль еще раз мимолетно пожалел об удравшем коне. Ящер, собственно, не бежал, а неспешно трусил, но человеку приходилось изрядно напрягаться, чтобы не отставать. Невтягивающиеся когти зверя звонко клацали по булыжникам мостовой, выбивая заметные даже при солнечном свете красно-оранжевые искры и оставляя глубокие царапины. От дракона пахло старой кожей и нагретым металлом.

— Собственно, куда мы направляемся? — до отвращения вежливо поинтересовался Геллир, будто не собирался вот-вот принять участие в маленькой войне.— Ты знаешь расположение улиц города?

— Нет,— помотал головой Маэль.— Дорогу в Дом На Холме, то есть к усадьбе градоправителя, знаю. Но мы уже проскочили нужный поворот два перекрестка назад. Так что побежим туда, где

громче всего кричат, а потом сообразим, как быть дальше.

— В этих словах заключена вся краткая история людского рода,— меланхолично заметил дракон и грузно перескочил через забытую посередине улицы тележку. В окрестных домах зазвенели стекла, а в окне на миг промелькнуло чье-то перекошенное бледное лицо.— Вы прибегаете, не разбираясь, начинаете разить налево и направо, а когда вокруг наступает тишина, хватаетесь за головы и причитаете: «Что же мы натворили?»

— Тогда чего не сиделось в пещерах? — огрызнулся Монброн. Разговаривать на бегу было трудно, но аквилонец подозревал, что другого случая побеседовать с драконом может просто не выпасть.

— Жить всем хочется,— кратко ответил ящер.— И как я уже говорил, нельзя превращать жизнь в вечную игру... Как там она называется?

— Догонялки,— пропыхтел Маэль.— Стой! Ты повыше, посмотри, где больше всего горит?

Дракон послушно остановился, со скрежетом пробороздив когтями плиты мостовой. Монброн привалился к теплой стене дома и перевел дух. Зверь сильным толчком оторвал переднюю часть туловища от земли и уселся, опираясь на толстый хвост. Рогатая голова поднялась вровень со вторыми этажами домов, узкие желтые глаза обшарили открывшееся пространство.

— Впереди,— понизив голос до очень громкого человеческого, сообщил Геллир.— И чуть ле-

вее от нас. Еще... Э-э... Два квартала. По-моему, они движутся к холму.

— Неудивительно,— хмыкнул Маэль.— Они собрались за головой месьора градоправителя. Точнее, за его кошельком. Хочешь прекратить погром — плати. И все-таки кто же утопил эти несчастные корабли? Ты не знаешь?

— Понятия не имею.— Зверь снова опустился на четыре лапы и раздраженно махнул хвостом, сбив вывеску рыбной лавки.— Ты можешь идти? Учти, если надеешься проехаться на моей шее, то напрасно. В мире был только один человек, которому я мог позволить использовать меня как верховое животное...

Дракон вновь неторопливо зашагал вверх по улице. Монброн, беззвучно выругавшись, нагнал его.

— Подожди, подожди! Эй, Геллир! Так, значит, все записанное в летописях моего рода — правда? Про тебя, и про Раэна Танасульского, и про...

— Я, как нетрудно догадаться, не читал ваших летописи,— сухо отозвался дракон.— Потому не знаю, что ты считаешь правдой, а что ложью. Истина в том, что я знал этого человека, учил его владеть Силой, а он меня предал. Вот и все.

— Но ведь еще было последнее сражение,— настаивал Маэль, успешно делая вид, что не замечает недовольства зверя и его нежелания вспоминать столь давние события.— В старой крепости Монбронов, которая сгорела! Там не нашли

ваших останков! Теперь выясняется, что ты — вот он, вполне живой. Где же тогда Разн? Погиб на развалинах? И где был ты все эти годы? Ведь прошло почти пятьсот лет!

— Понятия не имею, — рыкнул Геллир, и из его расширившихся ноздрей потекли вверх две тонкие, еле заметные струйки светло-серого дыма.

Монброн понял, что лучше замолчать либо поскорее сменить тему: ящер начинал сердиться.

Они свернули в очередной проулок и уткнулись в глухую стену высотой около человеческого роста, увитую плющом с розовыми цветочками.

Отряд Фареса, как показалось Маэлю, находился где-то совсем неподалеку. Судя по лязгу оружия и коротким щелчкам, сопровождавшим выстрелы из арбалета, бой шел чуть ли не за этой стеной, столь неожиданно преградившей дорогу.

Но если отчетливо слышался металлический звон, значит, среди обывателей Карташены нашлись те, кто рискнул вступить в схватку с шемитами. Или корсары с «Вестрела» уже добрались до места, а теперь пытаются оттеснить противника к гавани. Без обещанной поддержки им придется туго...

Маэль посмотрел на стену и понял, что плети вьюнка не выдержат его веса, если он попытается взобраться по ним наверх. Попросить ящера помочь? Бесполезно, не согласится.

— В обход! — скомандовал Монброн и лихо развернулся к выходу из тупика. — Поищем другую дорогу.

— Зачем? — Дракон наклонил голову и чуть искоса посмотрел на человека.

— Затем, что я не умею летать, а у тебя полкрыла отрублено! — рявкнул Маэль, слегка удивившись собственной дерзости. — Слышишь, там уже бьются? Мы опаздываем!

— Никуда мы не опаздываем, — безмятежно заявил Геллир. — Отойди в сторону.

Он опустил голову и осторожно толкнул человека носом, отодвигая к стене дома слева. Маэлю ничего не оставалось, как подчиниться: попытка справиться с драконом была равнозначна надежде задержать разлившуюся реку силой взгляда.

Рогатая голова Геллира отодвинулась назад, качнулась пару раз, примериваясь, а затем стремительно нанесла удар по каменной кладке. Брызнули во все стороны расколотые плиты, обломки скрепляющего раствора и оборванные растения.

Когда пыль немного улеглась, ящер взглядом знатока оценил произведенные разрушения (в стене появилась дыра, достаточная, чтобы протиснуться всаднику на лошади), остался недоволен и повторил удар. Стена рассыпалась.

«Вроде мы должны спасти город, а вместо этого разваливаем его», — отстраненно подумал Маэль, устремляясь вслед за драконом. Растоптанные ящером в мелкую щебенку камни скрипели под сапогами.

С другой стороны рухнувшей преграды тянулась ничем не примечательная улица. Ни шемитов, ни горожан, к недоумению и разочарованию Монброна, на ней не было.

— Ошиблись,— с легким разочарованием в голосе проговорил дракон и прислушался.— Они где-то рядом, но где? Мы можем пробегать до самого вечера и никого не найти!

— Пойдем к холму,— решил Маэль.

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперед и тут же остановился, потянувшись к рукояти меча.

Из узкой щели переулка, расположенного шагах в десяти, выскочил человек. Монброн не успел разобрать, кто это — спасавшийся бегством горожанин или, наоборот, преследовавший жертву грабитель. Незнакомый, пробежав по пустынной улице, вдруг судорожно взмахнул руками, шлепнулся на мостовую, проехал по ней несколько шагов, с размаху ткнулся головой в стену противоположного дома и замер, более не подавая признаков жизни. Между его лопатками торчало жесткое оперение арбалетного болта.

Вслед за ним из переулка вынырнул его убийца. Маэль почувствовал некоторое облегчение, узнав его и убедившись, что краткая сценка, развернувшаяся перед ним и драконом, всего-навсего справедливое возмездие.

Преследователем оказался не кто иной, как Бенни из таверны «Рыбьи слезы», подручный Эвана Плоскомордого. Вот демон, теперь же надо говорить — покойного Плоскомордого... Инте-

ресно, Бенни и прочие знают, что лишились жоака?

— Эй! — негромко позвал Монброн.

Бенни, ловко обшаривавший карманы и пояс своего почившего противника, оглянулся. И сел прямо на мостовую, уставившись медленно вылезавшими из орбит глазами на снисходительно поглядывавшего на него сверху вниз ящера.

— Что это с ним? — озабоченно спросил Геллир, когда Бенни сделал неуверенную попытку, не вставая, отползти подальше.— Мне кажется, этому человеку нехорошо.

— В солнечный денек посмотришь, пожалуйста, в воду,— хмыкнув, посоветовал аквилонец.— Может, среди своих родичей ты и считаешься красавцем, но люди, видишь ли, не привыкли к преспокойно разгуливающим по городу драконам.

Геллир звонко фыркнул и дернул хвостом. На его чешуйчатой морде появилось выражение, очень напоминавшее ироничную ухмылку.

— Он не собирается на тебя нападать,— заверил Монброн медленно отползавшего вверх по улице Бенни.— Ему вообще нет до тебя дела. Так что вставай. Кстати, ты не окажешь мне, то есть нам, одну услугу?

— К-какую? — икнул побелевший Бенни.

— Ты не знаешь, что там творится? — Маэль махнул рукой туда, откуда доносились лязг, шум и приглушенные вопли.

— Фаресовы молодчики сцепились с городской гвардией и свитой градоправителя,— уже

уверенней проговорил Бенни и снова уставился на дракона.— Что-то я ничего не понимаю, благородный месьор... Эта тварь мне мерещится?

— Нет,— с бесконечным терпением сказал ящер и щелкнул хвостом.— Я настоящий. Проверять будешь? Не хочется? И на том спасибо.

— Его зовут Геллир,— представил дракона Маэль. Ему все еще казалось, что он видит дурной сон и никак не может проснуться.— Геллир, это Бенни... Слушай, может, ты встанешь? Или так и будешь сидеть?

Бенни потряс головой, что-то пробормотал, а затем, держась за стену, поднялся на ноги и сразу же почувствовал себя несколько уверенней, потому что спросил:

— Так что тебе нужно-то, благородный месьор? И этому... Этой зверюге?

— Как можно быстрее попасть туда, где идет бой,— вместо человека ответил ящер.

— Ага.— Судя по лицу Бенни, он начал соображать, что к чему.— Это можно... Слушай, ты Эвана не видел? Я хотел с ним в гавань пойти, а он меня прогнал, сказал, что сам разберется. Вот я и брожу, как дурак, шемитов из-за угла постреливаю...

— Эван утонул,— кратко ответил Маэль.

— Как утонул? — оторопел Бенни.— Он же плавает, что рыба...

— Он отправился на корабль Фареса — на переговоры,— быстро сказал Монброн.— И сорвался с лестницы. То есть с трапа. Может, не сорвался, а ему помогли, я не разглядел. Фарес после этого

спустил свою свору с поводка и натравил на город. Остальное ты сам видишь. Послушай, мы торопимся. Если можешь помочь — идем, нет — сиди здесь.

— Ой, мамочка моя родная, как все плохо...— тоскливо протянул Бенни.— Вот они с чего на нас бросились... А мы-то головы ломаем... Теперь вместо Эвана наверняка будут нового вожака выбирать, а где мы возьмем второго такого? Худо-то как...

— Нам некогда,— бесцеремонно прервал причитания контрабандиста дракон.

Карташенец тут же замолчал, а в его глазах вспыхнул приглушенный злой огонек.

— Вы что — собираетесь вдвоем выгнать Фареса из города? — едко осведомился он.— Конечно, дракон есть дракон, но все же...

— Там еще должны быть люди Конана,— небрежно бросил Маэль.— Может, они уже добрались до шемитов или шемиты до них, а мы тут стоим и разговоры с тобой разговариваем.

— Пошли.— Бенни решительно подхватил брошенный арбалет.— Если эти шемские скотины ухлопали Эвана, то пускай начинают копать себе уютные могилки. У нас ведь никогда в жизни такого вожака не было и не будет, понимаете?!

— Мы понимаем,— заверил Монброн, а дракон церемонно кивнул.— Так куда идти?

* * *

Анесса неподвижно сидела на бухте толстого каната, безучастно глядя на изгибавшееся дугой

зелено-золотистое побережье Карташены. Все попытки Блайи занять девушку легкомысленной болтовней ни к чему не приводили. Денек сегодня выдался не из легких, так что желание госпожи Вальеда побыть в одиночестве было вполне понятным и простибельным.

Убедившись, что все его старания бесполезны, бард в очередной раз мысленно выругал себя за излишнее любопытство и, пожав плечами, отошел. Иной раз полезнее отступить, чем настаивать на своем. Если госпоже угодно хранить молчание — ее дело.

Чинкуэда, неотрывно следовавшая за Анессой, свернулась у ее ног, положив тяжелую голову на лапы. Огромной псине, как уже убедился Блайи, можно было доверять. Она не допустит, чтобы с госпожой что-нибудь случилось. Впрочем, Анесса и так находится под надежной защитой: ее охраняет слово капитана. Так что не будет большой беды, если он ненадолго отлучится. А госпожа Вальеда отдохнет и успокоится.

Самому Блайи тоже настоятельно требовался отдых. Желательно в тихом и спокойном местечке, где представления не имеют о погромах, пожарах и прочих шумных развлечениях «настоящих мужчин». И самое главное — где нет никаких драконов.

Ящер своим поведением окончательно сбивал Блайи с толку. Он все делал не так. И в завершение длинной цепочки нелепостей отправился вместе с людьми спасать людской же город

от грабителей! Да где ж такое видано? Кто в такое поверит? Еще лжецом назовут или кем похуже...

С другой стороны, когда это в балладах говорилась правда? Да, в какой-то мере она там есть... Третья или четвертая доля истины. Баллада — не сухое изложение событий, а пышный цветущий куст, выросший из неприглядного корня действительности. Так было всегда, так будет, и никакие неправильные драконы не изменят сложившихся традиций! Людям неинтересно слушать о том, что было на самом деле. Не для того ли боги подарили им такой коварный и прекрасный дар, как воображение, чтобы превращать убогий городишко в неприступную крепость, дырявую лодку — в украшенную коврами галеру, а самую обычную девчонку — в первую красавицу королевства? Так и здесь. Слушатели поверят тому, что сложит он, и чем дальше его сочинение будет от правды, тем лучше. Да, тем лучше!

Блайи потряс головой, отгоняя мрачные мысли, и, пользуясь тем, что никто из оставшихся на борту членов команды за ним не присматривал, отправился на прогулку по корсарскому судну.

Вблизи оно оказалось гораздо меньше, чем выглядело с причала, и имело, если так можно было выразиться, три отдельных яруса: более высокие нос и корму и углубленную среднюю часть с выступающими посередине плоскими люками трюмов. Блайи, то и дело спотыкавшийся

ся о какие-то бочонки, мешки, связки канатов и прочего добра, решил, что корабль перегружен непонятными вещами. Возможно, в походе все это убиралось вниз, но сейчас раскиданный повсюду хлам изрядно затруднял прогулку.

Благополучно добравшись до надстройки на корме, Блайи вскарабкался по узкой лестнице, мельком подумав, каково же носиться вверх и вниз по таким крутым ступенькам в шторм.

На кормовой площадке было довольно просторно и на удивление чисто. Ослепительно блестя начищенные рукоятки круглого руля, несколько удивившего Блайи: на знакомых ему речных судах руль более напоминал увеличенное весло, установленное на корме. В углу площадки громоздилось угловатое сооружение, плотно закутанное в грубую мешковину.

Воровато оглянувшись по сторонам, Блайи подержался за отполированные рукояти рулевого колеса. Они были теплыми и бархатистыми на ощупь, прикосновение к ним наводило на мысли о бушующих штормах и неизведанных просторах. Повернуть колесо бард не решился. Вместо этого он перегнулся через резные деревянные поручни ограждения и посмотрел вниз. Локтях в шести-семи под ним плескались зеленовато-прозрачные волны. Где-то в этой теплой и ласковой на вид воде опускался все ниже и ниже труп человека по имени Эван Плоскомордый. А может, он уже лежит на дне, куда не достают солнечные лучи

и где неторопливо проплывают важные пузатые рыбы со светящимися мертвым светом глазами...

Да что за ерунда все время в голову лезет! Какое ему, Тейразу Блайи, уроженцу Пуантена, дело до здешних загадок и смертей! Ему бы самому уцелеть на этой безумной карташенской карусели! Хорошо капитану: его вообще не волнуют такие трудности. Воплощенное непоколебимое здравомыслие. А он, Блайи, натура творческая, деликатная и склонная к мирной созерцательной жизни...

Бард вздохнул над своей тяжелой судьбой, облокотился на широкие перила и посмотрел, что делается на берегу. Судя по огонькам вспыхивающих пожаров, шемиты уверенно и без особых трудностей продвигались к Дому На Холме. Блайи попытался высмотреть дракона, но, видимо, ящера загораживали дома и красные черепичные крыши. Интересно, как там дела у Маэля? Неплохой парень, жаль будет, если его случайно убьют. Хотя вряд ли. Потомок рода Монброннов отлично знает, с какой стороны рукоять у меча и как с ним обращаться. Он сумеет за себя постоять и не пропадет.

Блайи с любопытством обозрел гавань и стоявшие в ней корабли. Два сцепленных вместе одномачтовых судна так и продолжали покачиваться у входа в бухту, закрывая вход любому крупному кораблю. Большой двухмачтовик с широкой площадкой для арбалетчиков на носу, похожий на «Вестрел», и маленькое изящ-

ное судно по-прежнему стояли у соседнего причала. На них кто-то оставался — бард видел перемещавшиеся по палубе фигурки в ярких одеждах.

Так, а это у нас что? Лодка. Вернее, две лодки. Пересекают бухту. Откуда они взялись? Не с тех ли двух кораблей? И куда направляются?

Шлюпки одна за другой скрылись за высоким бортом «Ветра Эгера», и Блайи потерял к ним интерес. Наверное, оставшимся не у дел шемитам надоело торчать посередине гавани, вот они и решили навестить друзей.

В городе что-то ярко полыхнуло. Сразу вслед за вспышкой послышался низкий, угрожающий рев, который мог принадлежать только дракону. Ага, Геллир добрался до места и вступил в схватку. Кстати, куда подевался столь невзлюбивший ящера Деррик? На корабле его нет, на причалах или набережной тоже не видно... Неужели сбежал под шумок? Или ушел с корсарами, бросив свою хозяйку вкуче с четвероногой любимицей на произвол судьбы? Что ж, позже он весьма пожалеет о своем неосторожном поступке. И пускай не обижается, обнаружив, что его место подле госпожи Анессы занято. Кто успел первым, тому и сокровища, кто не успел — грызи лапу. Так, наверное, выразился бы капитан «Вестрела». И был бы совершенно прав.

В поле зрения размечтавшегося Блайи снова возникли две шлюпки. Людей в них, кажется, стало больше. Лодки низко сидели в воде, едва

не зачерпывая ее бортами. Бард слегка нахмурился, увидев, что шлюпки неторопливо огибают соседний причал и разворачиваются носами к практически пустому корсарскому кораблю.

Блайи вполголоса охнул и кубарем скатился вниз по крутой лестнице на палубу. Завертел головой из стороны в сторону, ища взглядом кого-нибудь из команды. Боги, да неужели они все смылись в город, оставив его наедине с принявшей обет молчания Анессой?

— Эй! — завопил бард. — Есть кто живой? Сюда шемиты плывут!

Госпожа Вальедо не шевельнулась. Блайи подумал, что она вряд ли вообще слышала его крик. Зато Чинкуэда вскочила и заворчала.

— Чего надрываешься? — Крышка одного из люков на палубе приподнялась, из-под нее высунулась голова. Черные усищи топорщились, маленькие, чуть навывкате, глаза смотрели несколько недовольно и раздраженно. — Какие такие шемиты?

— Вон там.

Блайи махнул рукой, указывая на приближавшиеся лодки. Корсар выбрался наружу, нехотя глянул в указанном направлении, схватился за голову и истошно заорал, как незадолго до того бард:

— Алькасар! Где тебя носит, старый краб?! Сойрус! Рендо! Куда вы все подевались, бездельники, проходимцы, мерзавцы засоленные...

Чинкуэда на всякий случай громко залаяла. Анесса вздрогнула, провела рукой по лицу и оглянулась, не понимая, что происходит.

Впрочем, суматоха длилась недолго. Ровно столько, сколько потребовалось гребцам в шлюпках на два-три взмаха веслами, а вчетверо уменьшившейся команде «Вестрела», чтобы собраться на нижней палубе. Блайи с разочарованием обнаружил, что охрана корабля доверена немолодым уже людям, и с затаенным страхом подумал, что же теперь будет с ним и с Анессой. Может, зря он решил остаться на судне и в городе было бы безопаснее?

Корсары, однако, не торопились сдаваться раньше времени. Старший, Алькасар, выдубленный ветрами и безжалостным временем до цвета старой мореной древесины, с падающими из-под ярко-красного головного платка жидкими пегими лохмами, принялся распоряжаться:

— Зел, Рендо — на бак, готовьте баллисту. Деву — вниз. Сойрус, арбалет в зубы, марш на мачту — снимаешь любого, кто только попытается сунуться на палубу. Ты... — Старик, презрительно сощурившись, глянул на притихшего Блайи. — Ты тоже пригодишься. Уберите псину, чтоб не крутилась под ногами!

Спустя мгновение на палубе не осталось никого, кроме растерянного Блайи и озабоченно кусавшей губы Анессы. Девушка бросила один короткий взгляд на шемские шляпки, повернулась, махнув подолом, и исчезла в открытой пасти люка.

Бард наконец понял, что оказался втянут в самую настоящую войну. Правда, маленькую и никем не объявленную, но от этого не ставшую более приятной.

Сверху, с кормовой надстройки, донесся насадный скрип. Блайи задрал голову и увидел, что за предмет скрывался под мешковиной. Баллиста — увеличенный в три-четыре раза и водруженный на устойчивый треножник самострел. Усатый толстяк и помогавший ему долговязый белокрысы тип поспешно крутили ворот, натягивая широкие арбалетные рога.

— Эй, на «Вестреле»! — жизнерадостно проорали с вырвавшейся вперед шлюпки. — Вы что такие боязливые? К ним в гости заглянешь, а они палить собираются! Совсем взбесились, да?

— Мы гостей не звали, — равнодушно отозвался подошедший к борту Алькасар и сплюнул в воду. — Так что левое табань, правое загребай, и передавайте наш поклон Фаресу, ежели он вернется.

На лодке захохотали, хотя, как показалось Блайи, несколько нарочито. Взмахи весел стали реже, а рядом со второй шлюпкой вскипел низкий пенный бурунчик: лопасти весел опустились в воду, почти остановив движение. Попадать под выстрел баллисты не хотелось никому, тем более что толстый болт вполне мог проделать в досках большую дыру.

— Перестань, — раздался другой голос, более холодный. Говоривший привстал, но Блайи не смог разглядеть его лица — только зеленую по-

трепанную рубаху без рукавов и желтую повязку на голове.— Вас там раз-два и обчелся. Остальные ушли в город, совать нос не в свои дела. Их предупреждали? — Нестройный хор подтвердил, что да, конечно, по-хорошему предупреждали.— Мы вам ничего не сделаем. Уберите вашу дурацкую стрелялку и спустите трап.

«Ага, не сделают,— хмыкнул Блайи и, вздохнув, вытянул из ножен свое единственное оружие — короткий широкий клинок, больше напоминавший удлиненный кинжал. Он купил его здесь, на ярмарке в Карташене, взамен оставшегося в доме недоброй памяти Кабортальезы легкого меча.— Только выкинут за борт с камнями на шее. А госпожу Вальедо наверняка заберут с собой. Она важная птица, не чета нам, ее дядюшка из кожи вылезет, чтобы вернуть племянницу. Как же все плохо получается...»

Лодка еле заметно скользнула вперед, еще немного приблизившись к «Вестрелу». Блайи настороженно покосился на корму: две фигуры возле баллисты не шевелились.

«Чего они ждут? Ну чего?»

— Вам все равно конец! — крикнули со шлюпки.— И вашему капитану тоже!

— Бей,— сухо скомандовал Алькасар.

Загудела спущенная тетива, баллиста качнулась назад, а отправившийся в полет болт с жужжанием воткнулся в задравшуюся лопасть весла, расщепив ее надвое.

— Вперед! — заорал шемит в зеленой рубашке и в тот же миг неуклюже опрокинулся, едва не вывалившись за борт.

Над ухом Блайи что-то звонко щелкнуло. Бард непроизвольно присел и резко обернулся.

Рядом стояла госпожа Вальедо. В руках у нее был арбалет, и она, прижав полированное ложе самострела к крыше палубной надстройки, торопливо перезаряжала его. Тут же были разложены в ряд несколько мешочков с болтами.

— Анесса, что ты здесь делаешь? — выдавил из себя Блайи.

— Дышу свежим воздухом,— огрызнулась племянница градоправителя и носком бархатной туфельки подтолкнула к барду второй арбалет, валявшийся на палубе.— Забирай.

— Откуда он взялся? — Блайи в растерянности поднял оружие.

— В трюме из сундука стащила.— Девушка закончила перезарядку, подняла арбалет к плечу и снова выстрелила по лодке. Как показалось Блайи, ее стрела нашла свою цель. На корме глухо ухнула баллиста — второй болт лег прицельнее, почти на уровне воды. Шлюпка тем не менее продолжала двигаться вперед, а вторая, сменив курс, зашла со стороны кормы.— Да стреляй же! Они вот-вот до нас доберутся!

Бард наконец справился с внезапным оцепенением, схватил первую попавшуюся стрелу, сунул в щель и, почти не целясь, торопливо дернул за крючок. Кажется, он промахнулся, но немало.

Несколько следующих мгновений навсегда выпали из жизни Блайи, а если и вспоминались, то обрывками кошмаров. Однако тогда — он запомнил точно — ему не было страшно. Было весело и легко, точно все происходило с кем-то другим.

В памяти сохранились короткие щелчки арбалетов, хлопанье баллисты, цокающие удары, означавшие, что чья-то стрела попала в дерево, и другие удары, более мягкие, напоминавшие шлепки. Потом вертевшийся на рее Сойрус пронзительно завопил, к нему присоединилась Анесса — взъерошенная, азартная и совсем не похожая на чопорную благовоспитанную девицу из хорошей семьи. Бард осторожно выглянул из-за фальшборта и тоже заулюлюкал: первая шляпка, высоко задрав нос, медленно погружалась в воду, с нее прыгали уцелевшие шемиты.

— На бак, на бак! — отчаянно выкрикивал Алькасар, и они побежали на бак, то есть на корму.

Анесса споткнулась на ступеньках лестницы, запутавшись в собственном подоле, Блайи с Сойрусом вытянули ее наверх. Мимо проскочила Чинкуэда, а над бортом мелькнул железный крюк, который тут же впился в дерево. За ним показалась плешивая голова с узким носом в зубах. Собака рывкнула прямо в лицо шемиту, он взвизгнул, а затем истошно завопил: любимица Деррика вцепилась клыками ему в ухо...

Еще Блайи помнил, что с кем-то дрался, сбоку лязгали ножи, а сзади кричали: «Отойди! Отвали в сторону, я его пристрелю!», но отойти было никак нельзя, и на лезвиях клинков вспыхивали ослепительные солнечные брызги... Чьи-то лица, надрывающиеся в крике рты, мелькание пестрых тряпок и снова хищный блеск оружия... Широкий нож белобрысого Рендо с размаху опустился, перерубленная веревка змеей скользнула вниз, а через мгновение туда же полетел и выдернутый из досок крюк.

И стало очень тихо.

Блайи обнаружил, что сидит приваляясь спиной к вогнутому фальшборту и что-то насвистывает. Рядом развалилась Чинкуэда, тяжело дыша и ухмыляясь растянутой пастью. Морда рыжей псины была выпачкана в крови.

Кровь расплывалась бесформенными пятнами и по некогда белому рукаву рубашки Блайи, но, кажется, она была чужой.

— Повезло, — пробормотали рядом. Бард хотя поднял голову и увидел стоявшего рядом Алькасара. Тот смотрел на море, провожая взглядом шляпку и людей, плывущих к соседнему причалу. — Они не рискнули лезть дальше, удрали. Вряд ли вернутся. А Фарес еще об этом пожалеет...

Подошла Анесса, на ходу приглаживая растрепанные волосы. Блайи попытался встать и, к своему удивлению, сделал это без особого труда.

— Неплохо для болтуна и городской вертушки, — буркнул старый корсар и ушел на корму,

где Рендо и усач, вновь закрывая баллисту мешковиной, громко смеялись.

— Надо же, нас похвалили,— безразлично заметила госпожа Вальедо.— Пожалуй, в отношении тебя, месьор Блайи, это вполне справедливо. Можешь гордиться. Такие похвалы так просто не раздают.

— Но...— опешил Блайи,— ты ведь тоже заслуживаешь...

— А! — Девушка махнула рукой и отвернулась.— Мне теперь все равно.

Бард ничего не понял, но на всякий случай многозначительно промолчал.

Пламя над городом слегка поутихло, однако понять, что там происходит, было невозможно. Оставалось только надеяться на лучшее и ждать.

* * *

Маэль из рода Монбронов, бронзово-коричневый дракон по имени Геллир и сопровождавший их уроженец Карташены Бенни с разбегу вылетели на небольшую площадь с обязательным фонтаном посередине и остановились. Точнее, остановился Бенни, а Маэля задержала лишь опустившаяся и преградившая дорогу голова ящера.

— Не торопись,— внушительно проговорил дракон.— Давай-ка сначала сообразим, где от нас больше проку.

— Вы соображайте, а я пошел,— зло оскалился Бенни, сорвался с места и исчез в людской кру-

говерти. Кажется, он всерьез намеревался отомстить шемитам за погибшего вожака.

Монброн глубоко вздохнул и огляделся. Все было настолько увлечены схваткой, что не обратили внимания даже на огромного крылатого ящера.

Возле фонтана, где еще сегодняшним утром стояли навесы уличных торговцев, теперь опрокинутые и превращенные в баррикады, дрались молодые люди из свиты градоправителя. Самого Карбальо Маэль не заметил. На вливавшейся в площадь широкой улице, судя по азартным воплям, орудовали корсары с «Вестрела». Третью линию обороны создали набравшиеся смелости и вооружившиеся чем попало горожане, которые засели в приземистом одноэтажном доме, где совсем недавно располагалась таверна. Их было довольно много, хотя толку от их стараний — почти никакого.

Яркой красно-желтой формы городских стражников не было видно нигде...

— С кого начнем? — нарушил молчание дракон. Говорить ему приходилось почти шепотом. Его нормальный голос без труда заглушил бы все шумы.

— С них.— Монброн жестом полководца указал на таверну, превратившуюся в осажденный форт.— Заодно прогоним лишних, чтобы не мешались.

— А как мы туда попадем? — озадаченно наклонил голову ящер.— Прямо через площадь? Нас заметят.

— Обойдем. Давай в тот переулок.

Приглянувшаяся Маэлю улица оказалась слишком тесной для дракона. Он со скрежетом царапал чешуйчатыми боками по каменной облицовке и недовольно ворчал. Вырвавшись наконец на свободу — они выскочили на задворках таверны, — Геллир облегченно вздохнул и слегка расправил крылья.

— Начинаем? — обратился он к человеку.

Монброну показалось, что в глубине холодных глаз ящера разгорается веселый огонек боевого азарта. Страшно даже представить, что мог бы натворить Геллир, обладай он злобным нравом. Карташена уже к вечеру превратилась бы в груды дымящихся развалин.

— Пошли, — согласился Маэль, но, когда дракон уже сделал первый шаг, неожиданно протянул руку, коснулся жесткого кожистого крыла и торопливо произнес: — Геллир, ты... Ты все-таки будь поосторожнее. Попадут стрелой в глаз — и никакая чешуя не спасет...

Ящер подозрительно прищурился:

— Можно узнать, с чего вдруг тебя одолели заботы о моей драгоценной жизни?

Маэль окончательно смутился и отвел взгляд, нервно постукивая себя по голенищу лезвием меча.

— Ну-у... Мы же теперь вроде как союзники. Я больше не собираюсь тебя убивать, так что... Какой смысл в том, если ты страдаешь от случайного выстрела?

— В таком случае это тебе стоило бы проявить разумную осторожность, — неожиданно мягко и

отчасти печально заметил дракон. — У меня хоть чешуя есть. Ладно, я тронут и прошу прощения, что не так тебя понял. В конце концов, я привык к совершенно иным отношениям с людьми... Пора.

Геллир, низко пригнувшись к земле и став похожим на гигантскую ящерицу, над спиной которой колыхались полуразвернутые крылья, скользящим шагом устремился вперед. Монброн последовал за ним.

«А домой мне лучше носа не показывать, — не вовремя и невпопад подумал он, обегая перевернутую тележку, из которой высыпались ящики с зеленью. — Надо же, как все странно... Я приехал убивать дракона, а теперь вместе с ним же спасаю совершенно незнакомый мне город от грабителей, вообще не имеющих никакого отношения к моей стране. И мне вовсе не хочется, чтобы Геллир пострадал. Госпожа Вальеда права: он куда больше похож на человека, чем на зверя...»

Геллир одним прыжком преодолел оставшееся расстояние и вылетел на площадь.

Неизвестно, кто испугался больше — нападавшие или оборонявшиеся. Во всяком случае, на какой-то миг площадь накрыла вязкая, обволакивающая тишина. Маэлю даже показалось, что он расслышал, как падают переливавшиеся через чашу фонтана капли.

Дракон решил показать себя по всей красе. На миг его крылья распахнулись полностью, затем ящер запрокинул рогатую голову и низко, протяжно взревел. Маэль, по неосторожности встав-

ший совсем рядом со зверем, на десять или двенадцать ударов сердца оглох и лишь с удивлением смотрел, как открываются рты, из которых не вылетает ни звука.

Потом началась паника.

Большинство горожан кинулись врассыпную. Монброн с удовлетворением отметил, что вместе с перепуганными обывателями с площади удрала и часть шемитов. Правда, положение от этого стало ненамного лучше: два десятка корсаров с «Вестрела» против двух или двух с половиной сотен рассыпавшихся по городу людей Фареса.

В другое время даже надеяться на победу было бы нечего, но сегодня на стороне корсаров сражался дикий ящер.

За свою весьма долгую жизнь Геллир, похоже, умудрился овладеть начатками такой совершенно чуждой драконам науки, как людская военная тактика. Он напугал и частично рассеял нападавших своим неожиданным появлением, а сейчас закреплял успех. Маэль понял, что его помощь дракону не требуется, и рванулся в завязавшуюся возле фонтана схватку.

Расправившись с шемитами, осаждавшими таверну, ящер шумно встряхнулся и решил уделить внимание королевским корсарам. Заодно он мимоходом разрушил часть завалов у фонтана, что позволило оборонявшимся вырваться на открытое место и перейти в наступление.

Сверху площадь, наверное, напоминала клочущий водоворот, куда вливались все новые и

новые струи и по кругам которого носился небывалый чешуйчатый крылатый корабль. Ящер не мог слишком часто плевать огнем: он не хотел устроить пожар, но еще больше страшился задеть людей. Он не мог и подняться в воздух, что сразу же поставило бы его в выигрышное положение. Однако люди предпочитали не приближаться к рассерженному дракону.

Зверь применил свой излюбленный прием — развернулся к противникам задом и махнул длинным хвостом, украшенным заостренными выступами гребня. Десятка два не ожидавших этого шемитов как косой смело. Геллир не поручился бы, что у кое-кого из них не переломаны ноги, но... Это война. Они сами выбирали свою судьбу, так что нечего жаловаться.

Какой-то глупец попытался ударить ножом по кончику хвоста. Зубатая клешня открылась, щелкнула и легко перекусила рукоять. Нападавший изумленно взглянул на сломанный нож, затем повернулся и бросился со всех ног к ближайшей улице.

— Геллир! Эй, Геллир!

Дракон повернул голову, ища взглядом, откуда донесся крик. Высокий темноволосый человек, легко проскользнув мимо дерущихся, оказался рядом с ящером и махнул рукой, указывая на поднимавшийся над городом холм.

— Надо наведаться туда! Эй, ты слышишь?

— Слышу, только зачем? — отозвался ящер, аккуратно ставя хвостом подножку очередному противнику.

— Большинство ушло туда, за градоправителем и его людьми. Тут и без нас справятся.

Геллир оглянулся, осмотрел площадь и понял, что киммериец прав.

Собственно, после вмешательства ящера бой очень быстро сошел на нет. В двух или трех местах еще поблескивали клинки и кто-то истощно орал дурным голосом, но в целом сражение в этом квартале было выиграно. Шемиты отступали к морю, их преследовали осмелевшие горожане.

— Далеко собрались? — Из общей свалки выскочил Мазль, весьма довольный собой и радостно улыбающийся. — Впрочем, куда бы вы ни пошли, я с вами... Геллир, как дела?

— Не так уж и плохо. — Дракон вытянул лапу и аккуратно почистил когти о каменный поребрик фонтана. — Здесь, похоже, мы больше не нужны. Куда желаете направиться дальше?

— На холм, — отрывисто распорядился предводитель корсаров и, не тратя более времени на объяснения, широкими шагами устремился вверх по улице.

Ящер и человек переглянулись.

— За ним? — сам у себя спросил Мазль и ответил: — За ним!

Дракон никаких вопросов не задавал. Он просто встряхнулся и припустил тяжелой рысью, выворачивая плиты из мостовой и сбивая еще уцелевшие навесы над брошенными лавками уличных торговцев. Монброн на бегу оглянулся и с тихой радостью отметил, что на охоту за

головой Фареса они отправляются не втроем — за ними потянулась команда «Вестрела» и кое-кто из вошедших во вкус горожан. Мазлю показалось, что он заметил Деррика, но тот мгновенно исчез из виду. Монброн пожал плечами и тут же забыл об этом.

Фарес допустил ошибку, позволив командам своих кораблей рассыпаться. Разобщенные отряды, разумеется, не могли успешно сопротивляться, и вскоре запутанный квартал зажиточных купцов и ремесленников превратился в арену мгновенно вспыхивавших и тут же затихавших схваток.

По молчаливому договору шемитам оставляли возможность бросить похищенное и беспрепятственно отступить к гавани. Благоразумных нашлось довольно много, что лишний раз подтвердило репутацию шемитов как нации торгашей. Впрочем, таких, кто предпочел принять бой, оказалось не меньше, а потому узкие старые улочки Карташены наполнились азартными воплями, звоном оружия и редким посвистом арбалетных стрел.

Какое-то время Мазль следовал за Конаном и Геллиром, но, ввязавшись в очередную схватку, потерял их из вида. Когда же ему удалось выскочить на очищенную от неприятеля улицу, эти двое уже исчезли. Отправляться на поиски не имело смысла.

Для очистки совести Монброн заглянул в проулок, где в последний раз видел проблеск узорчатой чешуи, но там никого не было.

И вдруг из-под низкой каменной арки выглянул чернобородый человек в зеленом халате и с обмотанной вокруг головы ярко-зеленой повязкой. Он на миг задержался, разговаривая с кем-то остававшимся в доме, затем прислушался к шуму и, недовольно скривившись, зашагал по улице. Так, будто все происходившее вокруг его не касалось.

Маэль поудобнее перехватил рукоять меча.

— Фарес! Стой!

Предводитель шемитов оглянулся через плечо.

— А-а... Тебе-то, мальчик, что понадобилось в этом сборище безумцев? Можешь не тревожиться, я уже ухожу.

— Никуда ты не уходишь.

Маэль осторожно, маленькими шажками, начал приближаться к противнику. Переполюнявившее его незнакомое чувство — какое-то бесшабашное веселье, смешанное с охотничьим азартом, — рвалось наружу, и, видимо, Фарес почувствовал это.

Обманчиво сонные темные глаза вдруг настоженно заблестели, а в следующий миг Монброну пришлось резко уходить в сторону, выскальзывая из-под летящего сверху лезвия. Такой удар был совершенно против правил, но это больше не имело значения. Как выяснилось в последние два дня, любые правила и законы созданы именно для того, чтобы их нарушать!

Прямой, узкий аквилонский клинок с гардой в виде причудливо сплетенных ветвей скрестился с шемским мечом, тяжелым, слегка изогнутым

и расширявшимся на конце. Маэль удачно отбил несколько первых, самых яростных ударов, вынудил противника развернуться лицом к солнцу и заплясал по вытершимся камням карташенской мостовой. Он не хотел убивать шемита — его смерть никому была не нужна, а вот живой Фарес мог рассказать много прелюбопытного.

Вскоре Монброн решил, что поторопился напасть и вообще эта мысль была не самой удачной. Тут уже стоит задуматься, как уцелеть самому, а не как расправиться с противником, сохранив ему жизнь. Переулок, видимо, и в мирные дни был уединенным, а сейчас, когда все жители попрятались по домам, остается рассчитывать только на себя. Вряд ли здесь появятся люди Конана — им своих забот хватает...

«Опять вляпался, — уныло поздравил себя Маэль, отступая вниз по улице и едва не поскользываясь на камнях. За мельканием звенящих клинков он отчетливо различал лицо противника, сузившиеся зрачки и оскаленные зубы, казавшиеся на фоне черной бороды ослепительно белыми. — Ради чего я, собственно, дерусь? Ради незнакомо-го города, в котором никогда не жил и никогда не буду жить? Ради прекрасной и грустной женщины, которая никогда мне не улыбнется ласковой, чем того требуют правила приличия? Ради брошенной на ходу мимолетной похвалы неразговорчивого киммерийца, которого я вижу первый и, возможно, последний раз в жизни? ...Или ради того, чтобы огромное золоти-

стое существо, жестоко оскорбленное моим предком, хоть чуть-чуть, но сменило мнение о людях к лучшему? Ради чего? Какая, в сущности, разница? Ты защищаешь этот чужой тебе город и живущих в нем людей, что куда нужнее, чем гоняться за драконами!»

Монброн потрянул головой, точно конь, отгоняющий навязчивую муху, и с яростным воплем бросился в атаку. Шемит, уже считавший свою победу делом решенным, от неожиданности попятился и позволил прижать себя к стене дома. Последовал каскад стремительных обменов выпадами и ударами, едва не лишивший Маэля оружия. Непривычный изогнутый клинок противника то и дело нырял вниз, норовя кончиком зацепить меч за переплетения гарды. Дважды Монброн успевал вовремя отдернуть руку, в третий раз замешкался, судорожно рванул оружие на себя и услышал лязг скачущего по камням металла...

Маэль озадаченно уставился на меч шемита, лежавший поперек проулка. Фарес с не меньшим изумлением взглянул сначала на свои руки, потом на мостовую, потом — вопросительно и слегка растерянно — на противника.

Монброн попятился. Конечно, традиции требовали дать Фаресу возможность поднять клинок и продолжить бой, но тогда, скорее всего, он прикончит Маэля из рода Монбронов и благополучно удерет...

Сомнения разрешили несколько человек, появившиеся в ближнем конце улицы. Один из них выкрикнул имя Фареса, добавив: «Держите его!»

— Вот так... — пробормотал Маэль, опуская меч и прислоняясь к теплой стене дома.

Сквозь ослепительные солнечные лучи он видел, как шемит попытался сбежать, как его догнали, сбили с ног и начали умело связывать. Потом все заволочло белесым туманом, и Маэль очнулся только от осторожного похлопывания по плечу. Недовольно приоткрыв глаза, он увидел стоявшего рядом незнакомого светловолосого парня и раскачивавшееся у самого носа блестящее синеватое лезвие.

В следующий миг все встало на свои места. Незнакомца, как вспомнил Маэль, звали Ормом. Кривой меч принадлежал Фаресу и теперь стал его, Монброна, законной добычей.

— Живой? — спросил Орм. — Это ничего, что мы твою добычу слегка того... Помяли, пока ловили? Мы его с собой прихватим, идет? Эй, с тобой все в порядке?

— Ага, — сказал Маэль и, протянув руку, взял оружие Фареса. Меч оказался непривычно тяжелым, с очень удобной рукоятью, обмотанной шершавой повитершейся замшей. — Куда вы его потащите?

— В гавань, — отозвался корсар и с плохо скрываемой завистью добавил: — Как это ты его завалять умудрился? Он же один из лучших на Побережье!

— Уметь надо, — небрежно ответил Монброн и, точно вспомнив что-то, спросил: — Ты Геллира... То есть дракона... Не видел?

Орм помотал головой:

— Нет. Они с капитаном куда-то к холму подались. Пошли обратно, все кончено. Мы победили!

Глава тринадцатая

Всегда хотел знать, каково это — зарабатывать на истреблении чудовищ? И как за нас платят — за каждую голову или скопом? — спрашивал дракон.

У Геллира, как выяснилось при ближайшем знакомстве, имелась крайне неприятная привычка — задавать неподходящие вопросы в неподходящее время. А может, вовсе не привычка. Возможно, ящер, неплохо изучивший за долгие годы характер людей, нарочно приберегал самые каверзные расспросы до того момента, когда внимание человека будет полностью отвлечено и он против воли скажет правду.

— Кто тебе наболтал такую чушь? — огрызнулся Конан.

— Анесса.

— Понятно... — снисходительно буркнул киммериец. — Развешивай уши пошире, еще не то узнаешь. А-а, у тебя даже ушей-то нормальных нет... Берегись!

Предупреждение было своевременным, но человеку несравненно легче метнуться в сторону, нежели огромному крылатому существу пятнадцати шагов длиной, да еще на узкой улице. Так что Геллир получил свою стрелу, которая проскрежетала по чешуе и застряла между пластинами гребня на шее ящера. Дракон раздраженно передернулся, древко с еле слышным хрустом сломалось. В следующий миг желтые глаза выследили злополучного стрелка, что притаился на покатой крыше за дымовой трубой, и ящер наградил обидчика тугой струей теплого воздуха, которая сбила человека с ног и скинула во внутренний двор. Оттуда донесся треск ломавшегося дерева и короткий вопль.

— Живой,— равнодушно отметил дракон и еще раз судорожно дернулся, как лошадь, отгоняющая назойливую муху. Темно-зеленые с коричневыми полосами твердые костяные пластины встали дыбом.

— Наконечник застрял? — догадался Конан.— Помочь?

— Он самый... Сейчас вытряхну, не в первый раз.

Избавившись от досаждавшего кусочка металла, дракон двинулся дальше, иногда вытягивая шею и пытаясь заглянуть через крыши окрестных домов.

— Мог и в глаз попасть,— как бы невзначай заметил киммериец.

— Так не попал же,— отмахнулся ящер.— Стрелы не так опасны, как кажется. Хотя с тех

пор как вы, люди, додумались до этих жутких штук, арбалетов, приходится все время быть на чеку. Мир, конечно, не должен стоять на месте, но порой мне кажется, что он движется слишком быстро... Так что там насчет чудищ, которых ты убил?

— Любопытный ты больно,— беззлобно хмыкнул Конан и повторил: — Зарабатывать на истреблении чудовищ... Выдумал же какой-то идиот, а все повторяют. Никто даже не вспомнит, что рискую я не чьей-нибудь шкурой, а своей собственной. Причем не один раз, а дважды или трижды. И чаще всего — задарма.

— Дважды? — недоуменно переспросил Геллир.— С какой стати? А задарма почему?

— Первый раз — когда охочусь,— объяснил корсар.— Второй — когда прихожу к заказчику и говорю, что работа сделана. В последний миг он наверняка постарается увильнуть от расплаты. Бедняга рассчитывал, что я прикончу чудовище, а оно — меня. Что начинается, когда я все-таки возвращаюсь... Иногда приходится сначала расправляться с монстром, потом — с тем, кто требовал голову зверя, коготь или еще что. А потом со всех ног удирать от возмущенных родственничков покойного, или от его хозяина, или от городской стражи, которой почему-то не приглянулась твоя физиономия.

— Трудно, наверное? — посочувствовал ящер, качая огромной рогатой головой.

— Я привык,— безмятежно ответил Конан.— Зато скучать не приходится.

— Охотно верю.— Геллир на миг задержался, чтобы поддеть хвостом неосторожно высунувшегося из-за угла шемита.— Если не секрет — за меня тоже обещали заплатить? Интересно было бы знать сколько.

— Точной цены я не называл,— ушел от ответа киммериец.— Сказал — закончим дело и сочтемся. Не расстраивайся, вытянул бы столько, сколько смог. Месьор градоначальник — человек богатый и драконов в отличие от своей племянницы не жалуется. Интересно будет глянуть на него, когда он узнает, что «проклятая тварь» — это про тебя, про тебя, не сомневайся — защищала его город...

— А Маэль? — Геллира очень интересовало, сколько стоит его голова.— Сколько просил он?

— Нисколько,— презрительно фыркнул корсар.— Парень по молодости слегка чокнутый. Ввязался в эту безумную карусель из-за традиций предков и прекрасных глазок нашей общей знакомой по имени Анесса... Одного не понимаю, она-то в тебе что нашла?

— Анесса очень милая девушка...— На морде ящера появилось мечтательно-рассеянное выражение, в точности как у Монброна и Блайи в те мгновения, когда эти молодые люди думали, что госпожа Вальеда не смотрит в их сторону.

— Кто бы спорил.

— ...И она умеет видеть не только глазами, — завершил свою мысль Геллир и вздохнул.

— Не морочь мне голову,— раздраженно прервал его Конан.— Дракон он и есть дракон, с

какой стороны ни посмотри. Большая огнедышащая ящерица с крыльями и не в меру длинным языком. Кстати, насчет огня. Дыхни-ка во-он туда, только осторожно, крышу не подпали. И без того полгорода разнесли. Отлично! Смотри, как посыпались! Тебе никогда не доводилось разрушать крепости? Монброн что-то плел...

— Это было давно. Я почти ничего не помню,— неохотно процедил ящер и выпустил еще один язык пламени — бледно-красный, почти неразличимый в солнечном свете.— Я тогда здорово разолился.

— Да уж наверно,— понимающе кивнул капитан «Вестрела» и деловито поинтересовался: — Что вы там не поделили? Какую-нибудь магическую безделушку?

— Нет...— Дракон помотал головой.— Все обстояло намного проще. Мы делили власть. Знаешь, как это случается — отцы и дети, учителя и ученики... Слово за слово, заклинание в ответ на заклинание... Слегка перестарались.

— Ничего себе слегка,— со смесью восхищения и презрения проговорил Конан.— Монброну и его родне ваша ссора сейчас икается. Они ж, как я понял, с тех пор положили себе закон — убивать всех драконов. Упорные ребята, ничего не скажешь... Слушай, что за человека ты ищешь в этом многострадальном городишке? Тут людей — раз-два и обчелся. Спросил бы у Анессы, раз вы такие друзья. Она точно знакома если не со всеми жителями, то с большей частью.

— Анесса ничего не знает и не может знать,— неожиданно резко сказал ящер и сердито запыхтел.— Не нужно вмешивать посторонних.

— Хочешь сказать, что милая девочка Анесса слишком любопытна? — прищурился Конан.

— Хочу сказать, что ценю ее жизнь и не хочу рисковать ею,— отчеканил Геллир.

— Вот как? — насторожился киммериец, и в его голосе зазвучало плохо скрываемое подозрение.— Значит, твой потерявшийся приятель опасен?

— Возможно,— неопределенно ответил дракон.— А может, я ошибаюсь. Лучше подготовиться к худшему, чем потом клясть себя за неосторожность. Тебе так не кажется? Кстати, мы догнали наших беглецов, а справа за углом засада.

— Знаю, не глухой и не слепой,— огрызнулся Конан.— Шевели лапами. Не давай им снова юркнуть в улицы, гони к морю. Кто бы знал, как мне надоела эта беготня...

Геллир запрокинул голову и выплеснул в вечеряющее небо столб ревушего пламени. Ящер ничего не поджег и никого не убил, но поджидавший за углом отряд шемитов запаниковал и раньше времени выскочил из укрытия. Выскочил, чтобы оказаться нос к носу с разъяренным драконом.

— Даже скучно,— вздохнул Конан, глядя вслед улетающему войскам. За ними летел небольшой сгусток огня, плюющийся синими и белыми искрами.— Честное слово, порой становится жаль, что почти все ваше племя повыби́ли.

Представляешь, как бы выглядела война с участием драконов?

— Никак.— Геллир выдохнул остатки пламени и кашлянул.— Мы не воюем. И вам бы, людям, не позволили. Догоним этих или поищем, не прячется ли еще кто поблизости?

— Поищем,— решил корсар и свернул в ближайший переулок.

Ящер, гулко фыркнув и осторожно развернувшись на тесной площади, загроможденной брошенными лавками, последовал за ним. Старые плиты мостовой жалобно кряхтели под его лапами. Иногда раздавался короткий сухой треск — очередная плита не выдерживала и раскалывалась на части.

«Потом чинить придется,— со смешком подумал Конан.— Ярмарку сорвали, город пожгли, мостовые исковеркали. Веселенькое лето, нечего сказать. Зато горожанам будет о чем поболтать».

Искать пришлось недолго. На следующем же перекрестке человек и дракон столкнулись с довольно большим — десятка два людей — отрядом шемитов. На сей раз, однако, вид готового к схватке ящера почему-то не произвел обычного впечатления. То ли шемитская братия успела обчистить винный погреб, то ли решила, что коричнево-золотистый ящер им мерещится. Кто-то выстрелил из столь ненавидимого Геллиром арбалета, и началась схватка.

Конан, по молчаливому уговору державшийся справа от ящера, со стороны поврежденного крыла, отвлекся всего один раз, чтобы оглянуться,

оценивая дела на площади и окрестных улицах, а заодно высмотреть кого-нибудь из своей команды.

...Нечто тяжелое и холодное со всего размаху врезалось капитану «Вестрела» в спину, сбив с ног и швырнув прямо на некстати подвернувшуюся стену. Стена оказалась очень твердой и выкрашенной в черный цвет. Конану показалось, что мгновенно наступила ночь...

* * *

В сумерках этого долгого дня госпожа Анесса Вальедо вернулась в Дом На Холме. Вернулась пешком, в изодранном платье, сопровождаемая только изрядно помятым и засыпающим на ходу Блайи да зло порывающей на всех встречающих Чинкуэдой.

Девушка отправилась напрямик в свои комнаты, распорядившись, чтобы к ней никого не впускали, кроме дядюшки. Она выглядела мрачной и расстроенной и, как подслушали у двери ее служанки, постоянно повторяла: «Все пропало, все пропало...»

Дядюшка, месьор градоправитель Карбальо, не замедлил явиться. Шуганул встревоженно толкавшихся у замочной скважины девиц, распахнул двери и вошел.

Анесса сидела у открытого настежь высокого окна и безучастно смотрела на наливавшееся темно-фиолетовой краской небо и темнеющее море. В нарушение всех правил этикета девушка и не подумала встать, приветствуя старшего

родственника. Слегка опешивший Карбальо описал несколько кругов по комнате, переставляя с места на место попадавшиеся под руку безделушки, и наконец остановился за спиной племянницы.

— Мои поздравления,— сказала Анесса, не поднимая головы. Ее пальцы безостановочно крутили бархатную подушечку, утыканную иголками для вышивания.— Кажется, дядюшка, судьба проявляет к тебе незаслуженную благосклонность. Интересно, как ты выкрутишься из этого двусмысленного положения.

Градоправитель промолчал.

Как подозревала госпожа Анесса, Карташене предстояло пережить довольно беспокойную ночь. Девушка справедливо полагала, что в случившемся есть изрядная часть ее вины. Ей нужно было не оставаться на «Вестреле», а как можно скорее возвращаться в город. Но она так устала и хотела немножко отдохнуть...

* * *

Оборона корабля завершилась полной победой его команды. Анесса, убедившись, что шемиты больше не собираются нападать, присела на мещок, набитый кисло пахнувшей овчиной, и сама не заметила, как задремала. Разбудили ее громкие, ожесточенно спорившие голоса, среди которых отчетливо выделялся голос аквилонца Маэля. Госпожа Вальедо по привычке всех жителей Побережья посмотрела на небо — солнце уже почти касалось горизонта, прислушалась и тороп-

ливо вскочила, успев заметить, что кто-то заботливо накрыл ее куском клетчатой шерстяной ткани.

Анесса пробежала через палубу к сходням и спрыгнула на причал, едва не врезавшись в одного из корсаров, сбившихся в маленькую, но тесную и шумную группку. Ее заметили и пропустили вперед.

Говорил Мазль. Вернее, не говорил, а оправдывался, размахивая руками и возмущаясь:

— Что я мог поделать? В конце концов, он градоправитель, а я кто? Вы стояли разинув рот и не вмешивались, а теперь пытаетесь все свалить на меня?

— Он прав — сами виноваты, — подвел итог необычно мрачный Сигурд и покосился в сторону шемских кораблей.

Госпожа Вальедо с легким удивлением отметила, что их стало меньше: куда-то подевался «Ха-Сем». Три оставшихся корабля передвинулись к самому выходу из бухты, надежно заперев ее.

Анесса увидела поблизости Блайи и требовательно потянула барда за рукав:

— Что стряслось?

Он непонимающе воззрился на нее:

— Ты не знаешь? Два невероятных пленения и одно воскрешение из мертвых.

Девушка озадаченно нахмурилась, и Блайи торопливо заговорил:

— Шемитов только-только отогнали от корабля... Ну, ты сама это видела... И тут на берегу

завопили. Почти все, кто рванулся грабить Карташену, прибежали обратно и начали орать, чтобы их перевозили обратно на корабли и что по улицам бродит огромный ящер, который сжигает всех, кто хоть немного похож на шемита. — Бард судорожно хихикнул. — За ними повалили разозлившиеся горожане, и на пристани вспыхнула очередная драка. Городские гвардейцы почували, что перевес на их стороне, и тоже полезли из всех щелей. И тут, хочешь верь, хочешь нет, откуда-то появился Эван. Эван из Бальи, Плоскомордый, которого мы сочли покойником. Он был весь мокрый и, похоже, ничего не соображал...

Увлеченный своим рассказом Блайи даже не заметил, как вдруг вспыхнули глаза Анессы и как ее узкие ладони сжались в маленькие кулачки.

— Наверное, он все-таки сумел выплыть и добраться до берега. Не знаю, как уж ему это удалось — с покалеченной рукой! Чего не сделаешь, чтобы выжить. Но ему не повезло: в общей суматохе он налетел прямо на городскую стражу, а они не долго думая схватили его и потащили, насколько я знаю, в Дом На Холме. Я так полагаю, месьор Карбальо, твой уважаемый дядюшка, решил воспользоваться случаем и свести счеты с давним недругом. Они ведь никогда не питали друг к другу особой привязанности?

— Дальше, — побледнев, потребовала Анесса. — Что было дальше?

— Дальше стало еще интереснее! Маэль поймал Фареса! Да-да, вызвал его на поединок и победил! Но ты же знаешь нашего Монбронна... — Бард понизил голос. — Он и люди с «Вестрела» притащили этого шемитского проходимца сюда, на пристань, и собрались вздернуть. Я не понял, были их намерения серьезными или они хотели припугнуть остальных и заставить их поскорее убраться из бухты. Пока они переругивались с шемитами, примчался командир здешнего гарнизона и заявил, что Фареса можно повесить только после суда. Месьоры корсары возмутились и сказали, что поступят с Фаресом так, как им захочется...

— И тогда это отродье, я имею в виду твоего дядюшку, чтоб у него глаза на брюхо повывазили, — вмешался Сигурд, — уволок Фареса под свое крылышко, в Дом На Холме! А Монброн как будто язык проглотил!

— Вы тоже молчали! — огрызнулся Маэль. — Говорю же, я всего лишь гость в этой стране, месьор Карбальо — правитель области, а вы хотя бы служите здешнему королю! Он имел полное право забрать моего пленника. С моего, конечно, разрешения, но меня никто ни о чем и не спрашивал!

— Почему меня не разбудили? — отчаянно воскликнула Анесса, замотав головой и прижав ладони к вискам. — Почему?

— Мы забыли, — честно признался Сигурд. — Забыли, что ты здесь, на корабле.

— Всемогущие боги, они забыли... Дальше!

Поскольку никто из присутствующих не усомнился в праве госпожи Вальеде распоряжаться, в наступившей тишине Блаии продолжил рассказ:

— Фареса под конвоем увели в городскую тюрьму. Я, честно говоря, уже приготовился к тому, что шемиты сейчас пойдут второй раз брать город, чтобы спасти своего предводителя. Вдруг на большом корабле, как его...

— «Ветер Эгера», — подсказали из толпы.

— Ага, на нем. Так вот, на «Ветре Эгера» поднялся крик. С него спустили лодку и понеслись к нам.

— Они сказали, — сумрачно перебил разошедшегося барда Сигурд, — что твоя драгоценная ящерица свихнулась и заехала хвостом по Конану. Он, естественно, упал. Никто не выстоит, если ему по голове двинет дракон. Шемитам оставалось только скрутить его и притащить на корабль. Что они, разумеется, и сделали.

Несколько мгновений Анесса пыталась осознать услышанное, а затем уверенно заявила:

— Этого не может быть. Они лгут. Геллир не мог так поступить. Вы спросили у него самого?

— Какая разница, мог или не мог. — Голос Асторги подрагивал от еле сдерживаемой ярости. — Эту тварь сначала еще найти надо, он опять куда-то смылся. Главное, как замечательно теперь все получается. Фарес — под замком у градоправителя, а Конан — у шемитов. Они отпустят нашего капитана, если Карбальо доставит им живого и невредимого Фареса вместе с Плоскомордым и оплатит их потери...

— Я немедленно отправляюсь в Дом На Холме.— Анессе казалось, что доски причала уходят у нее из-под ног. Мысленно она прокляла не в меру предприимчивого дядюшку, а потом себя — за то, что заснула и пропустила все самое важное.— Клянусь, я постараюсь все уладить...

— Поздно,— отмахнулся Асторга.— Я и Зел уже наведались в гости к твоему дядюшке. Он согласился, но выдвинул свои условия. Фареса отпустят утром — чтобы ночью шемиты сидели тихо. Эвана градоправитель обвинил во всех беспорядках, а потому жить ему остается очень и очень недолго. Карбальо пообещал вздернуть его завтра на глазах у шемитов, так что все останутся довольны. А тебе, госпожа, лучше в самом деле пойти домой. Мы сами во всем разберемся.

— Кто-нибудь проводит меня? — бесцветным голосом спросила девушка, опустив голову. Еще никогда в жизни ей не доводилось чувствовать себя настолько опозоренной.

— В Дом На Холме я больше ни ногой,— отвел глаза Мазель.— Извини, госпожа. Если угодно, считай меня последним грубияном, но встречаться с твоим дядей мне больше не хочется. Лучше я пойду и напьюсь, как... Как...— Он не договорил и, оттолкнув стоявшего на дороге Астрогу, побрел по причалу к берегу.

— Я к твоим услугам, прекрасная госпожа,— вздохнул Блайи и огляделся по сторонам в поисках Деррика. Бард уже был по горло сыт местными заговорами и искренне обрадовался предста-

вившейся возможности укрыться в усадьбе, но предпочел бы идти через еще горевший кое-где город не в одиночку.

— И плоды дорого давшейся победы будут отдавать горечью,— неожиданно вполголоса пробормотала Анесса.— Идем, месьор Блайи. Я стою от желания потолковать с моим дорогим дядюшкой, и как можно скорее.

* * *

— Надеяться на лучшее было бы просто неуважением к судьбе,— высокопарно заявил Карбальо, выслушав рассказ племянницы о том, что произошло в гавани.— Ты совершенно напрасно злорадуешь, моя девочка. Не вижу никаких поводов для беспокойства. Гавань, как ты наверняка заметила, оцеплена городской стражей. Они не слишком надежны, но хотя бы смогут вовремя поднять тревогу, если что-то случится. Еще в самом начале этой неурядицы,— градоправитель брезгливо прищелкнул пальцами,— я послал голубя в Сеуту. К утру сюда придет часть тамошнего гарнизона, так что мы больше не останемся без защиты.

— Без защиты от кого? — уныло спросила Анесса.— От ограбленных горожан? От шемитов? От людей с «Вестрела»? Или от дракона, если ему захочется вернуться?

— Далось тебе это чудовище,— вскинул короткую черную бородку правитель города.— Почему ты, вроде бы благовоспитанная девушка, покровительствуешь каким-то недостойным тво-

его внимания личностям? То дракон, то пираты, то это отребье из Бальи...

— Ты в самом деле собираешься его повесить?

— А что еще прикажешь с ним делать? — возмутился Карбальо. — И не надо смотреть на меня так, будто я убийца беззащитных детей. Между прочим, если ты забыла, я доверился твоим обещаниям присмотреть за делами Прибрежного Союза и за тем, чтобы их предводителем стал человек, не забывающий делиться доходами с законной властью и помнящий свое место. И что же? С твоей поддержкой они выбрали молодого наглеца, который совершенно не уважает традиции!

— Между прочим, в Кордаве очень косо смотрят на любителей поживиться за чужой счет, — вкрадчиво напомнила Анесса.

— Между прочим, ты в последнее время стала позволять себе много лишнего, — не замедлил с ответом любящий дядюшка. — Сдается мне, ты начала злоупотреблять моей добротой.

Госпожа Вальедо пропустила его слова мимо ушей, легко поднялась с кресла и подошла к высокому, почти от пола до потолка, окну.

— Ты в самом деле отпустишь Фареса? — громко спросила она. — И повесишь человека, который виновен лишь в том, что не захотел идти у тебя на поводу?

— Совершенно верно, — кивнул Карбальо и жизнерадостно хмыкнул. — Перестань, Анесса. Ты же умная девочка. Не делай вид, будто ни о чем не догадываешься, а то я разочаруюсь в тебе.

— Он тебе заплатил... — Плечи девушки бесильно опустились. — Он откупился от тебя... Ну конечно же!

— Только не надо закатывать истерики и призывать к моей совести, — сердито бросил градоправитель. — Такова жизнь. Каждый выкручивается как может.

— Такова жизнь, — равнодушно согласилась Анесса. — Таков мой дорогой дядюшка — проходец и редкостный негодяй. Могу я задать еще один вопрос? Ты собираешься выполнять свое обещание корсарам с «Вестрела»?

— Я подумаю. — Карбальо даже не обиделся. — В конце концов, кто он такой, этот Конан? Бывший пират и наемный убийца, не более того. Никто на Побережье не огорчится, если в один прекрасный день он исчезнет неведомо куда. Кажется, это вполне в его привычках.

— Ты этого не сделаешь. — Девушка резко обернулась, выронив игольницу. — Ты не захочешь навлечь на свою голову неприятности из Кордавы. Кроме того, его люди не простят обмана.

— Анесса, не тешь себя несбыточными мечтами, — раздраженно буркнул градоправитель. — Его люди через два дня забудут, что он существовал на свете, а через три выберут нового капитана. В Кордаве же будут только благодарны, что я избавил от него страну. И вообще, дорогая моя, мне надоели твои постоянные указания и твое вызывающее поведение. Что-то мне подсказывает, что будет лучше, если ближайшие два-три дня

ты воздержись от посещений твоих друзей в городе.

— Но...

— Никаких «но», — отрезал Карбальо. — Хватит с меня! Я и так непозволительно распустил тебя. Что бы сказал мой бедный покойный брат, узнав, что его дорогое дитя таскается по каким-то ужасным притонам и заводит знакомства с пиратами и грабителями? Этому пора положить конец, и будь я проклят, если я этого не сделаю!

* * *

Высокие двойные двери, поблескивавшие отполированными пластинками черепаховых панцирей и медью начищенных ручек, уже давно захлопнулись за удалившимся градоправителем, а Анесса все так же стояла у распахнутого окна. Далеко внизу мелькали оранжевые язычки факелов, за ними еле различимо светлела полоса прибоя, а уже за ней до самого горизонта простиралась неровная водная гладь, освещенная бледной молодой луной.

Анесса размышляла.

Вернее, сначала у нее не было сил на размышления, только на ненависть. Она несколько раз яростно стукнула кулачком по мраморному подоконнику и, как ни странно, успокоилась. Злость ни к чему не приведет. Возможно, потом она сможет понять действия дяди. Понять — да, но не принять и уж тем более не простить. Конечно, он поступил так, как ему

подсказывала забота о вверенном его попечению городе и о собственном кармане, и самоуверенно решил, что племянницу можно не принимать в расчет.

Ошибаешься, почтенный месьюр Карбальо. Ах, как ошибаешься!

Впрочем, ей необходимо успокоиться, сосредоточиться и как можно скорее принять верное решение. Потом будет ничего уже не исправить. Если она начнет действовать, останется только идти вперед, не останавливаясь.

Госпожа Вальеда подошла к захлопнувшимся створкам и осторожно подергала литые медные ручки. Заперто. Так она и думала. Что ж, дорогой дядя, у маленькой глупой девочки найдется чем тебя удивить.

Анесса принялась быстро и деловито рыться в ящиках своего стола. Вытащила из небольшой шкатулки фигурный ключ, вставила в замочную скважину и, стараясь действовать как можно тише, повернула. Замок еле слышно щелкнул, створка приоткрылась.

Девушка беззвучно выскользнула из комнаты и на цыпочках прошла по коридору до лестницы на первый этаж. Дядюшка, похоже, не шутил, сказав, что не позволит ей в ближайшие два-три дня покидать усадьбу. Нужно что-то придумать. Для начала ей потребуется спутник. А то как-то боязно выходить в ночной город, все еще охваченный кое-где пожарами. А ей необходимо попасть туда, если она собирается спасти то, что уцелело.

Она тихонько постучалась в комнату Блайи и, поскольку никто не отозвался, распахнула дверь. Не повезло: бард после сегодняшних приключений спал мертвым сном. Конечно, можно попросить его растолкать, но Блайи и так сделал для нее все, что мог. Требовал, чтобы он проснулся и на ночь глядя отправился на опасную прогулку — просто жестоко. Вдохнув, Анесса вышла.

Дверь в комнату Деррика оказалась полуоткрытой, что сразу наводило на невеселые размышления о том, что хозяина нет. Однако девушка все же заглянула в узкую щель между створками, а затем нерешительно вошла, в очередной, неизвестно какой по счету раз, поразившись скудости обстановки жилища своего доверенного лица. Вроде бы уже два года проживает здесь, получает неплохие деньги, а обзавелся только самым необходимым. Ни ковров, ни красивых безделушек, ни картин. Единственное украшение — стоявшая на каминной полке довольно большая модель пузатого трехмачтового судна из черного дерева под ярко-оранжевыми парусами.

Безликая комната чем-то напоминала своего владельца. Вроде бы Деррика в Карташене знали все, и он знал всех. Но Анесса не могла назвать имен ни его близких друзей, ни подружки. Неужели за два года привлекательный молодой человек с хорошо подвешенным языком не нашел ни приятелей, ни любовницы? Расскажи кому — не поверят. Или он умудряется

так хорошо скрывать личные дела от посторонних глаз?

— Деррик, — на всякий случай негромко окликнула Анесса.

Вместо ответа — тишина, нарушаемая шелестом жестких листьев сада. Последний раз она мельком видела Деррика в гавани, и, разумеется, ему и в голову не пришло предупредить, когда он вернется в усадьбу. Впрочем, в последние два дня вся размеренная жизнь Карташены пошла кувырком, так что можно ли от кого-то требовать соблюдения приличий?

Вернувшись к себе, госпожа Вальеда подергала за шнурок колокольчика, вызывая служанку, и задумалась. Первый из изобретенных ею планов, более безопасный, неосуществим. Придется действовать по второму. Рискованно, никто не спорит, но другого выхода ей не оставили.

— Пепа, — она обернулась к торопливо вбежавшей в комнату девушке — пухленькой, черноволосой и большеглазой, — мне нужна твоя помощь. Приказать я тебе сейчас не могу, только попросить. Не захочешь — я не обижусь.

Девчонка озадаченно приоткрыла ротик и, покосившись на дверь, шепотом спросила:

— Это из-за твоего дядюшки, госпожа? Я его видела — ходит по нижней террасе, хмурый, как... Как... Как не знаю что! Ворота зачем-то приказал закрыть, все двери, караул поставить...

— Вот поэтому мне и нужно, чтобы ты помогла, — оборвала болтовню служанки Анесса. — Раздобудь мне платье. Все равно какое. Чем непри-

метней, тем лучше. И еще — как выбраться из дома, чтобы никто не заметил?

— Платье — это мы мигом, но... — Пепа скромно потупила глазки. — Не обучены мы без позволения из дому сбегать. Не сердись, госпожа, не могу я...

— Пе-па! — рассердилась Анесса. — Не надо устраивать представление. Я же отлично знаю, что все вы по вечерам удираете в гавань, особенно если корабли приходят. Я кому-нибудь из вас за это трепку устраивала? За дверь выгоняла? Дядюшке ябедничала?

— Не-е... — протянула Пепа.

— Так почему же ты дурочку невинную из себя строишь?

— Я сейчас, — решительно заявила служанка и стрелой вылетела за дверь.

Вернулась она действительно «сейчас» — Анесса не успела даже медленно сосчитать до пяти десятков.

— Вот. — Пепа высыпала на кресло пестрый ворох тряпья. — Выбирай.

Кроме одежды девушка притащила еще масляную лампу и небольшой кинжал в ножнах, которые пристегивались к руке и прятались под рукавом.

— Толку от него немного, — озабоченно предупредила Пепа, возясь с ремешками. — Но напугать можно. Ты поосторожней на улицах. Время нынче лихое. Может, мне с тобой пойти?

— Не надо, — покачала головой госпожа Вальедо. Ей очень не хотелось идти в город одной, но

кто-нибудь может обратить внимание, что служанка исчезла. — Запомни: ты меня весь вечер не видела, я тебя ни разу не вызывала, а когда ты приходила и стучалась, тебе никто не открыл и ты решила, что госпожа спит. Да, и спасибо тебе. Хочешь, я тебе потом все мои старые платья отдам?

— А-а... — Девушка пренебрежительно махнула рукой. — Ты, главное, в тени держись и по сторонам поглядывай. И вернись целехонькая, а то я себе никогда в жизни не прощу.

— Вернусь, — очень серьезно пообещала Анесса. Она уже успела натянуть широкую черную юбку с аляповатыми цветами, белую блузку и оказавшийся ей великоватым красный бархатный лиф. Потом заперла изнутри дверь и, подумав, сунула ключ в болтавшуюся у пояса сумку. Еще пригодится. А если дядя обнаружит исчезновение племянницы, пусть сам додумывается, как та ускользнула из запертой комнаты.

...Две женщины осторожно прошли через темный обеденный зал Дома На Холме и спустились по неприметной лестнице в помещения слуг. Скрипнула дверь, зашуршали под ногами мелкие камешки. Женщины пробежали по дорожке, оглябавшей сад, выскочили к глухой каменной стене и остановились, прислушиваясь.

— Где-то здесь... — пробормотала та, что держала фонарь. — Не помню точно... Десять шагов от старой оливы... Только где она, эта олива?

— Вот. — Ее спутница дотронулась ладонью до шершавого ствола скрюченного дерева и насторо-

женно подняла голову.— Пепа, ты ничего не слышишь? Кто-то бежит...

Пепа быстро опустила заслонку на фонаре. И без того неяркая оранжевая искорка погасла. Приблизившийся мягкий топоток стал отчетливее, и через миг что-то мягкое ткнулось в колени Анессы.

— Чин! — ахнула госпожа Вальеда, опустив руку и нащупав короткую жесткую шерсть.— Чинкуэда, ты что здесь бродишь? Где твой хозяин? Вернулся домой?

Собака негромко тявкнула и закрутилась под ногами, виляя обрезком хвоста.

— Госпожа, ты бы ее с собой прихватила? — с надеждой предложила Пепа.— Она любого злодея прогонит. Чинка, да не прыгай ты на меня! Ну-ка, отыщи дверь! Дверь, понимаешь?

Чинкуэда заметалась возле стены, остановилась, взрыв широкими лапами землю, и тихонько заскулила. Служанка подошла к ней, чуть слышно звякнули ключи, и часть ограды приоткрылась.

— Сюда,— сказала Пепа, отдавая фонарь.— Ты в гавань? Тогда ступай вниз, через два перекрестка будет Корабельная.

Пригнув голову, Анесса пролезла в узкий дверной проем, крепко сжимая ручку фонаря. Чинкуэда выскочила за ней.

— Удачи,— шепнула вслед Пепа.

Дверца встала на место.

Анесса осталась одна на темной, незнакомой улице. Стояла летняя ночь — душная, наполнен-

ная смешанными запахами свежей гари и цветущих садов. В отдалении возвышался Дом На Холме, в некоторых окнах верхнего этажа тускло светились огоньки.

«Ты сам вынудил меня к этому,— зло подумала девушка.— Я тебя предупреждала. Не будь я тебе кое-чем обязана, сделала бы все, чтобы завтрашнее утро стало для тебя последним утром в должности градоправителя. Но у меня тоже есть понятия о чести и долге. Так что можешь не беспокоиться, дядюшка: твое тепленькое место от тебя никуда не денется. Однако веселый денек я тебе устрою... До смерти будешь вспоминать!»

Госпожа Вальехо встряхнула правой рукой, убедившись, что ножны с кинжалом на месте, и решительно отправилась навстречу сумрачно мерцавшему под луной морю. Рядом трусила Чинкуэда.

* * *

«Дядя что, не знает об этой лазейке? — Анесса успешно добралась до Корабельной улицы, хорошо освещенной и многолюдной даже поздним вечером. Здесь ей уже почти ничего не угрожало — разве что опасность наткнуться на знакомого или на подвыпившую компанию, отправившуюся на поиски ночных приключений. Сегодня, конечно, на улице горел только один фонарь из трех, прохожих не было вообще, но девушка уже не так боялась. Все-таки с ней была Чинкуэда, да и спрятанный в рукаве кинжал придавал

уверенности.— Ему даже не пришло в голову, что у меня есть запасные ключи от собственной комнаты. Похоже, он до сих пор считает меня ребенком...»

Она улыбнулась. Улыбка вышла нехорошая — кривоватая и безрадостная.

«Вот до чего могут довести родственники. Ночью иду к пристаням, в самые опасные кварталы. Спрашивается зачем? Устраивать бунт. Всемогущие боги, я, Анесса Вальеда, наследница семейства Карбальо, всерьез намереваюсь поднять мятеж против собственного дядюшки. Впрочем, не надо обманывать себя. Я всегда знала, что он изрядный мерзавец. Просто старалась об этом не думать. А теперь и другого выхода нет. Вернее, есть: признать свое поражение и вернуться домой. Вот уж нет! Никогда!»

Анесса надменно вскинула голову и зашагала быстрее, выбивая каблучками из старой мостовой сухую, отчетливую дробь. Семенившая слева Чинкуэда фыркнула и повернула голову, блеснув темно-красными бусинками глаз; точно хотела сказать: «Не бойся, хозяйка, я с тобой».

«Куда делся Геллир? Куда удрало это упрямое животное? Впрочем, какое он животное... Он лучше многих людей, которых я знаю. Может, вернулся в пещеры? Нужно будет как-то разыскать его и предупредить, что он в опасности. Впрочем, он к этому привык. Почему он решил заключить этот странный договор и тут же сам его нарушил? Или не нарушил? Кому верить? Что он надеется отыскать в городе?

Почему он скрлся, когда его можно было представить горожанам как спасителя Карташены? Не захотел? Побрезговал признанием каких-то жалких смертных? Что же ты такое, Геллир? Откуда ты взялся и куда отправишься потом?

Пришли. Кто бы знал, как мне страшно. Только бы получилось. Только бы они согласились меня выслушать...»

Анесса остановилась на крыльце таверны «Островок блаженства» и осмотрелась. У пристаней неясно различались контуры пришвартованных парусников, освещенные фонарями на корме и яркими огоньками на верхушках мачт. Рядом с выходом из бухты покачивались три шемских корабля. Команда «Ха-Сема», если верить слухам, сразу после разгрома в городе подняла паруса и благоразумно удалилась, бросив своих сотоварищей на произвол судьбы.

«Луна уже высоко. Времени почти не осталось. Открывай дверь и входи».

В таверне было на редкость тихо и пусто, однако люди, которых Анесса надеялась разыскать, сидели именно здесь.

Никто не обратил на нее внимания. Впрочем, сейчас в «Островок» мог заявиться кто угодно, даже Геллир, его бы тоже не заметили.

Девушка нахмурилась и шагнула к столу. Скатертей в таверне отродясь не держали, оторвать тяжелые ножки стола от пола ей было просто не под силу. Зато схватить ближайший кувшин и с

размаху запустить им в стену — с этим даже ребенок справится.

Глиняные черепки радостно брызнули во все стороны, по беленому песчанику расплылось некрасивое темно-красное пятно, похожее на раздавленного осьминога.

— Сидим? — со сдержанной яростью спросила госпожа Вальедо. — Пьем? Уныло тычемся мордой в стол?

Обидные слова, как ни странно, оказались самыми верными. Компания за столом подняла головы и удивленно уставилась на неведомо откуда взявшуюся разъяренную женщину.

Успевшие изрядно поднабраться Мазль и Бенни прекратили затянувшееся и совершенно бессмысленное выяснение того, кто из них больше виноват в случившемся. Сигурд, то ли дремавший на самом деле, то ли притворявшийся, что дремлет, ткнувшись лицом в стол, тряхнул спутанной рыжей гривой и изумленно уставился на Анессу, пытаясь понять, не снится ли она ему. Сидевший справа от него зингарец с круглой золотой серьгой в ухе оторвался от своей кружки и пнул ногой расположившегося напротив усатого толстяка. Светловолосый молодой человек перестал втыкать нож в доски стола и, поразмыслив, сделал вялую попытку приподняться.

Пристроившийся в дальнем конце стола и непривычно тихий Деррик первым обрел дар речи и начал выкарабкиваться из-за стола, бормоча:

— Анесса... Ты... Ты как сюда попала? Тебе нельзя тут...

— Да! Мне нельзя тут, мне нельзя там! — выкрикнула Анесса, заставив Деррика замереть на месте с приоткрытым ртом. — Все, что мне дозволяется, — плакать в подушку и взывать к небесам! Так вот, к вашему сведению, благородные месьоры, ни того, ни другого я делать не намерена! Хотите знать почему?

— Поч-чему? — с совершенно идиотской ухмылочкой промямлил Мазль.

— Потому что не собираюсь рыдать перед идиотами, — отчеканила госпожа Вальедо. Ответом ей было общее молчание. — Повторяю — идиотами. Да-да, месьоры, вы не ослышались. Перед идиотами, то есть перед вами.

— С какой стати... — Светловолосый, оказыва-ется, был трезв как стеклышко, а его смотревшие на Анессу голубые глаза — тревожными и усталыми.

— Объясняю. — Девушка подняла ближайшую к ней полную кружку и, не раздумывая, сделала большой глоток. Ничего, терпимо, хотя кислятина ужасная... Зато страх если не пропал, то отступил и уже не сжимал ей горло. Анесса оперлась обеими руками на стол и заговорила, стараясь помнить только об одном: важно не сбиться с мысли. — Если окажется, что я заблуждалась, я принесу свои извинения. Но сейчас я говорила и буду повторять до тех пор, пока у вас не начнет звенеть в ушах: идиоты, ни на что не годные, безмозглые тупицы!

— Полегче нельзя? — пробурчал окончательно проснувшийся Сигурд.

— Замолчи, пока я говорю! — взвизгнула Анесса и треснула кружкой по столу. Кружка не разбилась, но остатки вина из нее выплеснулись. — Спрашиваете, почему да отчего? Как, скажите, еще именовать людей, которые, мрачно напиваются в таверне, даже не пытаюсь ничего сделать? Вы что, поверили моему почтенному дядюшке? Вы, взрослые и вроде бы опытные люди, поверили?

— Карбальо обещал... — неуверенно заикнулся усатый толстяк.

— Обещал! — скривилась госпожа Вальеде. — Что он вам наобещал? Золотую гору до неба? Или что завтра утром обменяет Фареса на вашего капитана? Ха! Как бы не так!

— Что-то я недопонял, — зловеще произнес Сигурд. — Ты, госпожа, или не говори загадками, или изволь мотать отсюда. Твой дядя поклялся, что отпустит шемита, а не то...

— Не то — что? — вкрадчиво спросила Анесса. — Вы разнесете город по щепкам и камешкам? Заблуждаетесь, месьоры. Все начнется с того, что завтра с рассветом или даже сегодня ночью в город заявится подкрепление — отряд из Сеуты, две с лишним сотни солдат, не чета нашим зажавшимся бездельникам. Шемитам позволят беспрепятственно выйти из гавани. И Фаресу тоже. Он предложил выкуп, и дядя согласился. Не надо так грозно на меня пялиться, я не виновата, что мне достался такой родственни-

чек. — Она перевела дух и мстительно добавила: — А своего капитана вы можете потом поискать в Мессантии, на Площади Печалей, или на дне морском.

Воцарилась напряженная тишина. Потрескивали развешанные по стенам масляные светильники. В узкие окна заглядывала белая луна, медленно пробиравшаяся среди ярких звезд Полуденного Побережья к горизонту. Ее отражение дробилось на спокойной поверхности гавани.

Госпожа Вальеде стояла возле давно не мытого стола, мучительно ломая голову над вопросом: удалось ей хоть немного расшевелить этих людей или они не сдвинутся с места?

— Почему? — неожиданно спросил корсар с золотой серьгой. — Я хочу знать только одно — почему? Мы что, люди какой-то другой породы? Созданные лишь для того, чтобы нас обманывать и сваливать на нас чужие преступления?

— Почему? — Анесса пожала плечами. — Честно говоря, не знаю. Вы просто оказались в неподходящее время в ненужном месте. И... — Девушка замаялась, но выпитое вино сделало ее храбрее. — Вы никому здесь не нужны. Ваше место в море. Да, мы вас уважаем, но еще больше — боимся. Вдобавок все глубоко убеждены, что вы сумеете выкрутиться из любых неприятностей. Что же до вашего капитана... Кто решится иметь дело с человеком, признающим только один закон — свой собственный? Вам же прекрасно известно, как к нему относятся на Побережье... — Она помолчала и еле слышно добавила: — Про-

стите нас, если можете. Мы никогда не станем другими.

— Аст, ты ей веришь? — угрюмо поинтересовался Сигурд.

— Скорее верю, чем нет. Только какой с этого толк?

— Вы что, собираетесь целиком и полностью положиться на удачу, предоставив вашему капитану выкарабкиваться самому? — зло спросила Анесса. — Хороши же ваши хваленые клятвы верности... Или вы позабыли, как переменчива удача? Кто сможет поручиться, что завтра утром шемские корабли все еще будут стоять в гавани?

— Не трави душу, — вскинулся Сигурд. — Ты что, не понимаешь, что мы не можем даже носа в бухту высунуть? Ну хорошо, пусть будет потвоему, мы как-то доберемся до «Ветра» и остальных. Что дальше? Пока будем возиться с командой...

— Месьоры, мы трусы! — неожиданно громко сообщил Маэль и, уронив голову на стол, пробормотал: — Да, трусы... И я тоже.

— Молчал бы лучше, — проворчал Деррик, но вмешиваться в спор не стал. Он вообще старательно избегал встречаться взглядом с хозяйкой.

Анесса еще раз обвела взглядом молчаливую компанию и неуклюже плюхнулась на жалобно скрипнувший табурет:

— Я-то надеялась... Что ж, месьоры, будем ждать утра вместе. Мой дядюшка в очередной раз оказался прав: я всего лишь глупая девчонка, а

вы заботитесь только о своем кармане и своей драгоценной шкуре.

— Зря ты так, госпожа Анесса, — укоризненно забормотал Бенни. — Мы за тебя всегда стеной... Только скажи, кому морду начистить, мы это...

— Слова... — устало вздохнула девушка. — Все-го лишь слова.

Деррик открыл рот, собираясь что-то сказать, потом оглянулся вокруг и промолчал.

— Госпожа, — подал голос упорно молчавший в течение всего вечера усатый толстяк. — Почему-то мне кажется, что ты пришла сюда не просто затем, чтобы ткнуть нас в... в... ну, неважно куда. Ты хочешь что-то предложить?

— Да что она может предложить! — не выдержал Сигурд, но его тут же осадил Аст:

— Заткнись, пусть она скажет!

— Хочу, — сказала Анесса. — Я кое-что придумала. Бенни, сможешь быстро раздобыть пять или шесть рыбацких лодок, сети и как можно больше факелов?

Контрабандист надолго задумался, а потом ожесточенно затряс головой:

— Достану. И, — он с надеждой посмотрел на госпожу Вальеда, — может, ребятам шепнуть словечко-другое? Лишние люди-то никогда не помешают, так?

— Не помешают, — серьезно кивнула она. — Иди, Бенни. Собирай всех, кого сможешь найти. Встретимся возле последнего причала. Может, это самоубийство, но, по крайней мере, на-

ша совесть будет чиста: мы попытались сделать хоть что-то.

— Погоди, погоди,— вмешался Асторга.— Объясни толком, что ты затеваешь? Зачем лодки и факелы?

Бенни загадочно хмыкнул, ничего не отвечая, и вышел из таверны. Деррик принялся расталкивать заснувшего Монброна.

— Как зачем? — Анесса удивленно взглянула на него.— Неужели непонятно? Мы отправляемся на рыбную ловлю. Все равно, с вами или без вас.

Глава четырнадцатая

Асторга с приятелями вопросительно уставились на девушку, ожидая разъяснения ее странных слов.

— Кто-нибудь из вас умеет играть в «Замки и дороги»? — неожиданно спросила Анесса. На ее лице промелькнуло и исчезло выражение тщательно скрываемого торжества.

— Я умею,— слегка растерянно отозвался светловолосый.

Госпожа Вальеда ткнула в него пальцем:

— Как лучше всего обмануть противника?

— Заставить поверить, что ты слабее, чем есть на самом деле,— не задумываясь, ответил корсар.— Еще можно потихоньку собрать все козыри...— Он вдруг осекся.

— Слабее,— задумчиво повторил Сигурд.

Монброн неимоверным усилием оторвал тяжелую голову от столешницы, приоткрыл один глаз и с трудом выговорил:

— Ненавижу драконов...

— Они все испугались и улетели. Спи дальше.— Деррик небрежно шлепнул его по затылку. Голова аквилонца глухо стукнулась о доски.

— И что ты, госпожа, предлагаешь сделать? — сдержанно поинтересовался усач, откликнувшийся на краткое имя Зел.— Отправиться посреди ночи на рыбную ловлю?

— Между прочим, нехорошо забывать о традициях,— заявила Анесса.— Месьор Монброн никогда не устал это повторять и был совершенно прав.

— Какие, к демону, традиции!..— Рулевой «Вестрела» был нетерпелив и редко выслушивал собеседника до конца.

— Такие! — отрезала Анесса.— В Карташене помимо ежегодной ярмарки, например, существует еще Большая Морская Охота в летнее новолуние...

Асторга, таращившийся на девушку так, будто подозревал, что она внезапно сошла с ума, откинулся назад и захохотал. Все обернулись к нему. Отсмеявшись, помощник капитана «Вестрела» с трудом выговорил:

— Анесса, ты точно спятила. Но, пропади мы все пропадом, это может выгореть!

— Конечно, может,— самодовольно кивнула госпожа Вальеда.— Иначе я бы и предлагать ничего не стала.

— Вы скажете наконец толком, что придумали, или нет? — возмутились светловолосый корсар и ванир.

— Они-то скажут, да кто их поймет? — съязвил Деррик, многозначительно постучав согнутым указательным пальцем по голове тихонько похрапывавшего Монброна.

— Отвяжись,— невнятно пробурчал аквилонец, поерзал, пытаясь улечься поудобнее, и с грохотом свалил на пол тарелку с объедками и полупустой кувшин.

Костями с ошметками мяса немедленно завладела нисколько не интересовавшаяся запутанными делами людей Чинкуэда.

— Каждое лето в начале новолуния рыбаки Побережья отправляются на ночной лов,— начал объяснять Асторга, смекнувший что к чему.— Собирается не меньше десяти — двадцати больших лодок, до отказа забитых людьми. Шум и гам, само собой, стоят невероятные: Лов длится почти до рассвета, потом рыба уходит, а лодки с добычей возвращаются на берег...

— Да нас примут за скопище недоумков, сбегавших из местного приюта безумных! — снова не выдержал Сигурд.— Город только что разорили, в гавани торчат шемские корабли! Покажите мне идиота, которому придет в голову отправляться в такое время за рыбой! Или я что-то не понял?

— Рыбу не интересует, что творится на поверхности,— возразил светловолосый.— А что, задумано неплохо... Мы успеем одолеть не меньше половины бухты, прежде чем нам прикажут возвращаться. Если вообще прикажут. В Шеме есть точно такая же традиция. Слушай, госпожа, я с тобой!

— А я — нет, пока не разберусь, кто тут кому морочит голову, — буркнул ванир.

— Вот и торчи на бережку, маши уплывшему дружку, — язвительно пропел Деррик, но, поймав грозный взгляд рулевого, смешался и замолчал.

— Вам ведь не придется нападать на шемские корабли, — вкрадчиво заговорила Анесса. — Я понимаю, это невозможно и крайне опасно. Бенни разбудит лодки, его приятели сыграют роль рыбаков. Они выйдут в гавань, и тут наверняка возникнет суматоха. Шемиты примутся выяснять, кто да что, а под шумок два-три ловких человека прыгнут в воду. Дальше... Дальше не мне объяснять, что может произойти. Утром шемиты с изумлением обнаружат, что все их кажущееся преимущество за ночь испарилось. Кто, спрашивается, станет хозяином положения?

— Опасно, — после долгого молчания веско заявил усатый Зел.

— Все лучше, чем сидеть тут, напиваться и ждать утра, — откликнулся Асторга.

— К тому же вы сможете вынудить моего дорогого дядюшку исполнять обещания и служить закону, — подлила масла в огонь девушка. — Или вам не хочется увидеть Фареса на виселице?

Деррик украдкой одобрительно кивнул. Госпожа Вальеда сделала совершенно правильный ход: никто из нынешних посетителей «Островка» не отказался бы увидеть предводителя шемитов в петле.

— Ты считаешь, что твоя выдумка — единственный способ вытащить Конана и прижать твоего дядюшку к стенке? — спросил Сигурд.

— Это единственное, что я могу предложить. — Анесса обескураженно развела руками. — Может, вы придумаете что-то получше? Я охотно вас выслушаю. Только помните, что до утра не так уж далеко и что посулы градоправителя стоят не больше тумана на рассвете.

— Соображать надо как можно быстрее, — неожиданно поддержал Анессу Зел. — Ладно, госпожа, считай, что меня ты убедила. Первый раз встречаю столь красноречивую и разумную девушку... Но, раз так, нам тоже предстоит сделать кое-что. — Он тяжело поднялся из-за стола. — Я на корабль. Кто с мной?

— Все, — ответил Асторга, роясь в кошеле и бросая на столешницу горсть резко звякнувших монет. — Кроме Сигурда, потому что он не желает рисковать. И Монброна, потому что его не сдвинуть с места, а пользы от него — как от каракатицы молока.

— Что ты несешь? — немедленно возмутился ванир. — Без меня? Не выйдет! Госпожа, куда твои знакомцы пригонят лодки?

— Они не мои, — поправила его Анесса, и, посмотрев на обгоревшие свечи, что-то прикинула в уме. — Скоро луна пойдет на убыль, начнет светать. Нам нужно обернуться затемно. Бенни будет ждать возле последнего причала — это в дальнем конце гавани, возле складов, сразу за вашей пристанью. — Она помолчала и, тряхнув

головой, с легким недоверием спросила: — Так я могу на вас рассчитывать?

— Да,— кратко бросил через плечо Асторга.— Мы придем.

Анесса проводила королевских корсаров долгим изучающим взглядом и, когда дверь таверны захлопнулась за последним из них, облегченно вздохнула.

— Преклоняюсь перед твоими ораторскими способностями.— Деррик несколько раз негромко хлопнул в ладоши и восхищенно поцокал языком.— Как тебе удалось? Научи, а? Я ведь пытался втолковать этим головорезам, что их обводят вокруг пальца, но они будто оглохли. Каюсь, мое терпение лопнуло, и я решил просто выждать, что будет... И тут вдруг являешься ты. Клянусь здоровьем моей покойной мамочки, эта картина будет преследовать меня до конца жизни!

— В страшных снах? — устало поинтересовалась девушка. Ей смутно помнилось, что она намеревалась как следует отругать Деррика, но вот за что?

— Нет,— очень серьезно сказал он и поднялся.— Это будет самое волнующее и дорогое воспоминание. С ним не сравнится даже нынешний разгром ярмарки... Я могу что-нибудь сделать для тебя, моя госпожа? Здешняя кухня, конечно, не рассчитана на таких особ, как ты, но кое-что вполне съедобное отыщется...

Маэль, резко дернувшись во сне, едва не свалился под стол. Деррик успел вовремя поймать его за воротник.

— Мне ничего не надо.— Анесса слабо улыбнулась.— Позаботься лучше о нем.— Она кивнула на Монброна, который быстро падал набок.— Если кто-нибудь станет разыскивать меня, я на берегу.

Деррик неодобрительно хмыкнул, но промолчал, толкнув ногой неплохо закусившую и уже пристроившуюся вздремнуть Чинкуэду и кивком приказав ей сопровождать госпожу.

Анесса приоткрыла тяжелую дверь таверны и выскользнула наружу, в теплую ночь. Ей вовсе не нужно было идти к причалам. Собственно, теперь ее участия вообще больше не требовалось: лавина покатила вниз по склону, и горе тому, кто решился бы встать на ее пути. Однако госпоже Вальеде хотелось убедиться, что ее дерзкая задумка окажется удачной.

«Мне повезло,— признала она, шагая по выщербленным плиткам набережной.— Несказанно повезло. Наверное, человеку так везет всего один раз в жизни. И в том, что они сидели тут, и в том, что Деррик уже пытался их убедить. И даже в том, что они вообще меня выслушали. Боги, какая же я, оказывается, везучая!»

Она тихонько хмыкнула, глубоко втянула расширившимися ноздрями соленый морской воздух и прислушалась. Пронзительно, так что мелко дрожал воздух, звенели цикады. Ночной океан вздохнул, расплескав по берегу волну в рваных кружевах серебристо-белой пены. Где-то неподалеку осторожно, словно извиняясь, скрипнула уключина и приглушенно шлепнули по воде весла. В полутьме еле различались очертания рыбацкой

лодки с высокими бортами, медленно крадущейся вдоль берега. За ней следовала еще одна.

— Повезло,— вполголоса повторила Анесса и почесала лобастую голову присевшей рядом собаки.

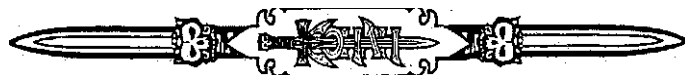
Чинкуэда, разумеется, не поняла ни слова, но согласно фыркнула.

* * *

Госпожа Вальеда не знала, как долго простоляла на набережной. Мимо нее прошли еще две лодки, потом рядом с темным корпусом «Вестрела» вспыхнул неяркий оранжевый огонек, быстро заскользивший над водой к соседнему причалу. До Анессы долетели еле различимые голоса, звякнул металл о металл, хлюпнули перекладываемые мокрые сети. Пока все шло как задумано.

«Что бы они сказали, узнав, что на самом деле происходит? — с грустью подумала девушка. — Как я завтра покажусь на глаза дяде? Впрочем, это отнюдь не самое важное. Я несколько раз пыталась его остановить, он меня не послушал. Пусть теперь расплачивается за свою слепоту».

Она наклонилась, подобрала плоский камешек и запустила его по гладким волнам залива. Камешек послушно запрыгал по воде, оставляя за собой расходящиеся круги, булькнул на прощание и утонул. Анесса протерла глаза и, в очередной раз подавив назойливое желание сбежать домой, неторопливо зашагала к отдаленному последнему причалу. Позади клацали когти Чинкуэды.

Шагов через пять госпожа Вальеда остановилась и, прищурившись, вгляделась вдаль. Ей показалось, что на шемских кораблях возникла какая-то суeta и даже послышался тревожный крик. Подождав и убедившись, что крик не повторяется, а на кораблях не зажигают лишних огней, она пожала плечами. Мало ли что могло произойти? Смена вахтенных, короткая стычка или просто с борта углядели нечто подозрительное. Главное, в бухте все по-прежнему спокойно.

К огоньку, колебавшемуся между двумя причалами в конце набережной, присоединились еще несколько, высветив сгрудившиеся лодки. Заметив их, Анесса довольно улыбнулась.

Поколебавшись, она сочла, что видела достаточно и может успокоиться. Ее замысел выполнялся, и к утру многих ждали внезапные перемены — кого радостные, а кого и не очень...

Крутившаяся возле полосы прибоя Чинкуэда негромко гавкнула, точно не могла решить, что именно ее тревожит. Вскоре лай повторился.

— Чин, что случилось? — окликнула собаку Анесса.

Ответа, разумеется, не последовало. Чинкуэда подбежала к девушке и, повернув голову к шелестевшему под луной морю, залаяла.

— Там ничего нет,— убежденно заявила госпожа Вальеда, ловя собаку за ошейник. — Ничего и никого. Просто волны.

Чинкуэда, похоже, думала иначе, но замолчала. Анесса окинула просторную гавань настороженным взглядом: вдруг более чуткое, нежели

человек, создание действительно заметило нечто подозрительное?

Всплеск. Неподалеку от берега, но не возле пристаней, где готовится вылазка. Снова всплеск. Еще и еще, с каждым разом все ближе и ближе.

Анессе на миг померещилось, что среди волн блеснуло мокрое золото крупной чешуи. Неужели Геллир решил вернуться? Как неосторожно с его стороны... Но как хорошо, если это он! Или не он?

Собака, нетерпеливо топтавшаяся на месте, чуть слышно заскулила. Всплески стали более отчетливыми, подчиненными какому-то монотонному ритму. Так загребает воду опытный пловец. Неужели кто-то решил ночью поплескаться в бухте?

Девушка невольно вспомнила легенды о Морском Народце — существах, похожих на людей, но дышащих, как рыбы. Они жили на дне океана и иногда выбирались на сушу. Как правило, это не сулило Побережью ничего хорошего: Морской Народец не жаловал обитателей берегов и всячески им пакостил. Порванные сети и украденные лодки — еще полбеды, а вот похищения рыбаков или парочек, решивших прогуляться лунной ночью по берегу... Анесса отпустила ошейник Чинкуэды и на всякий случай проверила, на месте ли пристегнутый к руке кинжал. Конечно, Морской Народец — выдумка. И все же осторожность еще никому не повредила.

Вырвавшаяся на свободу собака подбежала к самой полосе прибоя, шумно принялась и снова гавкнула.

— Да что с тобой? — Анесса начала сердиться. Животное явно что-то видело, а вот ей никак не удавалось разглядеть это загадочное «что-то». — Чин! Иди сюда! Чин, кому говорят!

Собака неожиданно яростно заскребла лапами по мокрому песку и завилала обрубком хвоста, всячески выражая дружелюбие.

Приглядевшись, девушка, собравшаяся постороже прикрикнуть на пса, вдруг онемела. Легенды о Морском Народце и обитателях глубин оказались вовсе не байками пьяных рыбаков.

«Добежать до таверны я не успею, — отстранено подумала она. — Побегу к причалам. Если закричать, кто-нибудь обязательно услышит. Чего мне не сиделось в «Островке»? Там тихо, спокойно... И Деррик рядом...»

Море выкатило на берег очередную волну. Вместе с ней приплыл большой продолговатый предмет, который тут же ожил и резво пополз вверх по берегу. Чинкуэда вертелась рядом и поскуливала, иногда тычась в него мордой.

«Чин не боится. — Оцепенение постепенно проходило, и к девушке возвращалась способность трезво рассуждать. — Значит, это... Это... В общем, оно не опасно. Только что это такое? Живое, двигается, ползает...»

Загадочное существо уселось и безуспешно попыталось отодвинуть в сторону ластившуюся собаку.

«Человек. — Анесса почувствовала, что у нее мелко трясутся руки и, кажется, даже зубы слегка

постукивают.— Это всего-навсего человек. Кто-нибудь из местных рыбаков».

— Эй! — нерешительно подала голос госпожа Вальедо, заставив человека резко обернуться.— Ты... Ты что здесь делаешь?

— Это ты почему тут шляешься, хотел бы я знать? — ответил очень знакомый низкий голос.

Голос, вне всякого сомнения, принадлежал Конану. Анесса осторожно сделала еще пару крошечных шагов и убедилась, что слух и зрение ее не обманывают. Угомонившаяся Чинкуэда с довольным видом сидела рядом с корсаром.

— Капитан! А мы думали... — Не договорив, девушка махнула рукой в сторону темнеющей над водой шемской флотилии.

— Много думать вредно, — наставительно произнес Конан и яростно замотал головой, отряхиваясь.

— Ты сбежал... Обманул их всех и сбежал!

— Да, — подтвердил киммериец и, хмыкнув, уточнил: — Там даже обманывать-то никого не пришлось — всего лишь свернуть шеи парочке зазевавшихся остолопов... — Он внезапно оборвал свой рассказ и деловито спросил: — Не знаешь, где Фарес? Я слышал, он тоже попался?

— Да. — Девушка кивнула. — Его поймал Маэль. Наткнулся где-то в городе, вызвал на поединок и победил. Сама я этого не видела, мне рассказали.

— Однако... — недоверчиво протянул корсар. — Мальчишка делает успехи. И что дальше?

— Дальше Фареса привели на твой корабль и собирались вывесить на просушку... Так, кажется, это называется? Но явились городские гвардейцы, и добыча досталась моему дядюшке. — Анесса подошла поближе и осторожно уточнила: — Капитан, с тобой все в порядке? Ты не ранен?

— Если не считать тех мелочей, что меня сначала треснул хвостом дракон, а потом кое-кому очень хотелось пересчитать, сколько у меня костей, и попробовать, нельзя ли их сломать, то я еще легко отделался, — беспечно отозвался Конан.

— Геллир не нарочно... — вступилась за дракона девушка.

— Знаю. Но мне от этого ничуть не легче. Кстати, куда удрало это чудовище? И я краем уха слышал, что на набережной видели Плоскомордого. Он что, стал призраком? Так им вроде положено являться по ночам, а не средь бела дня.

— Я не знаю, где Геллир, — честно призналась госпожа Вальедо. — После... э-э... штурма его никто не видел. Думаю, он воспользовался общей суматохой и скрылся. А Эван не призрак: Он, оказывается, сумел выплыть. Только его тоже поймали. Он сейчас в городской тюрьме.

Конан присвистнул:

— Твой дядюшка не теряет времени зря. И наверняка задумал что-нибудь крайне любопытное. Ты случайно не хочешь поделиться со мной его замыслами? И кстати, что творится на борту моего корабля?

Анесса мельком взглянула на причал, возле которого покачивался «Вестрел», и на мерцавшие рядом огоньки.

— Не знаю.— Ее голос чуть заметно дрогнул, но капитан, кажется, не обратил на это внимания.— Я собиралась наведаться туда. Может, твои люди придумали, как тебя спасти?

— Спасти? — задумчиво повторил Конан.— Хорошая мысль, но несколько запоздалая. Надо бы их остановить, тебе не кажется?

— Кажется,— несколько поспешно согласилась девушка.— Так тебя интересуют замыслы моего дядюшки или это может подождать?

— Интересуют,— кивнул киммериец.— Только выкладывай побыстрее, если можно.

— Дядя собирается завтра утром повесить Эвана, а Фареса обменять на тебя,— сказала Анесса и вкрадчиво добавила: — Так он обещал твоей команде.

— Надо же, какая забота,— презрительно фыркнул Конан.

— Я не сказала, что он это сделает,— подняв указательный палец, проговорила Анесса.— Я сказала «собирается».

— Заметная разница,— согласился корсар.— Тогда что на самом деле произойдет завтра утром?

— Не знаю.— Девушка пожала плечами.

— А что думаешь? — пристально посмотрел на нее Конан.

Анесса помедлила и выпалила на одном дыхании:

— Что правитель Карташены слегка увеличит свое состояние, что кому-то суждено быть повешенным, кто-то вернется домой, а кому-то против своей воли придется совершить путешествие в Мессантию или в Асгалун. Путешествие, из которого редко возвращаются.

— Вот как? — посерьезнел корсар.

— Именно. Ты, случаем, не хочешь сказать, что мой дядя мерзавец и мошенник? Говори-говори, не стесняйся. Это будет совершеннейшей правдой.

Конан коротко, но выразительно ругнулся и спросил:

— Мои люди об этом знают?

— Скорее всего, нет,— покачала головой Анесса.— Но твой помощник, кажется, заподозрил, что дело нечисто. Только что он может сделать? Завтра сюда придет подкрепление из Сеуты — дядя проявил редкостную предусмотрительность.

— Значит, я на редкость вовремя смылся,— заключил киммериец и уверенно поднялся на ноги.— Пошли на «Вестрел». Там, небось, уже успели по мне соскучиться. Или ты собираешься домой?

— Я лучше с тобой. Чинкуэда, ко мне!

Она наклонилась, чтобы поймать собаку за ошейник, и оказалась за спиной Конана. Одно незаметное движение — и спрятанный в рукаве кинжал ткнулся шершавой рукояткой ей в ладонь. Анесса еле слышно всхлипнула, не слишком умело замахнулась и коротко ударила корсарского капитана сверху вниз.

* * *

— Я-то думал, мы друзья,— укоризненно сказал Конан, перехватив занесенную руку девушки. Ему стоило лишь слегка сжать пальцы, чтобы клинок упал. Чинкуэда недоуменно посмотрела на двух стоявших вплотную друг к другу людей, но, поскольку хозяйка не кричала и не звала на помощь, мудро решила пока не вмешиваться.— Как это прикажешь понимать?

Госпожа Вальедо молчала. Не плакала, не оправдывалась, просто молчала, глядя чуть расширившимися от испуга глазами на киммерийца. Конан легонько встряхнул ее — ничего не изменилось, только на лоб девушки упала выбившаяся из причёски черная прядь.

— Анесса!

Чинкуэда приглушенно заворчала — ей показалось, что хозяйку все-таки пытаются обидеть.

— Чин, замолчи,— бесстрастным голосом приказала девушка.

Собака обиженно смолкла.

— Так в чем дело? — Конан не знал, смеяться ему или сердиться. Ему вроде нечего было делить с этой хорошенькой и умной девицей. Впрочем, женская непредсказуемость — особенно женщин Побережья — уже давно вошла во все известные поговорки.— Ты чего на людей с ножами бросаешься?

— Так было нужно,— наконец ответила Анесса и попросила: — Отпусти меня, пожалуйста.

— Да? — поднял бровь киммериец.— Чтобы ты опять решила проделать во мне пару дырок?

— Извини. Конечно, с моей стороны это была глупость. Я просто не представляла, что еще можно сделать.

— Но зачем? — не понял Конан.

— Чтобы ты не дошел до пристаней.

— Анесса, не говори загадками,— потребовал корсар.— Конечно, ты не первая женщина, которая пытается меня прикончить, но у тех хоть были веские причины... Ты-то за что на меня взелась?

— Если ты меня отпустишь, я все расскажу.

— А если не отпущу?

— Тогда все равно расскажу, но мне не хотелось бы ходить с переломанными руками,— спокойно проговорила девушка.— Честное слово, я не собираюсь убегать или вопить на всю набережную. И прости, но ты мне ногу отдал.

— Ну-у... Хорошо,— сдался Конан. Любопытство всегда было одной из основных черт его характера, и именно оно частенько заставляло варвара вмешиваться в дела, совершенно его не касающиеся.— Говори.

Анесса отступила на пару шагов, оправила смятую юбку и снова замолчала, глядя на серебрившийся под луной залив.

— Анесса, я жду,— напомнил Конан.

— Это я подговорила твоих людей отправиться спасать тебя,— еле слышно сказала она.— Мы хотели разыграть ночной лов, чтобы в общей суете кто-нибудь доплыл до кораблей.

— Спасибо, конечно, только я по-прежнему ничего не понимаю. Если ты собиралась меня спасти, то с какой радости теперь решила убить?

— Чтобы обвинить в твоей смерти шемитов,— еще тише проговорила девушка.

— Ты что, так их ненавидишь? — удивился корсар.

— Вообще-то они мне глубоко безразличны. Разумеется, пока сидят у себя дома и не суются к нам.

— Анесса, как говорят, у меня очень маленький запас терпения, и он вот-вот иссякнет,— нахмурился киммериец.

— Мне было нужно, чтобы ты стал моим должником,— тщательно подбирая слова, начала госпожа Вальедо.— В этом случае я могла бы рассчитывать на твою помощь. Но ты сбежал раньше, чем тебя успели спасти. Тогда я подумала: вдруг у меня получится убить тебя? Скажу, что это дело рук шемитов, а я наткнулась на твое тело на берегу. Мне бы поверили.

— И что? — Конан почувствовал, что у него голова начинает идти кругом, но желание разобраться в этой весьма запутанной истории оказалось сильнее.

— А то, что завтра твои люди мечтали бы расправиться с любым, кто хоть немного похож на шемита! — неожиданно громко и зло выкрикнула Анесса.— И никакой казни бы не состоялось! Точнее, вздернули бы того, кто этого заслуживает. Фареса!

— Согласен. Но зачем тебе понадобилось горюдить такой огород? Объяснила бы все по-человечески, я бы с удовольствием помог тебе!

— А вдруг нет? Вдруг завтра в гавани никого бы не осталось? — Голос девушки задрожал.— Я ведь всего лишь женщина, капитан, слабая женщина!

— Не сказал бы,— буркнул Конан.

— Мне была нужна чья-то поддержка,— продолжала госпожа Вальедо, уже не в силах остановиться.— И я получу ее любой ценой! Я не допущу этой казни! Он должен остаться жить!

— Кто? — спросил окончательно запутавшийся корсар.

— Эван, разумеется!

— Великие боги, а он здесь, при чем?

— При том, что я люблю его! — выпалила Анесса и осеклась, поняв, что сболтнула лишнее.

— С этого бы и начинала,— снисходительно хмыкнул Конан.— Судя по всему, он это прекрасно знает. Слушайте, парочка влюбленных идиотов, что вы тут вытворяли с бедным городом?

— Ничего особенного,— отвернулась Анесса.— Пытались совместить законы Прибрежного Союза и законы короля.

— Так вы еще и за справедливость боретесь? — не поверил своим ушам корсар.

— Да, и что такого? — возмутилась девушка.

— Ничего. Просто вы оба немного спятили. Ладно, раз твоя страшная тайна все равно раскрыта и убивать меня ты больше не собираешься, идем на корабль. Кстати, твой дядюшка...

— Догадывается. Эван и я в последнее время здорово ему мешали. Не позволяли прикармливать изрядную часть сборов. К тому же Эван как

глава Союза присмирил наших контрабандистов, и месьору градоправителю пришлось умерить свои аппетиты. Раньше это тоже было традицией: Прибрежный Союз делился с законной властью, чтобы его не слишком трогали.

— Весело вы тут живете, как я погляжу,— едко заметил Конан.

— Стараемся.

— Но почему? Зачем вам это понадобилось? — недоуменно повторил корсар.— Если уж у вас такое... Гм... Вы же могли просто-напросто сбежать. В Аргос или еще куда.

— Кто-то должен следить за тем, чтобы закон соблюдали,— серьезно и грустно проговорила девушка.— А насчет убежать... Я предлагала, но Эван не согласился. Понимаешь, капитан, он считает, что побегом мы как бы признаем свое поражение. Погубим все, что нам удалось сделать. И,— она снова смутилась, но все же продолжила, делая вид, что не замечает насмешливого взгляда корсара,— Эван хочет, чтобы мы стали законными мужем и женой. А это невозможно. Я из древнего рода, он простолюдин. Вот если бы...

— ...У него имелся титул, золотой ошейник, клочок никуда не годной земли и десяток крестьян — тогда пожалуйста,— понимающе хмыкнул киммериец.— Так вот почему он так рьяно подыскивал охотников на дракона! Конечно, такой случай прославиться упускать было никак нельзя. Только чего ж он с нами не пошел? Струхнул, что ли?

— Вовсе не потому,— возмущилась Анесса.— Он беспокоился за город!

— Верю, верю,— примирительно сказал корсар.— Считай, что я неудачно пошутил. Кстати, о драконе. Он-то каким боком сюда втискивается?

— Никаким.— Госпожа Вальеде покачала головой, но как-то неуверенно.

— Анесса, раз начала признаваться...

— Ну хорошо, хорошо! — сердито выкрикнула она и, покопавшись в висевшем на поясе кошельке, вытащила какой-то маленький блестящий предмет.— Я сама не знаю, что об этом думать, и потому очень беспокоюсь. Вот, смотри.

Предмет оказался серебряным корабликом на цепочке — изящной и довольно дорогой безделушкой.

— Ну и что? — Конан осмотрел вещицу, мысленно оценил в два десятка зингарских золотых и не заметил в ней ничего подозрительного.

— Это мой подарок Эвану,— объяснила девушка.— Другого такого нет: я сама его придумывала и заказывала у здешнего мастера. И знаешь, где я его недавно нашла?

— Где же?

— В пещере Геллира,— растерянно сказала Анесса.— Он валялся на полу, я его случайно заметила. Тут меня схватили Деррик и Блайи и потащили, как они были уверены, спасти от жуткого зверя.

— Как он мог там оказаться? — удивился корсар.

— Понятия не имею. Эван не мог там побывать...

— А вдруг мог? — Конан вспомнил никогда не подводившее его мудрое правило, следовать которому он частенько забывал: доверяй любым словам с оглядкой. — Анесса, он, случаем, не морочит тебе голову насчет того, что непричастен к исчезновению кораблей?

— Не знаю, — вздохнула госпожа Вальеда. — Правда не знаю, капитан. Я запуталась. Помогите мне! Может, я и натворила дел, но я пыталась спасти Эвана. Ты же понимаешь...

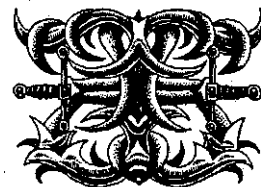
— Нет, — честно сказал киммериец. — Я уже давно отказался от попыток понять женщин. Ладно, придется срочно что-то придумывать. Говоришь, твой дядюшка получил от Фареса хороший куш и собирается его отпустить? Как он может это проделать? И когда? Завтра, на глазах у всей толпы? Да горожане его просто растерзают!

— Значит, он что-то задумал, — твердо сказала Анесса. — И мы просто обязаны помешать ему. Чин, идем!

Она наклонилась, вытащила плотно засевший в песке кинжал и сунула его в ножны. Конан еле слышно хмыкнул, еще раз встряхнулся, и они зашагали к пристаням. Серп нарождающейся луны, висевший над морем, начал медленно сползать по безоблачному небосводу вниз, навстречу смутной полосе горизонта.

Глава пятнадцатая

Втроить виселицу закончили незадолго до рассвета. Собственно, спешить с этим не было никакой необходимости. В Карташене имелось по меньшей мере пять подобных сооружений, одно из которых, по прозвищу «Зара Плакальщица», могло похвастать почтенным возрастом в триста без малого годков беспорочной службы.

Но месьор градоправитель приказал возвести виселицу на краю луга, ближе к реке, и к утру приказ был выполнен. Дело-то нехитрое — дощатый помост, несколько столбов да перекладина.

— Хорошо сработано, — оценил Деррик.

Его спутники промолчали. Маэль страдал от утреннего похмелья, а Блайи попросту не любил ни кладбища, ни роскошные надгробные памятники, ни лобные места.

— Нет, в самом деле, она замечательно выглядит на фоне речной долины и убегающих за горизонт холмов, — не унимался Деррик. — Эда-

кое воплощение вечности и тщеты всего сущего. Блаии, скажи, разве я не прав?

— Все бы тебе смеяться,— поморщился менестрель.— Что мы скажем госпоже Анессе?

— То и скажем. Виселица стоит. Ладная, крепкая, и место подобрано отлично,—ответил Деррик и дернул поводья, трогая лошадь с места.— Что еще можно добавить?

На дороге, тянувшейся от городских предместий, показалось темное движущееся пятно.

— Вот и доблестная гвардия прибыла,— усмехнулся Деррик.— Скоро пожалуют почтенные обыватели с семействами — поглазеть на казнь. Никогда не обращали внимания? Казнь местного злоумышленника вызывает куда большее столпотворение и волнение, чем какой-нибудь залетной птицы? Жаль, не я команду сей захватывающей церемонией. Есть прекрасная идея — полезная для кошелька и совершенно не требующая никаких усилий. Пропускать зрителей на казнь за определенную мзду. А что? Чем вы недовольны? Зрелища не должны быть бесплатными, иначе они становятся доступными всем и приедаются!

— Тебе его что, ничуть не жаль? — наконец сумел выдать из себя Мазль.

— Моей жалости не хватит на весь мир.— Деррик равнодушно пожал плечами.— Лучше я буду жалеть одного себя. Удобнее и намного проще. Поехали обратно, месьюры, нас ждут, если вы еще не забыли.

Деррик развернул белую кобылку и, подавая пример, первым направился к городу. Монброну

и Блаии ничего не оставалось, как следовать за ним. Собственно, их ничего тут не задерживало. Они увидели все, что хотели увидеть, и убедились, что встревожившие их слухи верны. Значит, придется спешно менять первоначальные планы, и нужно успеть проделать это как можно скорее, по крайней мере до полудня. Потому что ровно в полдень начнется казнь.

Прошедшая ночь выдалась довольно бурной. День, похоже, будет таким же. Карташenu трясло в лихорадке стремительно меняющихся событий, и никто не брался предсказывать, что будет дальше. Никто, кроме Деррика, который мрачно предрекал: «Не волнуйтесь, будет еще хуже».

После того как он повторил это Анессе несколько раз, она сердито приказала ему заняться чем-нибудь полезным. Например, съездить на ярмарочный луг и посмотреть, что там происходит. Деррик взял с собой Блаии, которому нечего было делать, и страдающего головной болью Монброна — якобы для отвода глаз. Мол, благородные месьюры с утра совершают небольшую конную прогулку по живописным окрестностям города.

«Живописными» окрестности Карташены теперь вряд можно было назвать. Недавний разгром ярмарки и вчерашнее сражение в городе повсюду оставили свои мрачные следы: копать на стенах, поломанные деревья, вывернутые камни мостовых и набережной. Но Деррик ни на что не обращал внимания. Он получал удовольствие от жизни и вообще от всего, что попадалось на глаза и было достойно легкого осмеяния.

— Думаешь, госпожа Вальедо в самом деле собирается помешать казни? — спросил Блайи, когда всадники удалились на почтительное расстояние от реки и спускающегося к ней луга. — Интересно, зачем ей это понадобилось?

— Она мне не докладывала, — немедленно откликнулся Деррик. — Но раз задумала, значит, выполнит. В крайнем случае, ей помогут корсары.

— Что может быть общего между госпожой Анессой и этими головорезами? — презрительно фыркнул бард.

— Общего? — задумчиво повторил Деррик. — Это как посмотреть... С одной стороны, вроде как и ничего. С другой — все возле одного океана живем. Он, знаешь ли, тоже своего требует.

Блайи ровным счетом ничего не понял, но на всякий случай промолчал. Раз госпоже Вальедо угодно дружить с корсарами короны — ее дело. Главное, чтобы она не отказывалась от его, Блайи, общества. И все-таки, что же случилось вчера вечером в таверне «Островок блаженства» и на берегу? Он сам, как назло, все проспал, оставшийся без присмотра Маэль напился, а Деррик, хоть и болтал без умолку, так и не сказал ничего путного. Оставалось догадываться самому или пытаться расспросить кого-нибудь из очевидцев.

Но большинство очевидцев — то есть команда «Вестрела» — с утра было занято делами на своем корабле, куда Блайи не решился сунуться без приглашения, а потом отбыло в город. Приставать с расспросами к капитану как-то не хотелось, а госпожа Вальедо к беседам была не расположена.

Вот и попробуй после этого сложить проникновенную балладу!

Все-таки надеясь разузнать что-нибудь новенькое, менестрель решил присоединиться к Деррику, который отправлялся на ярмарочный луг. Но ему опять не повезло: Деррик охотно злословил, перебивал косточки градоправителю и его прекрасной племяннице, дразнил неразговорчивого Монброна и ни разу даже не упомянул о событиях минувшей ночи.

В конце концов бард решил, что, скорее всего, произошло следующее. По никому не ведомым причинам госпожа Вальедо решила заключить союз с корсарским капитаном, который сумел бежать из шемитского плена. Может быть, даже с помощью Анессы или ее денег. Судя по всему, они задумали сделать так, чтобы казнь не состоялась. Только вот кого они собираются спасать? Неужели Фареса? Но зачем? Или Эвана? Тогда все еще больше запутывается... И хотелось бы знать, куда опять подевался Геллир? Натворил дел и исчез, а люди теперь должны разбираться...

В таверне на набережной было по-прежнему безлюдно, чисто и непривычно тихо. Анесса в одиночестве сидела за столом, положив голову на сложенные руки, и дремала. Хлопнула дверь, Чинкузда, увидев хозяина, вскочила и гулко залаяла. Госпожа Вальедо вздрогнула и подняла голову.

— Виселица стоит, оцепление согнали, добропорядочные зеваки еще не пожаловали, — выпалил Деррик, прежде чем Анесса успела задать хоть один вопрос.

Девушка нахмурилась и встала:

— Деррик, я отправляюсь домой. Месьор Блаи, можешь присоединиться к нам. Месьор Монброн, тебя не затруднит... Месьор Монброн?

— Его не затруднит только лечь и помереть,— буркнул под нос Деррик, изо всей силы толкая локтем Маэля, который задремал стоя.— Эй, охотник на драконов, изволь проснуться! К тебе обращается дама!

— Я не сплю,— с трудом выговорил Маэль. Перед глазами все плыло и качалось, а требовательный голос Анессы, казалось, долетал из туманной дали.

Госпожа Вальеде вздохнула и раздельно, отчеканивая каждое слово, повторила:

— Тебя не затруднит дойти до «Вестрела» и рассказать капитану, что ты видел на лугу?

— Н-не затруднит,— промямлил Маэль, в душе проклиная вчерашний загул, хихикающего за спиной Деррика, всевозможных драконов, собственное неумение пить и снова Деррика. Кстати, почему Анесса отправляет его к капитану корсаров? Он же вчера, помнится, угодил в плен к шемитам? Или нет?

— Тогда отправляйся. Передай от моего имени, что место встречи остается прежним, так же как и время — незадолго до полудня. Надеюсь, ты в состоянии запомнить столь простые вещи?

В другое время Маэль страшно обиделся бы, но сейчас только размашисто кивнул и тут же пожалел об этом: ему показалось, что голова вот-вот разорвется на тысячи кусочков.

Пока он приходил в себя, Анесса и ее маленькая свита удалились, оставив Монброна в одиночестве. Подумав, Маэль решил, что добраться до расположенного по соседству причала он всегда сумеет, а глотнуть на дорожку чего-нибудь освежающего вовсе не повредит. И нечего этой красотке строить из себя загадочную особу. Подумаешь, у нее и контрабандисты в друзьях ходят, и корсары, и дракон, и еще кто угодно! Вот пусть сама и выясняет свои запутанные отношения с дядюшкой и спасает кого угодно...

Кстати, а кого она намеревается спасти с помощью команды «Вестрела»? И при чем тут виселица на ярмарочном лугу, на которую они ездили смотреть? Сегодня, незадолго до полудня... Что должно произойти в полдень? Кого-то вздернут? Но, раз есть приговор градоправителя, значит, этот человек заслуживает смерти. Разве не так? Или не так? С кем же он дрался вчера на узкой сонной улице? Дрался и победил... Кажется.

И куда сгнуло огромное крылатое существо в золотисто-коричневой чешуе? Неужели дракон опять счел, что дела смертных его не касаются, и подался в пещеру на побережье? Весьма невежливо с его стороны... Да, крайне невежливо! Надо будет обязательно сказать ему об этом! Сказать... Кому-то он должен что-то сказать, причем как можно скорее... Правильно, он должен дойти до «Вестрела»! Кстати, что такое «Вестрел»? Корабль? Раз корабль, значит, должен стоять у причала. Корабли либо плавают в море, либо стоят возле берега. Хотя это настоящее безумие — плавать по

такому большому и глубокому океану на кое-как обтесанных и связанных вместе бревнах...

* * *

Жаркий, душный, наполненный принесенной с океана соленой влагой полдень опускался на Карташenu. Обычно улицы в это время пустели: жители прятались по домам в ожидании более прохладного вечера. Сегодня на улицах Карташены тоже было немногочисленно, однако совсем по иной причине.

Почти все обитатели приморского города разноцветными ручейками стекались к лугу, где так и не состоялась нынешняя ярмарка.

Почтенные горожане направлялись туда вместе с семьями и слугами, не забыв прихватить большие корзины со снедью. Сегодня их ждало одно из самых захватывающих зрелищ — казнь. И самое главное — осужденный преступник был родом из соседней с Карташеной деревушки. Почти земляк, известный всем и каждому в городе!

Вот горожане и тянулись с самого утра по пыльной дороге к устью Флаамы. Конечно, будет любопытно глянуть, как запляшет в воздухе небезызвестный Фарес из Шема, но не каждый день градоправитель казнит главу Прибрежного Союза...

Над толпой висел невнятный гул, но, прислушавшись, можно было различить отдельные выкрики. Кое-кто из карташенцев, особенно те, чей доход во многом зависел от нелегкого ремесла

контрабандиста, возмущался решением Карбальо. «Еще неизвестно, — твердили недовольные, — на самом ли деле Эван Плоскомордый виновен в тех преступлениях, что ему приписывают. Почему не было суда в Городском Совете? С какой радости градоправитель своей властью приговорил не кого-нибудь, а самого Плоскомордого к казни, и приговор тут же приводят в исполнение? Что-то здесь не так», — хмурились многочисленные скептики и приятели обвиняемого, но кто стал бы их слушать?

Маэль из Аквилонии сильно сомневался, что приказ Карбальо будет выполнен. Несколько кувшинов холодной воды, вылитой на голову, заставили его протрезветь и осмысленно взглянуть по сторонам. Он обнаружил себя сначала на пороге таверны «Островок блаженства», затем — на чугунной тумбе для швартовки кораблей, рядом с тихо покачивавшимся на волнах «Вестрелом».

Несколько отчаянных призывов к команде ничего не дали. Никто не выглянул из-за высокого борта корабля, чтобы узнать, кто там вопит. Маэль уже решил пройти по шатким сходням и лично навеститься на судно, когда с проплывавшей мимо лодки крикнули, чтобы он перестал зря надрываться. Все давно ушли в город, смотреть на казнь.

Монброн вздохнул и побрел по причалу к набережной.

«Наверное, мне на роду написано всегда везде опаздывать, — с грустью подумал Маэль. — Что ж,

раз так, пойду хоть на казнь посмотрю. Не удивлюсь, если приду к самому ее концу».

Однако на сей раз он ошибся. До пригорка, возвышавшегося рядом с лугом, аквилонец добрался почти одновременно с выкрашенной в черный цвет повозкой, которую, как требовали обычаи, тащили две лошади — вороная и серая. Конный эскорт по личному распоряжению Карбальо на всякий случай увеличили в три раза: вдруг преступники, которым нечего терять, решатся на побег? Еще одно кольцо охраны, составленное из прибывшего утром сеутского подкрепления, выстроилось в пяти шагах от виселицы, не подпуская к ней никого из любопытствующих.

Маэль издали глянул на пеструю толпу обывателей, на длинные блестящие пики гвардейцев и яркое пятно одежда представителей городской власти и знати. Он попытался высмотреть среди них Анессу, но не сумел. Зато разглядел казавшиеся отсюда очень маленькими фигурки, которые стояли под поперечной балкой. Значит, приговоренных уже завели на помост.

«Хотелось бы знать, как они собираются вмешаться? Там стражников больше, чем народу во всем городе,— подумал Маэль.— Лучше бы охрана шемитов вчера гоняла, чем нынче торчать здесь для украшения. Все равно пользы от них никакой: осужденные никуда не денутся, а напасть решится только безумец...»

— Кого я вижу! — раздалось рядом. Монброн резко повернулся и едва не налетел на ухмыляющегося Деррика, который держал в поводу сми-

ную белую лошадку.— Проснулся? Изволишь созерцать позорную кончину злодеев? Зрелище весьма полезное как для глаз, так и для ума...

— Деррик, перестань,— взмолился Маэль.— Без тебя тошно. Не знаешь, что там затевается?

— Казнь злоумышленников,— отчеканил Деррик и засмеялся, глядя на несчастную физиономию Монброна.— Не волнуйся. Госпожа Вальеда решила, что казнь не состоится, значит, так и будет.

— Как? — Монброн обвел рукой плотную толпу зевак и стражей.— Здесь армия нужна!

— У нее есть армия,— невозмутимо сказал Деррик и погладил кобылку по шее.— Причем отличная. Местные контрабандисты и заезжие корсары. Моя хозяйка — на редкость хитроумная женщина. Она вертит ими, как хочет, и не успокоится, пока не добьется своего.

— Но почему? — искренне удивился Маэль.— Какое ей дело до Плоскомордого и, если уж на то пошло, до Фареса? Или у нее настолько добрая душа, что она не может видеть чьих-то страданий?

— Она давно мечтает насыпать соли на хвост своему дядюшке,— расплывчато объяснил Деррик, пристально глядя на помост.— И воспользовалась удачным стечением обстоятельств. Знаешь, я почему-то глубоко убежден: не будет никакой казни. Вне зависимости от чьих бы то ни было желаний. Просто не будет, и все тут. Смотри, зашевелились!

Рядом с виселицей и в самом деле происходило что-то странное. Маэлю уже приходилось ви-

деть казни, и он знал, что сначала положено во всеуслышание зачитать приговор, а уже потом начинать собственно церемонию. Похоже, на сей раз что-то пошло не так.

— Ага, началось! — обрадовался Деррик и ловко прыгнул в седло. Кобылка затаптывала, помахивая густым хвостом и звякая украшениями на сбруе. — Так я и думал.

— Подожди, подожди! — завопил обеспокоенный Монброн. — Что началось? Куда ты собрался? А я?

— Оставайся здесь и жди, — посоветовал Деррик и тронул лошадь с места. — Рано или поздно все узнаешь.

— Что значит «рано или поздно»? — возмутился Маэль и неожиданно для себя ловко поймал поводья лошади. — Никуда ты не поедешь, пока...

Толпа неожиданно взревела, и Монброн выпустил шершавые ремни уздечки, но Деррик и не подумал срываться с места, только привстал на стременах и, прищурившись, уставился на разворачивающееся действие.

Маленький, на редкость слаженно действующий отряд легко проделал брешь в кольце стражников и сейчас поспешно взбирался на помост. Маэль всматривался до рези в глазах, но никак не мог определить, кто это — шемиты или люди Конана. Даже если они освободят осужденных, как собираются уйти оттуда живыми?

Через миг Монброн все понял.

Краем глаза он заметил, что Деррик с оттяжкой хлестнул свою лошадь и ускакал, поднимая клубы мелкой въедливой пыли. Направился он почему-то не по склону пригорка к лугу, а в сторону кварталов предместья Карташены. Маэль мельком глянул ему вслед и тут же позабыл о его существовании.

Теперь он был твердо убежден: нападавшие — шемиты. Несколько человек ворвались в красочное сборище знатных месьоров Карташены, а через мгновение присоединились к отряду, но теперь среди них была женщина в алом платье. Монброн почему-то ни на миг не усомнился: это Анесса.

«Разумеется, никто из стражников не рискнет и пальцем тронуть шемитов, пока у них в руках племянница градоправителя. На это они и рассчитывали. Они все предусмотрели, а мы проморгали! — твердил про себя Монброн, сбегая с холма. — Деррик быстро догадался, куда будут отступать шемиты. Через предместья — и к гавани. Они заполучили своего предводителя и ценнейшую добычу — Анессу. И будут последними дураками, если отпустят ее, как только доберутся до кораблей. Они увезут ее с собой, или я вообще ничего не понимаю в жизни! Быстрее, быстрее, я еще смогу перехватить их возле домов. Что делать дальше? Там разберусь!»

Монброн даже не подумал, что намеревается в одиночку отбивать Анессу у тридцати, если не пятидесяти отлично вооруженных головорезов. Он просто забыл об этом.

* * *

Анесса не успела даже толком испугаться, когда ее резко схватили и вскинули на плечо. Она только осознала, что ей ужасно неудобно и от ее похитителя за лигу несет чесноком и дешевым вином.

...Замысел госпожи Вальеда и Конана был прост и на первый взгляд безукоризнен. Как утверждал киммериец, простые решения всегда самые лучшие, потому что в сложных непременно что-то забудут или перепутают. Анессе предстояло отвлекать внимание дядюшки и его окружения, корсарам — заняться охраной и всеми, кто рискнет вмешаться. Девушка робко попыталась узнать, как они собираются это сделать, и получила в ответ незамысловатое: «Придумаем!»

«Придумали, как же! — с горечью думала она теперь. — Знала же: если хочешь что-то сделать, делай сама и не надейся ни на кого!»

Шемиты проскочили через охрану и толпу вокруг, как стрела через тонкий пергаментный лист. Спустя еще несколько мгновений Анессу довольно небрежно поставили на ноги. Ярмарочный лут с виселицей остались далеко позади.

— Доброе утро, госпожа Анесса. — Злорадная ухмылка могла принадлежать только Фаресу. — Вот мы и встретились. Похоже, ты совсем не рада?

— Доброе, доброе, — раздраженно ответила девушка, поправляя измятое платье. — Ну что, доволен? Можешь удирать на все четыре стороны, только сперва скажи: столь красочное похищение

входило в твой договор с моим дядюшкой или это ты сам придумал? Если вы договорились, то мой любимый родственник еще большая дрянь, чем я полагала.

Фарес, похоже, ожидал от пленницы иного: криков о помощи, обещаний богатого выкупа или просто ливня слез, но никак не откровенной дерзости. Однако госпожа Вальеда явно не боялась его. Она ожидала ответа. Потому он молча кивнул.

— Я так и думала, — невозмутимо сказала Анесса. — Не-ет, от домочадцев надо избавляться, и чем быстрее, тем лучше, иначе они сведут тебя в могилу раньше времени... Не могу пожелать тебе всего хорошего и удачной дороги, да и встречаться с тобой снова мне бы не хотелось.

Она преспокойно развернулась и зашагала прочь, в сторону ярмарки, откуда уже долетали разноголосые крики, топот ног и лязганье оружия: гвардия и горожане бросились мстить за нанесенное им шемитами оскорбление. Анесса надеялась, что успеет отойти достаточно далеко, чтобы шемиты не решились погнаться за ней, а предпочли вернуться в гавань.

Чья-то рука легла ей на плечо. Девушка вздрогнула, но не обернулась.

— Куда торопишься, красавица? — ласково поинтересовался Фарес. — Молодой воспитанной даме не годится разгуливать одной в такие опасные времена.

— Хочешь проводить меня домой? — Ей показалось, что над ее головой с плеском смыкаются

равнодушные волны Закатного океана. Вот, значит, как... Дядя наконец придумал наилучший способ избавиться от тех, кто больше всего ему мешал. Эвана вздернут, а любимую племянницу похитят пираты.— Что ж, я не против.

— Тогда пойдем прогуляемся.— Фарес крепко схватил Анессу за локоть.

Она сделала несколько неуверенных шагов вслед за настойчиво тянувшим ее шемитом, отчаянно пытаясь извлечь из ножен кинжал. Как назло, клинок зацепился за складки рукава и выпал прямо ей под ноги.

— Гм,— сказал Фарес, многозначительно посмотрев на блестящую полоску стали, и дернул Анессу за руку так сильно, что она чуть не упала. Девушка взвизгнула и вцепилась зубами в державшие ее пальцы.

От неожиданности Фарес отпустил добычу. Она бросилась бежать, кто-то из шемитов подставил ей ногу, но девушка умудрилась вовремя заметить преграду и перескочить через нее. В следующий миг она запуталась в подоле собственного платья и упала.

— Анесса-а!

Слитный вопль раздался одновременно с двух сторон: из малозаметного проулка, откуда выскочил задыхающийся и грозно размахивающий мечом Маэль, и из начала улицы.

В общей суматохе Эван Плоскомордый сумел улизнуть с помоста и прыгнул на первую подвернувшуюся лошадь. Несколько горожан указали ему, куда скрылись шемиты. У него не было

никакого оружия, но в крайнем случае он был готов отбивать свою подругу зубами и кулаками.

— Осторожнее! — пронзительно закричала госпожа Вальеде, увидев неожиданных спасителей. Встать она не успела: ее подхватили за плечи и грубо подняли. Что-то холодное коснулось ее шеи. Нож.

Эван, прыгнувший с лошади, остановился. Монброн тоже.

— Вот так и стойте,— посоветовал Фарес, медленно отступая и увлекая за собой онемевшую Анессу.— Ты же ведь не хочешь, чтобы я случайно перерезал ее красивую шейку?

Маэль растерянно посмотрел по сторонам. «Примчался, называется, спасти похищенную красавицу. Думал, сейчас будет поединок, в котором победитель получит все? Забыл, что здесь свои порядки? Фарес без малейшего угрызения совести прикончит Анессу и уйдет. А виноватым в ее смерти будешь ты, потому что...»

Додумать Монброн не успел. Эван вдруг шагнул вперед, и с ним что-то произошло... Не было ни вспышек ослепительного света, ни молний с ясного неба, ни разверзшейся земли и клубов зеленоватого едкого дыма. Просто там, где миг назад стоял невысокий темноволосый парень, упрямо наклонивший голову и стиснувший кулаки, теперь переливалась золотисто-коричневая чешуя, шуршали огромные кожистые крылья и сияли злым золотым огнем узкие глаза. Левое крыло безжизненно висело, как и рука у исчезнувшего человека.

Ноги Монброна подкосились, и он шлепнулся на булыжную мостовую, жадно глотая неожиданно густой воздух.

Анесса слабо вскрикнула. Фарес попятился, но девушку не выпустил. Кто-то из его людей заорал и бросился бежать вверх по улице, не разбирая дороги.

— Отпусти ее,— велел Геллир. Из пасти дракона вырывались багровые лепестки огня.— Отпусти и можешь уходить.

— Э-э...— пролепетал шемит, переминаясь с ноги на ногу. Его спутников осталось не больше десятка — то ли самых преданных, то ли наиболее глухих. Некоторые держали заряженные арбалеты, но, похоже, не знали, что с ними делать.

— Отпусти! — От громовых раскатов голоса ящера, казалось, сейчас начнут рушиться окрестные дома.

Фарес, поколебавшись, слегка подтолкнул свою пленницу в спину. Девушка нерешительно шагнула к дракону, и тут шемит совершил самую большую ошибку в своей жизни.

— Стреляйте в него, стреляйте! — закричал он и метнул в Анессу кинжал.

Девушка то ли ожидала от него подлости, то ли послушалась внутреннего голоса, но успела шагнуть в сторону, и лезвие на излете распоролло подол ее красного платья.

Фарес мог бы гордиться своими людьми: они выполнили его последний приказ. Стрелы застучали по чешуе Геллира. Дракон оглушительно и

яростно взревел, слегка приподнялся на передних лапах и изогнулся, расправив кожистые крылья. Из его пасти вылетел узкий жгут переплетенных между собой огненных нитей. Монброн никогда не видел и не слышал, чтобы драконы проделывали нечто подобное. Пламенный бич, то и дело менявший цвет от ослепительно-белого до багрово-черного, пронесся вдоль улицы, выжигая все живое на своем пути и оставляя на стенах домов следы копоти.

Охваченные пламенем люди пытались скрыться, и все их движения напоминали безумную пляску черных кривляющихся теней в ореоле огня.

Потом все исчезло: и бешеный огонь, и золотистое сверкание бесчисленных чешуек. Осталось плывущее над переулком марево, тошнотворная вонь горящей плоти и женский плач.

Плакала Анесса. Она сидела на корточках возле облупившейся стены дома и настойчиво тормошила чье-то неподвижное тело, смахивая катившиеся градом слезы. Монброн подошел к ней и присел рядом. Госпожа Вальеда пыталась расшевелить потерявшего сознание Эвана Плоскомордого.

Стрелы не могли причинить вреда ящеру, но человеку нанесли столь серьезные раны, что Монброн с первого взгляда понял: без срочной помощи знающего и опытного лекаря Эван не выживет.

— Он превратился...— Маэль не узнал собственного голоса.— Превратился в дракона. А

потом опять стал человеком. Он на моих глазах превратился в дракона...

— Да прекрати твердить одно и то же! — зло выкрикнула девушка. — Помоги мне поднять его!

— Он превратился, — тупо повторил Монброн. — В дракона. В Геллира.

— Я сейчас тебя ударю, — всхлипнула Анесса. — Ну, превратился, и что с того? Где сказано, что человеку нельзя стать драконом, если ему захочется?

— Нигде, — согласился Маэль, приходя в себя. Лучше на время позабыть о том, что он увидел. Вот лежит раненый человек, и его надо спасать... Кстати, почему госпожа Вальеда так беспокоится об этом контрабандисте?

Монброн покосился на хлопотавшую Анессу, подумал, еще подумал и вздохнул. Если дела обстоят именно так, как ему кажется, он завтра может смело расплачиваться за проживание в таверне «Островок блаженства» и уходить куда глаза глядят. Мир, как верно заметил корсарский капитан, огромен и интересен.

— Его надо перевязать, а то он истечет кровью, — спокойно сказал Маэль и сам удивился, насколько уверенно прозвучали его слова. Девушка кивнула и тут же оторвала несколько полос от своей нижней юбки. — Нам бы еще лошадь... Где ты хочешь его спрятать?

— Тут поблизости есть одно место... — начала Анесса, но ее прервали:

— Вот ты где.

Монброн и госпожа Вальеда оглянулись.

Шагах в пяти стоял Деррик, чуть склонив голову к правому плечу, и рассматривал их, как птица разглядывает червяка, прежде чем склевать. Маэлю крайне не понравились ни его взгляд, ни звук его голоса. Да и сам Деррик выглядел как-то странно. Словно другой человек надел маску с чертами Деррика, а она разорвалась и сквозь привычное и знакомое лицо проглядывает иное, пугающее и жуткое.

— Деррик, нам надо... — заговорила Анесса и осеклась.

Деррик нагнулся и поднял тонкий длинный меч, похожий на солнечный луч и сияющий таким же нестерпимо ярким бело-желтым светом, перебросил его из руки в руку, описав кончиком сложный зигзаг. Затем шагнул к слабо зашевелившемуся и открывшему глаза Эвану и негромко произнес:

— Ты сам себя выдал, дорогой наставник. Я и раньше подозревал, но сделать такую глупость... Ты же догадывался, что я поблизости. Ведь догадывался, да? Я тебе никогда не нравился, как, впрочем, и ты мне. Что тебе эта красотка и эти несчастные грабители из Шема? Она смертна. Как все ей подобные, она скоро обратится в прах. Но тебе же без героизма скучно. За это ты сейчас и заплатишься. Чтобы тебе не было обидно, она отправится сразу вслед за тобой. Или, если хочешь, проложит тебе дорогу. Как предпочитаешь, учитель?

— Ты... — почти беззвучно выговорил Эван.

— Он самый.— Деррик раскланялся и поднял клинок в приветствии.— Я бы побеседовал с тобой, как в былые денечки, но, увы, тороплюсь.

— А зря.— Монброн, обиженный тем, что на него не обращали внимания, вытащил из ножен меч.— Не знаю, что на тебя нашло, Деррик, но тут никто никого не убьет.

Деррик удивленно посмотрел на аквилонца и, как показалось Маэлю, не узнал его.

Золотистый меч отрывисто свистнул, крест-накрест перечеркнув жаркий дрожащий воздух. Деррик отступил на шаг, потом еще на один, не отрывая пристального взгляда сузившихся зеленых глаз от Монброна, и сквозь зубы проговорил:

— Отойди. Они мои. Не вмешивайся.

— Маэль, уходи,— чуть слышно попросил Эван.— Возьми Анессу и уходи. Не спрашивай ни о чем. Только уведи Анессу, пожалуйста.

— Я никуда не пойду,— торопливо предупредила девушка.— Деррик, что с тобой? Лучше помоги нам...

Деррик даже не взглянул на нее. Он коротко взмахнул клинком, делая пробный выпад, и мягко, как кошка, устремился вперед.

Глава шестнадцатая

тойди,— равнодушно повторил Деррик, шаг за шагом наступая на пятившегося Маэля. Длинный клинок в его руке ослепительно сверкал и переливался расплавленным золотом.— Отойди, ты мне не нужен.

— Деррик...— жалобно выдал из себя Монброн, понимая, что его противник — никакой не Деррик. Этот человек и внешне-то мало на него походил: он был на полголовы выше, некогда вьющиеся каштановые волосы распрямились, мордочка веселой обезьянки стала строже и суше. Прежними остались только ярко блестящие зеленые глаза — глаза существа, одержимого демоном безумия.— Деррик, это же Анесса и Эван!

«Она-то действительно Анесса, а вот кто он — не знаю! — подумал прижатый к стене Маэль.— Но я должен остановить Деррика. Где шляется этот мерзавец капитан, когда он позарез нужен? Эй, кто-нибудь, спасите нас!»

— Отойди,— в третий раз сказал Деррик и, поскольку Монброн даже не шевельнулся, шагнул вперед.

Солнечный клинок без труда отвел в сторону неуклюжий выпад меча Маэля. Раздался жалобный звон металла о камни. Монброн с недоумением покосился на свою правую руку, только что сжимавшую черную шершавую рукоять. Через миг сильнейший удар отшвырнул его на небрежно побеленные камни забора. Маэль попытался сделать вдох и не смог. Небо над головой окрасилось в нестерпимо-красный цвет и начало медленно опускаться вниз, грозя раздавить его.

«Вот и все. Кажется, я умер. Прости, Анесса...»

Деррик небрежно перешагнул через скорчившегося Монброна и огляделся. Хищное лицо искалось кривой улыбкой.

— Попаля,— не сказал, а почти пропел он. По узкому лезвию странного клинка пробежала искрящаяся волна солнечного света.— Я же предупреждал, что рано или поздно поймаю тебя. Теперь вы оба — мои.

— Пусть она уйдет,— с трудом выдавил из себя Эван.— Она здесь ни при чем.

— Уйде-ет? — Сверкающий клинок описал в воздухе замкнутую кривую символа бесконечности.— Ты собираешься лишить меня такого удовольствия? Или всерьез полагаешь, что я соглашусь отпустить нечто принадлежавшее тебе? Э-э, нет, мой дорогой наставник! Война — так война до последнего! Думаешь, мне нравилось бегать по указкам этой вздорной девчонки и помогать ей

в ее темных делишках? Я слишком долго прятался от тебя. Теперь хочу рассчитаться за все эти долгие годы. Пятьсот лет — несколько многовато, не находишь?

— Ты всегда был излишне жесток.

Голос, произнесший эти слова, принадлежал не Эвану. Слишком низкий и слишком раскатыстый для человека. Госпожа Вальедо, услышав его, вздрогнула, но даже не попыталась убежать. Впрочем, бежать ей было некуда: в обе стороны тянулась вымершая улица предместья с приземистыми белыми домиками под черепичными крышами. Никто из перепуганных горожан не рискнул бы открыть ей дверь. Впрочем, она не собиралась покидать место схватки даже в том случае, если б внезапно спятивший Деррик позволил ей уйти.

— Говори, говори,— снисходительно закивал Деррик.— Говорить ты всегда умел. Трепать своим безмерно длинным языком — и только. Больше ты не можешь ничего. Ни напасть на меня, ни защититься, ни стать самим собой. Правда, я хорошо отомстил?

— Мои уроки не пропали даром,— заметило существо, носившее обличье человека по имени Эван из Бальи.— Ты научился отлично мстить, а вот прощать...

— Прощать? — Деррик рассмеялся.— Извини, дорогой учитель, прощать-то я и не намерен! Пятьсот лет, помни об этом! Ни умереть толком, ни жить, как человек! Пятьсот лет — и не расслабиться ни на миг. А вдруг сзади подкрадется

наставник, горящий желанием снести тебе башку? Благодарствую, сыт по горло!

— Ты же знаешь, что я не собирался убивать тебя,— медленно проговорил Геллир-Эван.— Ты был наказан по заслугам.

— Ну и что с того? Ты сам учил меня никогда не упускать подходящих моментов! Потому я прикончу тебя... А заодно и эту девчонку, что так упорно цепляется за твою беспомощную оболочку. Анесса, радость моя, ты же умная женщина, как ты не боишься это отродье? Он же не понимает, что творит! В любой миг сидящее внутри него чудовище может вырваться наружу, и тогда...

— Мне все равно,— сделав усилие, выговорила госпожа Вальедо.— Я... Я люблю его таким, какой он есть. Человек или дракон, превращенный в человека,— какая мне разница?

— Она его любит! — На лице Деррика появилось смешанное выражение презрения и недоверчивости.— О боги, каких только глупостей мне ни доводилось выслушать на своем веку... Ладно, пора заканчивать это затянувшееся представление. Прощай, почтеннейший учитель, и ты, прекрасная госпожа. Встретитесь на небесах... Или под землей. Или еще где-нибудь. Главное — на этом свете останусь только я. Всегда должен оставаться кто-то один.

Клинок размытой солнечной полосой взмыл вверх, свистя и разрубая воздух. Анесса зажмурилась и крепче сжала ладонь Эвана, взмолившись про себя: «Пусть это случится быстро! Ну пожалуйста...»

Додумать она не успела. Что-то рядом протяжно звякнуло, над ее головой, слегка коснувшись волос, пролетел какой-то предмет, а следом раздался короткий яростный вскрик.

Анесса приоткрыла один глаз, затем второй...

— Эй, что здесь происходит? Деррик, ты взбесился?

Запутавшийся в паутине улиц карташенского предместья киммериец все-таки разыскал тех, кого догонял. И, верный своим привычкам, сначала бросился в бой, а уже потом начал выяснять, с кем дерется и по какому поводу.

С точки зрения Конана, открывшаяся в переулке картина была одновременно простой и странной.

Несколько трупов, дочерна обгоревших,— наверняка шемиты из банды Фареса. О них можно сразу забыть.

Черные следы огня на стенах домов. Геллир, что ли, успел здесь побывать? Куда же он в таком случае смылся?

Скорчившийся под забором Маэль. Жив или нет — непонятно. Вроде не двигается. Следов крови ни на нем, ни рядом нет, зато длинный меч валяется в двух-трех шагах от владельца. Скорее всего, мертв. Иначе не выпустил бы оружия из рук. Жаль.

Анесса и Эван Плоскомордый. С ними вообще творится невесть что. Эвана, похоже, изрядно отделали — даже не шевелится. Девчонка цела, но испугана до смерти.

И наконец, Деррик, вооруженный необычным клинком и собравшийся прикончить то ли Эвана, то ли Анессу, то ли обоих вместе.

Вот с него-то и надо начинать.

Не ожидавший нападения Деррик отлетел на несколько шагов, окинул все вокруг бешеным взглядом и кинулся на нового противника. Для него, похоже, не имело ни малейшего значения, с кем он сражается. Ему были нужны Эван и Анесса. Золотистый клинок метался, как змеиный язык, выискивая малейшую неточность в защите корсара, ударял сверху, слева, справа, снизу, отскакивал назад и снова стремительно перечеркивал невидимое сплетение узоров в воздухе. Меч оставлял за собой еле видимый светящийся след, что наводило на невеселую мысль: без колдовства тут не обошлось. Только этого еще не хватало...

Слегка ошарашенный мастерством, которого никак не ожидал от такого миролюбивого человека, как Деррик, Конан попытался воззвать к противнику:

— Да что на тебя нашло? Эй, остановись и поговорим! Ты что, из-за Анессы взбесился? Так она не единственная юбка на Побережье! Деррик, ты меня слышишь?

Деррик не ответил. Блестящий тонкий клинок замелькал еще быстрее. Сквозь сплошной золотой диск на киммерийца неотрывно смотрела пара ничего не выражающих глаз, похожих на кошачьи — два зеленых огонька, поддерживаемых яростью.

* * *

Маэль еле заметно пошевелился. Никто не обратил на него внимания, настолько все были поглощены развернувшейся посредине узкого переулка схваткой. Монброну с большим трудом удалось подтянуть под себя ноги и сесть. Слава богам, жив. Конечно, он сильно ударился о камни и встать пока не может, но вот дотянуться до валявшегося рядом клинка...

Зажав в руке оружие, Маэль почувствовал себя несколько увереннее и посмотрел по сторонам, пытаясь понять, откуда доносятся непрерывный звон, топот и короткие вскрики, от которых он, собственно, и очнулся.

Долго искать не пришлось. Рядом, шагах в десяти от него, шел бой. Маэль озадаченно потряс головой и протер кулаком глаза. Нет, ему не померещилось. Сражались именно они, Конан и Деррик. И кажется, корсару приходилось туго. Он медленно отходил, шаг за шагом, пока не позволяя противнику приближаться к сидевшим под стеной дома Анессе и Эвану. Еще две-три успешные атаки — и Деррик достигнет цели. Тогда произойдет нечто ужасное.

Тяжелый меч и тонкий клинок в очередной раз скрестились, выбив сноп искр. Конан попытался поймать клинок противника «на захват», Деррик вовремя отскочил назад и тут же ударил сверху вниз, выиграв еще полшага. Анесса охнула, вцепилась в почти потерявшего сознание Эвана, попробовала оттащить его в сторону, но не сумела. Корсар что-то выкрикнул, обращаясь

к Деррику. В ответ раздалось разъяренное шипение, мало напоминавшее человеческую речь, и последовал очередной стремительный выпад.

«Мне надо встать,— отстраненно подумал Маэль.— Подняться на ноги. Никто не спорит, Контан — лучший на Побережье боец, но никто не сможет долго выдержать поединок с безумцем. Деррик сошел с ума, это точно. Сошел с ума и решил убить всех нас. Его надо остановить. Никто с ним не справится, потому что он сумасшедший маг. Да, маг. Откуда он раздобыл этот меч? У него же никогда не было при себе никакого оружия, кроме кинжала. Он просто извлек его из воздуха. Он больше не Деррик. Но тогда кто?»

Монброн уцепился за выступавшие камни забора, сдирая ногтями побелку, и слегка приподнялся. Дальше стало легче — он сумел утвердиться на четвереньках, потом на коленях, схватился за верх забора и, шатаясь, встал.

Монброн отчаянно соображал, что может предпринять. Напасть на Деррика сбоку или сзади? Бесполезно. Проткнут раньше, чем он успеет сделать хотя бы шаг. Упасть и подкатиться противникам под ноги? Затопнут, и неизвестно, поможет он или еще больше навредит. Тогда как быть? Он просто должен вмешаться, пока никто не обращает на него внимания.

Деррик неожиданно присел, уходя от удара. Маэль, приоткрыв рот и вытаращив глаза, следил за движениями противников, понимая, что больше такого ему увидеть не суждено, и стараясь запомнить хоть какие-нибудь приемы. Тщетно.

Рассмотреть хоть что-нибудь он просто не успевал. Выпад — защита — верхний крест — защита — прыжок в сторону, разворот на месте — выпад с нижней позиции — защита... Сколько еще они смогут продолжать бой? Судя по виду Деррика, он не утомится, пока не прикончит соперника или не погибнет. А убить его, похоже, не так-то просто...

«Хорошо. Допустим, его нельзя победить в честном бою. Значит, придется смошенничать. Отвлечь. Появись здесь Геллир, Деррик наверняка сразу позабыл бы про капитана. Но Геллира нет. Вернее, есть, но не может выйти на свободу. Стоп. Почему Деррик так ненавидит дракона? Он несколько раз называл его учителем и смеялся, говоря, что одержал верх в каком-то давнем споре... Думай быстрее, Маэль, думай!.. Чьим наставником был Геллир? Но... Этого не может быть! Люди столько не живут! Так он и сказал, что не живет и не умирает... Что же тогда получается? А-а, пропади все оно пропадом!»

Монброн оттолкнулся от каменной стены, взмахнул руками, едва не потеряв равновесие, и оказался шагах в трех за спиной Деррика. Тот как раз слегка отступил назад, вынужденный защищаться. Маэль судорожно сглотнул, мысленно выругал себя за то, что лезет в чужие дела, и как можно громче выкрикнул:

— Разн! Разн, сзади!

— А? — Деррик отбил выпад и лихо развернулся, вскидывая клинок и готовясь встретить новую опасность.

— Извини,— быстро проговорил Монброн и изо всех оставшихся сил ткнул опешившего Деррика рукоятью меча снизу вверх.

По чистой случайности навершие угодило прямо в челюсть. Деррик охнул и упал почти туда же, где только что лежал Маэль. Сверкающий клинок вылетел из его руки, упал на мостовую и растекся пятном солнечного света.

Сам Монброн, не удержавшись на ногах, полетел носом вперед, мельком заметив совсем близко длинный меч, грозивший вот-вот продырявить его насквозь.

В следующий миг клинок со свистом ушел куда-то вправо, Маэля цепко ухватили за плечо и поставили на ноги.

— С-спасибо,— с трудом выговорил Монброн, все-таки присаживаясь.

— Ты живой? — спросил Конан, переводя дух.— Что ты крикнул этому придурку? Кстати, отличный удар.

— Его настоящее имя,— ответил Маэль.— Мне надо было догадаться раньше... Они оба не те, кем кажутся.

— Кто «оба»? — не понял корсар.— Маэль, ты чего? Тоже свихнулся?

— Один из них я.— Эвану с помощью Анессы наконец-то удалось сесть, привалившись к стене.— Второй — он, мой заклятый враг, лучший друг и ученик, который мог стать моей гордостью.

— И этот...— понимающе вздохнул киммериец.— Не город, а какое-то сборище безумных. Скоро и я за компанию с вами умом тронусь.

— Он не сумасшедший.— Монброн с усилием потер виски ладонями.— Он на самом деле Геллир.

— Чего-о? — недоверчиво переспросил Конан.— Шутки у тебя, приятель, дурацкие...

— Он дракон Геллир,— повторил Маэль, ободренный кивком Эвана.— И одновременно — человек по имени Эван из Бальи, по прозвищу Плоскомордый.

— Мне никогда не нравилось это прозвище,— невозмутимо заметил человек-дракон.

— Анесса! — воскликнул окончательно запутавшийся корсар.— Что за чушь они несут?

— Правду.— Девушка пожалала плечами.— Извини, капитан, я сама плохо понимаю, что тут творится.

Неподвижно лежавший около забора Деррик зашевелился, медленно сел и вытер рукавом стекающую изо рта струйку крови.

— Сообразительное у меня потомство,— хрипло сообщил он, заставив всех вздрогнуть и обернуться. Конан шагнул вперед, собираясь не то окончательно расправиться с противником, не то повторить удар Маэля.— Есть чем гордиться. Капитан, не надо так грозно смотреть на меня. Все-все, сдаюсь на милость победителей.

Деррик — вернее, Разн или, как именовали его летописи, Разн Танасульский — криво ухмыльнулся и посмотрел на Монброна чуть расширенными зелеными глазами, в глубине которых плясали сумасшедшие искорки. Почему-то Маэль решил, что никогда в жизни не поверит ни еди-

ному слову этого человека. Или поверит всему, что он скажет.

— Идея была просто великолепна,— одобрил Раэн поступок Маэля и закашлялся, сплевывая кровь.— Только зачем понадобилось с такой силой лупить бедного предка? Шутки не понимаете, да? Всерьез решили, что я собираюсь их убить?

— Ты мог бы,— серьезно сказал Эван.

— Я всего лишь собирался как следует вас припугнуть,— Раэн хмыкнул и снова закашлялся.— Или ты опять скажешь, что я перестарался?

— Вся его беда в том, что он никогда не знал и не хотел знать меры,— объяснил Эван.— Все, за что он брался, он делал с размахом, от которого лично у меня дух захватывало. Воевать — так с целой страной, а лучше со всем миром, проклинать — так, чтобы жертва света не взвидела... Впрочем, на сей раз ты слегка просчитался,— добавил он, украдкой покосившись на Анессу.

— Так,— оборвал его Конан.— Все признания я с удовольствием выслушаю потом. Сейчас меня интересует другое... Где Фарес? Сбежал?

— Там.— Монброн потыкал указательным пальцем в землю.— Геллир его сжег.

— Хоть одна хорошая новость за сегодня...— буркнул корсар и продолжил: — Что вы собираетесь делать дальше?

Ответить никто не успел. Из не приметного переулочка донесся топот бегущих ног, затем — пронзительный лай, и предместье наполнилось шумной разноголосицей. Громче всех кричал Бенни:

— Я же говорил, мы их отыщем! Говорил, а вы не верили!..

* * *

Маэля всегда поражало, как быстро иногда сменяют друг друга некоторые события. Казалось, только что он валялся под забором на пыльной жаркой улице, а через миг его уже подхватила и увлекла за собой возбужденная крикливая толпа. Еще мгновение — замелькали какие-то улицы и переулочки, заскрипели под ногами старые ступеньки, упала долгожданная тень. Следующий миг — и стало тихо, а в руке оказался что-то тяжелое и запотевшее. Кружка. Большая глиняная кружка, с капельками воды на стенках. А в ней — темно-красная жидкость.

Отхлебнув, Монброн понял, что может больше никуда не спешить. Второй глоток частично примирил его с миром, ставшим в последнее время таким суматошным и непонятным. После третьего глотка Маэль огляделся.

Он сидел за столом в подозрительной таверне «Рыбьи слезы». Дальнюю сторону комнаты занимало сооруженное на скорую руку ложе — тюфяки и мешки, накрытые коврами и казавшимися тут совершенно неуместными покрывалами шемской работы, от ярчайшей расцветки которых рябило в глазах. На нем лежал какой-то человек, а рядом, обхватив руками колени, сидела задумчивая девушка в роскошном алом платье, разорванном по подолу. Возле нее расположилась большая рыжая собака.

Затем слегка затуманенный взор Маэля, рассеянню блуждавший по комнате, привлекли двое молодых людей. Один, безусловно менестрель, что-то нашептывал девушке, отчаянно жестикулируя. Она слушала, морщилась, но ничего не отвечала.

Второй подпирал спиной косяк входной двери. Стоило ему чуть пошевелиться, девушка и бард мгновенно вздрагивали, хватаясь за оружие, а собака начинала глухо рычать.

Маэль озадаченно почесал в затылке, не понимая, чего они так боятся. Человек возле двери не выглядел опасным, да и вел себя очень смирно. Стоял спокойно и насвистывал что-то сквозь зубы.

Дверь неожиданно распахнулась, пропуская внутрь гиганта, который был вынужден нагнуть голову, чтобы не удариться о притолоку. Войдя, он неприязненно покосился на человека у двери. Тот прекратил свистеть, ухмыльнулся и поднял перед собой связанные в запястьях руки.

— Как видишь, капитан, я никого не убил и честно не пытался сбежать. Может, теперь ты станешь хоть немного снисходительнее? — нарочито жалобным голосом поинтересовался пленник. — Между прочим...

— Между прочим, я еще не решил, что с тобой делать: сразу убить или сперва выслушать, — отрезал гигант. — Так что стой и помалкивай.

Связанный незнакомец пожал плечами и снова привалился к дверному косяку. В голове Маэля неожиданно возникло его имя, всплыло, как выныривает на поверхность моря сверкающий

косяк летучих рыб. Парня сначала звали Дерриком, а потом Разном. Вернее, Разном его звали с рождения, другие имена он придумал себе позже. Наверное, за пятьсот лет у него набралось много всяческих имен...

Маэль скорбно вздохнул и еще раз приложился к кружке. Как ни крути, придется признать, что этому юнцу с дерзким взглядом стукнуло почти пятьсот лет и что он — прямой предок и основатель династии, к которой имеет честь принадлежать и он, Маэль. Напиться с горя, что ли? Не каждый день нос к носу сталкиваешься с собственным прародителем...

Вслед за именем вспомнились остальные. Красивую девушку величали Анессой, барда — Блайи, страшная собака отзывалась на кличку Чинкузда. Черноволосый мрачный гигант по имени Конан был капитаном корсарского корабля «Вестрел», стоявшего нынче в местной гавани.

А вот человек, неподвижно лежавший в углу комнаты, обладал не только двумя именами, но и двумя сущностями.

При мысли об этом Маэль снова ощутил сильнейшее желание выпить, но его кружка, к сожалению, уже опустела.

* * *

— Так и будем молчать, месьюры? — подала голос Анесса. — По-моему, нам всем стоит немножко поразмыслить над сложившимся положением...

— ...В котором мы, между прочим, очутились по твоей милости,— буркнул корсар.

— Я не отрицаю этого,— кивнула девушка.— Но, капитан, ты ведь не станешь спорить, что сейчас мы все в одной лодке? Если начнем ссориться и раскачивать наше без того ветхое суденышко, перевернемся и утонем. Мне бы этого не хотелось.

— Мне тоже,— поддержал ее оживившийся Раэн.— Слушайте, может, вы все-таки меня развяжете?

— Заткнись,— рявкнул Конан.— Колдун несчастный!

— Не колдун, а маг,— невозмутимо уточнил первый из рода Монброн.— А это вовсе не одно и то же... Все-все, молчу.

— Перестаньте,— еле слышно попросил Эван.— Капитан, Маэль, Анесса, я ценю ваши усилия спасти меня, вернее, того человека, в теле которого мне довелось прожить эту жизнь, но, к сожалению, они изначально обречены на неудачу.

— С чего ты взял? — возмутился киммериец.

— Почему «довелось прожить»? — Голос девушки задрожал.— Лекарь сказал, что ты выкарабкаешься... Он мне солгал? Да?

— Отнюдь,— усмехнулся Раэн.— Лекарь совершенно прав. Просто этому телу больше не суждено жить, топтать землю, пить и волочиться за девушками... Оно возвращается к тому, чем было всегда.

— Он опять будет драконом,— сказал Маэль. К своему удивлению, он почувствовал, как про-

ясняются его мысли и как встают на место части разрозненной головоломки.— И это сделал ты.

— Я же говорю, убивать пора! — воскликнул Конан.

— Месьоры, я уже смирился с тем, что никто из вас не сможет по достоинству оценить мой замысел. Эй, потомок, мне кажется или ты на самом деле пытаешься мыслить?

— Маэль, хочешь, я его по стенке размажу? — предложил корсар.

— Не сейчас,— твердо заявил Монброн.— Сначала разберемся.

Он многозначительно откашлялся и заглянул в свою кружку. Та была по-прежнему пустой, но через мгновение на ее доньшке заблестели темно-красные капли.

— Ой,— только и сказал Маэль, когда сосуд до краешков наполнился вином.

— Не за что,— отозвался Раэн.— Даже от несчастных колдунов иногда бывает польза. Тебе, капитан, не предлагаю: наверняка откажешься. Хотя вино самое настоящее — из здешнего погреба.

— Довольно! — Монброн осторожно пристукнул кружкой по столу.— Начнем с самого начала, то есть с того, что случилось пятьсот лет назад возле города Танасула. Легенду пересказывать не буду — надоело. В крайнем случае, обратитесь к Блайи. Как я понял, он собирается сочинить об этом балладу.

— До половины уже сочинил,— не удержался от легкой похвальбы бард.

— Честно говоря, я всегда считал наше семейное предание не более чем красивой сказкой, — продолжил Маэль. Все внимательно слушали, даже слегка побледневшая Анесса. — Однако в последние три дня я убедился, что оно почти полностью соответствует истине. Неясной остается лишь его завершающая и наиболее загадочная часть. Итак, участники тех давних событий во плоти и крови явились перед нами. По праву последнего из рода Монбронов я спрашиваю: что произошло в сгоревшей крепости?

— Весьма решительно, — одобрил Раэн и криво ухмыльнулся: — Но, дорогой потомок, предположим, такой старый мерзавец, как я, не захочет отвечать?

— Птичкой запоешь, — пригрозил Конан.

— Тогда буду говорить я, — медленно произнес Геллир. Сейчас Маэль не сомневался: с ними разговаривал именно дракон, силой магии заключенный в человеческое тело. Еще он подозревал, что зверю очень хочется вырваться на свободу, но его свобода означает смерть человека, и потому ящер будет сдерживаться до последнего, убивая тем самым себя. — Твой потомок достоин услышать истину.

— Что ты можешь знать об истине, чудовище? — вполголоса пробурчал маг.

— Я знаю то, чего не желаешь признавать ты, — невозмутимо сказал Геллир. — Ты злоупотребил моим доверием и похитил вещь, отданную тебе на сохранение. Так?

Раэн гордо отмолчался.

— Когда же я потребовал ее обратно, ты заявил, что отказываешься от всех заключенных между нами договоров, — бесстрастно продолжал дракон. — Ты выгнал меня и решил, что я не дерзну бросить тебе вызов. Я дал тебе время одуматься — ты потратил его на то, чтобы увеличить свою силу. Тогда я вернулся. Мы сразились.

Маг засвистел и уставился на потемневшие балки потолка.

— Никто не мог одержать верх в той давней битве. Я не хотел тебя убивать, а у тебя не хватало умения и решимости убить меня. Я пытался докричаться до твоей души и заставить прекратить этот никому не нужный бой, но ты не слышал. Тогда я решил: будь что будет, пусть я не верну похищенное, но зато я накажу тебя. Это было моим правом и моей обязанностью, ведь это я учил тебя.

— И вы представляете, что сделала эта ящерица? — Раэн неожиданно шагнул вперед и попытался возмущенно взмахнуть руками, но забыл о веревке. — Нет, я вас спрашиваю, разве можно так поступать с людьми? Убиваешь — так убей, все правильно и понятно, а мучить-то зачем?

— Ты не можешь умереть, — сообразил Маэль, и ему на миг стало страшно. — Но и жить, как все остальные люди, ты тоже почему-то не можешь.

— Разумеется, не могу! — раздраженно согласился маг. — Дражайший потомок, у меня отобрали право прожить больше, чем до дня этого распроклятого сражения! Ты хоть сам понимаешь, что натворил, чудовище чешуйчатое?

— Что до меня, то я ничего не понимаю,— озадаченно признался Конан.

— Чего тут понимать? — Разн, кажется, разозлился по-настоящему.— Отныне по милости этой твари я мог прожить на свете всего лишь тридцать лет! Половина из них бездарно тратилась на взросление и возвращение памяти, а вторая — на лихорадочные попытки избежать нового круга безумной карусели! Снова и снова, раз за разом, и так — до сегодняшнего дня! Вам не кажется, что это чересчур? Слушай, потомок, сделай одолжение, вызови меня на поединок. Хоть какая-то радость: пасть от руки человека одной крови с тобой...

— Спасибо, я уже с тобой один раз подрался,— вежливо ответил Маэль.— Больше не хочется. И сдается мне, ты ведь нашел способ отомстить?

— Разумеется, нашел.— В словах Геллира прозвучала еле заметная гордость, и Монброн подумал: «Эти двое, конечно, называют друг друга врагами, но так ли это на самом деле? Или они просто хотят казаться врагами?» — Он всегда умел находить неожиданные решения. Когда он понял, какую судьбу я ему уготовил, он сделал свой ход...

— Превратил тебя в человека,— тихо сказала Анесса.

— Самое страшное, что может произойти с драконом, с настоящим драконом, это утратить облик. Таких, как я, почти невозможно убить. Мы ведь не животные, а духи в образе живых существ. Нас можно лишить внутренней искры —

тогда мы перестаем существовать и превращаемся в нечто другое. Но этот человек, маленькое смертное создание, придумал, как заставить меня навсегда запомнить старую крепость. Он затолкал мою душу в тело человека и приказал: «Живи, как мы, люди! Рождайся, стремись к лучшему, страдай, люби, умирай. Но всегда помни, что внутри тебя живет крылатое древнее чудовище. Рано или поздно оно вырвется, и ты ахнуть не успеешь, как отправишься в долгую-долгую дорогу. Ты будешь разрываться между двумя половинками своей души, забывшими друг о друге и не имеющими сил ни соединиться, ни расстаться. Вот я посмеюсь, глядя на это! Но невозможно представить, как будут смеяться те, что жили рядом с тобой, те, что стали для тебя что-то значить! И какая потом начнется развеселая охота, ведь человеку свойственно уничтожать то, чего он не понимает и боится. Только подумай, как объяснить людям, что один из них на самом деле ужасный огнедышащий монстр? Разумеется, они не пожелают слушать ни единого твоего слова и приложат все усилия, чтобы ты больше не отравлял их бесцветную жизнь своим присутствием. Но не спеши радоваться, твоя смерть — это еще не конец. Потому что все повторится!»

Дракон вздохнул и продолжил:

— Это проклятие известно с древности, тогда его именовали «склепом Хаоса». Склепом стала смертная оболочка. Усыпальница истинного духа. А Хаос... это то, что творилось внутри. В моей памяти. В душе.

— Романтично... Правда, я замечательно все продумал? — самодовольно осведомился у притихших слушателей Разн. — Или вам не нравится?

— Скотина ты, — отозвался Конан. — Маэль, нравится тебе это или нет, но я считаю, что твоему родственничку нечего больше здесь делать. Он тут болтал, что не может помереть, вот и проверим, врал или нет.

— А как же я... Как же мы? — растерялась Анесса. — Ведь... Ведь тогда Эван умрет... И Геллира тоже убьют...

— Погодите, погодите. — Корсар жестом призвал всех к молчанию. — Я всегда верил, что можно исправить все, кроме смерти. Пока никто не умер, не надо никого хоронить. Ты, — он повернулся к магу, — ты все это заварил, тебе и расхлебывать.

— Я, конечно, негодяй, но не идиот, — фыркнул Разн. — Имей я возможность спастись, неужели давным-давно не воспользовался бы ею? Нет, «склеп Хаоса» был моим лучшим заклинанием, и его нельзя повернуть вспять. Мне очень жаль, Анесса, но к чему все эти слезы? Найдешь кого-нибудь другого, желающих много...

— Почему бы тебе не попридержать язык? — зло спросил Маэль. — Или тебе приятно, когда все вокруг несчастны?

— Счастье, несчастье — это все, дорогой потомок, относительно и... Молчу.

В наступившей тишине кто-то осторожно поскребся в дверь и окликнул:

— Госпожа Анесса, а госпожа Анесса? Можно заглянуть на пару словечек?

— Входи, Бенни, — раздраженно отозвалась девушка.

Контрабандист просочился в приоткрытую щель между створкой и косяком.

— Я в городе был, — сообщил он. — Там шумят много. Повесить никого так и не удалось — все удрали. Даже этот тип, что с «Инесты». Тут знающий народ прознал, кто это. Он с Барахских островов. Вернее, не то чтобы совсем оттуда... И потопленные корабли, похоже, его ручонок работа. Как угодил к Фаресу, так со страху решил свалить на Эвана. А Фаресу только того и надо было. Кстати, твои, месьюр капитан, люди с горожанами шемитов бьют. Месьюру Карбальо от всех этих хлопот прямо возле виселицы с сердцем нехорошо стало. Тебя, госпожа Анесса, зовет. Твердит, что виноват, мол, перед тобой, что прощения попросить хочет... Большие деньги сулит тому, кто тебя отыщет и его слова передаст.

— Иди в Дом На Холме и скажи дяде, что видел меня и все рассказал. Пусть расплатится. Но на мое скорое возвращение пускай не рассчитывает.

— Правда? — обрадовался Бенни. — Можно? Так и сказать, что ты его паскудную рожу видеть больше не желаешь?

— Ступай, — кивнула Анесса. Бенни еще раз окинул комнату внимательным взглядом и умчался. — Вот так. Мой дорогой дядюшка вовремя надумал каяться и признаваться во всех ошибках. Только что мне теперь с того? — Она вздохнула и замолчала, ткнувшись головой в колени.

— Рано или поздно все мы совершаем ошибки и платим за них,— негромко проговорил Геллир. Маэлю показалось, что голос дракона становится все глуше и неразборчивей.— Но цена порой оказывается слишком высокой. Анесса, пожалуйста, не плачь. Ты самое дорогое, что у меня было и будет.

— Так нельзя,— упрямо сказал Монброн.— Я, конечно, ровным счетом ничего не понимаю в колдовстве, но так нельзя. Сделайте что-нибудь!

— Что сделать? — невесело хмыкнул Разн.— Предсмертные заклинания не отменяются. Мы оба умирали, когда проклинали друг друга. Ненависть лучше всего скрепляет заклятие.

— Я простил тебя,— спокойно сказал дракон.— Ты же ослеплен жаждой мести и не замечаешь очевидного. Если бы сохранилось похищенное тобой сокровище и если бы...

— Нет, меня что, все здесь принимают за дурака? — Маг яростно тряхнул головой.— Ладно, капитану простительно, он меня видит первый и последний раз в жизни. Но ты, уважаемый наставник! Ты меня просто поражаешь! Разумеется, я его сохранил. Как можно своими руками уничтожить такую вещь? Я же боялся, до омерзения и кошмарных снов боялся, что однажды ты потребуешь ответить за все, что я сделал с тобой. Конечно, я позаботился, чтобы с этой дрянью, с проклятием всей моей жизни, ничего не случилось!

— Ты его сохранил? Сохранил? Ты, мерзавец, человеческое отродье, ты все эти столетия хранил его — и молчал?

— Надо было кричать об этом на каждом углу? — недоуменно спросил Разн.

— Тихо! — Маэль вспомнил, что вроде как взял на себя роль судьбы и распорядителя.— Значит, предмет вашего... э-э... спора уцелел? Где он?

— Так я и сказал! — Разн снова прислонился к стене.

— Деррик... — жалобно проговорила Анесса.— Деррик, пожалуйста...

Разн ожесточенно замотал головой:

— И не проси, госпожа. Месть — единственное, что мне осталось. Нет.

— Слушай, ты... — Конан медленно начал подниматься из-за стола.— Где вещь?

— Остановитесь! — На этот раз голос дракона загремел так, что мелко задрожали давно не мытые квадратики стекол.— Если он не захочет говорить — умрет, но не скажет. Я сам отдал ему сокровище, и вернуться оно должно по доброй воле хранителя. Иначе все бессмысленно. Теперь хоть разок послушай меня внимательно, маленькая гордая злючка. Верни сокровище — и я верну твою жизнь. Настоящую жизнь, как у всех прочих людей. Ты достаточно умен, чтобы при желании обхитрить смерть, но больше над тобой не будет висеть мое проклятие!

Разн насторожился и озадаченно склонил голову набок:

— Заманчиво... Только почему я должен тебе верить?

— Потому что тогда исчезнет и твое проклятие, ты, безмозглое создание! — не выдержал Гел-

лир.— Потому что тогда я стану чем-то одним — драконом... или человеком! Неужели это так трудно понять? Или за пятьсот лет ты окончательно разучился думать?

— Гм...— Маг уставился на собственные связанные руки, лихорадочно бормоча: — Гм... Так... Взаимоналожение и взаимопритяжение противоположных заклятий... Такого еще никто не проделывал. С другой стороны... Что же мне делать? Эй, потомок, скажи, что мне делать?

— Ты меня спрашиваешь? — оторопел Монброн.

— Единственный мой потомок по прямой линии — это ты,— терпеливо объяснил Разн.— Мне кажется, что ты парень умный. Ты вроде требовал ответов? Вот ты их получил. Теперь решай, суди и выноси приговоры. Все в твоих руках. Только умоляю — не торопись. Помни, что от твоего слова зависит судьба старого чокнутого мага и не менее старого дракона. Мы с Геллиром, может, и кажемся странными, но, поверь, жить нам хочется не меньше, чем кому-либо другому.

— Я-а...— растерянно протянул Маэль и оглянулся в поисках поддержки. Все взгляды скрестились на нем, но никто не спешил подсказать ему верный ответ, никто не навязывал своего мнения. Ему еще никогда не доводилось решать чью-либо судьбу, и потому Монброн ужасно боялся совершить непоправимую ошибку.— Я-а... Ладно, раз решили все повесить на меня, я скажу.— Он вздохнул поглубже и, стараясь не частить, произ-

нес: — Как я понимаю, все дело в том, что одному из вас не хочется просить прощения и возвращать то, что ему было отдано на время. Так вот, я считаю, что мой предок обязан незамедлительно вернуть взятое и принести свои извинения. Это первое. Еще есть второе. Неужели нельзя сделать так, чтобы в живых остались оба — и человек, и дракон? Почему только один? Если останется жить Эван — замечательно, лучшего и желать нельзя, особенно госпоже Анессе... Но чего будет стоить мир, в котором не будет хотя бы одного дракона? А если уцелеет Геллир... Это тоже хорошо, но как же тогда госпожа Вальедо? Она-то в чем виновата? Вот. Больше ничего сказать не могу. Извините, если что не так.

— Оба? — медленно повторил Разн.— Но... Это невозможно!

— А ты постарайся,— сурово нахмурился Конан.— Маэль, иногда ты становишься таким рассудительным занудой, что просто жуть берет. Кстати, у тебя морской болезни нет?

— Не знаю,— удивленно ответил Монброн.— Я на кораблях никогда не плавал... То есть не ходил.

— А попробовать не хочешь? — спросил корсар.

Маэль зажмурился. «Для чего существуют правила и традиции? — Чтобы их нарушать!»

— Хочу!

— Слушайте, мне до скончания времен торчать со связанными руками? — сварливо поинтересовался Разн.— Драгоценный потомок, прежде

чем уйти в пираты и разбойники, может, сделаешь ради дряхлого предка одно доброе дело? Вернее, два.

— Одно я уже сделал.— Монброн вытащил кинжал и перерезал веревку.— Какое второе?

— Кажется, я придумал, что можно сделать.— Маг с удовольствием потер ноющие запястья.— Но мне понадобится помощь. Твоя и, видимо, месьора капитана с его головорезами. Между прочим, месьоры, я понятия не имею, что из этого может выйти.

— Что еще взбрело в твою больно умную голову? — подозрительно осведомился киммериец.

— Да так, одна мыслишка.— Монброн-старший ухмыльнулся.— Главное в любом деле что? Правильно, глас народа, народ всегда прав. Что видит, в то и верит, а во что верит — то и есть правда. Потому сегодня вечером мы покажем нашему народу увлекательное зрелище. Раз ему не дали посмотреть на казнь, пусть полюбуется охотой на дракона.

Глава семнадцатая

Мазль из рода Монбронов Танасульских сидел на нижнем полубаке, опираясь спиной на фальшборт и с удовольствием ощущая под босыми пятками теплые доски палубы, и в бесчисленное число раз пытался завязать из двух отрезков тонкой веревки узел, именуемый «двойным перекрещенным».

Он укоризненно посмотрел на свое творение, которое больше походило на неопрятное птичье гнездо с торчавшими кое-где узелками, вздохнул и принялся распутывать, чтобы все начать сначала. Он, конечно, подозревал, что первые дни обитания на корабле окажутся для него тяжелыми, но чтобы настолько...

Судно под вылинявшими голубовато-серыми парусами, чуть накренившись на левый борт и высоко задрав корму, продвигалось вдоль обрывистого Полуденного Побережья на закат. В полулиге от него шел второй корабль — изящная саэта с низкой посадкой и выкрашенным в ярко-

зеленый цвет корпусом. Маэль иногда приподнимал голову, чтобы взглянуть на изумрудное судно, и ощущал нечто вроде слабого самодовольства: как, оказывается, приятно возвращаться домой не с пустыми руками!

Зеленая саята, носившая имя «Ривенда», всего два дня назад гордо несла стяг Шема. Теперь ей пришлось смириться со скромной ролью боевого трофея месьоров корсаров зингарской короны, вовсю хозяйничавших на ее борту, и с развешиваемым на свежем ветерке флагом, украшенным Башней Кордавы.

Через пять или шесть дней Маэль рассчитывал увидеть знаменитую крепость собственными глазами. «Вестрел» и «Ривенда» возвращались домой, в гавань столицы Зингары. Там, очевидно, «Ривенду» с выгодой перепродадут, а вырученные деньги поделит команда.

«Ветер Эгера» и «Инеста» остались в Карташене. «Ветер Эгера» отныне переходил в собственность городского гарнизона. В ближайшие несколько дней ему предстояло получить новое имя и стать еще одним из военных кораблей Зингары. Черную стремительную «Инесту» прибрал к рукам хозяйственный Бенни, заявив, что не годится такому хорошему кораблю пропадать без хозяина, если прежний смысл неизвестно куда. И действительно, бывший капитан «Инесты», счастливо избежав смерти на виселице, более не попадался на глаза никому в городе. Маэль подозревал, что сам Бенни либо кто-то из его многочисленных друзей помог этому человеку

как можно быстрее покинуть Карташену в обмен на право владения судном.

Но все это случилось намного позже. И многое из того, что обрушилось на Карташену в последующие луны, началось в неприметной таверне «Рыбьи слезы», где пять человек — точнее, четыре человека и один воплощенный в человеческом теле дракон — искали выход из, казалось, захлопнувшейся ловушки.

Робкий свет надежды забрезжил, когда выяснилось, что предмет давнего раздора между драконом Геллиром и его учеником, магом Разном из Танасула, уцелел. Разн, для порядка поупрямившись, согласился пойти туда, где прятал этот предмет, и принести его в таверну. Разумеется, присутствовавший при сем киммериец заявил, что не доверяет ни одному колдуну в мире и что отпускать мага одного — просто глупо. Он уйдет, а все будут ждать его, пока океан не высохнет.

Однако сам корсар сопровождать Разна не мог: сейчас ему было ни к чему лишний раз показываться в городе, да и Анесса боялась оставаться с умирающим получеловеком-полудраконом на руках. Рядом с Конаном она чувствовала себя уверенней.

Блайи, естественно, поручить это было нельзя хотя бы потому, что он не сумел бы справиться с магом, взбреди тому в голову ударить.

Называть место, где хранится сокровище, Разн наотрез отказался и уселся на пороге комнаты, с довольным видом наблюдая за разгорающейся ссорой. Маэль вздохнул, вполголоса проклиная зло-

нравного предка и решительно взял его за шиворот:

— Пошли, семейное ты наше проклятие...

— Глаз не спускай! — на всякий случай предостерег Монброна корсар. — Зря ты его развязал. Наведет морок, смоемся, и ищи его потом где хочешь.

— Я обещал! — оскорбился маг.

— Видал я твои обещания знаешь где?.. — От более точного и подробного объяснения Конана удержал только укоризненный взгляд Анессы.

— Мы быстро, — пообещал Маэль, хотя даже не представлял, куда и как далеко придется идти или ехать.

Два представителя рода Монбронов вышли из прохладной таверны на раскаленную улицу. Маэль тут же остановился и недоуменно потряс головой: возле старой коновязи, накрытой ветхим холщовым навесом, топтались две лошади — маленькая белая, некогда принадлежавшая Деррику, и вороной жеребец Монброна, удравший еще вчера.

— Ну вот, сам просил быстрее, а теперь встал как вкопанный, — хмыкнул Раэн, забираясь в седло. — Шевелись, потомок! Прокатимся до Дома На Холме. Кстати, я не имею к этому маленькому чуду никакого отношения. Это постарались любезные друзья госпожи Анессы.

В усадьбе градоправителя царило настоящее столпотворение. Карбальо то собирался помирать, то громогласно требовал разыскать пропавшую племянницу, то начинал отдавать противо-

речивые распоряжения. Полюбовавшись на снующих туда-сюда слуг, городских стражников и гвардейцев, а также на горожан, явившихся требовать возмещения за причиненные убытки, Раэн решительно направил свою лошадку вниз по улице, вдоль садовой решетки.

Попасть в сад оказалось проще простого: в суматохе прислуга забыла запереть калитку. Под копытами лошадей захрустели мелкие камешки и белый песок дорожек. Маэль недоумевал: «Неужели столь ценная вещь хранится в доме градоправителя, считай, у всех на виду?» Он полагал, что за сокровищем придется ехать куда-нибудь за город и, возможно, копать в земле, отыскивая спрятанный клад. Интересно, большой он, этот предмет? Что это вообще такое?..

— Стой.

Раэн остановил кобылку, задрал голову и принялся что-то высматривать. Кивнул сам себе, встал обеими ногами на седло и без всяких колебаний полез в окно.

— Ты куда? — громким шепотом спросил Маэль.

— Отстань!

Маг сделал последнее усилие, подтянулся и влез в комнату. Какое-то время изнутри не доносилось ни звука, затем долетели приглушенные ругательства, что-то упало на пол и со звоном разбилось. Маэль настороженно оглянулся, но сад по-прежнему пустовал.

В окне неожиданно появился Монброн-старший, осторожно перекинул через подоконник

нечто завязанное в несколько слоев белого холста и перетянутое тонкими шелковыми шнурами, явно только что срезанными с занавесей. Маэль подхватил сверток, отметив про себя, что тот довольно тяжелый. Разн тем же путем выбрался из дома, вскочил на лошадь и, не оглядываясь, направился к выходу из сада. Монброн последовал за ним, с трудом удерживая на луке седла одной рукой громоздкий загадочный предмет.

— Это оно и есть? — осторожно спросил он, когда усадьба градоправителя осталась позади. — Ты держал его прямо в своей комнате?

— Разумеется, где же еще? — удивился Разн. — Наилучший и никогда не подводивший способ: положи то, что хочешь спрятать, у всех на виду. Кроме того, ты ведь не думаешь, что я хранил эту вещь в ее истинном виде? — Он тряхнул головой и вполголоса пробормотал: — Не поверишь, но я почти счастлив, что наконец-то отделался от него. Даже представить трудно, сколько я с ним намаялся. Спрячь, потом вспомни, найди, сохрани и снова спрячь...

Маэль ощупал сверток через слои холста, но так и не смог определить, что внутри. Оно имело округло-вытянутую форму, сверху из него торчали какие-то непонятные палочки, на которых болталось нечто хрустящее и ломкое.

Оставив безнадежные попытки угадать, как выглядит сокровище дракона, Монброн нерешительно окликнул ехавшего впереди Разна:

— Досточтимый предок, а можно узнать...

— Нельзя! — отрезал маг, но тут же рассмеялся: — Да можно, можно. Хочешь спросить, как я собираюсь разделить человека и чудовище?

Маэль кивнул.

Монброн-старший оглянулся, сделал ему знак подъехать поближе и наклонить голову и проговорил шепотом:

— Честно говоря, понятия не имею. Я просто так сказал, чтобы вы от меня отвязались.

Монброн-младший оторопел.

— У тебя непередаваемое лицо, когда ты не знаешь, то ли впасть в отчаяние, то ли схватиться за меч, — безмятежно заметил Разн.

Маэль перевел дух, поправил съехавший набок сверток и вежливо поинтересовался:

— Говоришь, тебе удалось дожить до тридцати лет? Не представляю, как ты умудрился так долго протянуть.

— Когда я родился, отец хотел сразу же выкинуть меня в колодец, но передумал. — Невозмутности Разна можно было только завидовать. — Решил, что сам скоро отдам концы. Но, как видишь, мой папенька уже давно пребывает на уютном семейном кладбище, а я все еще бегаю по этой прекрасной земле. Ладно, не волнуйся ты так. Разделим мы этих красавцев. Смотри, что я придумал. Кому-то из них все равно суждено умереть: либо человеку, либо дракону. Так вот, я собираюсь пожертвовать Геллиром. Вы его убьете, ты и этот корсар-головорез. Прикончите на глазах у безмерно восхищенной толпы и станете героями. Ты ж вроде спать спокойно не мог без этого?

— Погоди, погоди,— возмутился Маэль.— Как это «убьете»? Ты же говорил, они оба останутся живы!

— Останутся,— подтвердил маг.— Я не могу тебе все объяснить. Ты все равно не поймешь. Просто поверь мне. Нужно, чтобы все увидели умирающего дракона. Во всяком случае, не сомневались, что он умер. Как недавно выразился сам Геллир, над драконами — настоящими драконами, а не всякой мелюзгой вроде линдвортов или вивернов — смерть не властна. Я собираюсь разделить это бессмертие на двоих. Дракон вполне удовольствуется и оставшимся, а того, что получит человеческое тело, с избытком хватит, чтобы прожить долгую и, надеюсь, счастливую жизнь. Кстати, потомок, почему бы тебе в качестве прощального подарка не избавить их, я имею в виду прекрасную Анессу и ее избранника, от грядущих хлопот?

— Ты о чем? — нахмурился Маэль.— Конечно, я с удовольствием сделаю для госпожи Анессы все возможное, но...

— Я-то обрадовался, что у меня умное потомство,— с наигранным огорчением проговорил Раэн.— Мальчик мой, мы же все-таки древнейший род Аквилонии, и если мне не изменяет память, то ли Эпамидонт, то ли сам Сигиберт Завоеватель дал нам... Э-э...— Он зажмурился, вспоминая.— Ну да, вечное и неотчуждаемое право даровать титул любому лицу независимо от его подданства и происхождения за заслуги, кои носитель права сочтет достойными, и просто по желанию... За

точность пересказа не ручаюсь, но смысл верен. Почему бы тебе не сделать старичку Геллиру, точнее, его человеческой половине приятное?

— Почему бы тебе самому не сделать это? — ответил вопросом на вопрос Маэль.— Ты же старше меня, его ученик, да и вообще...

— Гм...— Танасулец уставился куда-то в конец улицы и тихо, так что Маэль не сразу расслышал, ответил: — Он не примет от меня такой подарок. От тебя — другое дело. Ты его друг. И Анессы тоже.

— Досточтимый предок,— Монброн-младший решил не уступать старшему в язвительности,— тебе никогда не говорили, что ты редкий хитрец?

— Неоднократно, мой мальчик, неоднократно, я уже со счета сбился.— Раэн скорбно вздохнул.— Что поделаешь, такое было время. Без хитрости не проживешь и дня. Или ты — или тебя.

Маэль замолчал, обдумывая предложение. Он совсем забыл об этом древнем праве Монбронов, сохранившемся за семьей даже сейчас, хотя прошло уже много веков. Анесса будет счастлива... Эван, надо полагать, тоже, а дядюшка госпожи Вальеде не сможет помешать их браку. Зря Раэн строит из себя такого злобного и презирающего всех человека. Он, похоже, не против помириться с Геллиром, да гордость мешает. Даже не гордость, а гордыня. Правильно Геллир сказал: не видит ничего, кроме своей мести. Ничего, уважаемый предок, и тебя можно переупрямить.

— Между прочим,— снова заговорил маг,— если не секрет, ты в самом деле хочешь подать-

ся в развеселую компанию этих голово-
резов?

— Да,— нахмурился Монброн.— Будешь меня отговаривать?

— Упаси меня Иштар.— Разн бросил поводья и поднял обе руки.— Даже не попытаюсь. Ты вправе сам распоряжаться своей жизнью. Кстати, поверь моему опыту, этот варвар — отнюдь не худший из людей, что встретятся на твоём пути. Тебе будет полезно походить под его началом. Только на забывай, что у тебя есть собственная голова, и,— он весело покосился на потомка,— отнюдь не пустая. Не переживай, твои предки, случалось, и не такое вытворяли, и ничего... И в летописях их восхваляли, и при жизни они были весьма уважаемы. Возьми меня, к примеру...

* * *

В таверне «Рыбьи слезы» за время их отсутствия почти ничего не изменилось. Анесса все так же сидела на краю роскошного лежбища, отсутствуя глядя на некрашенные доски пола. Чинкуэда подползла поближе и ткнулась носом ей в ноги, по-своему стараясь утешить. Блайи перебрался за стол, где появился небольшой пузатый бочонок, и старательно делал вид, что разделяет скорбь госпожи Вальеда. Корсар просто ждал, как ждут в засаде звери.

— Вас только за смертью посылать,— заявил он, когда оба Монброна перешагнули через порог.— Приташили?

— Точно.

Маэль аккуратно положил сверток на стол. Разн немедленно яростно зашипел: «Куда кла-
дешь? Неси сюда!» — и присел на корточки рядом с Анессой и Эваном. Монброн-младшему показалось, что получеловек-полудракон уже отправился по дороге без конца, но тут он слегка шевельнулся и приоткрыл глаза, которые из темных превратились в ярко-золотистые, без зрачков. Несмотря на все старания Эвана, драконья сущность одерживала верх.

Разн легкомысленно засвистел, жестом попросил у Маэля кинжал и принялся торопливо разматывать слои холста, скрывавшие под собой нечто. Монброн поймал себя на том, что затаил дыхание и мелко трясется от сильнейшего желания узнать, что же там, внутри, и от страха перед таинственным содержимым свертка.

Упали последние складки ткани, и предмет открылся целиком.

— Ой,— тихо сказал Блайи.

— Это что, шутка? — Анесса укоризненно посмотрела на мага.

На столе стояла довольно большая, искусно выполненная из черного дерева модель корабля. На реях болтались оранжевые лоскутки, изображавшие паруса. Маэль никогда не бывал в гостях у Деррика, а то, как и госпожа Вальеда, сразу бы узнал эту вещицу, два года пылившуюся на каминной доске.

Не говоря ни слова, Разн задумчиво постучал согнутыми пальцами по палубе игрушки, затем

одной ладонью обхватил корму, а другой — носовое украшение и с силой рванул их в разные стороны. Кораблик хрустнул, внутри него что-то звонко щелкнуло, и он разломился по линии киля, открыв спрятанную внутри шкатулку. Маг осторожно вынул ее и рукавом вытер слой пыли. Блеснули грани зеленых и черных камней, украшавших крышку и бока шкатулки. Какое-то время Раэн просто смотрел на нее (Маэлю, правда, померещилось, что между камнями мелькали еле различимые голубые искры), затем горько вздохнул и поднял голову:

— Потомок, учти, если сейчас все пойдет наперекосяк, виноват в этом будешь ты. Геллир, ты меня еще слышишь?

— Да.

— Я принес его.— Маг ласково погладил крышку шкатулки и слегка приоткрыл ее.— Принес отданное тобой на сохранение. Сегодня я по доброй воле и без принуждения возвращаю эту вещь. Возьми.— Он слотнул и еле слышно добавил: — Извини. Прости меня, если можешь. Я... Сам не знаю, зачем я это натворил. А потом уже не мог остановиться. Вот оно, сокровище твоего рода.

Драконочеловек подставил ладони, а Раэн поднял шкатулку и осторожно наклонил ее. Маэль перестал дышать, Блайи и Конан чуть подались вперед, Анесса зажмурилась и сжала кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

Из шкатулки выкатился округлый предмет, похожий на крупное яйцо. Он был темный, весь

покрытый какими-то шипастыми наростами и пятнами, похожими на плесень или лишайник. Менестрель удивленно склонил голову набок, Конан разочарованно хмыкнул, а Монброн неожиданно понял, что непритязательный вид «сокровища» — всего лишь оболочка, скорлупа, под которой... Под которой...

Ладони Геллира-Эвана сомкнулись, бережно приняв драгоценность. Мгновения бежали, как мелкий песок сквозь пальцы, с черным «яйцом» по-прежнему ничего не происходило.

— Я прощаю тебя,— отчетливо проговорил дракон. Вернее, это были два голоса, человеческий и драконий, слившиеся воедино.— Прощаю все. Живи. Ты свободен.

«Яйцо» вспыхнуло.

Оно загорелось сразу всеми существующими на земле красками, залив светом убогую комнатушку и заставив ослепленных людей отшатнуться назад. Чинкузда зашлась в отчаянном лае и судорожно заскреблась в запертую дверь.

Сияние полыхало не больше двух-трех ударов сердца, сменившись затем на мягкий зеленоватый свет, который дрожащим ореолом окружил «яйцо».

Маэля толкнули локтем под ребра, и кто-то прошептал:

— Посмотри. Посмотри на них.

Монброн открыл глаза, гадая, кто такие «они», и удивленно уставился на предмет, из-за которого в незапамятные времена разгорелся спор между драконом и человеком. «Яйцо» слабо свети-

лось. Оно стало прозрачным и походило теперь на драгоценнейший кубок из хрусталя. Внутри него плавало что-то крохотное.

Приглядевшись, Маэль понял, что непонятных силуэтов на самом деле два, а взглянув повнимательнее, рассмотрел, что это два маленьких, не больше обыкновенной полевой мышки, дракончика — ярко-зеленый и золотисто-коричневый. Несмотря на размеры, они до мелочей повторяли облик взрослого дракона: такие же сморщенные крылышки, еле намеченные рожки на головах, поджатые хвостики и когтистые лапки. Морщинистые веки закрывали глаза, но, вне всякого сомнения, дракончики были живыми. Вот один зевнул, приоткрыв розовую пасть, второй пошевелил во сне хвостом и слегка повернулся.

Они были такие крошечные, такие блестящие, точно изделия, вышедшие из рук лучшего ювелира. И такие красивые и хрупкие, что дух захватывало.

«Вот оно, сокровище рода драконов,— отстраненно подумал Маэль.— Конечно, зачем им драгоценности людей: золото, камни, жемчуга? Их сокровище — они сами. Вот почему Геллиру было так важно вернуть утерянное. Теперь он может умереть или исчезнуть, зная, что есть кому продолжить его род. Если разбить это яйцо, дракончики выйдут на волю и начнут жить. Они подрастут, у них появятся потомки, и так будет продолжаться до конца времен».

— Маэль, очнись.— Кто-то осторожно дотронулся до его плеча.— Все кончилось.

Зеленоватый свет пропал. Комната вновь стала прежней, и черное заплесневелое «яйцо» в руках Эвана — тоже. Ничего не изменилось. И все отныне и навсегда стало другим.

* * *

Замысел Раэна, который общими усилиями начал претворяться в жизнь, как только выяснилось, что Эвану больше не грозит смерть, казался несколько странным. Для начала Монброн-старший заявил, что ему потребуется баллиста «Вестрела». Конан немедленно возмутился, сказав, что его люди не занимались таскать огромный арбалет туда-сюда. Анесса вздохнула и спросила, не подойдет ли баллиста из гарнизона Карташены.

— Не подойдет,— уперся маг.— Из нее выстрели разок, она тут же развалится.

— Месьор капитан...— Госпожа Вальехо умоляюще взглянула на Конана.

— Ладно, берите,— сдался корсар.— Но я хочу знать зачем.

— Зачем, зачем! — раздраженно отозвался Раэн.— Дракона убивать, конечно! Так, куда бы нам ее поставить? Прямо возле причалов? Не пойдет, слишком много народу будет вокруг толкаться... Ага, придумал! В конце набережной. Даже тащить далеко не придется.— Он вскочил.— Пошли! Времени у нас — до наступления сумерек, а дел невпроворот...

К общему изумлению жителей города, месьоры королевские корсары, увлеченно обшаривав-

шие шемские корабли, вдруг бросили это доходное занятие и принялись деловито сгружать со своего корабля большой арбалет, установленный на трехногой подпорке. Командовал ими их неизвестно откуда взявшийся капитан. По поводу его возможной судьбы мнения горожан расходились: кто-то считал, что взявшие корсара в плен шемиты тут же его и вздернули, а кое-кто клялся, что своими глазами видел, как варвара убили во время боев в городе.

Так или иначе, но живой и невредимый капитан «Вестрела» всюду распоряжался, а возле него стояла госпожа Вальеде. Многие видели, как люди Фареса похитили ее, однако Анесса как ни в чем не бывало прогуливалась по причалу в обществе Блайи и рыжей собаки, наблюдая за суетой в гавани.

Третий человек, чье исчезновение наделало много шума в городе, — Эван из Балби по прозвищу Плоскомордый — так и не появился. Хотя в гавани уже гулял шепоток о том, что глава Прибрежного Союза не такой дурак, чтобы дать себя запросто повесить, и наверняка готовит своим обидчикам достойную месть.

Весть о появлении корсарского капитана и племянницы градоправителя вскоре достигла Дома На Холме. Карбальо, немедля раздумавший покидать сей мир, в сопровождении пестрого роя свиты примчался в гавань.

Беседу Конана, Анессы и ее достопочтенного дядюшки Маэль предпочел слушать издали, опасаясь снова оглохнуть и окончательно потерять

уважение к карташенской знати. Впрочем, «беседа» больше походила на ожесточенную торговлю в разгар базарного дня. Откровенно любовавшийся этим представлением Раэн заметил:

— Потомок, смотри и учись, как нужно взимать семейные долги. Милейшая госпожа Анесса не упустит ни единой мелочи...

В этот миг раздался полный скорби голос Карбальо:

— Ты не сделаешь этого!

— Сделаю, и не далее как завтра утром, — холодно ответила госпожа Вальеде. — Мало того, ты даже не сможешь мне помешать. Отныне мы равны по положению, а если ты, дядюшка, не забыл, у меня есть полное право распоряжаться своей рукой и состоянием.

— Bravo, bravo. — Раэн негромко похлопал в ладоши. — Видишь, я был прав! Прекрасная Анесса и ее друг с удовольствием воспользовались твоим подарком.

— Воспользовались, — уныло согласился Маэль.

Он подозревал, что полный искренней благодарности взгляд госпожи Вальеде будет преследовать его до конца жизни. Что ж, Анесса завтра объявит о своей помолвке с человеком, который отныне равен ей по титулу. Собственно, Маэль не жалел о сделанном. Ему просто было немного обидно, что девушка предпочла кого-то другого.

Монброн хмыкнул, проводив взглядом поникшего месьора градоправителя, и, махнув на все рукой, отправился помогать перетаскивать баллисту. Он, как и Анесса, сделал свой выбор.

Тяжелый арбалет по решению мага установили на невысоком обрыве, где каменная набережная завершалась, переходя в утоптанную прибрежную дорогу. После того как из баллисты сделали пробный выстрел, Разн отряхнул руки и отошел в сторону, предоставляя право действовать Конану и Маэлю.

К тому времени слух об охоте на жуткое чудовище прошел по всему городу, и набережная медленно, но верно заполнялась обывателями, стражей, благородными месьюрами — всеми, кто желал поглазеть на невиданное зрелище.

Ближе к вечеру над сумеречным морем появилась ярко вспыхивающая золотом и старой бронзой точка, которая начала быстро приближаться к берегу.

Точка выросла до размеров крупной птицы и продолжала увеличиваться с каждым взмахом огромных кожистых крыльев. Дракон летел медленно и величественно, словно понимая, что люди бессильны перед ним. Заходящее солнце играло бликами на мокрой чешуе, отражалось от острых пластин гребня и рогов на голове зверя.

— Само совершенство, — пробормотал кто-то рядом с Маэлем. Он обернулся и увидел своего предка, который с искренним восхищением провожал взглядом летящего ящера. — Скажи, из меня получился неплохой лекарь?

— Это ты его вы... — Монброн не договорил.

Геллир накренился влево, описывая огромную дугу, выпустил ярко полыхнувший язык огня, багровым цветком распутившийся над го-

родскими крышами. Пламя никого и ничего не задело, зато визг собравшегося на набережной народа был слышен, наверное, за две-три лиги. Затем дракон чуть изогнул крылья и заскользил вниз с невидимой воздушной горы.

Конан и Маэль переглянулись. Конечно, обо всем договорились заранее, но все-таки было немного страшно. Ящер стремительно неся к берегу. Монброн отчетливо слышал тонкий свист распарываемого воздуха и вдруг подумал: а как чувствовали себя его предки, когда на них вот так же устремлялись огромные жуткие создания и когда точно было известно, что происходящее — не игра? Сколько же людей и драконов погибло из-за давней ссоры? Сколько дано невыполненных клятв, сколько жизней потеряно... И все зря.

— Наводи, — спокойно скомандовал киммериец. Его не волновали невеселые размышления Маэля и судьба драконов. Он обещал кое-что выполнить и собирался это сделать, причем так, чтобы никто не смел его упрекнуть. Мир для него был устроен намного проще, чем для Маэля из рода Монбронов, но эта простота была лишь кажущейся. Такой же, как неказистая скорлупа на похищенном сокровище Геллира.

Маэль очнулся и с трудом повернул баллисту, ловя наконечником лежавшего в углублении болта точку чуть впереди и ниже дракона. В какой-то миг он видел в воздухе мерцающие следы еще не пройденных путей стрелы и ящера. Там, где они пересеклись, вспыхнул яркий огонек.

— Бей! — взвизгнул Мон-брон.

Спущенная тетива басисто загудела, сам арбалет подпрыгнул и едва не завалился набок. Болт сорвался с ложа, прочертил над морем крутую дугу и под крики горожан достиг цели.

Геллир выгнулся, резко мотнув головой на длинной гибкой шее, лихорадочно замолотил по воздуху крыльями и хвостом, перевернулся вниз головой и камнем ухнул вниз. Над самой водой он сумел слегка извернуться, но спустя еще мгновение с оглушительным плеском скрылся в волнах, подняв небольшую волну, докатившуюся до берега. Маэль начал считать про себя убегающие мгновения, досчитал до пяти — и на зеленоватой воде расплылось красное пятно, а в его середине всплыла, покачиваясь и блестя золотистой чешуей, огромная туша.

Набережная восторженно взвыла. Несколько лодок, стоявших возле пристаней, сорвались с мест и наперегонки устремились к поверженному дракону. Они не успели: мертвый ящер слегка содрогнулся и начал быстро погружаться. Спустя пару мгновений лишь небольшой водоворот напоминал о том, что здесь нашло свой конец последнее из почти забытых в мире людей крылатых чудовищ.

— Прямо как на самом деле, — задумчиво сказал Конан. — Я бы поверил, а ты?

— Главное, что все поверили, — ответил Мон-брон, вспомнив туманные объяснения предка, и оглянулся.

Разна не было.

Маэль точно помнил, что до последнего мига, когда над ящером сомкнулись волны Закатного океана, маг стоял неподалеку. Когда он успел уйти, оставалось загадкой. Или он не уходил, а просто исчез? И был ли он вообще?

— Смотался, — сказал киммериец. — Оно и к лучшему. Не люблю я колдунов, вечно от них одни неприятности...

— Мог бы хоть попрощаться, — недовольно буркнул Маэль. Куда это годится? Даже не счел нужным задержаться на пару лишних мгновений и поблагодарить!

На пригорок поднялись виновники большинства городских бедствий госпожа Анесса и Эван из Бальи, которому отныне и до смерти предстояло быть просто человеком.

— Вот и все, — грустно вздохнула девушка, посмотрев на спокойный вечерний океан, размеренно кативший на побережье волну за волной. На месте, где исчез Геллир, все еще кружились лодки: предприимчивым карташенцам очень хотелось достать со дна морского хотя бы одну драконью чешуйку. — Все кончено, месьоры.

* * *

Маэль, весьма обидевшийся на своего предка за столь поспешный и странный уход, все же рассчитывал увидеть его еще раз до того, как «Вестрел» покинет Карташену. Его надежды не сбылись: Разн не пришел в усадьбу градоправителя и его не было на следующий день среди толпы горожан, провожавших корабль. Оставля-

ся без хозяина Чинкуэда теперь ни на шаг не отходила от Анессы.

Кроме того, свита госпожи Вальеде пополнилась еще одним полезным человеком. Бард Тейраз Блайи решил, что Карташена вполне устраивает его, тем более что ему предложили обосноваться в Доме На Холме. Маэль, узнав об этом, ничуть не удивился и мысленно посочувствовал мужьям хорошеньких женщин.

Зато Маэль ничего не узнал о краткой встрече, которая произошла ранним утром на причале возле «Вестрела». В Карташене это было первое за минувшие три дня тихое утро. Стоявший над гаванью густой туман скрадывал очертания кораблей и заглушал все звуки, окутав залив липкой серой пеленой.

Конан понятия не имел, чего ради его в такую рань понесло наверх, на палубу. На корабле все было спокойно, команда спала, и его вроде ничто не заставляло вскакивать и шататься по влажным от капелек тумана доскам.

Потом с причала долетел свист. Перегнувшись через борт, капитан увидел сидевшего на причальной тумбе человека. Поняв, что его заметили, незнакомец прекратил свистеть, встал и призывно помахал рукой: «Иди, мол, сюда!»

Корсар взгляделся повнимательнее, ругнулся под нос и, поскольку сходни были убраны, перемахнул через борт и очутился на причале.

— Я попрощаться зашел, — как ни в чем не бывало сказал Раэн Танасульский, отбрасывая капюшон насквозь промокшего плаща. — Уезжаю.

— Тебе Маэля позвать? — раздраженно буркнул Конан.

— Нет. — Раэн помотал головой. — Пусть мой потомок и далее пребывает в приятном заблуждении, что его предок обладает скверным характером. Когда от тебя постоянно ожидают пакостей, невольно начинаешь их совершать. Нет, я не к Маэлю. Скорее, к тебе. Должен же я убедиться, что мой наследник попал в хорошие руки.

— Выкладывай, что тебе надо, и отваливай, — предложил киммериец. — А то я спать хочу. — Он широко зевнул.

— Невежливый ты человек, капитан, — задумчиво проговорил маг.

— Не тебе меня судить, — отрезал Конан.

— Вот что означает дурная слава... — Раэн и не подумал торопиться. — Вечно в каждом твоём поступке ищут подвохи и скрытый смысл. А я всего лишь собирался пожелать тебе счастливого пути... Счастливо оставаться, месьор капитан. Передавай поклон и наилучшие пожелания моему потомку, дражайшей Анессе и бывшей оболочке моего досточтимого наставника, но лучше не стоит... Пусть побыстрее забудут, что я попался им на дороге. Когда понадобится, я сам тебя найду.

— Эй! — возмутился Конан. — Что значит «когда понадобится»? Зачем мне колдун, да еще проживший на свете пять сотен лет?

— Жизнь длинна и непредсказуема, — долетел из тумана насмешливый голос. — Не загадывай наперед...

Где-то на берегу дробно простучали копыта. Корсар на всякий случай послушал еще немного, сплонул в воду и отправился досыпать.

...Маэль так никогда и не узнал об этой встрече в предрассветном тумане, а то бы его мнение о взбалмошном предке несколько изменилось в лучшую сторону. Но с того мига, как он ступил на палубу корабля, его голова и руки были постоянно заняты множеством различных дел. Вот хотя бы размотать эту треклятую упрямую веревку...

— Слева по борту!

Истошный вопль, донесшийся из «вороньего гнезда» на верхушке мачты, заставил Маэля резко вскинуться, уронить веревку и торопливо зашарить глазами по спокойной поверхности океана. «Ривенда» держалась позади, море и небо сливались по линии горизонта в единое целое...

Взмах огромного крыла заставил судно качнуться, а паруса — потерять ветер и оглушительно хлопнуть.

Незаметно подкравшийся Геллир, поднявшись повыше, описал над кораблем круг и снова нырнул вниз, явно собираясь пролететь под самым носовым украшением.

— Эй, ты! Прекрати немедленно! — Рассерженный голос принадлежал выскочившему на корму капитану. — Слышишь, ящерица?

— Я не ящерица. — Дракон легко развернулся, чиркнув концом крыла по воде, и с размаху плюхнулся в воду рядом с кораблем. «Вестрел» снова качнуло с борта на борт. — Мне пришлось в голову, что я так и не поблагодарил тебя. Но

тут обнаружилось, что тебя уже нет в городе. Кстати, ты моего подопечного не видел?

— Если ты про этого колдуна-недоучку, то нет, — уже мягче ответил Конан. — Он смылся сразу после твоей... Э-э...

— Понятно. — Геллир шумно плеснул по воде хвостом и задумался. — Раз он так решил... Что ж, доброй дороги, человек. Вряд ли нам еще доведется встретиться. Говорят, Маэль ушел с тобой?

— Я здесь.

Монброн осторожно выглянул из-за борта. Дракон смерил его долгим взглядом узких сияющих глаз, сдержанно кивнул и, выпустив из ноздрей облачко сероватого дыма, неожиданно почти без всплеска исчез под водой.

Вынырнул он шагах в ста от корабля и, с силой взмахнув крыльями, взмыл над океаном. Через мгновение он уже взлетел на высоту мачт и продолжал подниматься все выше, переливаясь всеми оттенками золота, бронзы и яшмы. Еще миг — и Маэль, как ни вглядывался, не смог различить очертаний парящего ящера.

— Оно и к лучшему, — пробормотал Конан, тоже смотревший вслед Геллиру. — Обойдемся как-нибудь без драконов. Тем более без таких... Неправильных.

СОДЕРЖАНИЕ

Олаф Локнит
СКЛЕП ХАОСА

Глава первая	7
Глава вторая	39
Глава третья	69
Глава четвертая	97
Глава пятая	133
Глава шестая	165
Глава седьмая	193
Глава восьмая	223
Глава девятая	257
Глава десятая	291
Глава одиннадцатая	327
Глава двенадцатая	359
Глава тринадцатая	393
Глава четырнадцатая	427
Глава пятнадцатая	449
Глава шестнадцатая	471
Глава семнадцатая	499

Литературно-художественное издание

КОНАН И СКЛЕП ХАОСА

Руководитель проекта Дмитрий Ивахнов
Составитель Наталья Баулина
Художник Владислав Асадуллин
Художественный редактор Игорь Богданов
Серийное оформление Дмитрий Вяземский
Верстка: Ирина Федорова
Технический редактор Валентин Успенский
Корректор Светлана Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.05.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино».
Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 27,72.
Тираж 10 000 экз. Заказ 2394.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем:
197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
"САГА О КОНАНЕ"

**КОНАН
И ЖРЕЦ
ТАРИМА**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
**"САГА О РЫЖЕЙ
СОНЕ"**

**РЫЖАЯ
СОНЯ
И
ЗОВ
АРЕНЬ**

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

«АСТ»

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САЖА О КОНАНЕ

КОНАН
И КОПЬЕ
КРОМА
29

КОНАН
И ВРАТА
ВЕЧНОСТИ
30

КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ
ЛАБИРИНТ
31

КОНАН
И РАСКОЛОТЫЙ
ИДОЛ
32

КОНАН
И ЧАША
БЕССМЕРТИЯ
33

КОНАН
И ЛЕДЯНОЙ
СТРАЖ
34

КОНАН
И ТОРГОВЦЫ
ГРЕЗАМИ
35

КОНАН
И АЛТАРЬ
ПОБЕДЫ
36

КОНАН
И БИТВА
БЕССМЕРТНЫХ
37

КОНАН
И ПОЖИРАТЕЛИ
ПЛОТИ
38

КОНАН
И БЕРЕГ
ПРОКЛЯТЫХ
39

КОНАН
И ОКОВЫ
БЕЗМОЛВИЯ
40

КОНАН
И ВЛАДЫЧИЦА
НЕБЕС
41

КОНАН
И ДРЕВО
МИРОВ
42

КОНАН
И КОЛЬЦО
ВЛАСТИ
43

КОНАН
И ЗОВ
ДРЕВНИХ
44

КОНАН
И ПРОРОК
ТЬМЫ
45

КОНАН
И ГНЕВ
СЕТА
46

КОНАН
И ХРАМ
НОЧИ
47

КОНАН
И КОРОЛЬ
ВОРОВ
48

КОНАН
И ПОДЗЕМНЫЙ
ОГОНЬ
49

КОНАН
И МЯТЕЖ
ЧЕТЫРЕХ
50

КОНАН
И КЛЕЙМО
ЗМЕЯ
51

КОНАН
И ХОЗЯИН
ОКЕАНА
52

КОНАН
И КОРОНА
МИРА
53

КОНАН
И ПОСЛАНИЕ
СВЕТА
54

КОНАН
И СТИШЕЕ
ЗЛО
55

КОНАН
И ЗВЕЗДЫ
ШАДИЗАРА
56

КОНАН
И СКЛЕП
ХАОСА
57

ISBN 5-93696-006-5

9 785936 198006 0